

"Напролом"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Напролом

«13 апреля 2002 года в Мурманске произошло убийство гражданина Турции. По данным пресслужбы городского УВД, Аязат Кюзамат возглавлял один из лесозаводов, расположенных за городом. Убийство было совершено в среду днем, когда Кюзамат шел пешком по одной из центральных улиц Мурманска. Неизвестный подошел к нему сзади, вынул из спортивной сумки пистолет и сделал в упор четыре выстрела, в том числе контрольный выстрел в голову. Затем он попытался скрыться в соседних дворах. Оказавшийся неподалеку сотрудник милиции стал преследовать преступника на машине, однако сам попал в аварию. В результате нападавшему удалось скрыться. очевидцы заметили, как от места преступления отъехал джип темного цвета. Правоохранительные органы не исключают, что в нем могли находиться сообщники убийцы. Лесозавод, которым руководил турок, входит в структуру Мурманского леспромхоза, контрольный пакет акций которого принадлежит известной шведской компании «Аурора бореа-лис». Лесозавод был построен в 2001 году, а Кюзамат тогда же был назначен его управляющим. Турок имел годовую рабочую визу и снимал квартиру в Мурманске. В числе версий следствие рассматривает и профессиональную деятельность убитого».

ИЛ «Кольские вести», 2002, 26 ноября

«В ночь на 22 мая 2002 года квартиру начальника Мурманского грузового порта Леонида Шумова неизвестные забросали бутылками с зажигательной смесью. Чиновник и его жена получили страшные ожоги; обоих немедленно эвакуировали в ожоговый центр в Осло (Норвегия). Шумова спасти не удалось. Практически сразу после трагедии сотрудники милиции задержали в Калининградской области двух подозреваемых в совершении преступления — Антона Картошкина и Александра Кузьева. Однако за полгода следствию не удалось доказать их причастность к убийству Шумова, и 21 ноября суд изменил им меру пресечения на подписку о невыезде. Третий подозреваемый — Алексей Анциферов также находится на свободе, он объявлен в розыск. По нашим сведениям, недавно следствию удалось косвенно установить его связь с «авторитетным» мурманским предпринимателем Михаилом Таганцевым по кличке Норвежец.

Кто такой Норвежец, который, возможно, стоит за убийством Шумова? Михаил Юрьевич Таганцев, 1949 года рождения, известный на Кольском полуострове предприниматель, оказывает немалое влияние на рыбную отрасль Мурманска — например, он является совладельцем одной из самых мощных в регионе плавбаз. В сферу его интересов входят также экспортные лесозаготовки. В конце 2001 года он уехал из России после конфликта с криминальной группировкой, которая подчинялась известному «вору в законе» — Роману Филатову по кличке Филат. Кровавые разборки разгорелись из-за Мурманского грузового порта. Тогда Норвежец в ходе перестрелки получил два огнестрельных ранения и уехал в Норвегию на лечение, где и остался. Однако в мае 2002 года срок его визы закончился, и Таганцев вернулся в Мурманск. С тех пор «криминальные войны» в городе вспыхнули с новой силой.

В последнее время вотчиной Норвежца стали интересоваться иногородние криминальные авторитеты. Одним из последствий этого стала скандальная история с захватом плавучего рефрижератора «Фьорд» («Мурманские известия» писали об этом 26 ноября прошлого года). Тогда от норвежских властей поступило сообщение, что принадлежащий мурманскому ООО «Баренцево море» рефрижератор захвачен вооруженными людьми. Историей заинтересовались и президент, и председатель правительства России. На перехват судна вышло несколько военных кораблей Северного флота. В конце концов «Фьорд» под конвоем

привели в Мурманск, после чего история была замята».

Газета «Мурманские известия», 2002, 5 декабря (№ 323)

ПРОЛОГ

Белая страница, широким тонким языком выползшая из черной факс-машины, мягко легла на полированную столешницу. Он взял в руки листок и прочитал:

ТЕБЯ СКОКО РАЗ ПРЕДУПРЕЖДАЛИ, ЧТОБ ТЫ НЕ ЛЕЗ В ЭТО ДЕЛО. УМНИКОМ СЕБЯ СЧИТАЕШЬ? НУТАДЫ ОЙ!

За окном смеркалось: короткий мурманский день был на исходе. Начало зимы в этом году выдалось не по сезону теплым, но солнце, как обычно, лениво пряталось в облаках и отказывалось обогревать стылую землю. Начальник Мурманского пограничного отряда генерал-майор Василий Пантелеевич Гусаров встал из-за стола и подошел к окну, за которым тянулась унылая береговая линия, сплошь застроенная складами и захламленная строительным мусором.

Штаб погранотряда располагался на территории грузового порта, в бывшем здании таможенного управления. Василий Пантелеевич сумрачно оглядел темнеющий горизонт, остановил взгляд на юрком автопогрузчике, что уже битых два часа сновал между складами и стоящим на якоре у восемнадцатого пирса баркасом, и вернулся к столу.

Это уже пятое за последний месяц предупреждение. Предыдущие четыре тоже были предельно краткими и анонимными. Старый пограничник понимал, с какой целью их составляют именно так, а не иначе. Если отправителя вычислят и поймают, он открестится, заявив, что все это — лишь невинная шутка, хулиганский поступок, и не более того. А там поди докажи...

Василий Пантелеевич твердо знал две вещи. Что отправителя никто никогда не поймают. И что это не просто хулиганство. Речь шла об ООО «Баренцево море» — флотилии рыболовецких траулеров, которая много лет пела промысел семги у берегов Норвегии и сдавала весь улов норвежцам, минуя плавбазы Мурманска — порта своей приписки.

Схему возвращения флотилии домой с пустыми сетями придумал начальник порта Леонид Иванович Шумов, па пару с которым Василий Пантелеевич, тогда еще полковник, командир одной из погранзастав Мурманской области, и создал в 1997 году это самое «Баренцево море», оформив его на подставных лиц, по двум аннулированным паспортам граждан России.

Почти сразу после этого на Шумова стали наезжать разные серьезные люди — сначала предлагали встать под «крышу», потом «поделиться», но строптивый Шумов посылал их подальше, уверенный в том, что его связи на самом верху делают его неуязвимым перед мурманскими отморожками. Но по-настоящему нештучные проблемы у двух высокопоставленных партнеров начались полтора года назад, вскоре после того, как мурманские «рыбаки» из команды Михаила Таганцева прознали про их переговоры с норвежскими властями

о

разведении камчатских крабов вдоль северного побережья Норвегии.

Проект добычи дальневосточных крабов в непосредственной близости от европейских потребителей сулил колоссальные доходы. Но у этого бизнес-проекта был существенный изъян: крабовые «пастбища» планировалось разместить в нейтральных водах, так что для их охраны от непрошенных гостей из той же Норвегии или из какого-нибудь Архангельска требовалось привлечение серьезного силового прикрытия. Обеспечить охрану акватории от пиратов взялся Василий Пантелеевич. Он даже успел создать две летучие команды на пограничных катерах, когда его партнера убили. Страшно убили, зверски... Рано утром, еще затемно, закидали спальню бутылками с бензином. Лиза, жена Шумова, тогда чудом выжила, хотя и лишилась левого глаза, а вот Леня, пролежав в коме двое суток, умер... Случилось это прошлой весной.

А теперь вот взялись и за него. Дважды с ним встречался сам Михаил Таганцев. Первый раз он подошел в городском дворце культуры на торжественном вечере по случаю Дня Независимости России. Держался дружелюбно, о Шумове даже не заикнулся, интересовался рыбными делами и прозрачно намекал на свой интерес. Вторая встреча — уже не такая корректная — состоялась в сентябре. Таганцев как бы случайно столкнулся с генералом в порту около таможенного поста. Тогда разговор оказался коротким и предметным: Таганцев прямо заявил, что хочет купить «Баренцево море», и пообещал в случае отказа взять флотилию силой, а самому генералу устроить крупные неприятности юридического характера...

Василий Пантелеевич повертел в руках листок и положил его в ящик стола. Там уже лежали четыре таких же грозных факса. Интересно, Лёне тоже сначала подбрасывали записки с угрозами? Шумов был мужиком скрытным, никогда языком не молол, многое скрывал даже от своего партнера по доходному рыбному бизнесу... Так что про подметные письма он ни разу в беседах с Василием Пантелеевичем не обмолвился, хотя не исключено, что и получал их по факсу...

Генерал выудил из пачки «Мальборо» сигарету, сжал фильтр зубами и поднес зажигалку. Потом опять подошел к окну и стал смотреть на восемнадцатый пирс. Баркас теперь развернулся носом в сторону моря. На корме стоял парень в расстегнутом бушлате и вроде

как

готовился принять кормовой. Вот только от кого? На бетонной полосе не было ни одной живой души. И тут взгляд генерала привлек автопогрузчик, который медленно ехал к пирсу. На стальных лапах стоял небольшой сбитый из досок контейнер.

«Что это они там собираются грузить? Уж не стырили

ли

какое оборудование со склада?» Генерал распахнул

ств

орку окна и прищурился. В этот момент автопогруз

чик

остановился, и водитель, дернув за рычаг, стал поднимать контейнер. Прошло еще секунды две, и вдруг из стенки контейнера, обращенной к открытому окну кабинета Гусарова, полыхнул крохотный язычок пламени, за ним еще один.

Василий Пантелеевич дернулся от сильного удара в лоб. Его вмиг ослепила яркая вспышка, потом на ли

цо

хлынула теплая липкая жидкость, и он рухнул в изминающийся спиралью черный колодец...

Внутри деревянного короба было темно и душно. Груздь сидел на заднице, скрючившись, чуть выставив пистолетный ствол из проверченной загодя дыры в стенке Парфеныч, выславший его на это задание, объяснил,

что ему

придется париться в деревянной душегубке часа гри, чтобы поймать клиента в оптический прицел наверняка. До него в этой хреновине всю прошлую неделю ка

тился

наводчик — Серега Жгут, который выслеживал генерала и составил график его работы в кабинете. Сегодня, в четверг, генерал как раз сидел тут допоздна. У генерала была привычка подходить к окну и смотреть на порт. Чего он там высматривал, старый пень, одному богу ведомо, но эта привычка и сыграет с ним злую шутку.

Навинченный на ствол оптический прицел был мощным: наведя ствол на окно генеральского кабинета, Груздь мог разглядеть в окуляр щетину под носом будущей жертвы. Он не волновался. За последние пять лет, что он служил в бригаде Норвежца, ему не раз и не два приходилось выполнять спецзадания самого хозяина, даром что он почти три года в Чечне оттрубил и отточил снайперский глаз до мастерства классного бильярдиста, как хвалил его ротный. Витальке Груздеву хреново было только после того, как он своего первого чечена положил точным выстрелом в лоб, а потом пошло как по маслу — и всегда только в лоб, чтоб наверняка...

Стало смеркаться, и Груздь замандражировал: если пропустить момент, совсем стемнеет, а генерал, судя по наблюдениям Жгута, не любил свет зажигать, а в темноте его хрен достанешь — Парфеныч запретил пользоваться лазерным прицелом. Водила автопогрузчика — Груздь даже имени его не знал — снова попер от складов к баркасу. На этом баркасе Груздю после предстояло смываться с места. И вдруг он заметил, что генерал открыл окно и высунулся, уставившись прямо на деревянный короб. Но явно не видел, что в коробе сидит человек.

Груздь навел крестик оптического прицела на генеральский лоб и, по привычке прошептав «с Богом!», плавно нажал на спусковой крючок, отпустил и снова нажал. Он заранее заткнул уши ватными тампонами, а на башку натянул шерстяную лыжную шапочку, так что оба гулких выстрела, сотрясших его деревянное убежище, не оглушили его. Стреляя, он не отрывал правого глаза от окуляра и видел, как на лбу у генерала взорвались два красных фонтанчика. Не мешкая ни секунды, Груздь ткнул плечом заднюю стенку короба, которая распахнулась точно дверь, выскочил наружу, жадно втянул прохладный влажный воздух и рванул к баркасу, где у штурвала маячил рулевой в расстегнутом бушлате. Водила автопогрузчика тут же устремился за ним. Груздь заскочил на корму, удостоверился, что водила, забросив швартов на борт, запрыгнул следом, и прошипел рулевому: «Самый полный!»

Часть I Глава 1

Варяг выудил из внутреннего кармана пиджака серебристую коробочку мобильного телефона,

открыл крышку и вставил сим-карту. Этот телефон он с самой Москвы держал отключенным на тот случай, чтобы ушастые менты по радиосигналу не вычислили его на маршруте между двумя столицами. Не успела чуткая антенна настроиться на доступную петербургскую сеть, как телефон издал мелодичную трель. Он взглянул на дисплей и нажал кнопку приема вызова:

— Алло! Я, Александр Иванович! Здравствуйте. Да, мы на месте! В Петербурге. Прорвались... — Варяг выразительно поглядел на сидящего напротив Сержанта. Тот неторопливо жевал бутерброд с ломтиком лосося, покрытой тонкой жировой пленочкой. — Да, слушаю внимательно. Не надо, я так запомню... Где? В Мурманске? — Лицо Варяга напряглось, брови сошлись к переносице. — Понятно. Михаил Таганцев? Нет, не слышал о таком. Да, у меня есть каналы воздействия. Хорошо... Я завтра буду в Москве, давайте встретимся и поподробнее все обговорим!

Варяг отключился и коротко пояснил Сержанту:

— Это Виноградов. У кремлевских ко мне дело возникло в связи с обострением обстановки в Мурманске. Что-то там стряслось. Кстати, Филат наверняка в курсе тамошних событий. Когда он придет, у него уточню

Не успел Владислав договорить, как белая, с золочеными узорчатыми инкрустациями дверь распахнулась и в большой светлый кабинет на одиннадцатом этаже гостиницы «Прибалтийская» стремительно вошел высокий ладно скроенный мужчина лет сорока с небольшим. Варяг встал из-за стола и с улыбкой шагнул навстречу старому другу. Роман Филатов, больше известный в Петербурге и области под кличкой Филат, был поставлен в Северную столицу смотрящим семь лет назад, по рекомендации старого московского вора Михалыча. Варяг лично следил за действиями нового смотрящего, которому вменили задачу навести в городе порядок, покончить со смутой в воровских кругах и охолодить беспределычников, снюхавшихся с городскими и областными чиновниками. Филат взял ситуацию в «колыбели революции» под свой контроль довольно быстро, орудуя силовыми и дипломатическими методами, причем в последних он преуспел даже больше, умудрившись навести незримые мосты со всеми заинтересованными сторонами и уговорив лидеров противостоящих группировок решать свои споры в ходе мирных переговоров,

а

не кровопролитных перестрелок. По мере укрепления авторитета смотрящего по Петербургу усиливалась и его роль примирителя конфликтов, то и дело возникавших

и

разных уголках российского Северо-Запада между местными воровскими кланами, красными директорами

и

новыми назначенцами на высокие административные должности. Филат хоть и считался молодым вором —

ему

в ту пору было только тридцать пять, — но ум, честь

и

совесть он имел недюжинные, чем и заслужил расположение и симпатию Варяга. Поэтому, когда пришла пора подыскать нового кандидата на место смотрящего по России, Игнатов решил сделать ставку на Романа Филатова и именно его предложить большому сходу в качестве своего преемника.

Но еще предстояло убедить в этом самого Филата.

— Привет, Рома! Давно не виделись! — Владислав крепко пожал протянутую пятерню и обернулся к Сержанту, который тоже встал и подошел поближе. — Со Степаном Юрьичем ты знаком, я полагаю...

— А то! — усмехнулся Филат, и они со Степаном обнялись по-братски. — Сколько лет, сколько зим, Степа! — И, повернувшись к Варягу, озабоченно спросил: — Ну, так с чем пожаловал, Владислав? И почему такая конспирация?

Варяг жестом предложил Филату подсесть к столу.

— Рома, — серьезным тоном продолжал он, — у меня к тебе дело на миллион долларов... А может, и на миллиард. По телефону я не мог тебе ничего толком разъяснить, сам понимаешь, вот и пришлось такой долгий путь проделать.

— Добрались нормально?

— Ну, если это назвать нормально, тогда побег сотни эков из Бутырки — не более чем мелкая неприятность, — покачал головой Варяг. — Но главное, мы здесь. Целые и невредимые.

— Так с чем пожаловал? — озабоченно спросил питерский смотрящий.

Варяг сразу взял быка за рога:

— Ты слыхал последние новости?

— Смотря какие, — качнул головой Филат. — У меня, скажем, главная новость та, что из Мурманска вчера под вечер пришла.

— Из Мурманска? — эхом отозвался Варяг. — Любопытно: и меня Мурманск интересует. Я слышал, там мутилово серьезное идет.

— Да, в городе у меня уже давно серьезные проблемы с беспредельщиками из старых и из молодых да ранних, — стукнув кулаком по столу, процедил Филат. — Таганцев там раздухарился не на шутку...

— Таганцев? — переспросил Варяг, вспомнив разговор с кремлевским чиновником. — Это не тот ли, который Михаил?

— Он самый, Владислав, он самый...

— Давай-ка подробно... Из-за чего в Мурманске мутилово?

Филат закурил и мрачно продолжал:

Все началось десять лет назад, когда Михаил Таганцев, бывший мент, купил одно из мурманских рыбхозяйств. И наладил добычу семги в Северном море. А это миллионное дело.

При нем сразу же в отрасли начались кровавые разборки. Он стал создавать компании, флотилии, подставные фирмочки, начал вытеснять старых рыбаков, которые с местными таможенниками да ментами были связаны... На этой почве и пошла смута. Я тогда Кулака поставил в город, чтобы он утихомирил братву и ментуру... Но Норвежец... это кликан Таганцева... пошел на обострение. Словом, долгая история... А коротко говоря, в последние полгода он устроил в городе кровавую баню. Просто отстреливает всех, кто у него поперек пути встает, идет, сука, по трупам. Такого давно уже не было...

Варяг понимающе кивнул:

— Ты знаешь, Рома, и в Москве на самом верху кое у кого от Мурманска оскомины. Мне вот только что, перед тем как ты вошел, звонил один человек, просил вмешаться и разобраться. То есть, как я понимаю, их интересы там тоже задеты. Меня просят разрулить ситуацию через свои каналы. А мой канал — это ты!

Филат ухмыльнулся невесело:

— За последние полгода в городе произошло шесть громких убийств. Причем отстрел велся целенаправленно, по верхам. Вчера вечером застрелили генерала пограничных войск. Прямо в рабочем кабинете. Хотя на Таганцева прямых указаний нет, но без него не могло обойтись. В Мурманске смотрящим сидит Плешивый... Может, помнишь его? От него я и получаю всю информацию. Мурманск сейчас, считай, стал российским Клондайком. А все благодаря моему старому корешу директору грузового порта Шумову... Его Норвежец, падла, год назад замочил... Так вот, Шумов вместе с генерал-майором погранвойск Гусаровым, которого вчера грохнули в рабочем кабинете, заключил с норвежцами договор на разведение дальневосточных крабов. До этого они получили эксклюзивную квоту на вылов семги из Северного моря... А это, брат, миллионы баксов... Владивосток с Магаданом отдыхают. Вот из-за этих рыбных и крабовых дел вся каша и заварилась. Особенно после того, как мои люди Таганцеву слегка жопу подпалили, и он в Норвегию сбежал... В общем, тугой там узелок завязался. И в этом году Норвежец попер напролом. Решил все назад себе отыграть. Рыбхоз вернуть под свой контроль, экспорт леса подмять под себя, семужные квоты забрать и крабов заодно. Ну и вообще весь город оприходовать...

Варяг задумчиво взъерошил волосы.

— Теперь понятно, отчего кремлевские ребята засуетились... Крабы... Семга... Лес... Что там еще?

— Ходят слухи, что нефть и алмазы в области нашли, — заметил Филат. — Но только пока об этом помалкивают. Нефтеразведку там уже несколько лет ведут, и об этом все знают. И явно Норвежец на мурманскую нефть уже пасть разинул. А ежели там еще и алмазы обнаружатся, то... Сам понимаешь, что начнется! Алмазную разведку последний год курировал Видяев. Тоже наш человек. Полгода назад он погиб в автомобильной катастрофе. «КамАЗ» на шоссе въехал в его «БМВ» на скорости сто двадцать километров. Похоже, Норвежец расчищает для себя площадку...

— Теперь понятно, зачем они хотят меня кинуть на Мурманск... — кивнул Варяг. — Выходит, я к тебе, Рома, приехал по одному делу, а теперь придется еще и этой хреновиной заниматься. Но об этом мы после потолкаем... У меня к тебе есть разговор поважнее.

— О чем? — усмехнулся Филат.

— Да о тебе, — серьезно ответил Варяг. — О тебе и обо мне. — И заметив, как напрягся Рома,

поспешил его успокоить. — Да нет, ты не подумай чего. Это связано с моим новым статусом...

— С каким таким статусом? — не понял Филат.

— Ты за новостями следишь? — улыбнулся Владислав.

— Телевизор каждый вечер смотрю. И газеты читаю, — невозмутимо ответил питерский смотрящий.

— Про новый Совет по инвестиционным проектам слышал? Пару недель назад создан по распоряжению кабинета министров... — Варяг полез в карман и достал красное удостоверение с тисненым золотом орлом, которое за истекшие сутки уже не раз появлялось на свет Божий в критических обстоятельствах.

Филат, внимательно изучив ксиву, вернул ее владельцу.

— Про это я слышал, брат. Только не знаю, поздравлять тебя или нет.

— Скорее, надо поздравить, — без тени улыбки заметил Варяг.

— И что из этого вытекает? Как же ты теперь на сход

няки

будешь подваливать? В членовозе с кремлевскими номерами?

— Из этого вытекает, Рома, что мне теперь как большому государственному человеку на воровские сходняки путь заказан. И вообще мне придется отойти от воровских дел...

Филат задумчиво хмыкнул и откинулся на спинку стула.

— Вижу, ты по стопам Медведя решил пойти? Старик к свое время инсценировал собственную смерть и заперся в московском особняке, а сам после того десять лет вершил судьбы воров по всей стране. Теперь и ты, значит, намерен уйти в тень... И кто же тебя заменит?

Варяг коротко улыбнулся краешками губ.

— Так вот в том-то и закавыка. По этому вопросу я к тебе и прибыл. Ты прав: ситуация складывается примерно как в девяносто третьем году, когда Медведь собрал тайный сход для выборов нового смотрящего по России. С той лишь разницей, что я не при смерти, как старик. Но я хочу найти себе замену адекватную. Человека, кому я смогу безгранично доверять, как самому себе. — Он сделал паузу и выжидательно посмотрел на Филата. — О тебе я толкую, брат.

Роман ничего не сказал, только пожал плечами.

— Не знаю, Владислав, готов ли я. Неожиданно это как-то. Да и что братва скажет...

— Ничего, Рома. Когда Медведь предложил мне стать смотрящим, я ведь тоже не готовился к такому повороту. Он мне большое доверие оказал. И я постарался его оправдать. А братва... Не бери в голову. Свыкнутся. Главное, надо показать им свой норов. Дуракам хвосты прищепи. А умным уважение выкажи — вот и тебя уважать будут.

— Но ведь... — Филат помялся. Он встал и прошелся вокруг стола: видно, слова Варяга его не

на шутку взволновали. — Не знаю, Владислав... Это тут, в своей вотчине, я крутой, а по России... Если большой сход собирать, то съедутся уважаемые люди со всех концов страны... С югов, из Сибири... Там своих кандидатов найдется немало.

— Я тебе серьезную поддержку обеспечу, Рома, — успокоил его Варяг. — Гладко выборы нового смотрящего, конечно, не пройдут, такие дела с кондачка не делаются. Выборы готовить надо загодя, исподволь. Ты вспомни: прежде чем Михаила Сергеевича генсеком выбрали, какая драчка в Кремле шла... И не один месяц. Я ведь тоже не сразу получил добро от сходняка. Медведь там постарался. И я с кем надо поговорю — тебе поддержка будет обеспечена. Собственно, для этого я и приехал.

Я тебе предлагаю стать вместо меня смотрящим по России. — Владислав помолчал. — Я тебя прошу... Сейчас завернутся дела серьезные, мне предложено кое-кого за границей найти. Большая разборка намечается. Игра пойдет крупная... Не исключено, что я уеду из страны надолго, на несколько месяцев. Тут мне нужно оставить надежного человека. Такого, как ты.

Филат надолго задумался. Было видно, что слова Варяга глубоко задели его.

— Почему я, Владислав? Других, что ли, нет?

— Кто?

— Да хоть Закир Большой...

— Дагестанец... — покачал головой Варяг. — Его сход не примет. На Максима Кайзера еще могли согласиться, но на Закира... вряд ли. А тебя поддержат. Я же сказал: обеспечу тебе поддержку.

Филат стукнул кулаком по столу.

— Мне сейчас бы, дай бог, развязать этот мурманский узел... Туго затянулся узелок...

— Развяжешь, Рома. Я тебе помогу. Ты с Норвежцем не пробовал в переговоры вступить? У тебя же это всегда хорошо получалось.

— Пытался. Сразу после того, как он вернулся в город в начале зимы. Норвежца чуть не грохнули, он за бугром лечился.

— А кто грохнуть хотел? Твои? — коротко спросил Варяг.

— Нет. Менты мурманские, которым он дорожку перебежал. Мои оставались в стороне от тех разборок. Потому-то и на переговоры он с ними поначалу согласился.

— Ну так, может, договориться с ним по-хорошему?

— Не уверен, что это получится. Норвежец чересчур жилен. От больших бабок у него совсем крышу снесло. Тим же, и в море, и на суше, бабки крутятся охренительные. Причем не только мимо госбюджета, но и мимо обшака. У меня с ним с самого начала, как я стал смотрящим региона, не заладились дела. Его голыми руками не взять. И он, и его ребята больно гоношистые. А теперь, после убийства Гусарова, совсем оборзели... Таганцеву было известно, что и генерал Гусаров, и Шумов — мои люди... Но он не остановился. Выходит, что таганцевские мне войну объявили. Поперли напролом... Нет, Варяг, теперь с Норвежцем мира

уже не будет. Я сам не захочу.

— Напролом, говоришь? — жестко переспросил Варяг. — Ну не знаю, как это у них получится... — Он нагнул голову и искоса взглянул на молчаливо сидящего Сержанта. Решение пришло неожиданно. — А что, если направить в Мурманск Степана, так сказать, с визитом вежливости? Для налаживания культурных связей?

Сержант со скрипом отъехал на стуле назад.

— С какой целью? — на всякий случай спросил он, уже догадываясь, в чем будет заключаться его миссия.

— Если, как говорит Филат, с Норвежцем договориться не удастся, остается еще один весомый аргумент. Последний аргумент.

— Гоношистые ребята, говоришь? — осклабился Сержант, просяив. — С такими одно удовольствие культурные связи налаживать.

Филат с сомнением хмыкнул:

— Норвежец мужик крутой. К нему не подберешься ни со спины, ни сбоку.

— А я к нему с фасада подойду, он даже и не заметит, — возразил Степан. — В Мурманске меня никто не знает, ни таганцевские, ни ментовские, я же там был только один раз лет десять назад. Приеду, покручусь, осмотрюсь, дело сделаю и сметаюсь. Так что заказывай мне, Филат, билет в один конец. Хочу, понимаешь, на Баренцево море прокатиться. Я мурманскую семужку страсть как люблю! Да под шведское пиво!

Глава

2

Сайд Джафаров отрезал кончик кубинской сигары и, щелкнув зажигалкой, стал неторопливо раскуривать колбаску из плотно скрученных табачных листьев. Когда, наконец, едкий дым обжег ему горло, он удовлетворенно откинулся на спинку плетеного кресла. Сайд был стар, ему давно уже перевалило за семьдесят. Всю свою жизнь он безвылазно прожил в горном таджикском кишлаке Саид-ауле и занимался одним делом: и при Хрущеве, и при Брежневе, и при Андропове, и при Горбаче — не, и при Ельцине, и в последние годы он торговал наркотиками, нажив на этом высокодоходном бизнесе громадное состояние. Вот уже около сорока лет Сайд Джафаров жил вне закона — и при этом у всех на виду.

Он относился к своему уделу спокойно, можно сказать философски. Жизнь есть жизнь, каждый как может прирабатывает себе на хлеб. Его трехэтажный дом походил на маленький дворец: Он ни в чем не знал отказа,

Но

за долгие годы рискованного и нервного существования Сайд привык к постоянному чувству опасности.

Сейчас он сидел на террасе своего громадного белого особняка на окраине кишлака, затерянного в Горном Балахшане, в трехстах километрах от Хорога. Несмотря

на

то что Сайд уже лет пятнадцать жил тут открыто,

ни

от кого не таясь, служба безопасности Таджикистана нее никак не могла обнаружить логово известного на всю Центральную Азию наркобарона. Не только раскидистые Кроны чинар и олив, но и шуршащая зелень нераститель

ною

происхождения надежно укрывала пристанище старого торговца опиумом-сырцом от глаз блюстителей закона. Охранников у Джафарова было достаточно, что

бы

вести с властями затяжную войну, и на труднопроходимых горных тропах время от времени происходили Кровопролитные стычки между отрядами военных, посланных уничтожить плантации опиумного мака, и боевиками Сайда, надежно их охранявшими.

Местные крестьяне всегда были на стороне Джафарова. Производство опиума являлось единственным источником их скромных доходов и позволяло содержать большие семьи. Правда, особое беспокойство бизнесу Джафарова в последние годы доставляла деятельность пронырливого, вездесущего ЦРУ. Это американское ведомство имело неограниченные финансовые ресурсы и разветвленную сеть информаторов в Таджикистане и в соседних республиках.

Хотя если бы умники из ЦРУ всерьез занялись борьбой с наркотрафиком, то им наверняка бы удалось серьезно пошатнуть позиции таких воротил, как Сайд, и поставить заслон опиумному потоку из Таджикистана и соседнего с ним Афганистана. Но цэрэушники сами неплохо кормились на этом грязном бизнесе и многие из них умудрялись к выходу на заслуженную пенсию сколачивать миллионные состояния.

Но все же эти ребята особо не зарывались, дело свое делали громко, но не чересчур рьяно, чтобы иметь повод доложить по инстанциям о проведенных операциях по пресечению наркоторговли, но в то же время чтобы ни в коем случае не порвать опиумную паутину. В общем, спецслужбы Таджикистана и большого американского брата стремились лишь контролировать таджикскую наркоторговлю и стричь с нее купоны, но уж никак не уничтожать ее полностью. Всех устраивало существующее положение вещей.

Сайд Джафаров напрямую поддерживал связь с сотрудником американского торгпредства в Душанбе Рохелио Рамиресом, который по совместительству был тайным агентом управления по борьбе с наркотиками. Они знали друг друга уже лет десять, и взаимное сотрудничество все эти годы удовлетворяло обоих. Рамирес был из флоридских кубинцев, поддерживал контакты с кубинской мафией, через своих соплеменников в свое время вышел на колумбийцев и, пользуясь служебным положением, прикрывал тайные операции по переброске наркотиков из джунглей Колумбии в Штаты. Он-то и приучил старого таджика к кубинским сигарам, как-то после первой удачной их сделки преподнес Сайдку коробку «Ромео и Джульетта».

Вот этого самого Рохелио Рамиреса и ждал сейчас, затягиваясь сигарой, Сайд Джафаров. Тот должен был подъехать с минуты на минуту: американца должны были привезти сюда на мощном «хаммере», который без гряда преодолевал каменистые кручи.

Рохелио сам изъявил желание встретиться с Джафаровым. Дело, которое он собирался обсудить, было, по его словам, чрезвычайной важности и требовало незамедлительного решения. Впрочем, Сайд уже знал, о чем пойдет речь. Об «арбузе» — опиумном наркотике нового поколения, который менее полугода назад произвели в его горной лаборатории. Первые партии «арбуза» уже начали поступать в Лос-Анджелес кружными путями через Узбекистан, где стояла эскадрилья истребителей США.

На веранду, неслышно ступая босыми ногами, вошел слуга в полосатом халате и доложил, что гость уже прибыл и ожидает приглашения. Сайд кивнул, а сам сокрушенно отметил, что слух у него совсем ослаб. Раньше он бы за километр услышал приближающегося к нему человека.

Теперь же он состарился, здорово растолстел и, чтобы просто встать с кресла, ему требуется сделать над собой усилие. Но деловая хватка, хитроумие и коварство

С годами не растерялись, и в его старческом обрюзгшем теле все еще обитал расчетливый, беспощадный дух мате

рого

хищника.

В сопровождении двух одетых в камуфляжную форму Автоматчиков по широкой белой лестнице поднялся Рохелио Рамирес. По всему было видно, что долгий и утомительный путь через труднопроходимые горные перевалы дался ему нелегко. Обычно бледное лицо посерело от усталости. Рохелио было около шестидесяти, но выглядел он гораздо старше: видно, сказывалась беспокойная нервная работа. Поредевшие абсолютно седые волосы были зачесаны назад. В руках он держал широкополую панаму защитного цвета. Здороваясь с Саидом за руку, гость не смог сдержать облегченного восклицания:

— Ну, наконец-то! А я уж думал, что эти проклятые горы никогда не кончатся! Однако ты, Сайд, высоко забрался! Как ты можешь жить в такой глуши?

Понимая, что последний вопрос чисто риторический, таджик не стал отвечать на него, а лишь с добродушной улыбкой развел полными руками.

— Пить! — выдохнул Рамирес, — ради бога, найдется у тебя что-нибудь попить?

Понимая, что кубинцу требуется отнюдь не вода для утоления жажды, а кое-что более освежающее, Сайд отослал вооруженных людей и поманил безмолвного слугу.

— Только, ради бога, не зеленый чай! — замахал руками Рохелио, — за все годы, проведенные в Средней Азии, я так и не привык пить это пойло. Прикажи принести пива! И лучше не турецкого...

Вскоре слуга принес на огромном подносе бутылку «Варштайнера» и высокий бокал с гербом на боку. Джафаров, играющий роль радушного хозяина, по-доброму улыбался в усы, но его черные глаза смотрели на сидящего перед ним человека пытливо и настороженно. Он подумывал, не придется ли в конце беседы отдать приказ пристрелить американца и бросить

его тело на съедение сторожевым псам, которых Джафаров держал в вольере впроголодь. Он уже давно не стеснялся в выборе средств. Если этот цэрэушник попытается загнать его в западню или надуть, то он вряд ли вернется назад в Душанбе.

В крайнем случае его смерть можно будет свалить на мятежников-исламистов, чьи вооруженные до зубов партизанские отряды контролировали плантации мака и имели дурную привычку стрелять на поражение во всякого, кто по глупости или намеренно приближался к их полям.

Но Рохелио Рамирес не был новичком в этих делах, поэтому сразу дал понять старику Сайду, чтобы тот и думать забыл о своих гангстерских повадках. Залпом осушив бокал, он поспешил сказать:

— Ты знаешь, сеньор Сайд, Макдауэлл отговаривал меня от этой встречи с тобой. Потому как разговор предстоит непростой. Скорее всего, ты останешься им недоволен, но я постараюсь тебя убедить...

Джафаров кисло улыбнулся. Значит, начальник этой

Американской

лисы в

курсе,

что он отправился именно сюда

и

что могут возникнуть осложнения. Выходит, убирать кубинца нельзя ни при каких обстоятельствах: американские хозяева этого трусливого шакала приложат

нее

усилия, чтобы найти и покарать убийцу их агента.

Основательно приложившись к холодному пиву, Рамирес продолжал:

— У меня для тебя, сеньор Сайд, две новости. Хорошая и плохая. Хорошая состоит в том, что ваши «арбу

зы»

пошли нарасхват. Поставщики выбрали один район в Лос-Анджелесе для раскрутки товара. Так тамошние барыги просто взвыли от отчаяния. На улице перестали Покупать афганский героин. Всем подавай дешевые таджикские «арбузы». Так что твоих химиков можно поздравить с победой.

Рохелио налил себе еще пива и стал неторопливо пит

ь.

Он специально выдерживал затяжную паузу. Хотел, чтобы Сайд первым задал самый щекотливый вопрос. Это был своеобразный психологический трюк, заключающийся в том,

чтобы собеседник от нетерпения

заерзал в кресле и потерял невозмутимость, а значит, и уверенность в себе.

Но старый таджик не поддался давлению. Он спокойно ждал продолжения. Наконец Рамирес с ноткой недовольства в голосе продолжил без наводящих вопросов:

— Это хорошая для тебя новость. А вот плохая. Мне приказано передать, что ты должен немедленно прекратить экспорт «арбузов» в Соединенные Штаты. Там оказались затронуты интересы слишком многих людей. Слишком высоко сидящих людей. Они не хотят конкуренции. Да и колумбийцы обещают начать войну. Словом, все как-то успокоилось в последние годы, а ваши поставки нарушили баланс. В общем, мы вынуждены отказаться от «арбузов».

В ожидании реакции старика Рамирес снова замолчал. Сайд насупился и покашлял. Да, произошло именно то, чего он так опасался. Но сворачивание производства нового наркотика обернется для его бизнеса полной катастрофой. На разработку нового наркотика пошли огромные средства, на тщательно законспирированных складах скопились уже тонны зеленого порошка. И ладно бы товар оказался не по вкусу, или не по карману потребителям. Клиент, как говорится, всегда прав. Так нет же! Кайф от «арбуза» был получше, чем от прочих опиатов, а цена была настолько смешной, что «торчать» могли бы даже школьники, сэкономив мелочь на завтраках. Он был взбешен. Тем не менее на его лице не дрогнул ни один мускул. Сайд спокойно проговорил:

— Знаешь, Рохелио, сколько денег я вложил... уже вложил... в это дело? И разве мой товар плох?

Рамирес открыл было рот, намереваясь что-то возразить, но Сайд поднял руку, давая понять, что он еще не все сказал.

— Если американцы хотят дать задний ход, это их право. Я буду работать с другими людьми... Но ты, Рохелио, на этом потеряешь очень много...

— Нет, ты не понимаешь, — перебил его Рамирес. — О поставках «арбузов» в Штаты не может быть и речи. А если ты попытаешься найти каналы доставки обходными путями, то тебя ждут крупные неприятности. Ты потеряешь больше, чем можешь потерять сейчас...

Сайд приподнял кустистые брови и обнажил в недоброй ухмылке желтые зубы.

— Ты что же это, Рохелио, угрожаешь мне?

— Воспринимай как угодно. Если тебе хочется считать мои слова угрозой, — американец пожал плечами, — пусть будет так. Но это не угроза, а дружеское предупреждение. Или, если угодно, совет.

Все так же ухмыляясь, старик повернулся вполборота и махнул рукой. Тут же из высоких кустов мгновенно возникли человеческие фигуры. Несколько крепких парней в камуфляжной форме, в несколько секунд преодолев расстояние от кустов до дома, почти беззвучно Один за другим перемахнули через перила и оказались на веранде.

Рохелио опасливо покосился на них. Это были личные телохранители Сайда. Семеро бывших русских спецназовцев, ловкие, сильные, преданные своему щедрому хозяину. За поясом у каждого торчал длинный нож, а в руках они сжимали легкие скорострельные пистолеты-

пулеметы «Агран-2000».

Боевики застыли в ожидании. Они были готовы, ни секунды не рассуждая, выполнить любой приказ хозяина. Налить иностранному гостю очередную порцию пива в бокал или же отточенным тесаком напрочь снес

ти

ему голову. Рамирес понял, что жизнь его висит сейчас на волоске. Сайд был до мозга костей деловым человеком, абсолютно лишенным фантазии, и дешевые Понты никогда не являлись его слабостью. Если он кликнул своих бесстрастных головорезов, то, значит, ему понадобятся их услуги.

Рамирес хлопнул в ладоши и через силу натянуто рассмеялся:

— Ну, старик, ты, видно, спятил! Ты что же, решил убить меня? Думаешь, устранение агента ЦРУ сойдет тебе с рук так же легко, как если бы ты прихлопнул местного прокурора? Я в начале нашего разговора дал тебе понять, что мое начальство в курсе, с какой именно целью я отправился к тебе. Ты же не хочешь, чтобы в твой горный замок наведалься вертолет «апач» с дюжиной командос и мистером Гарри Макдауэллом на борту?

Конечно же, Сайд Джафаров прекрасно знал, о ком идет речь: полковник Гарри Макдауэлл возглавлял особый отдел торгпредства США в Таджикистане, а вернее сказать — глубоко законспирированную службу разведки, которая вела наблюдение за производством и оборотом наркотиков во всей Центральной Азии.

Рука старика упала ему на колено. Сайд судорожно размышлял. Убить этого самоуверенного кубинца несложно. Стоит ему лишь щелкнуть пальцами — и Рамирес через секунду будет валяться с перерезанным горлом. Но что будет потом? Удастся ли ему потом отвертеться от мистера Макдауэлла? Вряд ли.

— Ты все неправильно понял, — попытался разрядить напряжение Сайд, — ничего подобного у меня и в мыслях нет. Неужели ты решил, что у меня поднимется рука на человека, с которым при полном взаимопонимании проработал не один год?

«Еще как поднялась бы, старый вонючий лис, — подумал Рохелио и вслух сказал:

— Конечно же нет, сеньор Сайд. Ты не настолько глуп, чтобы настраивать против себя мою контору.

Старик взмахнул рукой. Смуглые головорезы исчезли с веранды так же тихо и молниеносно, как и появились на ней. Рохелио облегченно перевел дух. Однако до чего же нервная у него работенка! Скорее бы уже на пенсию выйти, чтобы и близко не иметь никакого дела с такими полками, как этот толстый азиат.

— Ну, тогда будем считать, что мы поняли друг дру

га!

— Рохелио поднялся, давая таким образом понять, что разговор окончен. — Никаких «арбузов» на территории Соединенных Штатов. Зато весь остальной мир в твоём распоряжении! Всех благ и... да хранит тебя Аллах!

С кривой усмешкой кубинец встал и, отвесив низкий поклон, пошел к лестнице. Джафаров в бессильной ярости смотрел ему вслед. Старый таджик сейчас чувствовал себя старым беззубым крокодиллом, который уже физически не в состоянии напасть на облюбованную жертву.

Когда тяжелый «хаммер», урча, отъехал от особняка, Сайд дал волю своим чувствам. Он схватил стакан, из которого Рохелио пил пиво, и, широко размахнувшись, швырнул его в стену. Следом за стаканом полете

ли

и пустая пивная бутылка. На звон разбитого стекла явился все тот же безмолвный слуга в халате. Он мгновенно убрал осколки и вытер пол.

Старик велел позвать Махмуда.

Вскоре явился таджик лет сорока, со сморщенным,

как

сушеный инжир, лицом. Вот уже пятый год он являлся правой рукой Сайда Джафарова и возглавлял его службу безопасности. Наркоделец ценил его за хитрость и трезвый ум, преданность и беспощадную жестокость. Махмуд мог найти выход из любой, казалось бы самой безнадежной, ситуации.

Родом Махмуд был из Туркмении. Но после того как у него возникли принципиальные разногласия с режимом Уркменбаши, ему пришлось бежать из страны. Он долго

Скитался

по всей Центральной Азии, влезая во все дела, ГЛО хоть мало-мальски пахло «зеленью». Наконец пять лет назад прибился к организации Сайда Джафарова. Сначала он работал простым курьером. Потом его заметили и начался его стремительный карьерный рост. Махмуд богател вместе с опиумной империей Джафарова и был кровно заинтересован в ее дальнейшем процветании...

Когда Сайд усадил его перед собой за стол и с недовольной миной слово в слово передал состоявшийся разговор с Рамиресом, Махмуд глубоко задумался. Потом заговорил — тихим голосом, рассудительным тоном. Конфликтовать с ЦРУ конечно же не стоило. Потеря американского рынка — беда. Но не катастрофа. Из-за этого сворачивать производство «арбуза» нелепо. Выход прост: нужно выйти на другие рынки. Когда он поделился этим соображением с хозяином, Сайд раздраженно буркнул:

— А ты думаешь, я совсем выжил из ума и не думал об этом? Нам с таким трудом удалось наладить канал поставки опиума в Штаты... Обидно не иметь возможности использовать его для «арбузов».

— Ну, наладить канал — дело трудное, но осуществимое, — резонно возразил на это Махмуд. — Главное — определиться с направлением.

— Африка, Ближний Восток... Но там придется воевать с афганцами. А они, как ты знаешь, ребята серьезные. И с ними опять же американцы завязаны.

Махмуд согласился:

— Конечно, война с афганцами и американцами нам не нужна. Надо выбрать регион, где нет американцев. Восточная Европа. Ну и... Россия.

Сайд задумался. Действительно, а почему бы и нет? На том направлении наркотики поставляются уже с конца семидесятых годов. Российский рынок огромен, к тому же страна до сих пор не поделена между наркокартелями. Героин туда идет из Афганистана, марихуана из Средней Азии, кокаин из Южной Америки, а вот «арбузы»...

— Придутся ли им по вкусу наши «арбузы»? — спросил Сайд.

— Они схватят все, что угодно, — заверил его Махмуд. — Я же учился в институте в Москве. И у меня до сих пор там сохранились знакомые. Сейчас в Москве бум наркотиков. Особенно среди молодежи. Кокаин слишком дорог для них и его потребляет лишь элита. А «арбузы» — как раз то, что нужно. У русских это называется «дешево и сердито».

Сайд рассмеялся. Он постарался забыть неприятный разговор с Рамиресом.

Ну и Аллах с ней, с Америкой! Нужно прокладывать канал в Россию. Но как?

— Я знаю, что у них своя мощная мафия. Не придется ли нам воевать с ними?

Махмуд пожал плечами:

— Об этом лучше спросить Андрика. Он же близко с ними общался и наверняка сможет рассказать нам немало интересного о российском преступном мире.

Бывший офицер Советской, а позже и Российской армии, Андрей Петраков работал на Сайда с середины девяностых. Отставной артиллерист, он прошел Афганистан, потом воевал в первую чеченскую войну, уволился, стал наемником, инструктировал новобранцев в партизанских отрядах по всей Средней Азии и теперь занимался охраной плантации мака Сайда Джафарова. Он хорошо зарекомендовал себя как опытный боец и сейчас командовал ротой, состоявшей почти сплошь из жителей республик бывшего Советского Союза: русские, украинцы, белорусы, воевавшие в начале девяностых в Приднестровье и в Закавказье. Платил им Джафаров хорошо: за несколько лет каждый мог скопить неплохой капиталец. У многих имелись семьи, и часть денег они отправляли родным.

Помимо любви к деньгам, наемники обожали состояние постоянной войны, в котором они пребывали.

Убийство стало для них своего рода наркотиком, без которого они уже не могли обходиться. Мирная жизнь им казалась пресной и скучной. Между тем у этих головорезов существовал своеобразный кодекс чести. И хотя за деньги они могли служить у кого угодно, хоть у бандитов, хоть у среднеазиатского диктатора, назвать их беспринципными подонками было нельзя. Они не убивали мирных жителей, а за мародерство расстреливали своих провинившихся товарищей.

По крайней мере, такие порядки царили в роте Андрея Петракова. Этот сорокалетний, жилистый здоровяк был жесток и циничен, как и всякий профессиональный наемник. Его лицо вдоль и поперек изрезали ранние морщины, а голубые глаза смотрели дерзко и недобро. Работая на Джафарова, он благодарил свое солдатское счастье, пославшее ему такого

справедливого и нескупого хозяина. И хотя жизнь в горах была, конечно, не сахар, он не роптал. Сайд платил ему тысячу долларов в месяц. И за такие деньги бывший майор Петраков готов был воевать с кем угодно и сколько угодно.

Посланец Джафарова нашел Петракова на выезде: тот проверял посты, расставленные на подступах к основной плантации мака в долине. От местных крестьян поступила информация, что узбекские мятежники, уже давно мечтающие отбить у Джафарова эту плантацию, намерены в ближайшее время предпринять попытку атаки на долину и взять сорока гектарную плантацию под свой контроль. Петраков хладнокровно решил перестрелять узбеков, если те появятся.

Когда посланец Джафарова передал приказ хозяина вернуться в кишлак, Андрей недовольно выругался. Чутье подсказывало ему, что узбеки заявятся непременно сегодня к вечеру. Тем не менее он понимал, что хозяин по пустякам звать не станет. В этом, кстати, и заключалась немалая прелесть нынешнего положения: он был практи-

чески полностью предоставлен самому себе, а шефу было абсолютно все равно, каким именно способом наемники будут наводить порядок на подконтрольных им территориях. Петракову была дана полная свобода действий, от него даже не требовали ежедневных рапортов.

Андрей повернулся к Хохлу, худощавому веснушчатому парню родом с Западной Украины, и приказал:

— Продолжай вести наблюдение. Сегодня, может быть, начнется. Если я не подспею к вечеру, действуйте по обстановке. Все, ты за главного остаешься.

Трясаясь в стареньком джипе по разбитой дороге в кишлак, Андрей терялся в догадках относительно причины срочного вызова. За все эти годы он и видел-то старика Сайда от силы раз десять. Связь между хозяином и командиром роты охраны в основном осуществлялась через Махмуда, с которым у Петракова установились вполне дружественные отношения.

К тому моменту, как Петраков взбежал по лестнице на террасу белого особняка, солнце повалилось к западному краю небосвода. К вечеру было душно так же, как и днем. Джафаров с обеда находился в спальне. После ультиматума, который поставил ему Рамирес, у старика подскочило давление и его личный врач, постоянно проживающий в доме, не отходил от него ни на шаг, держа наготове шприц. В сопровождении неразговорчивого слуги Андрей вошел в спальню и, остановившись на пороге, почтительно склонил голову, покрытую густым ежиком выгоревших на солнце волос.

Прямо перед ним на огромной двуспальной кровати возлежал его хозяин. Лицо Сайда казалось серым: ему нее еще было очень скверно. В воздухе густо витал резкий запах медикаментов. Рядом в кресле сидел Махмуд. Увидев его, Петраков немного приободрился.

Махмуд встал и, сделав навстречу пару шагов, пожал наемнику руку.

— Рад видеть тебя, Андрик. Быстро ты добрался. Понимаю, солдатские ноги не чувствуют усталости.

Сайд попытался приподнять голову, но это оказалось ему явно не по силам, и он снова уронил ее на подушку. Послышался его слабый голос:

— Пусть он подойдет. Я хочу говорить с ним.

Джафаров обошелся без долгого вступления, а напрямую спросил, что наемник думает о поставке «арбузов» в Россию. Тот осторожно ответил:

— Я считаю, дело это обещает большие прибыли. Количество наркоманов в России увеличивается с каждым годом.

— А как насчет местных конкурентов? — спросил Сайд.

— Вы имеете в виду мафию или органы власти? — уточнил Петраков.

— И тех и других.

— Ну, — чуть помедлив, ответил Петраков, — конечно же, вести такие дела на свой страх И риск в России не следует. Там всем заправляет мафия. В каждом городе есть свой авторитетный человек, который контролирует всю организованную преступность и через нее местный бизнес и представителей власти. Это теневой хозяин города...

— Да, я уже знаю, — отрезал Сайд, — их называют ворами в законе.

— Не всегда, — поправил Петраков. — Сообщество законных воров — это, если можно так выразиться, лишь одно из ответвлений российской мафии. Есть и другие, к ворам не имеющие никакого касательства и ведущие с ними войну. Но, в общем, вы правы: вору образуют наиболее могущественную организацию.

— Значит, необходимо договариваться с ними, и точка, — отрезал Сайд. — Нужно предложить им разумный процент с оборота. А нам, думаю, следует организовать сеть дилеров, подобную той, что у нас есть в Турции и в Индии.

Петраков с Махмудом переглянулись, едва сдерживая улыбки: старый таджик совершенно не понимал российской специфики. Андрей решительно отверг это предложение:

— Думаю, Сайд Мустафаевич, вы заблуждаетесь. Местные мафиози не потерпят постоянного присутствия ваших людей на их территории. Тем более не позволят им самостоятельно вести дела. Ваши попытки крепко осесть в России, так сказать пустить корни, как это вы сделали в США, заранее обречены на провал. Надежду на коммерческий успех могут дать лишь оптовые поставки товара. По принципу «скинул и отвалил». А там пусть местные барыги сами толкают наркоту.

Видя, что старик внимательно слушает Петракова, но недоверчиво хмурится, Махмуд поспешил поддержать наемника:

— Именно так, Сайд. Поверьте мне, Андрик знает, что говорит. Только оптовые поставки имеют смысл. Зачем нам вязнуть во всех этих проблемах, которые неизменно вызовут попытки самим двигать «арбузы» на улицах? Вы же знаете, что этот товар настолько выгоден, что и оптовые поставки гарантируют совершенно запредельные прибыли. Нам — чистые деньги, местным — вся головная боль.

Выслушав обоих, Сайд долго размышлял. Он закрыл глаза, и его собеседники подумали, уж не уснул ли старик, утомившись от неприятных дум. Наконец набрякшие морщинистые веки старика приоткрылись. Он шевельнулся.

— Ладно. Можно сказать, вы меня убедили. Будем поставлять оптом. Как бы вы сами взялись за это дело? — Вопрос был адресован именно Петракову.

Андрей откашлялся. Он уже где-то с середины этого разговора начал догадываться, что, возможно, в его жизни произойдет крутой поворот. И надо думать, в лучшую сторону. Скорее всего, старик пожелает сделать его посредником в этом деле. Что и понятно: кто

же

лучше него, русского, сможет наработать в России нужные связи? Конечно, в его отряде имеется немало выходцев из СНГ, но все они рядовые исполнители, не привыкшие мыслить стратегически.

Петраков деловито и рассудительно начал излагать свои соображения:

— Перво-наперво нужно заручиться поддержкой местных криминальных авторитетов. Скорее всего, это будет так называемый смотрящий по городу. Если пообещать ему процент с оборота, он станет нашей крышей.

— Чем-чем? — удивленно переспросил Сайд.

— Крышей! — повторил Андрей и пояснил: — Так в России называют силовую и юридическую поддержку, обеспечивающую защиту любому бизнесу. Хочу заметить, что, может быть, вы неправильно меня поняли. Сам смотрящий покупать у вас товар, естественно, не станет. У него своих дел по горло. Он даст лишь свое «добро» и будет получать с этого процент.

Сайд посмотрел на Махмуда, и тот утвердительно кивнул. Мол, все правильно, именно так в России и делают такие дела. Для Джафарова это было странновато, но он понимал, что в каждой стране свои порядки, и продолжал терпеливо слушать.

— Потом, получив воровское «добро», нужно найти покупателя. Ну, думаю, что с этим затруднений не будет. Им могут стать местные барыги.

— Не мешало бы запустить первую партию «арбуза» еще до разговора с ворами, — вставил Махмуд. — Так, совсем немного и практически за бесценок. Пусть хоть узнают, что это такое.

Петраков согласно кивнул:

— Думаю, это не помешает. Пусть среди местных наркоманов начнется ажиотаж. Что, «арбуз» действительно хорошая штука?

— Исключительно! — закивал Махмуд. — Дешевый и эффективный наркотик. Употребляется в любом виде.

— Отлично. Да, вот еще что. Я считаю, что не стоит сразу соваться в крупные города. Слишком хлопотно для первого раза. К тому же спецслужбы в Москве или Петербурге работают на порядок лучше, чем в провинции. Учтите, что нам придется иметь дело и с официальными властями. А в столице они ох какие прожорливые.

— Ты прав, Андрик. Но и лезть далеко, куда-нибудь в Сибирь, тоже не хочется.

Петраков запротестовал:

— Почему в Сибирь? Лучше всего выбрать какой-нибудь провинциальный северный город.

Промышленный центр. Кстати, — Андрей хлопнул себя по лбу, как будто бы его только что осенило, — вполне подойдет мой родной Мурманск. Если товар поставлять морем, то лучше места и не сыщешь. Крупнейший на Северо- Западе России портовый город. Местные там коррумпированы, кажется, на генетическом уровне. Легко можно будет купить несколько важных шишек на самом верху. Тем более что я родился и вырос в этом месте. Знаю все ходы и выходы.

Андрей замолчал. Пусть хозяин переварит информацию. Если он примет последние слова к сведению, то без его участия обойтись будет просто неразумно. Неужели удача наконец-то улыбнется ему по-настоящему? Петракову уже порядком поднадоело жариться на знойном солнце в этих горах — лишь отличная зарплата удерживала его от смены места работы, е Джафаров привстал на постели. Ему стало лучше, он даже велел подать себе кубинскую сигару. Петраков и Махмуд терпеливо ждали, что же решит в конце концов хозяин. Поглядывая на то, как кольца сизого дыма медленно уплывают под беленый потолок, старый таджик подвел итог:

— Итак, мы начинаем экспортировать «арбузы» в Россию. Пусть для начала это будет Мурманск. Махмуд...

Тот напрягся: что ждать от нового решения хозяина?

— Ты немедленно вылетаешь в Мурманск. Андрей, ты поедешь с ним. И вот еще что...

Петраков по старой солдатской привычке принял стойку «смирно». Кровь помчалась по жилам, в висках застучало, сердце отчаянно колотилось о ребра. Прежде он никогда так не волновался, даже под огнем противника.

— Если окажешь полезную и действенную помощь, будешь постоянно работать в этом деле. Работать будешь за процент с оборота. Если торговля пойдет удачно, скоро станешь миллионером.

У Андрея зазвенело в груди. Вот оно! Подфартило так подфартило! А старик, окончательно придя в хорошее расположение духа, довольно улыбнулся. Этот русский наемник подвернулся весьма кстати.

— Значит, приступайте немедленно. Махмуд, я думаю, тебе не нужно объяснять, как проложить новый канал? Действуй. Когда закончишь, оставишь в Мурманске Андрея, а сам вернешься сюда.

Глава 3

Рослый широкоплечий мужчина подошел к зеркалу и критически оглядел себя с ног до головы. Ему было уже за сорок, но если бы не лысая как бильярдный шар голова, то он смотрелся бы гораздо моложе. Увы, волосы у него не росли уже лет тридцать, после тяжелого обморожения, полученного в лесах неподалеку от Сыктывкара, где он отбывал свой первый срок. Потом отсидок за колючей проволокой у Николая Петровича Заворотова было четыре — и все за вокзальные кражи. Погоняло «Плешивый» прилипло к нему еще с первой ходки. Лет десять назад на тюремной сходке в Воркуте он был коронован в законного вора. Несмотря на относительную молодость, Плешивый являлся приверженцем старых воровских понятий. Некоторые, наиболее архаичные — вроде запрета обзаводиться своим имуществом и домом, — пришлось, правда, оставить. Нужно было идти в ногу со временем, в затылок вора дышали авторитеты новой волны, признававшие лишь силу и деньги. Да и уважал Коля Плешивый цацки-побрякушки да комфорт домашний поболее воровской аскезы.

На положение в Мурманск его поставили пару лет назад после истребительной войны, развязанной местным отморозком по кличке Бабай. Этот парень, начинавший в начале девяностых как заурядный похититель мурманских предпринимателей с целью выкупа, действовал с размахом, удивляя даже самых отпетых урок своей решительностью и жестокостью. Воры поначалу не обращали внимания на шалости Бабая. Тем более что сам Бабай был у них, мягко говоря, не в почете. Этот выскочка из спортсменов никогда особо не прислушивался

к

мнению авторитетных блатных, занимался почти легальным бизнесом и мечтал о мэрском кресле. У Бабая на содержании имелось множество боевиков и воевать с ним в открытую блатным было не с руки. Поэтому и терпели. Выжидали. Терпение воров лопнуло, когда Бабай вконец оборзел и собственноручно зарубил на стрелке мурманского смотрящего Ефима Лукутина, известного под кликаном Босой. Тут уж не только мурманские взъерепенились, но и питерские осерчали. Если с покойным Лукутиным хоть как-то можно было разговаривать и даже договариваться, то с Бабаем такие номера не проходили. Он признавал только безоговорочное подчинение. Слава богу, до полномасштабной войны не дошло. Бабай в силу своего зверского характера нажил себе множество врагов. Вскоре после убийства Босого, по приказу Филата, смотрящего по Петербургу и всему Северо-Западу, послали в Мурманск бригаду ликвидаторов. Среди тех пятерых был и Плешивый, который, разумеется, кровью свои умелые руки обагрять не собирался, а участвовал исключительно в «предварительном следствии», ведя наблюдение за передвижениями Бабая по городу.

Но питерским ликвидаторам так и не пришлось пустить в ход свои «калаши» и «узи». Совершенно неожиданно зарвавшегося мурманского отморозка прикончил совершенно посторонний человек, имевший к нему личные счеты и пользовавшийся в Мурманске дурной славой. Звали убийцу Бабая Михаил Юрьевич Таганцев, но больше его знали под кличкой Норвежец. Это не было воровским погонялом: Норвежец вышел не из урок, а из рядов советской милиции. Когда-то он служил в мурманском УВД, в угрозыске, говорят, расследовал дела, связанные с контрабандой в мурманском порту, по роду деятельности завязал тесные контакты с гэбэ и таможней и с погранцами, а потом, в пору «дикой приватизации», пользуясь полезными знакомствами, умудрился хапнуть в Мурманске самые лакомые куски госсобственности от рыбокомбината до хлебозавода. Норвежцем прозвали его за то, что, когда после дефолта девяносто восьмого он задолжал крупные кредиты московским коммерческим банкам и отказался их возвращать, за ним развернули серьезную охоту, но он обвел охотников вокруг пальца, скрывшись в Норвегии. А когда в двухтысячном году в стране подудли новые ветры и на высокие кресла уселись стародавние кореша Миши Таганцева из МВД и погранслужбы, он вернулся из эмиграции с решимостью восстановить прежнюю свою власть в Мурманске, и не просто восстановить, но укрепить ее и упрочить и расширить свои владения... Словом, Норвежец стал медленно, но верно захватывать власть в портовом городе. Для поднятия собственного авторитета Таганцеву надо было совершить нечто дерзкое и запоминающееся: славный подвиг, который пришелся бы по нраву многим — и властям, и простым обывателям. Таким подвигом Норвежца

и.

стало убийство Бабая. Впрочем, обскакав засланных воровских палачей, Норвежец гарантировал себе разлад — это если мягко сказать — с Филатом. Но, видно, он

знал,

что делал.

И после этого знаменательного события, во избежание

смуты

в городе и чтобы малость охолонить прущего напролом Норвежца, воровская сходка, с ведома и одобре

ния

Филата, поставила смотрящим Плешивого. Николай Петрович, прибыв в Мурманск, немного осмотрелся

и

быстро навел порядок. Впрочем, особого сопротивле

ния

он не встретил. Все, и криминальные авторитеты,

и

законопослушные коммерсанты так устали от вызван

ной

Бабаем кровавой неразберихи, что с радостью встре

тили

именитого вора в законе. Хотелось порядка и покоя.

Плешивый не зря носил воровскую корону. Несгиба

емая

воля и беспощадность к врагам сочеталась в нем

с

искренней справедливостью и, как ни странно, с настоящим добродушием. Литить кровушку не доставляло

ему

никакого удовольствия, и к силовым мерам он при

бегал

только в случае крайней необходимости.

Но все же он был истинным сыном своего племени,

во

время скитаний по лагерям многое повидал и понимал, что порядок в этом сумбурном и сумрачном мире приходится наводить железной рукой. Он гордился тем, что ему доверили поддержание порядка в этом далеком и богатом северном городе. Непонятки, конечно, были,

но

главное, что перестали убивать средь бела дня прямо

и

подворотнях. Сейчас, стоя перед зеркалом и критически оглядывая себя, Плешивый готовился к важному разговору. Ему сообщили, что с ним желают встретиться серьезные люди откуда-то из Средней Азии. Хотят испросить его разрешения на ведение в городе большого бизнеса. Плешивый согласился на встречу. То, что гости обратились сразу к нему, внушало уважение. Он знал, что это иностранцы — хоть таджики, хоть узбеки, какая разница, все равно не наши, — и сие обстоятельство только подогревало его интерес.

Скорее всего, они запросят встать под его крышу. Это Обещало верный откат с прибыли, а значит, отчисления в воровской общак. Надо заметить, что к богатству в обычном понимании этого слова Заворотов был равнодушен. Но он находил удовольствие в красивых комфортных вещах, презрительно относясь к кричащей роскоши. Плешивый с наслаждением курил хорошие сигареты, питался только в ресторанах и любил расслабиться скандинавской очищенной водочкой. К женщинам он был равнодушен по причине того, что двадцать лет назад вместе с волосами отморозил себе и кое-что еще. Все свои силы он отдавал единственной своей страсти — охране воровского закона. Это было смыслом его жизни.

Менты и городские чиновники отнеслись к его появлению в городе сначала настороженно. Но когда поняли, что лезть в политику и ворошить их осиные гнезда Плешивый не собирается, успокоились. Власти тоже, подобно простым гражданам, стосковались по твердой и справедливой руке... Тем более что Плешивый виделся кое-кому в местной думе и мэрии противовесом обнаглевшему Норвежцу...

* * *

В сопровождении двух телохранителей Николай Петрович вышел на улицу и сел в черный «пятисотый». Жил он в панельной девятиэтажке, в типовой трехкомнатной квартире. Он мог позволить себе, конечно, прикупить и роскошный особняк где-нибудь в Приморском районе, иронически прозванном «мурманской Рублевкой», но не хотел зря транжирить непросто достающиеся деньги. В обычное время, когда он не был занят делами, Плешивый любил рассекать по городу один. Причем частенько не в импозантном черном «мерседесе», а пехом. Он смешивался с толпой в уличной суতোлке, ездил на общественном транспорте, с ностальгией вспоминая лихие времена молодости, когда он семнадцатилетним пареньком аккуратно обчищал карманы задумавшихся простофиль в трамвае на Лиговке... Собственной бригадой боевиков Плешивый так и не обзавелся, и те два «быка», что охраняли его сейчас, были прикомандированы к нему из Питера, так сказать, для солидности. К тому же два дня назад от Филата же прибыл еще один человек. Филат сам позвонил Плешивому и сообщил о приезде своего личного гонца, предупредив, что о нем пи одна душа в городе знать не должна. Вдаваться в подробности Филат не стал, сказав лишь, что парень надежный, с воровскими кругами не связанный, в Мурманске никому не известный. Звали парня Гепард. И должен был этот Гепард на месте разобраться в ситуации противостояния воров с Норвежцем, не

привлекая к себе внимания... В беседы вступать с Гепардом у него необходимости не было, но встретиться надо было. Плешивый наметил для стрелки воскресный вечер, намереваясь повидать гонца от Филата вдали от чужих глаз и ушей, в загородном оздоровительном центре «Мурманский рыбац».

Сейчас же ему предстоял деловой разговор с гостями из далеких южных краев. Встреча с таджиками была назначена в кафе «Викинг». Это небольшое, но уютное заведение относилось к числу дорогих и располагалось почти в самом центре города. «Пятисотый» Плешивого подъехал к «Викингу» чуть ранее оговоренного срока, чтобы телохранители могли «прокоцать» обстановку. Впрочем, это было лишь пустой формальностью: вряд ли что-нибудь могло угрожать законному вору в его городе, но Плешивый всегда был осторожен и помнил о судьбе своего предшественника, которого застрелили из снайперской винтовки, пригласив на такую же встречу в ресторан «Осло». Ресторан, которым владеет Норвежец...

Один из «быков» на ходу выскочил из «мерседеса», деловито прошвырнулся туда-сюда по тротуару и вбежал в кафе. Пробыв там не более нескольких секунд, вернулся к машине. Нагнувшись к хозяину, доложил:

— Все чисто. Ждут, Николай Петрович. Двое.

Плешивый кивнул, выбрался из салона и шагнул в распахнутую перед ним дверь. В нос сразу ударил приятный аромат кофе и свежей выпечки. Входная дверь звякнула колокольчиком. Мурманский смотрящий огляделся.

За столиком в углу сидели двое. Один голубоглазый жилистый здоровяк с обветренным славянским лицом, другой — худощавый усач с очень смуглой кожей. Перед ними на столике лежали две пачки сигарет. Оба курили — каждый свой сорт. Когда появился Плешивый, как по команде уставились на него.

Славянин глядел жестко, пристально, и Заворотову, которого уж никак нельзя было упрекнуть в малодушии, стало чуток не по себе. Ему приходилось достаточно встречать разных лихих людей, в том числе и завязых головорезов, и он сразу понял, что этот голубоглазый мужик из их числа. Может, он просто отбойщик типа тех парней, что пришли с ним самим? Но тогда почему он сидит за одним столиком со своим чернявым хозяином? Ну, поглядим...

Плешивый подошел и, поздоровавшись, представился. Смуглый назвался просто Махмудом, а голубоглазый — Андреем Петраковым. Телохранители Плешивого скромно уселись за соседним столиком возле окна, чтобы без помех обозревать помещение и улицу.

Подошел официант и принял заказ — три чашки черного кофе. Когда парень удалился, вор наклонил лысую голову:

— Итак, давайте сразу перейдем к делу. Я так понял,

мм

собираетесь начать у нас бизнес и вам необходима поддержка. Верно?

— Именно, — ответил Петраков. — Дело обещает большие прибыли. Вы, вероятно, слышали о таджикских плантациях бахчевых культур?

— Плешивый скривился. «Вот оно что! Дыни-арбузы...»; — Конечно слышал, — с усмешкой

ответил он, — Только до нас ваши бахчевые не доезжают. Путь длинный, в дороге портятся, да и азербайджанцы вас уже опередили. Так что не знаю, как вы тут собираетесь дынями торговать.

При этих словах Махмуд стал лыбиться. Но сидел молча.

— Нет, уважаемый, — спокойно возразил Петраков. — Речь не дынях. А об арбузах. И не круглых полосатых, «... «Арбузами» мы называем свой товар...

И тут Плешивый все просек. Наркота!. — А... ну у нас этот рынок под завязку, — твердо сказал вор. — Свои все держат, чужих барыг не впустят. И я тут не помощник для поставок вашего... мака!

Петракову не понравился тон, каким это было сказано. Начало разговора не предвещало ничего хорошего. Хотя посмотрим, что этот Плешивый запоет, когда услышит об ожидаемых прибылях.

— Не только, — не моргнув глазом поправил собеседника Андрей, — мак — это уже вчерашний день. Есть штука похлеще... Непортящаяся и с хорошим коммерческим потенциалом.

Тут Плешивый откровенно перебил его. Он уже понял, с чем прибыли эти люди, и решил отказать им.

— Вы знаете, уважаемые, я в марафете особо не разбираюсь. Лучше, хуже... Для меня это без разницы. Сам не употреблял и не употребляю. И другим не советую.

— Дело не в этом, — поморщился Петраков. — Мы с Махмудом представляем серьезного таджикского производителя... Впрочем, пока мы полностью не договорились, обойдемся без имен.

— Естественно, обойдемся, — добродушно кивнул Плешивый, — тем более что его имя меня нисколько не интересует. Как я понимаю, вы хотите наладить поставку сюда своего непортящегося товара. Я прав?

— Николай Петрович, нам рекомендовали вас как человека, от которого в этом городе многое зависит..

— Это преувеличение, — хитро прищурившись, усмехнулся Плешивый.

— Зависит очень многое. Особенно в такого рода делах.

— Так речь идет о поставках наркотиков? — жестко перебил его Плешивый.

После некоторой заминки, переглянувшись с Петраковым, заговорил Махмуд:

— Да... Но это не совсем то, что вы думаете. Это совершенно новый продукт.

— Какой именно?

— Я не химик, да и вы, наверное, тоже, поэтому не вижу смысла вдаваться в подробности. Это очень эффективное, безопасное для здоровья вещество...

Он осекся. Подошел официант и расставил чашки с дымящимся напитком. Никто из сидящих за столиком людей и не подумал притронуться к кофе. Махмуд дождался, пока официант

удалится, и начал сыпать цифрами. Объемы поставок. Стоимость оптовых партий. Стоимость в рознице. Оборот. Норма прибыли. Он был уверен в успехе. Ни один криминальный коммерсант не смог бы проигнорировать столь убедительные доводы.

Но Плешивый слушал его с каменным лицом. Дело, которое предлагали ему эти столь непохожие друг на друга люди, действительно обещало радужные финансовые перспективы. Но Плешивый был упрям: его интересовали не только холодные цифры. Он помнил, что его лучший кореш по пермской зоне Костя Барановский загнулся от передозировки героина, что Антон, его двоюродный брат из Липецка, умер от остановки сердца, перебрав какой-то «кислоты»...

Расценив молчание вора как сомнение, Петраков стал опять насесть:

— И это при том, что вашим людям и пальцем не придется пошевелить. От вас требуется только дать «добро». Товар будем пригонять оптом. С вашими розничными сбытчиками мы договоримся сами. Все останутся довольны. Мы предлагаем пять процентов с оборота.

Плешивый наконец-то дотронулся до кофейной чашки. Аккуратно, чтобы не обжечь губы, он сделал глоточек и недовольно поморщился. Дрянь, а не кофе. Жмотятся сыпать в аппарат сколько надо...

Брезгливо отодвинув чашку подальше от себя, сказал:

— Я все понял. Мой ответ: нет. Объясняю почему.

«Куда там, — со злостью подумал Петраков. — Прямо донна Корлеоне из себя корчит, урка недоделанный!».

— Во-первых, — продолжал Плешивый, — я принципиально против наркотиков. Конечно, ими торгуют и в этом городе, и с этим ничего поделать нельзя. Но ни я, ни мои люди этим не занимаемся. Тут я вам не помощник. Деньги, конечно, это хорошо... Но они пахнут. И ваши пахнут блевотиной. Так что мое «нет» окончательное.

Махмуд слушал его с удивлением, которое под конец переросло в сильное разочарование. Он готов был услышать любые аргументы «против», но чтобы русский блатарь, глава криминального сообщества портового города настолько пекся о здоровом образе жизни, чтобы отвергал такое выгодное дело? Хотя Андрей Петраков опять принялся убеждать Плешивого в неверности занятой позиции, Махмуд уже понял, что из их затеи ничего не получится и они в такую даль притащились зря. Этот твердолобый ворюга не отступится от своих понятий.

Плешивый поднял руку вверх, пресекая поток словоизлияний Петракова.

— Уважаемые, еще раз повторяю, ваше предложение меня не интересует, — он обвел сидящих перед ним людей тяжелым взглядом, — и поверьте, в этом городе ваш товар не заинтересует никого. Так что лучше вам даже не пытаться начинать тут свою коммерцию. — И, помолчав, с явно различимым презрением добавил: — Тут и без вас барыг хватает. Так что... — Он поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. — Удачи вам не желаю. Если узнаю, что вы продолжаете искать контакты в этом городе, то придется принимать жесткие меры. Мне бы этого не хотелось. Счастливого пути!

Не оборачиваясь, вор вышел, за ним тенями последовали его телохранители. Усевшись в «мерседес», Плешивый задумался. В принципе хорошо, что эти двое обратились сразу к нему. Если бы разговор состоялся вначале с азербайджанцем Амиром или цыганом Якулом, то

последствия могли быть непредсказуемы. Местные наркоторговцы, естественно, не устояли бы перед таким искушением. Город бы заполонила новая дрянь. И тогда, чтобы вывести эту заразу, пришлось бы начинать войну. Но сходняк не одобрил бы этого. Сейчас же, пока дело еще не поставлено, в его власти перекрыть этим таджикским барыгам кислород.

Из задумчивости его вывел вопрос водителя:

— Николай Петрович, куда ехать?

Плешивый встрепенулся. В голове мгновенно созрел план дальнейших действий.

— Давай-ка домой. — Он достал сотовый, нажал

на

кнопки и стал терпеливо слушать длинные гудки. Когда трубку сняли, глухо сказал: — Это я, Арсен. Слу

шай

внимательно. Сегодня вечером надо людей собрать.

Зови

всех на семь вечера. Место прежнее. Действуй!

В течение следующих нескольких часов все крупные авторитеты города и даже бригады небольших группировок получили оповещение: смотрящий по городу Плешивый намеревается сказать что-то важное. Сход собирали в оздоровительном центре «Мурманский ры

бак».

Для этого был немедленно забронирован весь зал

и на

зеркальных дверях этого шикарного заведения вывесили табличку: «Закрито на спецобслуживание».

К семи к «Мурманскому рыбаку» стал съезжаться криминалитет города. Дорогие иномарки заполнили

все

вокруг двухэтажной стекляшки, стало тесно от креп

ких

стриженных молодцов с цепкими пронзительными взглядами. Боевиков, охраняющих своих хозяев, внутрь пустили и они, расположившись в машинах или воз

ле

них, курили, искоса посматривая на своих коллег

по

ремеслу. Обстановка была мирная, уже давно никто друг с другом не воевал, и быки, замечая старых знако

мых,

с кем еще недавно сходились в рукопашных схват

ках,

кивали и сухо улыбались в знак приветствия. Оружие имелось у всех, но была и уверенность, что пускать

его

в ход в этот вечер вряд ли придется.

Длинный стол в центре банкетного зала был накрыт

более

чем скромно. Сразу давалось понять, что не на гу

лянку

собрались, а делом заниматься. Авторитеты захо

дили,

здоровались за руку с союзниками, делали вид,

что не

замечают бывших недругов, рассаживались. При

шли

десять человек.

Плешивый отметил, что прибыли все, кто был ему

нужен.

Впился глазами в могучего, уже изрядно заплывшего жиром азербайджанца Амира. Успели ли связаться с ним гонцы из Таджикистана? Вряд ли, слишком мало времени прошло после их недавнего разговора в кафе. Они приехали в чужой город и вряд ли смогли так быстро сориентироваться. Хотя не исключено, что тот хмурый Андрей с оловянными глазами мокрушника местные расклады знает...

А вот и Якул — цыганский барон. Этот еще поопаснее Амира будет. Жаднее, безжалостнее. Что-то он высох в последнее время, дорогой костюм на нем как на вешалке висит. И набрякшие глазки блестят как-то подозрительно. Не иначе сам на марафет подсел.

Было и несколько незнакомых Плешивому лиц. Вероятно, из новых, недавно поднявшихся.

Например, вон тот с фигурой борца-тяжеловеса, на ком вот-вот лопнет пиджак под напором мощных грудных мышц. Или этот коренастый блондин. Плешивый прищурился: парень был еще слишком молод, лет двадцати трех — двадцати пяти. Кто таков? Коротко стриженный, с бескровными тонкими губами. Глаза неприятные, маслянистые. Постоянно ерошит пятерней торчащие ежиком светлые волосы. Было видно, он страшно гордится, что его почтили таким вниманием, пригласив на воровскую сходку. Важно пыжится, хочет выглядеть «на уровне».

Плешивый подозвал Арсена, бывшего у него своего рода секретарем по связям с общественностью.

— Кто такой? — незаметно кивнул он в сторону блондина. — Почему не знаю?

— Это Дмитрий Скулин по кличке Болт. Совсем недавно нарисовался, где-то с полгода всего. Держит хозяйственные ларьки в Восточном районе. Ничего особенного собой не представляет, но он единственный из братвы, кто в том месте кормится. Гиблый райончик, Николай Петрович, из него трудно что-либо путевое выжать. Когда Болт там объявился, ему даже никого теснить не пришлось. Вобщак отстегивает исправно.

Гроши,

правда, ну да что с него взять... Рыночек колхозный, да несколько десятков ларьков. Вот Болт с них бабки

и

качает. Ну, и еще там по мелочи... Людей у него мало, скудные финансы развернуться не позволяют...

Плешивый махнул рукой. Хватит, мол, информации. "Все уже расселись по местам, поглядывали на созвавшего их смотрящего и гадали, по какому случаю сходняк. Когда смотрящий поднялся, невнятное многоголосье стихло, как по мановению волшебной палочки.

Вор поприветствовал всех находившихся в зале, пожелал здоровья и успехов в делах. Потом перешел к главному:

— Тут ко мне сегодня гости с югов пожаловали с деловым предложением. Хотят наладить поставку наркоты из Таджикистана. «Арбузом» ее называют. Попросили, чтобы я добро дал.

Все внимательно слушали. Когда Плешивый сделал п

аузу,

стало слышно, как на кухне позвякивала посуда.

— Я им отказал. Мало нам своей дряни! — При этом

говоривший

пристально взглянул на Амира. Тот сразу

отвел

взгляд.

Якул, до этого постоянно вытиравший платком сле

зящиеся

глаза, застыл. Как такая интересная новость

могла

пройти мимо него?

— Мое «нет» бесповоротно! Уверен, что сходка это решение одобрит. Вас я собрал не для того, чтобы совета просить. Знаю, что кое-кто с удовольствием бы за это

предложение

ухватился. Но... пока я смотрящий в этом

Городе,

наркотой мы заниматься не будем.

Плешивый понял, что только что совершил тактическую ошибку. Услышав его последние слова, все шумно зашевелились, а на лице у цыганского барона появилось страдальческое выражение. «Да разве можно таким людям от ворот поворот подавать? Где наркота — там вер

ные

бабки в руки плывут!»

Плешивый посуровел:

— Так вот. Не исключено, что ребята эти с кем-нибудь из вас связаться захотят. Я, конечно, предупредил их о нежелательности любых контактов за моей спиной. Не знаю, поняли они или нет, но... если что, разъясним. То же и ко всем вам относится. Знайте: кто этим гнилым делом интересоваться начнет, тот попрет наперекор смотрящему. А значит, и против всех воров российских. Хочу напомнить, что и Филат, и Варяг наркоту не уважают. Ну, вот в принципе и все. Только это я и хотел довести до вас. Может, кто-нибудь о чем-то спросить хочет?

Поднялся Якул и, яростно жестикулируя, затараторил скрипучим голосом:

— Брат, ты слишком опрометчиво поступил! Надо было поконкретнее разузнать, что за люди и чего они хотят. Если выгодно, то почему отказался? Не понимаю, что за дела! Ты, конечно, в авторитете, базара нет, но почему за всех решаешь?

Разжиревшему Амиру вставать было тяжело, поэтому он заговорил с места, отъехав на стуле от кромки стола.

— Николай Петрович, я считаю, что Якулка говорит дело. Ты — смотрящий, и, конечно, тебе лично не подобает участвовать в таких сделках. Ну а я? На мне воровской короны нет, я коммерсант. Живу по понятиям, законы наши соблюдаю, в обшак отстегиваю исправно, — тут азербайджанец хитро прищурился, — но вправе ли ты запрещать мне заниматься бизнесом? Если бы я, предположим, долю с оборота зажимал... Тогда — да, с меня можно было бы спросить со всей строгостью.

Плешивый понимал, что формально толстяк прав. Он не мог никому запретить заниматься его делом. Амир — барыга и не скрывает этою. Для него торговля наркотой — привычное занятие. То же можно сказать и про цыгана, да и еще про кое-кого в этом зале. Вон и у Болта из Восточного района глазки так и загорелись, когда он услышал про мазу наркоту толкать. Дай им волю, тут такое начнется!

Глядя

в упор на Амира, Плешивый нехорошо оскалился:

— Никак ты сомневаешься, что воровская сходка мое решение одобрит?

Толстяк сразу стушевался. Он, конечно, знал, какой у Плешивого авторитет. Осадив Амира, вор улыбнулся:

— Конечно, я не могу никому ничего запретить. О Чем базар? Это лишь дружеский совет старшего товарища. Но очень, очень настойчивый. Сейчас в городе более или менее все наладилось. Каждый из вас имеет возможность спокойно заниматься своим делом и зарабатывать на хлебушек с маслицем. А что будет, если в го

род

хлынет эта таджикская дрянь? Уже хлынула, — вдруг подал кто-то голос.

Все взгляды сразу обратились к атлетически сложенному парню, на которого Плешивый обратил внимание

в

самом начале встречи.

А ну-ка, подробнее! — потребовал вор, немного задетый тем, что его так бесцеремонно перебили. Впрочем, смысл фразы ему был важнее строгого соблюдения «придворного этикета».

Здоровяк с шумом отодвинул стул и поднялся, пред

ставившись:

— Я Саша Терентьев, контролирую Портовый район. Так вот, дня два назад у нас все малолетки на таджикских «арбузах» заторчали. Очень дешевая штука, даже старшекласникам по карману. Скорее всего, это то,

о чем

вы, Николай Петрович, говорите.

И тут

Плешивый вспомнил, что, конечно же, слышал об этом парне, только вот встречать его до сих пор не доводилось. Терентьев, по кличке Тетеря, был из спортсменов, бывший борец вроде, и

«держал» район грузового

порта

Огромная асфальтовая площадь перед воротами

порта

была постоянно запружена многотонными фурами, ожидавшими своей очереди под разгрузку-погрузку.

С водителей, зачастую иностранцев, и собирали мзду ребята Тетери, а заодно приглядывали за крутившимися тут же путанами, торговцами паленой водкой и наркоты. Тетеря считался правильным пацаном. Контролируемая территория досталась ему мирным путем, можно сказать: его назначили на эту «должность» на местном сходе года полтора назад.

— Это точно? — сурово спросил Плешивый.

— Точно! — кивнул Тетеря. — «Арбузами» уже два дня торгуют. Но товара мало. Это так, скорее всего, пробная партия...

Плешивый некоторое время молчал. Вот оно что получается! Ах, шакалы! Сначала втихаря пробную партию запустили, чтобы спрос определить, и только потом к нему за «добром» пошли! Он разозлился не на шутку.

— В общем, так... Ты, Тетеря, парень путевый... Разузнай, кто толкает дрянь уличным барыгам... А с ними проведи разъяснительную беседу. На первый раз чтоб все культурно было! Просто доведи до их сведения, что... что я таджикские гостинцы не одобряю. Точка. Считайте, люди, что я довел до вас свое мнение. А дальше поступайте, как вам совесть велит...

Плешивый разволновался. Он даже удивился этому, так как обычно всегда держал себя в руках при любых обстоятельствах. А тут... Что-то подсказывало ему, что добром это дело не кончится. Поганое это было дело. Хотя если посмотреть со стороны, то ничего страшного не случилось. Ну, приехали таджикские барыги, испросили разрешения торговлишку здесь открыть. Им отказали. За это головы не снимают.

И все же червь сомнения грыз душу Плешивого. Предчувствие подводило его редко. Он уже в который раз медленно обвел глазами присутствующих. Почему-то опять задержал взгляд на Болте. Блондин тоже в упор смотрел на него, на его губах застыла еле заметная ухмылка. Унизанные золотыми печатками пальцы подрагивали. От нетерпения?

Пожалуй, следует за этим блондинчиком пригляд поставить. А то мало ли что еще взбредет в его дурную голову... Надо бы его наставить на путь истинный, чтобы не сбился с правильного маршрута. И тут вора осенило. Он повернулся к сидевшему слева «секретарю по связям в общественностью» и тихо заговорил:

— Арсен, срочно узнай, где остановились таджики. И пошли к ним этого Болта. Пусть наведается к ним сегодня же и передаст им мнение схода что их пробная партия была последней в Мурманске. И чтобы в двадцать четыре часа они смотались из города...

Глава 4

Из Питера Варяг вернулся в Москву с твердым намерением выяснить, кто попытался организовать очередное покушение на его жизнь. В принципе он догадывался, в чьей голове мог зародиться этот коварный замысел, обернувшийся взрывом пассажирского самолета и гибелью полутора сотен человек. После назначения Владислава Геннадьевича Игнатова председателем Совета по инвестиционным проектам круг его недоброжелателей сузился: многие влиятельные люди, занимающие высокие посты в иерархии российской власти, заключили с ним бессрочный договор о сотрудничестве, и теперь им было невыгодно избавляться от смотрящего по России по крайней мере до того, пока он не выполнит свои обязательства по этому контракту. Следовательно, удар по нему планировали нанести — и нанесли, lot я и безуспешно, — те, кто связан либо с его заклятыми врагами в воровском сообществе, либо с конкурен

тами

его нынешних кремлевских благодетелей. Причем не исключено, что те и другие действовали в одной связке...

Среди воров наибольшую для него опасность представлял старый законник Дядя Вася, правая рука покойного Максима Кайзера. После самоубийства Кайзера на недавнем воровском сходе Дядя Вася стал лидером раскольнической группировки, давно уже вынашивавшей планы смещения Варяга. Значит, копать надо было в том направлении. Но теперь, обладая совершенно новым официальным статусом и имея доступ к легальным рычагам силового воздействия на криминальные структуры, Варяг решил прибегнуть к нетрадиционному способу разборки со своими недругами...

Еще находясь в Петербурге, он договорился по телефону о встрече с высокопоставленным сотрудником президентской администрации Александром Ивановичем Виноградовым, к кому и намеревался обратиться за помощью. Со времени их знакомства между ними установились основанные на взаимной симпатии достаточно доверительные отношения — насколько они вообще возможны между воровским авторитетом и отставным сотрудником всесильного силового ведомства. Но у Варяга был богатый опыт таких знакомств — начиная еще с генерала Кирилла Артамонова. Во всяком случае, именно благодаря Александру Ивановичу объявленный вне закона Варяг не только избавился от стаи милицейских волкодавов, но и заручился поддержкой Кремля. Виноградов, с его обширными связями в спецслужбах и правоохранительных органах, вполне мог оказать ему очередную услугу — посодействовать в выявлении заговорщиков...

В предвечерних сумерках черная «ауди» с синими мигалками летела по Кутузовскому проспекту в направлении Рублевского шоссе. Варяг расположился на заднем сиденье справа от водителя и задумчиво смотрел на мелькавшие за окном многоэтажки. Он думал о Лизе, своей одиннадцатилетней дочери, с которой не виделся уже больше полугода. По его просьбе Закир Большой переправил девочку в Швейцарию, где устроил ее в дорогой лиц

ей.

Владислав твердо пообещал самому себе, что, как только разберется со своими проблемами в России и получит возможность вылететь по делам в Европу, непременно заедет в Цюрих проведать Лизу. Интересно, какой она теперь стала? Заграница быстро меняет русских людей — даже детей, послушно привыкающих к комфортному, покойному и обеспеченному быту.

Машина притормозила и, свернув налево, миновала милицейский пост. Зоркий постовой чиркнул взглядом по номеру с российским триколором и заученно отдал честь. Номер

служебной «ауди» председателя Совета по инвестиционным проектам значился в секретном списке, который все сотрудники спецбатальона ГИБДД знали наизусть. Минут через пятнадцать «ауди» въехала в огороженную кирпичным забором территорию и остановилась перед солидным трехэтажным особняком, в котором обитал Виноградов. Хозяин сам вышел на крыльцо встретить гостя.

Александр Иванович был рослым и статным мужчиной лет шестидесяти, с серебристой сединой и обманчивой радушной улыбкой, маскировавшей холодную решительность многоопытного охотника на крупную дичь. Они обменялись рукопожатием, и кремлевский чинов

ник

провел Варяга в гостиную. Там уже был накрыт скромный стол: легкая закуска под водку «Виноградов-Лимонная». Усадив Варяга за стол, Александр Иванович плотно прикрыл двустворчатую дверь и сказал:

— Я бы пригласил вас, Владислав Геннадьевич, в ресторан... Есть у меня одно «явочное заведение» со стриптизом... Да жена косо смотрит на это. Ругается: что это ты, мол, все по клубам ходишь, дома посиди! Сегодня вот решил уважить ее, так она сама в «Петровский пассаж» укатила... А может, это и к лучшему. Мешать не будет... — с этими словами он разлил водку по хрустальным лафитничкам и поднял свой. — Ну, с приездом!

Варяг без улыбки чокнулся с ним и одним глотком осушил лафитничек.

— Я, Александр Иванович, к вам с заботой приехал.) Вы знаете, с какой.

Тот, вздохнув, кивнул:

— Знаю. И уже кое-какие справки навел. — Он сразу посерьезнел. — По результатам предварительной экспертизы тот петербургский рейс, на котором вы должны были лететь, да не полетели, взорвался сразу после взлета по причине... Бомба была в багаже, Владислав Геннадьевич. Бомба. В аэропорту бардак, служба авиационной безопасности недосмотрела... Кто подложил и когда, пока неясно. Знаете, как оно обычно бывает: пассажир регистрируется на рейс, сдает чемодан, а сам в самолет не садится... Тут сразу понятно: он и есть террорист. А там все пассажиры были на борту. Так что, скорее всего, гнусная подстава-

Варяг невольно вспомнил страшную гибель академика Нестеренко в небе над Канадой: тогда самолет компании «Эр Франс» тоже взорвался в воздухе, и там тоже все зарегистрированные на рейс пассажиры находились на борту. И насколько знал Варяг, катастрофа того «боинга» была подстроена не исламистскими террористами-отморозками, а российскими спецслужбами, и их мишенью был один пассажир — Егор Сергеевич Нестеренко... Ситуация повторилась.

— Я подозреваю, что такое могли сделать только по приказу с самого верха, — перебил собеседника Варяг. — Те, кто не заинтересован в моем сотрудничестве с Мартыновым.

Виноградов взял с блюда лист зеленого салата, положил на него лоснящийся жирком кусочек селедки, завернул рулетиком и отправил в рот.

Я тоже так думаю... Но ведь, как вы мне рассказали в поезде с вами тоже приключилась неприятная история». За вами следили еще на Ленинградском вокзале...

— Получается, что мои телефоны или телефоны моих людей по-прежнему прослушиваются... И это несмотря на мое назначение, — раздраженно бросил Варяг.

Ну, Владислав Геннадьевич, вы оказались в точке пересечения конфликтующих интересов... К тому же поймите: в нашей стране могут прослушиваться лю

бы

телефоны, несмотря на то, какую должность занимают их владельцы, — усмехнулся Виноградов. — Думаете, от

этого

застрахован хотя бы президент?

Полагаю, что нет, — твердо заявил Варяг.

В

этот

момент запела лежавшая на столе трубка радио-телефона. Александр Иванович поднес трубку к уху:

— Виноградов на связи! — На его лице появилось выражение абсолютной сосредоточенности. Светлые, с проседью, брови сдвинулись к переносице. — Да, Анатолий Викторович... Ясно. Конечно. А он как раз сейчас у меня. Да, сейчас дам...

Виноградов протянул трубку Варягу:

— Вас, Владислав Геннадьевич!

Варяг сразу же узнал вкрадчивый голос руководителя

Президентской

администрации Анатолия Викторовича Мартынова. Он говорил, как обычно, слегка заикаясь.

Владислав Геннадьевич! Виноградов уже ввел вас в курс дела? О Мурманске. Нам нужна ваша помощь.

Желат

ельно через ваши... старые связи... и...

Но при моем назначении мне было поставлено условие, чтобы я отошел от старых дел... — мягко перебил Варяг высокопоставленного чиновника.

— Верно. Условие остается в силе. Но ситуация чрезвычайная. В любом случае ваше вмешательство получит санкцию на самом верху. Так что... Это личная просьба, Владислав Геннадьевич. Личная...

Варяг потер лоб тыльной стороной ладони.

— Мне нужны детали! Хотя кое-что мне уже известно.

— Пока могу вам сказать следующее. На днях был убит генерал-майор Гусаров. До этого погиб генеральный директор грузового порта, а перед тем иностранные коммерсанты, связанные с лесозаготовками... Речь идет о людях, которые пытаются подмять под себя город и область. Вы таких называете беспредельщиками. Кое-кто расчищает себе дорогу к креслу губернатора. Но перед ними следует поставить надежный заслон. Обратите особое внимание на Таганцева. Михаила Юрьевича. Наведите справки по своим каналам, вы узнаете много интересного... До связи, Владислав Геннадьевич. И удачи вам!

Отложив трубку в сторону, Варяг бросил тяжелый; взгляд на Виноградова.

— Что-то нервничает Мартынов. Ведь когда вы звонили мне в Питер, я сразу сказал: все сделаю. Работа по Мурманску уже ведется. Я послал туда своего человека. Он осмотрится, на месте оценит обстановку, и мы вместе решим, как действовать дальше.

— А помощь не нужна? — с деланой озабоченностью в голосе воскликнул Виноградов. Будучи тонким психологом, этот многоопытный чекист знал, как втереться в доверие к собеседнику: надо всячески выказывать ему симпатию и сочувствие. Но Варяг давно уже раскусил этого хитреца и не позволял себе повестись на его профессиональные уловки.

— Нет, спасибо! — безапелляционно заявил Владислав, не желая лишний раз быть обязанным своим влиятельным доброхотам. — Мы уж как-нибудь своими силами справимся...

— Ну, вот и хорошо, — равнодушно произнес Виноградов и продолжал деловито: — Анатолий Викторович в личной беседе поручил мне передать вам следующее. Он готовит для вас важный проект. Проект, как говаривали

при прежней

власти, судьбоносный. Не только для вас, но и

для всей

России. Речь пойдет о том, о чем с вами бе

седовали в

загородном ресторане те три старика...

Варяг прекрасно помнил устроенное ему Виноградо

вым

тайное randevu с тремя кремлевскими ветеранами, которые выступали в роли посредников между главным Номинальным авторитетом России и высшими должностными

лицами.

Речь тогда шла о сложной операции возврата

российских

векселей, облигаций и прочих долговых обяза-

тельств,

скупленных под шумок во время дефолта 1998 года группой российских банкиров-невозвращенцев. Под эту операцию Варягу посулили почти неограничен-

ные

полномочия

и официальную крышу — кресло председателя Совета по инвестиционным проектам.

И вот теперь, очевидно, подготовлена почва для встречи с... Но с кем именно, Варяг точно не знал, хотя и предполагал, что его визави станет глава правительства.

Аналогичная

встреча уже была шесть лет назад...

Вскоре вам придется выехать в Европу, провести там ряд непростых и даже, может быть, неприятных бесед с малосимпатичными людьми... — продолжал Виноградов. — Но это произойдет не ранее, чем вы сумеете решить проблему Мурманска. Кстати, там, как вы знаете, скоро губернаторские выборы. И вот тут возникла идея...

Мы

ее тоже обсуждали с Анатолием Викторовичем

... А

если вам баллотироваться? Что скажете?

Владислав невольно улыбнулся. Он сразу вспомнил, как в далеком девяносто третьем году избирался в Государственную думу; тогда еще под прошлой своей фамилией Щербатов. И что же — теперь опять впрягаться в эту бодягу, опять выступать на бессмысленных митингах, встречаться с трудящимися области?... В девяносто третьем, но первости, избирательная кампания шла всерьез и с азартом. Тогда ставки были высоки и приз не мал. Но теперь... Все это выродилось в чистый фарс, превратилось в дешевую пантомиму с растрачиванием бюджетных средств в особо крупных размерах. Да и не нужно ему это.

— Александр Иванович, помилуйте! — Варяг решил повалить дурака. — Ведь я к Мурманской области никаким боком... Родился в Казани, обретался, как вам известно, больше по дальним сибирским углам, потом в Москве обосновался, а в Мурманске даже ни разу не был...

— Не страшно! — энергично махнул рукой Виноградов. — Это же пустая формальность! Неужели вы думаете, мы не сумеем справиться вам такое свидетельство о рождении, где будет четко записано, что вы — уроженец какого-нибудь Мончегорска, а потом и аттестат о среднем образовании, выданный Оленегорским роно... — Он усмехнулся, блеснув золотой коронкой в углу рта. — Это пока еще в наших скромных силах!

Варяг, не задумываясь, покачал головой и с усмешкой произнес:

— Нет уж, Александр Иванович. Протирать штаны на заседаниях — не по мне. Я же как-никак

смотрящий, а не сидящий! — При этих словах Виноградов хитровато сощурился. — Да и какой из меня, к черту, губернатор, если я буду заниматься... кремлевскими инвестиционными проектами. Нет, меня это не интересует!

— Ну что ж, на нет, как говорится, и суда нет. Так и запишем. Но выборы в Мурманске все равно состоятся. При любой погоде. И они должны пройти так, как надо. То есть в губернаторское кресло должен усесть надежный человек. Как говорится, старой советской закалки. Но не из красных директоров, которые только и ждут удобного момента, чтобы хапнуть, что плохо лежит, а если их пугнуть, так они сразу лапки кверху и пойдут плясать под дудку любого беспредельщика, который им бабки посулит...

— Вы хотите, чтобы я нашел вам надежного человека? — напрямик спросил Владислав, подумав, что

подходящую

кандидатуру из местных ему вполне мог бы подсказать Филат.

Виноградов ответил не сразу. Он встал из-за стола, по

дошел

к журнальному столику в углу гостиной и, нахло

нившись.

достал из-под вороха газет тонкую зеленую пап

ку,

которую, понятное дело, заранее положил туда перед

приходом

Варяга. Он вернулся за стол и раскрыл папку.

Хочу ознакомить вас, Владислав Геннадьевич, с одним личным делом. Это, конечно, не из отдела кад

ров,

но... достаточно информативно. Капитан первого

ранга

в отставке. Бывший заместитель командующего Северным флотом Игорь Васильевич Самородов. Орде

ноносец.

Член политсовета флота...

Варяг нетерпеливо кашлянул:

Не пойму, Александр Иванович, зачем вы мне все это читаете?

— Да вы погодите, Владислав Геннадьевич, экий вы нетерпеливый! Сейчас я дойду до сути. Каперанг Само

родов

ушел в отставку шесть лет назад после громкого

скандала

в штабе флота. Там подводная лодка затонула, на

борту

ракета взорвалась. Причины инцидента коман

дующий

флотом скрыл, сославшись на то, что лодка я

кобы

натолкнулась на старую мину времен Второй

Мировой

войны. А Самородов потребовал тщательного расследования... Он, знаете ли, правдолюбец.

Бучу под

нял

такую, не приведи господь! Местную прессу поднял

на ноги,

в Москву летал, в Минобороны пороги обива

л...

Словом, написал рапорт и его по-быстрому уволи

ли.

Но он и на пенсии не успокоился. Основал фирмочку

по

сбору криминальной информации в городе и

области.

В общем, Самородов большая заноза... Это

и к тому,

Владислав Геннадьевич, что такой человек.

Вполне мог

бы, если ему помочь, подтолкнуть к верным решениям... Вполне мог бы стать перспективным кан

дидатом...

хоть в мэры, хоть в губернаторы.

Варяг пожал плечами.

—

Возможно. Но при чем тут я? Я об этом Самородове впервые слышу.

—

Вы же сами сказали: у вас там есть каналы воздействия. Наверняка ваши люди о Самородове знают. Он вообще в Мурманске фигура заметная. — Виноградов закрыл папочку и бросил ее на стол. — То есть искать уже не надо. Надо просто познакомиться с Самородовым поближе и прощупать человека.

—

А почему же вы сами не хотите? По своим каналам? — с недоумением поинтересовался Варяг.

—

Да вот в том-то и заковыка. Этот Самородов — упрямый мужик. Он с представителями власти знаться не желает. Считает, что все прогнило в Датском королевстве, что все повязаны... Так что с нами, — с нажимом произнес Виноградов, — он вряд ли захочет вступать в контакт. А вот с вами... Не исключено. Тем более что ваше имя, я думаю, ему известно. Как и ваши дела...

—

И почему же вы решили, что именно со мной он будет готов контактировать?

Виноградов цыкнул зубом и, прикрыв глаза, убежденно заметил:

—

С вами... Не как с руководителем правительственного ведомства, а как с законным вором Варягом. Будет! В любом случае почему бы не попробовать? Вы же ничем не рискуете. Для начала пусть ваш человек, который уже находится в Мурманске, наведет с ним мосты. Если

Самородов наотрез откажется, ну, значит, не судьба. А если не откажется...

Поразмыслив, Владислав согласился:

—

Добро. Значит, у Сержанта одной заботой станет больше.

—

Почему у сержанта? — не понял Виноградов. — Он же капитан первого ранга!

Варяг встал и с улыбкой ответил:

— Нет

-нет... Это

я

так. Вспомнил одного старого знако

мого.

Ну что, Александр Иванович, остаемся на связи...

Глава 5

Уже

совсем рассвело, но вставать не хотелось, хотя через несколько часов ему нужно было быть уже на вокзале Оленегорска и ехать в Мурманск. Он провел в этом двухэта

жном

коттедже три дня и за это короткое время опять успел привыкнуть и к по-военному строгому порядку п

росторного

жилища, и к его серьезному молчаливому х

озяину,

с которым в последние полтора года виделся рег

улярно

раза два в месяц, так что уезжать отсюда совсем не хотелось. Полтора года назад он, Станислав Щербак, двадцатитрехлетний пятикурсник юрфака Петербургского университета, впервые приехал сюда погостить к ста

рому

знакомому, да с той поры и зачастил.

В этом

коттедже последние три года жил отставной капитан первого ранга и бывший заместитель командующего Северным флотом Игорь Васильевич Самородов, который, выйдя в отставку, не захотел ни оставаться в Се

вероморске,

где прослужил последние десять лет, ни возв

ращаться

в родной Мурманск, а осел здесь — в Оленегорске,

поселившись

на берегу живописного озера. Коттедж б

ыл построен

по финскому проекту и отличался не просто

уютом, но и

западной функциональностью — эргономичностью,

как

любил повторять хозяин.

Смежный санузел со всеми необходимыми гигиеническими принадлежностями находился тут же, в спальне, за зеркальной дверью. Станислав встал с постели и отпра

ился туда.

Разглядев свою несколько округлившуюся за три

дня

сытой спокойной жизни физиономию, он остался доволен.

Да,

стоило на три денька вырваться из

Мурманска — как

сразу все заботы вылетели из головы.

Он вспомнил, как полтора года назад впервые приехал сюда — смущаясь, робея, боясь, что Игорь Васильевич окажется совсем не таким, каким он рисовался ему в воображении. Что ж, немудрено: все же десять лет прошло с тех пор, как Самородов, тогда еще капитан третьего ранга, попрощался с тринадцатилетним сыном своей любимой женщины по-взрослому, за руку, добавив, что расстанутся они надолго, а может быть, и навсегда.

Но жизнь полна неожиданностей. Через десять лет Стас случайно увидел Самородова по телевизору, захотел повидаться с ним, нашел его координаты, списался и отправился в Оленегорск, не догадываясь, какой крутой поворот произойдет в его жизни и судьбе после той волнующей встречи...

Спустившись на кухню, он застал Игоря Васильевича за чтением утренних газет. Тот не сразу поднял глаза от страницы, и Стас невольно поймал себя на мысли о том, что отставной каперанг сильно сдал за последние полгода: видно, донимают его сильно все эти нескончаемые разборки с военными и штатскими чиновниками, в которые он ввязывается с упрямством и злостью бойцового бульдога. Однажды его предупредили, и серьезно: когда десять месяцев назад Самородов наведывался в Мурманск, на набережной неизвестный бандюган нанес ему сзади удар ножом в почку. Крепкий организм моряка помог ему выжить после сильной кровопотери, но здоровье с того дня пошатнулось. И больше Самородов из своей «берлоги», как он называл коттедж на берегу озера, не вылезал. Стас приезжал теперь к нему сам — не только на инструктаж и для отчета, но и просто в гости, как в этот раз.

Перед Игорем Васильевичем дымилась чашка утреннего кофе и остывал нетронутый омлет. Завидев гостя, он улыбнулся:

— Доброе утро, Стасик! Присаживайся. Ну что, готов к отъезду? Соскучился по родному городу?

Стас сел

и

пожал плечами.

—
Да как-то не знаю. Домой, конечно, хочется. Там ДО Юля у меня... По ней скучаю.

Самородов хмыкнул и перебросил ему «Коммерсант». — Ничего, скоро тебе скучать не придется. Чувствую, начинается очередная крупная заваруха.

Стас взял газету и пробежал глазами по заголовкам

первой

полосы. Самородов пояснил:

—

Да нет, на четвертой странице. Небольшая заметочка внизу.

Увидев название родного города, Стас удивился. Не часто о Мурманске писали на страницах общероссийских изданий, где в основном обсуждались столичные дела. Статья называлась «Девятый вал наркотрафика захлестнул северный портовый город». Чуть ниже следовал подзаголовок, набранный более мелким шрифтом: «Из Москвы Срочно выезжает специальная комиссия МВД и Комитета по контролю за незаконным оборотом наркотиков». \$ Стас погрузился в чтение. Когда наткнулся на слово «анаша», сердце екнуло: ну вот, и до Мурманска гонцы казахские добрались.

Прочитав статью, он отложил газету. Перед ним уже тоже стояла дымящаяся чашка кофе и тарелка с омлетом. Стас так увлекся, что не заметил, как Игорь Васи

льевич

подал ему завтрак.

—

Ешь давай, — сказал спокойно Самородов. — Нам скоро выезжать.

—

Неужели все так серьезно? — Стас указал пальцем

на

газету. — Все, что тут написано?

Самородов кивнул со вздохом:

—

Еще серьезнее! Ситуация в городе гораздо хуже. Потому что раньше наркотой торговали из-под полы кустарным образом, от случая к случаю, в основном приезжие. А сейчас, насколько я могу судить, наркоти

ками

заинтересовались и местные...

—

Кто? Кто в Мурманске этим занимается? Амир и этот... как его...

—

Ты имеешь в виду цыгана? Нет, они — мелкая рыбешка. В дело вмешался Норвежец. А это уже беда...

—

Норвежцы? — не понял Стас.

—

«Норвежец» — это кличка. Таганцев Михаил Юрьевич. Бывший работник Министерства внутренних дел, а в последнее время крупный предприниматель. Пару лет назад у него возникли в городе трения с криминалитетом. В него стреляли, ранили, он подался в бега. А год назад вернулся, осмотрелся... По моим сведениям, он хочет создать в городе разветвленную сеть наркоторговли. И его необходимо остановить!

—

Постойте, Игорь Васильевич! — перебил его Стас. — А как же городские власти? Милиция, наконец?

—

Все куплены. Я знаю, что он всех купил. Если кто-то из честных ментов начинает под него копать, то тут же оказывается в спецкапэзэ. На него фабрикуется дело. В бизнесе Таганцева завязаны очень влиятельные люди, Стасик. Поговаривают, что и нынешний мэр у Норвежца на крючке.

Стас отпил кофе и стал ковырять омлет. Подцепив на вилку кусочек прожаренной ветчины, с

аппетитом прожевал.

—

Я чего-то про него раньше не слышал. Кто такой Таганцев? Откуда он взялся?

Самородов откинулся на спинку стула.

—

Ты просто не интересовался — вот и не слышал. А те, кто интересовался, его хорошо знают.

—

Например?

А

потом окреп, осмелел, заматерел и послал воров на хутор бабочек ловить... — Старый моряк криво усмехнулся.

Стас отложил вилку. Это новость.

— Неужели? То есть он сейчас с ворами на ножах? Но как же ему удалось уцелеть?

— Удалось вот... Он же несколько лет назад прихлопнул одного отмороженного — Бабая, который убил воровского Смотрящего Босого. Этот самый Бабай прихватил у Босого воровскую казну — общак. Деньги были немалые, больше миллиона долларов. Это, конечно, только мои предпо

ложения,

никаких прямых доказательств не было и нет. Но я уверен в этом. Воровской общак достался Норвежцу. с

тех

пор и пошла у него вражда с законниками. Чтобы обезопаситься, он сам сколотил себе бригаду из головорезов. Отставные менты, спортсмены, бомжи — в общем, всякая шушера. Вошел во вкус, начал отеснять воров. Поначалу тряс Восточный район, который ему отдали без

боя.

Сам знаешь: трущобный райончик, там поживиться

Нечем.

В бараках живут работяги и старики,

- А нефтебаза? Она же тоже там.

— Ну, туда его не пустили, — улыбнулся Самородов. — Ты что? Туда и законные-то опасаются свой нос

совать.

А Норвежец стал стричь по мелочи, чисто символически. Appetit пришел к нему во время еды... Говорю же: до недавних пор он был никем. Из МВД его вы

гнили

за какие-то темные дела. Он в бизнес подался,

ничем

не гнушался. Начинал с малого. А теперь он хозяин заводов, портов, пароходов... Абсолютно бесприн

ципный.

И ребят набрал под стать себе. Главный там

у него

волкодав Жора — сам наркоман конченный, и все

пацаны

его на игле сидят. Лютуют жутко. Их в городе «эскадром смерти» называют. Разъезжают на трех

Черных

джипах без номеров. Неужели не видал?

— Не понимаю, — Стас потер лоб, — то ли вы, Игорь Васильевич, сгущаете краски, то ли там такой бардак, что... Как это так, без номеров разъезжают? А ГАИ куда смотрит?

—

Его людей не трогают. Делают вид, что не замечают. Ублюдки, накачанные наркотиками и до

зубов вооруженные, спокойно рассекают по городу. Топоры с собой возят. Помимо огнестрельного оружия.

Стас даже присвистнул.

—

Топоры?

—

Ну да! Жору даже прозвали «железным дровосеком». И порядок в городе они наводят соответствующий, на собственный лад. Своих барыг охраняют, а чужих прижимают. Если у уличного торговца наркотой возникает какая-либо проблема, то через несколько минут к месту конфликта подъезжает черный «лендкрузер» без номеров, и оттуда выходят парни с мясницкими топорами в руках. Каково?

Стас представил себе эту картину. Жуть! Неужели такое могло произойти всего за четыре года, что он отсутствовал в Мурманске? Ведь уезжал же из нормального города — не лучше, но и не хуже любого другого в России.

—

И что, убивают? — поинтересовался Стас.

—

Естественно. В течение последних месяцев произошел ряд вооруженных стычек. С людьми Норвежца в Портовом районе воюет Арсен. Слышал о таком?

—

Честно говоря, нет, — признался Стас, — Кто это?

—

Спортсмен, бывший борец. Но, как у них говорится, «пацан правильный». Законный вор. Под смотрящим по Мурманску Плешивым работает, долю исправно в городской общак отстегивает. А Плешивый наркоту не уважает — за что ему, кстати, честь и хвала. Он, конечно, не может полностью искоренить барыг, но сильно их ограничивает. Хотя спрос на наркотики сейчас в Мурманске огромный. Не пойму, что стряслось с народом... Раньше наркотой баловались уголовники да шлюхи, а теперь даже школьники пристрастились. Верно говорят: смутные времена в России настали — вот люди и слетели с катушек! Но если на это просто посматривать со стороны и ни хрена не делать, до большой беды докатится... Вон по телевизору коммуняки орут: геноцид русского на

града,

геноцид русского народа. А они, горлопаны, лучше бы меньше слова месили между зубов, а больше бы делом занимались. А тут еще прошел слух, что в Мурманск из Таджикистана привезли наркотик нового поколения... «Арбуз» называется. — Почему «арбуз»?

—

Да потому, что вроде как на бывших арбузных плантациях его высаживают и выращивают. Говорят, это сорняк, который рядом с арбузами на бахчах рос — о его наркотических свойствах никто и не догадывался, пока какой-то умелец... есть в Таджикистане один старый шакал... не допетрил, что это дешевый и сильнодействующий галлюциноген. Вот так-то!

— И что же нам делать, Игорь Васильевич? Если бандиты, милиция и наркоторговцы заодно?

—

Действовать, Стас, мы будем только одним-единственным возможным путем — законным. Именно для этого я тебе и посоветовал организовать адвокатскую контору. Чтобы все было по закону. Но, как ни странно, в этом деле есть у нас один неожиданный союзник — вор в законе Плешивый. Он уже дал отмашку своему человеку Арсену: мол, гасите наркоторговцев, волков позорных. Вчера состоялась городская воровская сходка,

и

там, по инициативе Плешивого, таджикские «арбузы» распространять запретили. Так что теперь Норвежец против него открыто попрет.

—

А Плешивый? Неужели он это стерпит?

— Нет, конечно. Но знаешь, у законных воров свои представления о чести. Им сразу, с ходу мочить воровские понятия не позволяют. Сначала сходку собрать! нужно, проблему обсудить, устроить толковище, потом всем миром решение вынести. Обычно это только предупреждение. На первый раз. Ну а уже потом, если зарвавшийся рогомет слов человеческих не понимает, в дело вступает «разборная бригада». Так-то... Это у беспредельщиков да отморожков все быстро делается: захотел замочить — и топором махнул! Или из ствола шмальнул... Норвежец вот как раз из таких. Но пусть они друг с другом разбираются: нам это выгодно.

Стас задумался. Да, делишки... Из-за наркоты в городе самая настоящая война развяжется. Хорошо еще, что эти барыги с местными авторитетами общий язык пока не нашли.

—

Игорь Васильевич, почему же вы всю эту информацию от меня скрывали? — В голосе Стаса звучал упрек. — Вы даже знаете, сидя в этой глуши, что вчера в Мурманске воры на сходку собирались...

—

А что зря болтать? Надо было все для начала проверить, — строго заметил Самородов и улыбнулся. — А насчет того, что я знаю, сидя в этой глуши... Так ведь мобильная связь — она самая быстрая! — И он помахал в воздухе серебристой коробочкой «Нокии». — У меня ведь масса знакомых в Мурманске и области — еще со времен моей флотской службы. И в мэрии, и в администрации губернатора, и в штабе флота. Сюда много какой интересной информации стекается... — Самородов осекся и внимательно посмотрел на гостя.

Стас молчал, ожидая продолжения.

—

В Мурманске на днях появился некто Андрей Петраков. Колоритная личность. Между прочим, мурманчанин. Приехал сюда из Таджикистана. И не один, а вместе с таджиком.

—

Кто это? И почему он вас интересует?

—

Сейчас объясню. Петраков — бывший кадровый офицер Советской армии, воевал в Афганистане и в Чечне. Потом после Хасавюрта стал профессиональным

наемником и, решив, что зарабатывает маловато, подался в Таджикистан. Последние годы работал на старого наркоторговца — Сайда Джафарова.

—

Ага, — оживился Стас. — Я слышал это имя. По телевизору.

— Да, личность довольно известная. Петраков командовал у него целой ротой наемников. Теперь вот прибыл на родину, вероятно, чтобы наладить сюда наркопоток. Видимо, его хозяин прокладывает новый маршрут. В Россию.

Стас посмотрел на часы. До отхода его поезда оставалось чуть больше часа. Он в два глотка допил остывший кофе и поднялся.

— Пора мне, Игорь Васильевич! — Я провожу. До вокзала. По дороге еще поговорим. Стас поднялся в гостевую комнату и быстро собрал

вещи

в спортивную сумку. По дороге на железнодорож

ный

вокзал Самородов, как всегда, даст ему конкретное задание. В каком направлении следует работать ребятам

из

адвокатского бюро «Щербак и партнеры». Стас был уверен, что Игорь Васильевич поручит им что-нибудь имеющее касательство к Норвежцу. Неужели он и вправду так силен? Надо же, какой-то бывший мент подмял под себя весь город! Ну, с мурманскими милиционерами, Предположим, у него проблем и не предвиделось. Купил

с

потрохами своих бывших кентов — и все дела. Но почему же местный криминалитет такое допускает? Или блат

ные

действуют с Норвежцем в одной упряжке? Это усложнит ситуацию. Тогда теми законными методами,

о

которых ему постоянно твердит Самородов, свалить Норвежца будет практически невозможно. Да Стас и сам понимал, что если уподобиться этой мрази бандитской, так ведь и сам тогда незаметно для себя замараешься

по

локоть... Остается надеяться, что Плешивый еще ска

жет

свое веское слово. Сбрасывать со счетов воровского

смотрящего рано и неосмотрительно. Это сила, и сила реальная, могущая жестко диктовать свои условия кому бы то ни было. Даже такому отморозку, как Норвежец.

Стас подхватил с пола сумку, закинул ее на плечо, сбежал вниз по ступенькам и вышел на крыльцо коттеджа. У него защемило сердце: было грустно оттого, что он покидает этот гостеприимный дом. За оградой «ауди» Самородова уже урчала мотором. Сам Игорь Васильевич стоял возле открытой дверцы и махнул Стасу рукой: поторопись, мол, времени в обрез.

Стас прошелся по двору и, прежде чем сесть в машину, окинул последним взглядом коттедж. Он вздохнул и залез в машину.

—

Почему таких коттеджей у нас не строят в городе? — спросил он у сидевшего рядом Самородова. — Аккуратно, прочно, тепло. А в наших хрущобах и жить совсем невозможно...

—

Менталитет!.. — неопределенно ответил Самородов, включая первую передачу.

—

Игорь Васильевич, — начал Стас. — Я все о том же... О маме...

Самородов кашлянул.

—

Я ждал этого разговора, Стасик. Кое-что мне стало известно за это время. Ты же знаешь, я все эти годы не сидел сиднем. Но пока я торчал в Североморске, мне было трудноато заниматься розыском вплотную. И отсюда непросто... Да к тому же я — лицо постороннее, это тебе могут дать допуск в архив... Ты сын, ты студент юрфака, специализируешься по уголовному праву — вот и оформи себе направление в архив городской прокуратуры. А я эти папки даже затребовать не имею права. Словом, надо тебе для начала найти следователей, которые вели дело об убийстве. Их было двое. Начни с последнего — может, он наведет на след. Вспомнит, почему закрыли дело. А потом выходи на первого. Я с ним тогда встречался. Толковый мужик, правильный... Ему не дали цопнуть глубже. Там, Стасик, какая-то тайна есть, какая-то закавыка.

— Какая, Игорь Васильевич? — нахмурился Стас.

— Знаешь, как раньше дела делались, да и сейчас делается? Несется какой-нибудь пьяный оболтус на мотоцикле, сбивает пенсионера на пешеходном переходе, а потом старика же и судят. Потому что мотоциклом управлял сын Губернатора. За него и прокуратора, и следственный отдел МВД горой встанут. И засудят бедолагу за то, что он в мотоциклиста камень бросил... Нападавших было пятеро. Не исключено, что среди них был сынок какого-нибудь высокопоставленного чиновника. Ладно, чего воду в ступе толочь без толку...

«Ауди» выскочила на вокзальную площадь и остановилась перед обшарпанным кирпичным зданием с башенкой и часами, которые показывали верное время лишь два раза в сутки.

Самородов выключил зажигание. Стас заметил, что сегодня он был особенно бледен и, когда разговаривал,

слегка

кривился от боли. Давала о себе знать та ножевая

рана в

почке.

— Вот что, Стас. Вам в бюро надо бы набрать крепких ребят для охраны. Ну и... мало ли что может произойти. Ты как насчет этого?

Стас пожал плечами.

—

Игорь Васильевич, вы же сами меня учите поступать только по закону. Вот мы и будем действовать по закону.

—

Это правильно, — кивнул старый моряк. — Но если хочешь бороться с наркоторговлей в городе всерьез, крепкие лбы тебе не помешают. Хотя бы для прикрытия. Гебе же придется в опасных местах появляться, с крутыми людьми встречаться да скользкие разговоры вести. Да и с бюро у тебя, как я понял, проблемы начались... Из старого офиса вас выгнали?

Стас горестно вздохнул:

—

Выгнали. Арендную плату взвинтили такую, как будто мы снимаем офис на Уолл-стрит.

—

Выходит, вы уже кому-то костью в горле встали.

—

Я знаю кому... — недобро усмехнулся Стас. — Мы вели недавно одно дело — ветеран войны судился с капитаном милиции, который его дочь изнасиловал. Дочка, правда, та еще шалава... Но все равно осудили капитана. Хоть и условную, но судимость он заработал и три месяца на нарах в СИЗО просидел.

—
Вот-вот, об этом я тебе и толкую. Чем больше вы наживете себе врагов в городе, тем сложнее у вас будет жизнь. А уж коли ты решишься за «арбузы» эти взяться, то...

—
А вы считаете, надо? — напрямик спросил Стас. — Я же понимаю, Игорь Васильевич, что все эти разговоры про «арбузы» из Таджикистана не просто так.

Самородов помрачнел.

—
Я тебе не рассказывал об этом, Стасик. У меня племянница была в Питере. Семнадцать лет девчонке было. Подсела на героин, дуреха. Вколола себе однажды дозу и заснула... Вечным сном. А ее мать, моя сестра младшая, не вынесла и руки на себя наложила. Вот такие дела. Так что я эту наркоту... Вернее, не наркоту, а тех сволочей, которые ее толкают несмышленным мальчикам и девочкам... Я бы их без суда и следствия на месте к стенке ставил! По моему закону... — Самородов разволновался, отчего побледнел еще больше. Но он взял себя в руки и продолжал уже спокойно: — Открытая война с Таганцевым вам, ребятки, не по зубам. А вот кровь ему попортить, прижать его прихвостней по одному — дело хорошее. А заодно попытаться выведать, как идут поставки в городе. И самое главное — выйти на Петракова. Ведь именно он отслеживает канал между Таджикистаном и Мурманском.

—
Что надо сделать конкретно? — спросил Стас. Ему было важно знать, ограничивает ли Самородов его деятельность какими-то рамками или же у него на этот раз полностью развязаны руки. Второе, конечно же, было бы предпочтительнее. У него уже чесались руки заняться городскими барыгами. Силы неравны, но, как говорится, «будем посмотреть»... Самородов ответил именно так, как и рассчитывал Стас:

— Смотри по обстановке. Сначала оцени общую ситуацию. Ты же еще толком ничего не знаешь. Только с моих слов. Не торопись и не наломай дров. То, что основная наша цель — развалить наркобизнес Таганцева, думаю, тебе и так понятно.

—
Да уж сообразил, — с усмешкой отозвался Стас.

— Сразу ни во что не ввязывайся. Пока только наблюдай. Кстати, крепкие ребята тебе и тут понадобятся. За новые дела не берись пока, за исключением слишком серьезных случаев. Как с той девушкой, у которой машину отобрали и избили. Как она?

— В больнице месяц пролежала. Зубы ей выбили, сволочи... Такая красивая девчонка! Лицо порезали... Ужасно! Самородов взглянул на часы:

—
Ну, брат, тебе пора, а то на поезд опоздаешь. Проходящий питерский стоит тут минуты две всего. Своих береги, Юлю особенно. На рожон не лезь. Отморозки Таганцева разговаривать много не любят — сразу же хватаются за ножи и стволы.

Самородов стал вылезать из машины.

— Не надо, Игорь Васильевич! — запротестовал Стас. — Чего вам ходить? Не маленький, сам сяду в вагон!

Отставной каперанг махнул рукой и сердито нахмурился:

—
Чего я, совсем уже больной старичок? За кого ты меня принимаешь?

Они направились к покосившимся стеклянным дверям. В тесном зале царил обычная вокзальная сутолока.

Стас мысленно был уже дома, в Мурманске. Отдохнул он

в
коттедже на берегу озера здорово, теперь предстояло поработать. Искоса поглядывая на невеселого Самородо

ва,

он понимал его тоску. Ему действительно было плохо.

Они вышли на перрон. Лица обдал порыв студеного воздуха и запах гари. Раздался далекий свисток поезда, и гнусавый женский голос лениво произнес из невидимого репродуктора: «Скорый пассажирский поезд Петербург — Мурманск прибывает на первый путь. Будьте осторожны!»

Самородов обнял Стаса и тихо произнес на ухо:

— Удачи тебе, сынок!

Глава 6

Болт не спеша спустился по лестнице в гостиничный вестибюль. Он здорово устал от почти двухчасового толковища, но все же был доволен проделанной работой. Разговор с таджиками состоялся, и был он предельно конкретный. Найти их тоже не составило ему большого труда, хотя они и поселились в неприметной частной гостинице «Прибой» на окраине города. Снимали двухместный номер и уж точно не ожидали гостей.

Приятно было смотреть на их вытянувшиеся рожи, когда он объяснил им суть своего визита. Болт дискуссий не разводил и не церемонился. Прямо в лоб сообщил, что Плешивый им дает двадцать четыре часа на сборы. А после назначенного срока никто за их жизнь и ломаного гроша не даст.

Смуглый усач Махмуд сразу съежился: видно, понял всю серьезность положения. А здоровяк русский, его сопровождающий, казалось, прямо с кулаками на него кинется: желваки заходили, голубые глаза сузились, засверкали. Но чихал на него Болт. Пусть зубами скрежещет, все равно хвост поднять не посмеет. Да и кто в городе осмелится напасть на личного посланца смотрящего? Болт знал, что никто, и эта мысль приятно щекотала его самолюбие. К двадцати шести годам достигнуть такого положения — о таком он, парень с восьмилетним образованием и двумя судимостями, и мечтать раньше не смел.

Поворот в его судьбе наметился во время последней отсидки, когда шустрого и смышленного пацана заметил на зоне вор в законе Бабай. Он доверил ему несколько поручений, и Болт с ними блестяще справился. После этого он уже официально состоял в воровской пристяжи, а освободившись, продолжал вертеться вокруг мурманских воров. Когда же Бабая порешили, Болт, недолго думая, поспешил присягнуть на верность новому хозяину города, зная, что если плясать под нужную дудку — все обойдется. Так оно и вышло.

Выйдя из гостиницы, Болт достал сотовый телефон, чтобы тут же сообщить хозяину о проделанной работе. Но трубка тревожно пискнула, и на дисплее высветилась надпись: «батарея разряжена». Он ругнулся и про себя посетовал на то, что забыл подзарядить мобилу. Можно было, конечно, вернуться и позвонить со стойки администратора гостиницы или из автомата, но Болт решил этого не делать. Во-первых, Плешивый мог не одобрить звонка с чужого телефона на свой сотовый, а во-вторых, дело-то это не особо срочное. Какая разница — сразу же сообщить о результатах беседы или полчасом позже?

Болт сделал пару шагов к «ауди» и, решив покурить на свежем воздухе, достал сигареты. Дверца машины приоткрылась, и показалась чернявая голова сидевшего на заднем сиденье.

Это был боевик из личной охраны Плешивого. Мало ли какие проблемы могли возникнуть при разговоре с таджикскими барыгами, вот Арсен

и

предложил ему сопровождающего. Парня звали Рашидом. Болту этот крепыш башкир пришелся по душе.

Немногословный, но сразу видно, что не тупица. И не бздун: под мышкой у него болтался тяжелый ствол. Впрочем, с ментами особых проблем не предвиделось. Даже если бы Рашида и задержали для проверки документов и личного досмотра, то наверняка через несколько часов он оказался бы на свободе. Ментовское руководство уважало Плешивого и предпочитало не сориться с ним по пустякам, так что одного телефонного звонка вполне хватило бы, чтобы Рашидку вызволить...

Выпуская дым после первой жадной затяжки, Болт надменно кивнул:

—

Сейчас, Рашид. Покурю и поедем.

Боевик понимающе кивнул и, привычно зыркнув глазами туда-сюда вдоль улицы, откинулся на спинку сиденья. Водитель Алан обернулся:

—

Чего он встал?

—

Все путем, — коротко ответил Рашид. — Отдыхает.

—

Ждет, что ли, кого? — продолжал допытываться шофер. Алан был из блатных, специалист по угонам иномарок и старый знакомый Плешивого. Оружия при нем не было, да и пользоваться им он не умел.

Рашид не ответил на его вопрос и стал смотреть в сторону. Ему не нравился треп этого кавказца. Он не любил отвлекаться на работе. Сейчас его внимание приковал остановившийся неподалеку черный джип «тойота-лендкрузер». Джип как джип, таких десятки разъезжают по области, но Рашид ощутил какое-то беспокойство. Он готов был поклясться, что сегодня уже видел его у «Мурманского рыбака», когда все разъезжались со сходки. Неужели их пасут? Но

кто? Он же человек Плешивого, а у смотрящего врагов в городе вроде бы нет. Открытых врагов, по крайней мере. Может, менты? Да нет, это вообще бред, с чего бы это ментам на «лендкрузере» кататься?

Может, свои же страхуют? Подручных у Плешивого хватает, каждый блатарь почтет за честь своих «пехотинцев» в его распоряжение выделить. Нужно будет спросить потом у Арсена. Может, он в курсе. Стекла у джипа были затонированы и разглядеть, кто сидит внутри, не представлялось возможным.

Сверху начало накрапывать. Болт задрал голову и, увидев сгущающиеся на небе тучи, недовольно крикнул. В Мурманске пасмурная погода сохраняется всю осень. Чтобы не промокнуть, он торопливо докурил сигарету и полез в «ауди».

— Дождь собирается, — ежась от уличной прохлады, сообщил он, хотя сидящие в «ауди» пацаны могли бы обойтись и без этого замечания: лобовое стекло уже было усыпано мелкими капельками.

—

Меня этот джипан беспокоит, — поделился сомнениями Рашид.

—

А что такое? — рассеянно отозвался Болт.

—

Похоже, он нас пасет. Я его уже видел сегодня у оздоровительного центра.

Болт повернул голову и оглядел стоявший на противоположной стороне улицы джип. Черный «лендкрузер» с затемненными стеклами действительно смотрелся как-то зловеще.

Тут вмешался шофер:

—

Да это разводилы местные. Я их знаю. Ничего страшного.

— Кто такие?

—
Выискивают навороченные тачки и провоцируют ДТП, — охотно пояснил Алан, — потом с лохов бабки скачивают.

Болт удивился:

— А мы то тут при чем? Они что, совсем нюх потеряли?

Алан хохотнул. Он вообще был мужик веселый. То, что разводицы положили глаз на машину, в которой едут люди смотрящего, его позабавило.

—
Видно, не знают. Может, выйти объяснить?

—
Да ну их, — поморщился Болт и, взглянув на часы, скомандовал: — Поехали, и так вон сколько времени потеряли!

Не переставая улыбаться, Алан тряхнул курчавой головой и включил зажигание. «Ауди» плавно тронулась с места. Посмотрев в зеркало заднего обзора, водила удивленно хмыкнул:

—
Ты смотри — за нами двинулись! Точно, нас развести хотят!

Болт и Рашид оглянулись. «Лендкрузер» упорно следовал за ними. Казалось, он повис у них на хвосте, даже особо не таясь.

—
Вообще оборзели, — презрительно пробурчал Болт. Тревоги в его голосе не было. Просто досадно, что еще не вся гопота в городе знает эту тачку. Его так и подмывало остановиться, вытащить за жабры этих болванов из «лендкрузера» и втолковать им по первое число.

И тут черный джип стал резко набирать скорость и пошел на обгон.

—

Что я говорил? — воскликнул Алан. — Сейчас начнут нас делать, паскуды.

—

Пускай! — зло отозвался Болт. — Если тачку нашу стукнут, я с них сам бабки скачаю. По полной программе, как за новую.

В это время дождь ливанул как из ведра. По крыше забарабанило, дворники всюду заметались туда-сюда, разгоняя с лобового стекла воду. Было видно, как черная туша джипа медленно обходила «ауди» слева. Поравнявшись с ними, «лендкрузер» стал уверенно прижимать их к бордюру.

—

Болт, сейчас стукнемся! — предупредил опытный Алан. — Может, тормознуть?

В этот момент правый бок джипа притерся к левому борту «ауди». Послышался глухой треск, «ауди» содрогнулась от удара и вильнула в сторону.

— Ну, уроды, бляха-муха! — закричал Болт и от избытка чувств двинул кулаком в мягкий потолок,

— Тормозить? — прокричал Алан.

—

Давай! Рашид, будь готов!

Алан резко затормозил. Джип, проехав немного вперед, тоже остановился и стал неторопливо сдавать нард. Заметив, что Рашид сунул руку под мышку к кобуре

С

пистолетом, Болт одернул его:

—

Подожди пока с пушкой высовываться. Если они ствол увидят, то сразу в штаны наложат и заднюю включат. Начнут вилить: мол, не хотели, случайно получилось. Пусть наезжать начнут, чтобы до оскорблений дело дошло.

— Понял, — хмыкнул Рашид, — пусть за лохов поначалу считают.

—
Во-во. Глянь, выходят! Сейчас начнется...

—
Дверцы джипа, до которого было не более пяти метров, распахнулись. Из салона, не спеша, вышли люди. Болт считал: один, два, три. Трое. Сразу же попали под дождь. Запахнув куртки, втянули головы в плечи и двинулись к ним. Обычные парни, вроде даже братки, по-Ходка нагловатая, разболтанная. В руках ничего нет. Похоже, Алан прав: сейчас начнут наезжать.

—
Выходим? — наклонившись вперед, спросил Рашид.; — Вот еще! — фыркнул Болт, — охота была под дождем мокнуть. Я с ними из тачки буду базарить. Помни, Рашид, раньше времени не встречай! Пусть крутость свою продемонстрируют.

Трое из джипа уже приблизились к ним вплотную. Тот, что подошел со стороны водителя, постучал по стеклу.

—
Опусти стекло, — скомандовал Болт и насмешливо предостерег: — Держись, Аланчик, сейчас тебя бандюганы прессовать начнут.

—
Ой, как страшно! — засмеялся бывалый угонщик

и
нажал на кнопку стеклоподъемника.

Парень нагнулся к водителю. По нему хлестал дождь, мокрое лицо кривилось. Алан удивился, когда увидел, что тот протягивает к нему правую руку. Поздороваться, что ли, хочет? Вот так разводилы! Вежливые. Алан отпустил руль, чтобы ответить на приветствие.

—
Здорово, земляк! — просипел парень.

Тут Алан заметил, что в протянутой ему руке зажато что-то черное. Еще больше он поразился,

когда незнакомец сделал ловкое, почти неуловимое для глаз движение кистью. Что-то блеснуло и обожгло глаза. В следующее мгновение он ослеп, отпрянул и попытался закричать, но смог издать лишь хрип. Затем он провалился в черную бездну.

—

Что за хренотень! — заорал Болт, увидев, что водитель тяжело рухнул головой на руль и затих. — Рашид! — взвизгнул он. — Мочи их! Стреляй!

Боевик сунул руку под мышку. Отстегнув ремешок, рывком выхватил из тесной кожаной кобуры тяжелую пятнадцатизарядную «беретту», большим пальцем снял предохранитель.

Но Рашида опередили. Тот, который вырубил Алана, отскочил в сторону, и из-за его спины вырос другой, с пушкой. Рашид медленно обмяк, выронив «беретту».

Стрелявший распахнул дверцу, и Рашид вывалился на асфальт. Онемев от ужаса, Болт не двигался. Он, казалось, намертво прирос к сиденью, потеряв дар речи. В салон заглянул тот самый мужик, который вырубил Алана. Болт увидел худощавое лицо с впалыми щеками, густо заросшими светлой щетиной.

—

Вылезай, — коротко и ясно приказал он.

Болт дрожащей рукой открыл дверцу и на негнущихся ногах выполз наружу. Дождь немного поутих, зато подул пронизывающий ветер. Холодные дождевые капли сразу ударили ему в лицо и попали за шиворот. Болт открыл рот и с жадностью стал глотать влажный воздух. Налетчик ткнул его кулаком в бок:

— Лезь в тачку. Быстро!

Он заметил, что двое подхватили бездыханное тело Рашида и запихнули обратно в «ауди». Третий, который по

ка

что оставался в стороне, быстро и умело обыскал Бол

та

и бросил:

— Шевели копытами!

Болт забрался в салон. Справа от него сел громила, пристреливший Рашида. В руке он все еще сжимал пистолет. Болт покосился на ствол. Обычный

«Макаров»,

весь потертый. Видать, давно

в

работе... Заметив, что пленник смотрит на пистолет, громила приставил ствол к его бедру:

— Вниз гляди, гнида! Зенки поднимешь — хoduлю п
родырявлю.

Болт упер взгляд в пол и даже наклонил голову. С левой стороны уселся третий, прижав свой пистолет к его ребрам. Возмутиться Болт не посмел. Рядом с водилой уселся мужик, который обработал Алана. Хлопнули дверцы. Скрипучий голос скомандовал:

—
Поехали!

Когда завелся мотор, тот, кто сидел от Болта справа, спросил:

—
Жора, что с этим козлом делать? Может, на пол

Положить?

«Так, — подумал Болт, — значит, тот, который пришел Алана, у них главный. Жора... Что-то я о таком не знаю. Кто же они?»

—
Слышь, — не поднимая головы, глухо сказал он, — Я хочу вам кое-что объяснить...

Ему тут же двинули по затылку.

—
Заткнись, — прошипели Болту в левое ухо. — Объясняться будешь с чертями в аду.

В голове шумело, перед глазами плясали искры. Преодолевая тупую боль после удара, он скрипнул зубами:

—
Вы, уроды, хоть знаете, на кого наехали?! Я работаю на Плешивого! Да я...

Тут сидевший впереди рявкнул настолько свирепо, что Болт испуганно замолчал.

—
Да вертел я твоего Плешивого знаешь на чем! Захлопни пасть, пока я тебе язык не отрезал! Пацаны! Киньте его мордой вниз!

Болта стащили с сиденья на пол и велели лежать тихо. Щека вдавилась в мокрый вонючий коврик. Сверху бубнил Жора:

—
Еще пугать вздумал, козел! Плешивый! Тоже мне страшилка...

Только тут Болт отчетливо осознал, что попал в лапы законченных отморожков. Если они знают Плешивого, но не боятся его, значит, и на них налетели не по ошибке. Значит, это четкий план.

Что же им нужно? А они, наверное, и сами не в курсах. Им дали команду, и они выполнили приказ... Так что спрашивать этих тупых быков бессмысленно. Ногой по роже вмажут — вот и весь разговор. То, что его не убили сразу, все же обнадеживало. Оставили его в живых, конечно же, не по доброте душевной. Вон как Жора хладнокровно зарезал беднягу Алана. Без колебаний. Р-раз — и перо в глотку! Без всяких предварительных попыток как-то развести на базаре или запугать. Нет, пацаны сразу были настроены на мокруху. И раз он до сих пор живой, значит, зачем-то им нужен. Зачем? Скоро он узнает об этом. А пока лучше помолчать и побережь ребра.

После удара по затылку голова зверски болела. Чем это его приложили? Рукояткой пистолета, наверное. Уж больно плюха тяжелая получилась, а в салоне особо не размахнешься. Точно,

волыной звезданул, сука!

Ехали они довольно долго, а потом джип остановился, и бандюки оживленно, хотя и вполголоса, загалдели и стали вылезать из машины. Приехали, стало быть. Болт пока лежал на полу, ожидая указаний.

— Вылезай, чего разлегся? Понравилось? Болт выбрался из салона. Невольно зажмурился от бивших прямо в глаза ламп дневного света. Осмотревшись, понял, что они находятся в гараже. Помещение было просторным: помимо «лендкрузера», на котором его сюда привезли, тут стояло еще несколько иномарок.

- Пстой пока! — распорядился Жора.

Стараясь не делать резких движений, Болт потянулся, чтобы размять затекшее тело.

С ним остался один. Стоял, поигрывая пистолетом. Болт кашлянул и тихо спросил:

— Закурить можно? Парень с ленцой посмотрел на него:

— Нет. Так стой. Не дергайся.

Болт с тоской закусил губу. Уроды! Хуже мусоров, честное слово. Уж те какие твари, а в сигаретке никогда не отказывают. От волнения ему страшно хотелось курить.

Вошел Жора. Ослабился:

— Димон, веди его к Михал Юрьичу. Наконец-то! Болт приободрился и зашагал по железному настилу. Сейчас все прояснится. Он уже догадался, что его ведут на разговор с хозяином. Поднявшись на второй этаж и войдя в просторный Светлый холл, они остановились, и Жора снова тщательно его обыскал. Пачку «Кэмела» не тронул, а вот зажигалку отобрал. Потом подтолкнул к двустворчатой дубовой двери:

— Топай. Тебя ждут.

Болт вошел в большую, обставленную шикарнейшей мебелью комнату. В кресле у телевизора с большим плоским экраном сидел человек. Его лицо было повернуто к вошедшему в профиль, но Болт сразу же узнал его. Светлые, отливающие медью волосы зачесаны на косо, высокий лоб, упитанное лицо с ясно различимым вторым подбородком. Норвежец! Болт опешил. Он не мог ничего сообразить и только выдохнул:

—

Вы?

Норвежец встал. Засунул руки в карманы брюк и, оттопырив нижнюю губу, насмешливо процедил:

—

А ты кого ожидал увидеть? Злобных чеченских террористов? Ха-ха. Ладно, присядь.

Болт огляделся и, найдя взглядом стул, присел на край. Норвежец бросил застывшему в дверях Жоре:

—

Свободен! — Потом обратился к Болту: — Перебздел? Нервишки требуется успокоить?

Болт кивнул:

—

Куричь хочу. Ваши пацаны не разрешили.

—

Кури, — милостиво позволил хозяин, продолжая в упор разглядывать молодого блатного.

Болт поспешно достал пачку и дрожащими пальцами вынул сигарету. Сунув фильтр в пересохшие губы, вспомнил, что зажигалку у него отобрали.

—

Огоньку можно? — стараясь говорить как можно спокойнее, произнес он, но все же голос предательски дрогнул.

Норвежец подошел к нему, достал зажигалку и дал ему прикурить. Потом с усмешкой глядел, с какой жадностью затягивается дымом подручный всеильного вора в законе.

Сделав несколько глубоких затяжек, Болт успокоился и взял себя в руки. Его еще здорово колотило, но тем не менее он нашел в себе силы поинтересоваться, как и подобает «правильному пацану», хоть и попавшему в трудную ситуацию:

—

Может, объясните, что за бодяга?

Норвежец, не отвечая, прошел к сервировочному столику на колесиках, на котором стояла початая бутылка водки «

Smirnoff» и несколько стопок.

— Выпьешь? — спросил он и, не дожидаясь ответа, Наполнил стопарик.

От водки Болт не отказался. Одним махом заглотнул Огненную воду. Ему сразу же долбануло по шарам. Но как-то не в радость, не в кайф стало. Наоборот, голова будто свинцом налилась. И все тело сразу отяжелело. Зато на душе вроде немного поспокойнее стало. И руки больше не ходили ходуном.

— Мне эти таджики нужны, с которыми ты базарил, — без предисловий выдал Норвежец.

Болт кивнул. Теперь все понятно. Вот урод-то! Обиженно спросил:

— Зачем пацанов моих убили?!. — Кого? — вздернул белесые брови Норвежец и расстегнул пуговицу на рубашке.

— Ребят, что со мной были, — пояснил Болт. — Алана,

водителя

моего, Рашида...

— Не будем время терять, — пренебрежительно махнул рукой Норвежец, — Жора мне еще не

докладывал. Потом разберемся с твоими пацанами. Меня другие Проблемы волнуют.

— Ничего себе проблемы! — возмутился Болт. — Ни за что ни про что пацанов замочили! Мы же на Плешивого работаем!

— А то я не знаю, — высокомерно перебил его Норвежец, — ну и дураки, что работаете. Что вы от него имеете? На что этот мухомор годен? Вот скажи ты сам, какие-нибудь приличные бабки ты имеешь? Ни хрена. Твой Плешивый может только с умным видом про воровские понятия рассуждать да долю в свой общак поганый требовать. Но и это меня не волнует. Короче, мне от тебя вот что нужно. Ты сегодня встречался в гостинице «Прибой» на Пионерской с двумя заезжими барыгами. Что им тут нужно? И что Плешивому понадобилось от них?

—

Блин... Так нельзя было просто попросить, что ли?.. — начал было Болт.

Но Норвежец повысил голос:

—

Я тебя, щенок, не прошу, а спрашиваю! А ты отвечай и не умничай! Все равно ответишь. Не по-хорошему, так по-плохому. Догадываешься как?

—

Догадываюсь, — вздохнул Болт, которому сразу стало тоскливо. Нехорошие предчувствия о том, что живым он отсюда вряд ли выйдет, усилились.

Норвежец с неприятной ухмылкой наблюдал, как побледнел его собеседник.

—

Так будешь говорить или как?

Мысли вихрем промчались в голове у Болта. Какой толк корчить из себя Зою Космодемьянскую на допросе? С Норвежцем шутки плохи, о Норвежце такие по городу байки ходят, что от них волосы встают дыбом. Он церемониться не любил: если что не по нем — мочит без разговоров. Что Бабая, что... За Норвежцем числилось десятка два жертв, и Болту вовсе не улыбалось пополнить их скорбный список.

—
Буду! — слишком поспешно почти выкрикнул Болт. И ему сразу же стало легче. На Норвежца он не смотрел: было противно от одного его вида, как и от собственного предательства. Перед собой он мог оправдаться только тем, что на его месте любой бы раскололся. Какая разница когда? Зачем доводить дело до пыток? — Плешивый им дал сутки на то, чтобы из города убраться... — механическим голосом отчеканил он. — Там их двое. Один русский, Андрей Петраков, здоровенный такой лось. Другой таджик Махмуд. Я им передал приказ Плешивого. Таджик явно перепугался. А русский ни хрена, но он у них не главный. Все решает этот Махмуд.

«Норвежец слушал его внимательно, запоминая каждое сказанное слово. Его по-рыбьи выпуклые глаза занижали. Болт исподлобья глянул на него и подумал:

—
Ведь

он меня все равно не отпустит. Ни хрена не отпустит. Убьет, паскуда!» Странно, но мысль о смерти даже

не

испугала его. Он уже и так был слишком напуган.

— Ну, вот и все, — подвел итог Болт. — Скорее всего, завт

ра

к ужину они съедут. — Он шумно сглотнул слюну.

— Что со мной будет?

Норвежец встрепенулся и фальшиво хохотнул:

— А кому ты нужен? Катись на все четыре стороны.

«Врет!» — подумал Болт, но все же в душе забрезжил

лучик

надежды.

— Жить ты будешь, не бойсь. — усмехнулся Норвежец, — Только сначала мы вместе к этим чучмекам съ

ездим.

— Я-то вам зачем?

— Ну, тебя они уже знают. Эти барыги сейчас запуганы, могут вообще дверь не открыть. А так... Сейчас по-быстрому к ним смотаемся, ты меня с ними сведешь —

и

вали.

Но Болта это уже никак не устраивало. Одно дело под угрозой пыток слить информацию, и совсем другое чуть

не

посредником у Норвежца выступать. Плешивый его за такое дело по головке не погладит.

Ага, — зловеще нахмурился Норвежец, увидав, как Изменилось выражение лица Болта. — Сомнения тебя

одолели?

Ну, я сейчас их развею... Жора! Болт отпрянул. В дверном проеме тут же показался боевик. Сейчас он был без куртки, на костлявых плечах болталась застегнутая на все пуговицы черная рубаха. У Болта закружилась голова, на него пахнуло сырým бет

оном и

плесенью. Сразу представилось, как этот выродок направляет на него паяльную лампу.

— Не надо, простонал он, — я поеду. Конечно, поеду.

—

Ну и ладушки! — Норвежец потер руки. — И смотри, парень: без фокусов там. Жорик постоянно будет тебя на мушке держать. Понял?

—

Ясно, — прохрипел Болт, ссутулившись на стуле и уронив вихрастую голову в ладони. — Можно

еще глотнуть?

Норвежец вышел. Болт поднял глаза и стал смотреть, как Жорик наливает водку. Потом принял от него стопарь и опрокинул в глотку, абсолютно не чувствуя обжигающей горечи. Жорик маячил сбоку. Эта его черная, наглухо застегнутая рубашка казалась чуть ли не сатанинским саваном, и Болт отчетливо ощущал исходивший от бандита странный запах. Что-то приторно-цветочное и до тошноты омерзительное.

Стремительно вошел Норвежец, жуя зажженную сигарету. Он успел переодеться в двубортный коричневый костюм. Тупоносые полуспортивные ботинки на толстой каучуковой подошве смотрелись угрожающе.

—

Жора, собирай ребят, — на ходу бросил он, — на трех машинах поедем.

Он подошел к шкафу, открыл дверцу и стал рыться внутри. Достав из-под вороха одежды пистолет и коробку патронов, стал снаряжать обойму. К уголку рта прилипла наполовину выкуренная сигарета, дым струился вверх, попадая ему в глаза, и Норвежец щурился. Было видно, что он здорово возбужден предстоящим мероприятием. Вставив обойму, он резко передернул затвор и наставил пистолет на Болта.

—

Смотри, парень, если там что-то пойдет не так или приведешь не туда... Я тебя первого самолично ухлопаю.

Зашел незнакомый Болту боевик и доложил, что все готово. Норвежец кивнул:

—

По коням!

Они вышли во двор. Только тут Болт понял, что они находятся за городом. Его привезли в двухэтажный дом, судя по облупившемуся фасаду довольно старый. Возле

трех

одинаковых джипов слонялось человек десять или двенадцать. Замыкал короткую автоколонну тот самый «лендкрузер», на котором привезли Болта. Норвежец остановился на ступеньках, сплюнул окурок на землю и оглядел свою братву.

— Поехали, пацаны! Едем на Пионерскую, в гости

ницу

«Прибой».

— И, указав на стоявшего рядом с ним Волта, добавил: — Вот наш провожатый.

Глава

7

—...А потом подвалили еще три наших пацана в джипаре, повылезали, вынули стволы из плащей и, блин, начали шмалять одиночными, как Клинт Иствуд в том Шестерне, где он с мексиканцем на пыльной дороге ду

эльку

устроил. И сразу всех троих охранников помочили, а водила, сидевший в кабине броневика с инкассацией, шевельнуться не смог, так перетрухал, бедолага, хотя у него под сиденьем был на всякий случай припрятан «калаш» с усеченным стволом. Вскрыли мы двери... знаешь как? Я из «мухи» шарахнул по дверкам — они и распахнулись, будто их швейцар отворил! — И Зарец

кий

захохотал, не разжимая зубов, чтобы не выронить недокурную «беломорину». — Так вот и прошло мое боевое крещение на большой дороге. А потом этих экспроприации было столько, что я уж и со счета сбился... Степан Юрьев сидел рядом с Сашей Зарецким на заднем сиденье того самого джипа, в котором они с Варягом п

ару

ночей тому назад добрались с приключениями от железнодорожного полустанка Заозерье до Петербурга. Как и в

ту

лихую ночь, за баранкой сегодня сидел Шурик Жур

бин

— рослый пацан с курчавой рыжей шевелюрой, который мурлыкал себе под нос невразумительную мелодию.

Степан направлялся в Мурманск и еще не знал, что его там ждет. В багажнике джипа лежал черный «дипломат» с двойным дном, в котором покоилась разобранная «тулячка» — тульская

винтовка с оптическим прицелом, сделанная по специальному заказу виртуоза-киллера двенадцать лет назад, как раз в ту пору, когда Сержант отправлялся выполнять первое задание Варяга.

Выехать из Питера на джипе Сержанту посоветовал Рома Филатов: он счел, что это если и не быстрее, то, по крайней мере, безопаснее, чем добираться туда самолетом. Водитель Шурик Журбин знал трассу назубок, причем выбирал проселочные дороги, чтобы не светиться лишней раз ментам патрульно-постовой службы, и за световой день обещал доехать.

Местом назначения их автопробега был Петрозаводск, откуда Степан должен был на поезде доехать до Мурманска и остановиться в небольшой гостинице «Прибой» — там у него был забронирован номер на имя Виктора Ивановича Синцова. Сержант специально выбрал себе пристанище подальше от центра.

Чтобы скрасить дорожную скуку, Саня Зарецкий травил скабрзные анекдоты да сыпал байками из своей богатой на удивительные события разудалой жизни. Когда-то он учился ни много ни мало на историческом факультете Московского университета, интересовался западным искусством и готовился стать экспертом по живописи северного Возрождения. Но искусствоведа из него не вышло: судьба сыграла с Саней коварную шутку.

Сговорился он как-то с оборотистыми американцами переправить за океан двенадцать полотен советских авангардистов, да и погорел на таможне... В тот год — дело было в мохнатом 1984-м — Андропов закрутил гайки, да так сильно, что кому-то вместо гаек яйца выкрутил... Словом, залетел Зарецкий на «пятилетку», отсидел от звонка до звонка в Пермской области, там закорешился с ленинградскими блатными и после отсидки пошел уже по новой — воровской стезе, и покрутившись на Вологодчине пару лет да пощипав тамошних ротозеев, Саня перебрался в Ленинград, где обнаружил множество маленьких клондайков, мимо которых ходили неискушенные ленинградские урки. Увидя, что под ногами у них валяется настоящее золото, надо только нагнуться и поднять. Хваткий Саня нагибаться не ленился, почему и опередил многих и в славные девяностые уже был одним

из

крупнейших в Северной столице скупщиком ювелирки — но не краденой, а мастерски выманенной и выменянной у простодушных обывателей. Правда, к тому времени в городе на Неве развелось немало таких же, как и он, искусствоведов с наколками на пальцах. И на Саню стали конкретно наезжать. А он не будь лох — напомнил о себе старому корешу по пермской зоне Роману Филатову только-только поставленному в Питер смотрящим. Филат взял Зарецкого под свое крыло и помог отмазаться от наглых конкурентов. Когда же в конце девяностых пиарский ювелирный рынок подмяли чеченцы, которые щедро отстегивали в городской обшак, пришлось Сане переквалифицироваться. Филат отдал ему на откуп автомобильный рынок — и тут он тоже преуспел: скоро ни одна мало-мальски солидная иномарка, пригнанная через Калининград из Европы, не ставилась на учет в ГАИ Петербурга без негласной санкции Александра Зарецкого...

— Ну а сам-то каким ремеслом промышляешь? — добродушно осведомился Зарецкий, закуривая очередную папиросу. — Что-то особенное?

Сержант степенно пожал плечами и засмотрелся в окно.

— Да понимаешь ли, Саня... Ремесло обычное. Курьер я. — И, помолчав, усмехнулся: ему понравился собственный ответ. Он вспомнил про тульскую винтовку,

спрятанную в кожаном «дипломате», с которым он пересекал государственные границы трех десятков стран мира на четырех континентах.

—

И чего же транспортируешь? — не унимался говорливый спутник. — Золото-бриллианты?

—

Вроде того, — кивнул Степан. — Спецгрузы...

Питерский искусствовед, явно не удовлетворенный уклончивым ответом, сменил тему:

—

Я только не пойму — ну, прибудешь ты в Мурманск, и что ты там в одиночку надеешься разведать? Ты же никого в городе не знаешь. Ни среди братвы, ни из ментов, так что ни к кому не подступишься. А про разборки Филата с Норвежцем прохожие на улице не базарят и в газетах не пишут...

Саня Зарецкий не знал, да и знать ему было незачем, что перед самым отъездом Филат дал Сержанту мобильный номер Николая Петровича Заверотова, которого сам загодя предупредил о визите важного гостя из Москвы и попросил доверять ему, как отцу родному. Саня! Зарецкий не знал, что, устроившись в занюханной гостинице, Степан сразу же свяжется с Заверотовым и они договорятся о встрече, чтобы обсудить текущие дела и самое главное дело, ради которого ехал посланец Варяга в далекий северный порт...

Он почти не обращал внимания на пейзажи за окном, думая о предстоящем деле. Не в первый, не в десятый и не в двадцатый раз Сержанту предстояло охотиться вслепую. Хотя сейчас мурманский смотрящий отвечал за полное информационное обеспечение его секретной миссии в заполярном городе. Да и Варяг перед отбытием Степана дал ему четкую наводку: Плешивый собирался встречаться с Таганцевым для серьезного разговора, который, если не

приведет к разрешению всех разногласий, станет последним, после чего в игру должен будет вступить Сержант и использовать свой последний решающий аргумент... Тот, который покоил

ся

в черном кожаном чемоданчике «дипломате». В Петрозаводск прибыли в сумерках. Распрощавшись с Зарецким и Журбиным, Степан выкупил забронированный билет на скорый поезд «Арктика» и устроился в купе мягкого вагона. Ночь ему, к счастью. Предстояло провести в одиночестве: не слишком любил Степан Юрьевич бессмысленные разговоры со случайными попутчиками.

На привокзальной площади в Мурманске он сел в пошлую «Волгу» с еле заметными шашечками на боку и попросил отвезти себя в гостиницу «Прибой». Водила — долговязый сухощавый дядька лет пятидесяти с лишком в потертом полушубке и шерстяных офицерских перчатках недоуменно хмыкнул: об этой гостинице он услышал первым, и ему пришлось вылезать из своей «волжанки» и топтать к скучавшим таксистам уточнять маршрут. — А что, командир, вечерами тут у вас не опасно по улицам ездить? — как бы невзначай поинтересовался Сержант, когда «Волга» свернула с освещенного центрального проспекта на темную боковую улицу.

— Да какая опасность? — с готовностью ответил водитель, явно обрадованный тем, что молчаливый пассажир подал наконец голос. — У меня же не джип, не «бэха»

И

не «мерс». На мою старуху кто позарится? У нас тут Шустрят какие-то пацаны за городом. Но они бомбят только крутые тачки.

—

А разве менты не могут их осадить? — лениво бросил Сержант, вдруг почувствовав, что болтливый таксист может выдать ему ценную информацию, если его умело подвести к этому.

—

Менты? — хрипло усмехнулся таксист. — Ты что, Мурманске никогда не бывал?

—

Был тут как-то, еще при совке. С тех пор в первый раз в вашем городе, — не покривил душой Сержант.

—

Понятно. Ну, тогда прослушай политинформацию. Мурманские менты давно уже в доле и с этим лихачем и вообще со всеми местными уркаганами. Ментура у нас вообще интересная. Был

тут такой начальник областной УВД генерал-майор Топтыгин... Представляешь! — Водила даже полуобернулся к пассажиру и в улыбке обнажил три стальные фикса в углу рта. — Генерал Топтыгин! Настоящая фамилия, не кликан! Так вот, Топтыгин этот поставил всех коммерсантов на уши... Чтоб дань ему плати» ли да всякие любезности оказывали. Полгода назад...

—

Погоди, командир. — Сержант подался вперед, положив руку водиле на плечо. — А что же у вас в городе только «красная крыша» и есть? А как же местные блатари? Я слышал, в славном городе Мурманске криминал не дремлет...

—

А что ж ему дремать, коли наш криминал и наша милиция в одной упряжке скачут — и непонятно, кто кого погоняет.

—

Но есть же в городе хозяин, которому все подчиняются? Это ваш Топтыгин, что ли?

—

Топтыгин — мелкая сошка! Да и нет уж этого Топтыгина... То ли зону топчет, то ли... Сняли Топтыгина в прошлом году. Он же у Таганцева был в услужении, выполнял его наказания. В общем, лежал под Таганцевым покорно и смиренно, как шлюха под клиентом.

Вот и вырвалась нужная Сержанту фамилия!

—

Таганцев? — словно припоминая что-то, протянул Сержант. — Не тот ли это Таганцев, в которого стреляли... А он потом в Норвегию подался.

—

О! А говоришь, про наш город ничего не знаешь! — обрадовался водила. — Таганцев у нас городской Соловей-разбойник. Точно: был он в Норвегии. А знаешь почему? — Водила помолчал, ожидая нетерпеливого вопроса, но пассажир не проронил ни слова. — Его чуть не завалили.

к» Конкурирующая фирма? — спросил Сержант. И— Да нет же! Менты! Это еще до Топтыгина было. Норвежец... Это у Таганцева кличка такая, он с норвежцами уже много лет бизнес ведет. Так вот, Норвежец давно был на ножах с милицией. До Топтыгина тут много лет сидел один генерал. Классный, между прочим, мужик был, правильный. В городе уважали его, даже

бандюганы местные и те перед ним шапки снимали. Но с Норвежцем сразу не поладил. Дело дошло до стрельбы. И Норвежец от греха подальше слинял в Норвегию. А потом прежний начальник УВД вышел на пенсию или, как говорили, его туда ушли. И Норвежец враз домой вернулся, у ментов появился Топтыгин, и с Норвежцем они быстро спелись на почве общих финансовых интересов... И водила не договорил. Резко притормозив, он свернул к трехэтажному кирпичному дому с кое-где освещенными окнами и с усмешкой объявил:

— Прибыли, начальник! Вот твой отель «Прибой»!

Сержант осмотрел здание и наметанным глазом опре

делил:

пожарная лестница идет от крыши до земли по тор

цу,

служебный вход должен быть сзади, охранной сигна

лизации

явно нет... Он и сам не знал, зачем сделал эти умозаключения, но въевшаяся за многие годы привычка Оценивать места своего временного пребывания на пред

мет

личной безопасности срабатывала автоматически. Так говоришь, Норвежец тут у вас царь и бог? Ником

у не подчиняется, со всеми на ножах? — как бы рассеянно переспросил он, надеясь выудить из словоохотливого та

кс

иста еще хоть какие-то крохи информации.

Норвежец умудрился поссориться со всеми, с кем только возможно. Даже с Плешивым.

— С кем? — изобразил недоумение Степан. — Что за Плешивый? Очередной начальник УВД?

Водила усмехнулся, принимая сотенную бумажку р собираясь отсчитать сдачу.

—

Да нет, нынешний ментовской начальник генерал Смоленцев и Норвежец — кореша до гроба! Плешивый это здешний смотрящий... Знаешь, что это за должность такая?

—

Слыхал, — кивнул Степан и мягко отстранил руку водилы, в которой тот сжимал мятые десятки. — Оставь себе, брат. И на какой же почве размолвка вышла?

Водила обрадовался щедрости пассажира и заговорил с угодливыми интонациями:

—

Порт с леспромхозом никак не могут поделить. Да много чего... Норвежец тут сколотил войско из лихих ребят, которые пацанам Плешивого войну объявили. Так что...

—

Так что в городе идет война! — тихо закончил Сержант. — Слушай, брат. — Его вдруг осенила дельная мысль. — А тебя вызвать каким-то образом можно? На заказ... Ну, если мне надо будет куда-нибудь съездить. По городу или за город.

—

Это всегда пожалуйста! — оживился водила. — Барыкин я, Май Трофимович! Вот я тебе сейчас телефон дам... Это не диспетчерская, а это мой домашний. Звони в любое время. Если меня не будет и супруга подойдет, так ты ей скажи, для Мая Трофимовича, мол, заказ... Я приеду, не сомневайся!

—

Ну, бывай, Май Трофимыч! — улыбнулся Сержант. — А меня... Виктором Ивановичем кличут. Запомни: из гостиницы «Прибой».

Степан вошел в тускло освещенный вестибюль и направился к стойке портье. Навстречу ему неспешным шагом, засунув руки в карманы темной куртки с меховым воротником, топал высокий молодой парень с белобрысым «ежиком». С виду белобрысый был похож на борца: широкие плечи, крепкие руки, уверенная тяжелая походка. Он двигался напрямик на Степана, точно не замечал его, ожидая, что незнакомец посторонится и уступит ему

дорогу. Но сержант прямым курсом пошел на сближение. Когда между ними оставалось с полметра, блондин глянул на коренастого невысокого дядьку с черным «дипломатом» в руках, поймал колючий взгляд его немигающих серых глаз и невольно уклонился вправо.

Сержант спокойно продолжал свой путь к стойке портье, а парень сквозь зубы глухо выматерился и толкнул ногой рифленую алюминиевую дверь. Казалось, он и сам понял, какая незримая сила заставила его, несмотря на клокотавшую в нем злобную решимость, уступить до

рогу

незнакомцу.

Степан остановился перед стойкой, обтертой тысячами рукавов, и вежливо поприветствовал портье — сонно

го

дядьку в дрянном пиджачишке и мятом узком галсту

ке.

Перед ним на прилавке стояла выцветшая от времени

табличка:

«Свободных номеров нет».

— У меня одноместный забронирован, — спокойно

объявил

Сержант

и,

не дожидаясь ответа, протянул паспорт с привычно вложенной туда пятидесятидолларовой купюрой.

У дядьки сон мигом как рукой сняло, он угодливо ослабился и вроде бы даже заурчал, словно сытый кот, сгреб ладонью паспорт и сноровисто протянул гостю бланк и шариковую ручку. Степан заполнил нужные графы и спросил:

— Телефон там есть?

— Есть, — буркнул портье. — И мини-бар. И горячая вода.

— В мини-баре? — среагировал Сержант,

— В кране! — не без удивления поправил непонятливого постояльца портье и протянул ключ на увесистом грушевидном брелоке.

Расположившись в тесноватом номере с видом на заброшенную стройку, Степан первым делом набрал номер Плешивого. Но к телефону никто не подошел. Тогда гость, не раздеваясь, прилег на тахту и мгновенно уснул.

Его разбудил отдаленный рев мощных дизельных движков. Еще даже не разлепив веки и инстинктивно сунув руку под подушку, Сержант вспомнил, что от усталости свалился спать замертво и даже не выложил ствол из пальто. Досадливо отругав себя за головотяпство, Степан поглядел на часы и понял, что проспал без малого четыре часа. Он привстал на локте и прислушался. К гостинице подкатили несколько машин. Три или даже четыре. Скорее всего, джипы.

Мурманск — город лихой: тут джипанами на улице никого не удивишь. Но чтобы к какой-то захудалой гостиничке на окраине подвалил сразу целый конвой — это странно и подозрительно. Уж не по его ли душу? Не выслал ли Плешивый за ним эскорт? Степан встал, подошел к вешалке, нащупал во внутреннем потайном кармане темно-синего кашемирового пальто «беретту» и, взведя курок, на цыпочках подошел к двери. Осторожно приоткрыл ее так, чтобы образовалась узенькая щелка, и прислушался. В коридоре не было ни души. Он закрыл дверь и задумался. Подойдя к окну, выглянул на улицу, но окно за стеклом стояла кромешная тьма.

Он включил телевизор и уставился в экран: показывали старый американский вестерн, который он не раз видел в Штатах, но забыл название. Однако сосредоточиться на сюжете ему не удалось: на улице снова взревели автомобильные моторы и их рокот быстро растаял в ночи.

«Значит, не за мной, — подумал Сержант, — а то я уж губы раскатал...» Он выключил телевизор и, забравшись под тонкое одеяло, уснул опять.

Глава

8

От противных местных сигарет першило в горле, Ио Петраков продолжал упрямо затягиваться дымом, Стоя возле кресла и разглядывая уже опостылевший вид Щ гостиничного окна.

Это катастрофа. То, что случилось, иначе не назовешь. Как могло такое произойти? Он уже

видел себя влиятельным человеком в Мурманске, ответственным з

а все азиатское направление. А что теперь? Опять возвращаться в знойные горы, ползать в грязи, ежедневно рискуя получить пулю в лоб? Опять командовать стадом тупоголовых таджиков? Опять пресмыкаться перед стариком Саидом? От отчаяния он готов был заорать И биться головой о стенку. Все пошло прахом, все! И из-за чего? Из-за кого? Из-за местного авторитета, из-за Юра, которому, видите ли, запахло крышевать наркоторговлю. Урод!

Из ванной доносился шум лившейся воды: Махмуд, Готовясь ко сну, принимал вечерний душ. Трусливый ша

кал!

Уже заказал авиабилеты на завтра. Спешит побыст

рее

убраться отсюда. Здорово его напугал визит послан

ца

Плешивого. Как он там представился? То ли Игорем, то

ли

Олегом. Впрочем, неважно. Как он нагло разговаривал, этот сопляк! С каким превосходством смотрел них! Андрей едва сдержался, чтобы одним ударом тя

желого

кулака не вбить ему кадык в глотку.

Он затушил бычок в стеклянной пепельнице. За окном послышался рокот автомобильных движков. В гостиничный дворик один за другим въехали три черных «лендкрузера». Андрей смотрел на них без особого интереса, мысли его были заняты другим. Из джипов стали Выходить люди в черных куртках. Рослые и крепкие. Закурив новую сигарету, Андрей отвернулся от окна. Открылась дверь в ванную, и на пороге показался

Махмуд. Он был в длинных синих трусах и на ходу вытирался полотенцем.

—

Андрик, ну ты и накурил, — недовольно сказал он, — открой форточку, ради аллаха!

Петраков проигнорировал эту просьбу. Он смотрел на полуголого таджика и злился.

Махмуд не особенно переживал из-за их неудачи, Конечно, его положение при Сайде устойчивое, таджик имеет свой процент с оборота.

Как бы угадывая его мысль, Махмуд с улыбкой спросил:

—

Чего такой хмурый, Андрик? Ничего, через два дня дома будем. Жалко, конечно, что ничего не получилось, но... Нет худа без добра. Такая, кажется, у вас поговорка? Теперь хоть знаем, что в Мурманске нам делать нечего. Может быть, поужнее город выбрать? Но это уже пусть Сайд решает...

—

Вот именно, — желчно прокаркал Петраков, — все решает Сайд. И он теперь больше никогда не доверит мне ничего стоящего.

—

Да ну, брось ты, — стал успокаивать его Махмуд. Но он знал, что Петраков не ошибается. Сайд Джафаров терпеть не мог неудачников, и провал мурманской миссии он Петракову не простит. Хотя бы из суеверия.

—

А что будет с «арбузами»? — спросил Андрей. — Поставщики ждут. Нервничают, уже звонили мне на мобилу.

Махмуд пожал плечами.

—

Товар пусть отправляют обратно. Хозяин, конечно, расстроится, но против воли Аллаха не пойдешь.

«Паскуда, — с ненавистью думал Петраков, — сдается мне, что ты из меня хочешь сделать козла отпущения. Мол, если кто и провалил переговоры в Мурманске и не смог договориться с местными авторитетами, так это не я, верный твой пес Махмуд, а этот русский осел!»

За дверью в коридоре послышался топот по крайней

Мере

десятка пар ног. Через несколько секунд раздался Вребовательный стук и медная дверная ручка повернулась...

Когда портье разглядел входивших людей откровенно бандитской наружности, его сразу же обуяли нехоро-

шие

предчувствия. Их ввалилось много, человек десять, Как минимум. Все парни были коротко стрижены, кое-

кто

демонстративно держал руки в карманах. Они быстро рассредоточились по вестибюлю, один встал возле стеклянных дверей, блокируя выход. Одного из них

портье

сразу узнал. Этот молодой блондинистый пацан

уже

был здесь пару часов назад, заходил в двенадцатый

номер.

Портье поразился перемене, которая произошла с

ним

за столь короткое время. В тот раз парень держался нагло, самоуверенно, а теперь же как-то посерел, осунулся, словно постарел лет на двадцать. Глаза потухли, бескровные губы болезненно кривились. А его одежда

была

в таком состоянии, как будто его часа два валяли по пыльному полу. «Ну да ладно, не моего ума дело», —

подумал

портье и уставился на импозантного высокого мужчину в коричневом костюме — явно главного. Его

лицо

показалось портье тоже знакомым.

Норвежец подошел к стойке вплотную и с издевкой поздоровался:

— Добрый вечер, дядя. Как дела?

Портье судорожно сглотнул и кивнул. Сиплым с переп

уга

голосом ответил:

— Здравствуйте. Чем могу?

— Меня интересует двенадцатый номер. Постояльцы еще не выехали?

Портье оглянулся на стойку с ключами от номеров.

— Нет. На завтра просили приготовить счет. После обеда съезжают.

—

Отлично, — удовлетворенно кивнул Норвежец и по-хозяйски хлопнул ладонью по стойке. — Значит, так: стоишь тут и никуда не отлучаешься. А мы в гости к ним наведемся. Пока мы здесь, никого в заведение не впускай. И не выпускай. Ясно?

Он повернулся к своим бойцам:

—

Зуб, Фомич и Хитрый остаются здесь. Чтобы ни одна тварь туда-сюда не просочилась. И за этим... — он мотнул головой на портье, — в оба следите. Если надумает звонить — пальцы ему режьте.

Он ткнул в плечо Болта:

—

Веди, Сусанин! Да пошевеливайся, недолго уже тебе мучиться осталось.

Это прозвучало двусмысленно, и бандюганы прыснули от смеха.

«Убьют, уроды», — горестно думал Болт, поднимаясь по устланным пушистым узорчатым ковром ступенькам. Сзади вышагивал Норвежец, за ним — шестеро сопровождавших его боевиков.

Болт остановился возле двери, на которой висела медная овальная табличка с числом 12. Норвежец едва не сшиб его с ног. Шумно выдохнул прямо в лицо:

—

Что, пришли? Этот?

Болт, морщась, кивнул. Норвежец громко и уверенно постучал.

* * *

Таджикские гости удивились, увидев, что посланец Плешивого вернулся. Еще больше они удивились, увидев, что за ним следом стали заходить крепкие ребята. Петраков напрягся, инстинктивно приготовившись к схватке. Хотя какая, к лешему, может быть драка? Восемь против двоих — шансов у них нет. Кто это? Люди Плешивого? Почему они пришли раньше срока? Еще раз напомнить? Или что-то изменилось?

Если Андрей лихорадочно соображал и прикидывал, что может означать это вторжение, то Махмуд до смер

ти

перепугался. Он решил, что эти люди в черном явились их убивать. Ноги у него подкосились, и он, комкая в руках влажное полотенце, плюхнулся в кресло.

Норвежец криво улыбнулся и поднял вверх правую руку.

— Извините за визит без предупреждения! У меня там есть дело. Неплохо бы обсудить его прямо сейчас, вы не возражаете?

Петраков исподлобья разглядывал стоявшего перед ним мужика. Держится начальственно, это сразу видно. И, судя по всему, не убивать их пожаловал. Зачем же тогда привел с собой этот взвод бритоголовых? Для острастки?

Петраков пожал плечами:

— Отчего же не поговорить. — Он покосился на Болта и заметил, что парень совсем никуда: стоит не шевелясь, морда бледная, глаза бегают. Неужели его так пугнули?

Норвежец кивнул на сидевшего в кресле таджика:

— Так, если не ошибаюсь, вы — Махмуд. Верно? А вы Андрей?

— Вот именно, — ответил Петраков, — с кем имею честь?

— Я Михаил Таганцев, — сказал гость таким тоном, словно назвал высочайшую должность или священный сан.

— Это мои люди. Они меня охраняют. А если мы договоримся, то будут охранять и вас. Андрей вздернул бровь:

— Договоримся — о чем?

— О том, ради чего вы, собственно, и прибыли в наш славный город. Ведь вы, насколько я слышал... — тут Таганцев покосился на Болта, — хотели наладить здесь кое-какую торговлю? Так вот. Я готов сотрудничать с вами на взаимовыгодных условиях.

—

Сотрудничать? — Петраков потер лоб. Предложение было в высшей степени неожиданным, особенно после ультиматума, выдвинутого вором в законе Плешивым. — Но нам было жестко сказано, что мы должны убраться из города. — Он кивком головы указал на Болта.

—

Вот он два часа назад передал нам этот ультиматум. За это время что-то изменилось? Плешивый передумал?

Норвежец презрительно покачал головой:

—
Я у Плешивого в башке не ковыряюсь. И какие у него там мысли бегают, не знаю.

—
То есть как? — Петраков начал догадываться, что к нему пожаловал не подручный Плешивого, а его соперник.

—
А вот так. Лучше расскажи мне про свой товар., Может, я его приму. А ваши проблемы с Плешивым возьму на себя.

Петраков улыбнулся. Почему бы и нет? А коли Плешивый будет недоволен, то что с того? Что он сделает. Начнет войну? Не ему, профессиональному солдату, бояться войны! Хрен!

—
Ну что же, этот вопрос можно обсудить, — стараясь выглядеть как можно солиднее, согласился Андрей. Но только вот этот парламентар... — Он пренебрежительно посмотрел на Болта.

—
Этот «парламентар» уже вне игры, — усмехнулся Норвежец и, обернувшись к одному из своих пацанов едва заметно мигнул.

Огненно-рыжий верзила с могучими плечами гребца понятиливо кивнул, сгреб Болта в охапку и выволок

из

номера. Тот не успел даже пискнуть...

Петраков заглянул Михаилу Таганцеву прямо в глаза, Он не стал задавать гостю ненужных вопросов: мол, куда рыжий громила повел блондинистого парня — ясно что

не

в ближайшую пивную пропустить по кружечке,

если

этот Таганцев и впрямь решил пойти наперекор

Юле

мурманского воровского авторитета и заняться таджикской наркотой, значит, понимает, что ему предсто

ит война

с Плешивым. И гонец Плешивого был сейчас

Просто

ненужным свидетелем. Похоже, парня пустят

в расход...

— Норвежец продолжал, не мигая, смотреть в глаза Петракову.

Тот даже поежился под этим тяжелым колю

щим

взглядом.

— Я вижу, вы настроены серьезно.

— А вы?

Неожиданно поднялся позабытый всеми Махмуд:

— Мы... Эта-а... Уезжаем из города... Завтра днем. — От волнения он заговорил с сильным среднеазиатским акцентом.

— Простите, господин Таганцев, но ваше предложение нам не подходит...

Петраков резко повернулся к нему. Его руки сжались

и

мозолистые кулаки, он не верил своим ушам. Эта тад

жикская

крыса отказывается от предложения наладить ка

нал

сбыта «арбузов» в Мурманске? Ведь достаточно просто сказать сейчас: «Да» — и дело завертится. Второго

такого

шанса судьба ему не даст.

— Ты чего мелешь, чучмек вонючий? — прорычал он, ели сдерживаясь, чтобы не вмазать в пятак таджику,

—

А то, — мелко дрожа, прогнусавил Махмуд и, обращаясь к Таганцеву, тихо, но твердо заявил: — Нам не нужен конфликт с законными ворами. Мы уезжаем.

— Так кто у вас тут колеса крутит? — недоуменно спросил Норвежец и ввинтил испытующий взгляд в Петракова, ожидая объяснений. А тот, вдруг поняв, что кру

той

гость принимает его, а не Махмуда за основного, решил действовать соответственно. Сейчас решалось все — не только судьба их миссии, но и его собственное б

удущее.

Не слушайте вы его, — выдавил Андрей, стараясь не смотреть на Махмуда. — Я знаю про товар все. Если это вас интересует, могу ввести в курс дела.

—

Введи, введи, — кивнул Норвежец.

Петраков взглядом пригласил его отойти в сторону.

—

Он мне будет ставить палки в колеса, — хриплым шепотом произнес он, — от него надо избавиться.

—
Слышу речь не мальчика, но мужа, — усмехнулся Таганцев. — Я тебя понял. Но... с ним разберешься само лично. Ты меня понял?

Андрей злобно хмыкнул:

—
Легко. Но где? Не здесь же!

Таганцев обернулся к своим людям.

—
Все, ребята, тут мы закончили! Забирайте этого черненького и посадите его к тому сопляку. Поедем на пустырь.

На какой пустырь им предстояло ехать, он уточнять не стал, но, судя по тому, как посуровели и деловито оживились стриженные пацаны в черных куртках, адрес был им известен.

Таганцев посадил Андрея рядом с собой на заднем сиденье. Джип рванулся с места, за ним с ревом пристроились другие два. В салоне висела напряженная тишина. Таганцев полез во внутренний карман и достал черный пистолет, потом металлический цилиндрок, похожий на небольшой бочонок, и накрутил на ствол. Андрей невольно поежился. Пистолет с глушителем. Пустырь... Он начал догадываться, что произойдет дальше.

Но он не мог предположить всего остального.

Кортеж черных джипов подкатил к длинному забору сетке и остановился напротив ворот под тусклым фонарем. Один из быков Норвежца подбежал к воротам и, повозившись с большим амбарным замком, со скрипом отворил широкую створку. Джипы, урча, въехали за сетчатое ограждение и рванули в ночную мглу.

К Андрей смотрел в окно, но ничего не видел, кроме темных гор то ли мусора, то ли выбранной из земли породы. Наконец джипы остановились. Из второй машины вывели чернявого Махмуда и блондинистого Болта. Андрею стало не по себе. К нему подошел Таганцев и протянул пистолет с глушителем.

— Ну, Петраков, давай, покажи, на что ты годен. А то ведь болтать все горазды, а вот как до дела доходит — тут многие дают осечку.

Петраков, секунду поколебавшись, взял пистолет —... это был старенький «тэтэшник» — и, ощутив прикосновение холодного металла к ладони, вздрогнул, как будто дотронулся до раскаленной сковородки. Но как только он почувствовал в руке привычную тяжесть оружия, все его сомнения вмиг исчезли. Он развернулся к Махмуду, направив на него ствол. Глаза таджика округлились:

— Андрик! Ты чего?! Ты в своем уме?

— В своем, Махмуд, — жестко произнес Петраков. — Но ты слишком предан своему хозяину И мне это не нравится. Дальше в Мурманске я дела буду вести один. Ты оказался тут лишним!

Сухо щелкнул выстрел. Пуля вошла таджику в лоб — он умер почти мгновенно, не успев даже упасть на стылую землю.

И тут же за спиной у Петракова прозвучал точно такой же сухой металлический щелчок. В первое мгновение ему показалось, что выстрелили в него, но не почувствовав боли, он повернулся и увидел, что стоявший только что метрах в десяти от него посланник Плешивого лежит на земле и корчится в предсмертной агонии.

«Нечисто шамальнул», — подумал Петраков, бросив взгляд на убийцу Болта — коренастого плотного быка в толстой вельветовой куртке с меховым воротником.

Он держал еще дымившийся пистолет и с каким-то удивлением глядел на убитого им человека.

Петраков молча вернул Таганцеву «ТТ» с глушителем, из которого он только что застрелил Махмуда. Таганцев не спускал глаз с окровавленного лица азиата. Казалось, его поразила хладнокровная деловитость, с которой торговец таджикской наркотой выполнил его страшный приказ. Наконец, Норвежец хмуро сказал:

—

Пора сматываться. Эту свалку контролируют мои люди, но все же не стоит тут задерживаться. Если мы договорились, то можем поехать ко мне обсудить конкретные детали и финансовый вопрос.

—
«Если договорились»? — мрачно переспросил Петраков и кивнул на труп Махмуда. — Вот лучшее доказательство того, что мы заключили контракт. Он был против. А я — за.

Глаза Норвежца блеснули.

—
Молодец. У тебя с хозяином проблем не будет? Насколько я понял, этот чучмек был среди вас двоих за начальника, да вот только не рассчитал своих возможностей.

Андрей оценил юмор своего нового мурманского партнера:

—
Это точно. Бедолага Махмуд вляпался в дерьмо по собственной инициативе. Я же ему не пастух. Пошел погулять по Мурманску и напоролся на вспыльчивых ребят. Так что теперь начальником буду я. Но сейчас мне лучше вернуться в гостиницу, а завтра поговорим о деталях.

Норвежец нетерпеливо спросил:

—
Когда можно будет получить первую партию ваших «арбузов»?

Он по-дружески положил руку Петракову на плечо и повел его к джипу. Андрей хмыкнул:

—
Думаю, этот вопрос надо проработать тщательнее. Хозяин отпускает товар только за предоплату. Хотя, Я думаю, первую партию «арбузов» он может уступить реализацию. Недели через две, я надеюсь, у нас нала

дится

долгосрочное и взаимовыгодное партнерство, значит, мы должны доверять друг другу.

— Как насчет того, чтобы за обедом обсудить все?

—
Годится. — И они обменялись крепким рукопожатием.

Поднимаясь по гостиничной лестнице на второй этаж, Петраков напряженно думал. Завтра днем надо провести переговоры с Таганцевым по всем правилам, крутого бизнеса. Но до того ему предстоит нелегкий телефонный разговор с Саидом Джафаровым. Смерть Махмуда необходимо как-то внятно и правдоподобно объяснить. Хитрого таджика эта печальная весть вряд ли обрадует.

Глава

9

По потолку растекались серые, по краям покрывшиеся уже зеленоватым налетом плесени пятна — следы недавнего потопа: живущий этажом выше пенсионер Евгений Леонидыч в очередной раз забыл выключить кухонный кран, и перелившаяся через край раковины в

ода

просочилась сквозь потолочные перекрытия. Перекрашивать потолок в четвертый за полгода раз У Стаса уже не было ни желания, ни денег... Стас печально окинул взглядом офис. Хотя какой

это,

к черту, офис — так, одно название. Сюда, в кварти

ру

-двушку на первом этаже захудалой хрущевки на ок

раине

Мурманска частному юридическому бюро «Щер

бак и

партнеры» пришлось переехать полгода назад, когда арендующая организация — городской комитет по имуществу ни с того ни с сего, без предупреждения, повысила арендную плату аж впятеро и потребовала заплатить за год вперед. Денег, как водится, на банковском счету у «Щербака и партнеров» не оказалось, вот их и попросили в трехдневный срок очистить помещение — просторный офис с евроремонт (сделанным, кстати, за собственный счет) в симпатичном кирпичном доме в самом центре Мурманска, на углу Морского проспекта и улицы Советских Подводников.

В этом краснокирпичном особнячке юридическая контора «Щербак и партнеры» просидела два года, с того самого дня, как Станислав Щербак, выпускник юридического факультета Петербургского университета, зарегистрировал ее вместе с тремя бывшими однокурсниками — Павлом Докучаевым, Юлей Долинской и Михаилом Ломоносовым. Пашка и Мишка были почти земляками: Докучаев, долговязый здоровяк с накачанными бицепсами, круглый отличник и обладатель красного диплома, был родом из Оленегорска, а Ломоносов, плотный молчун с чуть выдвинутой вперед челюстью и вечно задумчивым взглядом, родился в Североморске, хотя не уставал уверять, что приходится потомком «русскому Ньютону» Ломоносову и, значит, корни его тянутся в Архангельскую губернию... Только красавица Юлечка была не местная — из Нижнего Новгорода.

На втором курсе юрфака у Стасика Щербака и невысокой пепельной блондинки с озорными зелеными глазами начался роман, который продолжался со взлетами и падениями, или, как выражалась Юля, развивался по синусоиде до четвертого курса, а на пятом совершенно естественным образом вылился в совместное проживание в съемной квартирке на Выборгской стороне или, выражаясь суконным юридическим языком, — в гражданский брак. И когда Стас уговорил обоих приятелей войти в число учредителей юридической консультации и

осесть

в Мурманске, у Юли Долинской не возникло

Даже

тени сомнения, куда ей отправиться. Разумеется, Мурманск, следом за Стасиком Щербаком.

Сначала юридическая контора процветала: молодые адвокаты брались за дела, которыми по разным причинам не соглашались заниматься городские юристы, равным образом, это были убийства, разбойные напа

дения

и изнасилования. Стас всегда самолично отбирал Клиентов, и очень скоро у его партнеров возникло ощу

щение,

что в своем выборе он руководствуется какими-т

о

вполне определенными соображениями, о которых предпочитает умалчивать. Он только повторял, что, бе

рять

за безнадежные дела и выигрывая их в суде, контор делает себе имя и завоевывает престиж, без которого в условиях жесткой конкуренции на рынке частных юридических услуг просто не выжить.

Первые полгода его тактика себя оправдывала. О фирме «Щербак и партнеры» скоро узнал весь Мурманск. После двух успешных процессов — на одном слушалось дело об изнасиловании студентки группой подростков, среди которых был сын крупного городского чиновника, а на другом — об убийстве медицинской сестры центральной городской больницы о «Щербаке и партнерах» написали «Мурманские вести», а местное телевидение сделало о них сорокаминутный репортаж. И, как говорится, уже на следующее утро четверка молодых адвокатов проснулась знаменитой. Станислава пригласили в Москву на совещание прокурорских работников России, и в коротком интервью, показанном в программе «Время», он сказал фразу, которая вмиг сделалась крылатой и неоднократно цитировалась в центральных газетах страны: «Мы не просто адвокаты, мы — смотрящие за порядком, которых народ нанял выправлять случайные и умышленные ошибки прокуро

ров и

судей, а также тех, кто ими манипулирует».

В Мурманске это пришлось по душе не всем. Вскоре у юридического бюро «Щербак и партнеры» возникли проблемы. Не из-за вызывающей фразы, конечно, а из-за того, что «щербаки», как называли в городе команду молодых юристов, взялись за почти безнадежное и рискованное дело: представлять в суде интересы вдовы начальника мурманского грузового порта Леонида Шумова, погибшего почти два года назад от тяжелейших ожогов. Следствие по делу велось, мягко говоря, спустя рукава, и Стас фактически самолично принялся разыскивать подозреваемых и преуспел в этом. Правда, у него был умный советчик и сильный помощник, который надоумил его, в каком направлении вести поиски но и кто мог стоять за убийством Шумова.

Вскоре начали наказывать и их. Сначала к ним на Морской проспект нагрянула целая свора комиссий — санитарно-эпидемиологическая, пожарная, газовая, энергетическая... Потом начались налоговые проверки, в ходе которых обнаруживались десятитысячные недоимки. И наконец их поперли из удачно расположенного офиса.

Лязгнул замок, хлопнула входная дверь. В комнату стремительно вошла Юля в расстегнутом белом плаще и взволнованно выкрикнула:

—

Ты еще не знаешь? С Мишкой беда!

Стас переглянулся с Павлом: тот недоуменно пожал плечами. И оба, не сговариваясь, выпалили:

—

Что случилось, Юльчонок?

Скинув плащ на спинку стула, девушка устало села.

—

Полчаса назад Мишка попал в страшную аварию за городом. Он возвращался от родителей из Североморска, ехал по шоссе на твоём «жигуле». Ты же ему разрешил его взять на сутки. Прямо перед постом ДПС в него врезался «КамАЗ», ехавший по встречке. Весь передок в гармошку... И тут же сзади в него вломился другой «КамАЗ». Мишка чудом остался жив, но машина

не

подлежит восстановлению.

Стас вскочил и, сорвав с вешалки стеганую куртку, быстро натянул её на себя.

— Юля, где Мишка сейчас? Он пострадал?

Ф Блондинка покачала головой:

— Не спеши, Стасик. Он не пострадал. Если так мож

но

выразиться. Но его забрали в СИЗО.

—

В СИЗО? — удивленно протянул Пашка. — Неужели

его

обвиняют в нарушении ПДД? Авария же произошла

на

тазах у ментов!

Юля помолчала и произнесла зло:

—

Его, Пашенька, обвиняют в хранении наркотиков.

—

Это что еще за хрень? — рявкнул Стас. — У него на
шли
дурь? Откуда ты знаешь?

— Мишка мне звонил, — со вздохом объяснила

Юля.

— У него была минута, пока не отобрали мобиль
ник.

Он звонил из СИЗО до личного досмотра. Как

только

ему эти два самосвала сделали коробочку на Шоссе, из «стекляшки» ДПС тут же вывалились
три мен

та,

точно они сидели там и ждали, когда все произой

дет...

Его даже толком не осмотрели, а сразу стали ша

рить

по «жигулю». Полезли в багажник, под сиденья

И

нашли четыре пакетика!

—

С анашой? — вырвалось у Стаса. Он знал, что в го

роде

вовсю шла торговля травкой, которую гонцы-азербайджанцы доставляли кружными путями из
Казахстана.

—

Хуже, Стасик, с героином...

—

Но это же явная подстава! — свирепо бросил Пашка.

— Надо ехать и вызволять его.

Стас горько усмехнулся:

—

Ты что, брат, забыл, в какой стране живешь? Это тебе на Соединенные Штаты Америки — у нас под залог не выпускают. Уж коли повязали, так будут мурыжить до упора.

—

И что ты собираешься делать? Сидеть и ждать этого самого «упора»? — язвительно поинтересовался Пашка.

Стас бросил взгляд на уродливые серо-зеленые разводы на потолке и обмотал шарф вокруг шеи.

—

Пошли. Ждать мы ничего не будем. Надо выяснить, каким образом наркота появилась в нашей машине. Возможно, ее подбросили во время обыска сами менты, и тогда дело хреновое: ведь, как я понимаю, свидетелей там не было, кроме самих гаишников... Либо кто-то подложил в «жигуль» гостинец накануне. Пашка ведь со вчерашнего вечера был в Североморске?

—

Да, — кивнула Юля.

—

В Североморске это вряд ли могло случиться. Значит, скорее всего, на нашей стоянке. Тут или у меня перед домом!

—

Твой «жигуленок» позавчера весь день простоял у нас под окнами, — вспомнил Пашка. —

Ты же на нем никуда не ездил...

—

Да? — Стас задумался. И тут его лицо прояснилось. — Стой... Я, кажется, припоминаю. Позавчера мы все провели здесь целый день. Мы с Юлькой приехали на «жигуле» часов в девять утра, я поставил машину под окнами. А потом часов в одиннадцать я вышел на улицу, потому что мне показалось, что какие-то пацаны очень уж пристально окна осматривают.

—

Точно! — согласился Пашка. — И я это помню! Мишка еще заметил и тебе сказал: пойдика шугани этих ребят. Они, наверно, думают, что ты магнитола оставил. Надо их разубедить...

Стас нахмурился, вспоминая события того утра. Постепенно перед его мысленным взором соткалась картинка: он выбегает из офиса, бежит к стайке подростков — их было четверо или пятеро, всем лет по шестнадцать, в черных куртках, руки в карманах, чуть ссутулившиеся —

Типичные уличные шпанята... И вдруг из потаенных глубин памяти выплыло, вернее сказать, выскочило, точно пробка из бутылки шампанского: такая же стайка одетых в черные куртки пацанят маячит под окнами их «офиса»

...

но

не позавчера. Когда же это было? Нет, явно не позавчера. Это было... ну да, неделю назад, когда он вернулся из Кольска от Самородова. Неделю назад он уже видел тут этих пацанов! То есть шпанята околачивались возле офиса не случайно. Совсем не случайно!

— Да вон они! — словно сквозь вату услышал Стас возглас Пашки. Он даже вздрогнул и уставился в окно.

И правда: на углу Морского и Подводников, прямо в оранжевом световом конусе, отбрасываемом уличным фонарем, отирались пятеро подростков в черных куртках. Те самые. Или все же не те?

Вот что, Пашка, — обратился он к приятелю. — Давай-ка дуй в СИЗО. Сначала оформи, как полагается, бумагу, что ты представляешь интересы задержанного. Добейся свидания с Мишей, а если менты будут артачиться, позвони районному прокурору. Если не дозвонишься, тогда звони прямо Погосяну. Домой звони! А мы с Юлей разберемся с этой ребятней...

Когда Мишка ушел, Юля подошла к Стасу и опустила руки ему на плечи.

— Ну что, допрыгался, правдоискатель? Что я тебе говорила? Добром это не кончится! Стас упрямо покачал головой:

— Перестань, Юльчонок! Мы не можем опускаться ниже их уровня. Мы будем действовать только по закону! Только по закону! И Самородов мне о том же твердит уже сколько лет...

— Ну и много ты добьешься по этому закону? — обрезала его Юля, сердито встряхнув пепельными волнами, — Теперь вон Мишка вляпался в дерьмо. И его ничем не вытянешь! Долго не вытянешь! Потому что ты залез на полянку, где пасутся очень серьезные звери... Которые ни шутить с тобой не станут, ни тем более играть по закону или по правилам. Ты же видишь, что в городе творится! Мишку подставили по полной программе! И уверяю тебя: это не последняя наша потеря. А я кое-что предприняла...

Стас обнял ее за талию, привлек к себе и с улыбкой спросил:

—

И что же ты предприняла?

—

Нашла трех ребят «с прошлым». Не с криминальным прошлым, а с... обидой. Они будут идеальным материалом для работы.

Стас поморщился:

—

Тьфу, как ты выражаешься... «Материал для работы»! Нет, Юля, громилы нам не нужны. Наш гром и молнии — это Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы. Ими мы и будем разить эту нечисть!

Они вышли из офиса, Стас активизировал охранную сигнализацию, потом запер бронированную дверь на оба замка и в последний раз заглянул в только ему заметный глаз видеокамеры наблюдения, замаскированной под шляпку болта в верхнем левом углу дверной панели.

Над городом уже давно сгустились сумерки. Стало холодно. По Морскому проспекту гулял пронизывающий ветер, предвестник колючих январских ураганов.

Юля взяла Стаса под руку, и они медленно зашагали по тротуару.

—

Давно хотела у тебя спросить... — осторожно начала девушка. — Почему мы все время занимаемся самыми мерзкими и грязными преступлениями — изнасилованиями, убийствами, организованными преступными группами? Статистика показывает, что бытовые имущественные споры в материальном плане куда выгоднее для маленького адвокатского бюро... Да и жизнь наша была бы куда спокойнее. Мишка сейчас был бы на свободе.

- Жизнь была бы спокойнее — это точно! — с усмешкой произнес Стас. — Но знаешь, как писал Блок, покой нам только снится...

Юля прижалась к его плечу и хотела что-то сказать, как вдруг из темноты перед ними вырос темный силуэт. Стас не успел толком рассмотреть, кто это, как в возду

хе

полированной поверхностью блеснула длинная пал

аса

— и он ощутил сильный удар по плечу, резанувший по всему телу от шеи до колен. Стас пошатнулся и чуть было не упал, инстинктивно схватив Юлю за локоть, чтобы сохранить равновесие.

Девушка пронзительно закричала — не от страха, а из желания испугать нападавшего. Стас увидел, как у него Над головой снова взметнулась палка, он хотел поднять руку, чтобы перехватить ее на лету, но рука не повиновалась... Он еле успел уклониться, когда палка со свистом рассекла воздух в сантиметре от его виска. И в этот момент из мрака уличных сумерек выкатились еще несколько фигур. Это были подростки в черных кожаных куртках — те самые, что последние дни паслись рядом с офисом юридической конторы «Щербак и партнеры». Они обступили Стаса с четырех сторон, отрезая ему пути к отступлению, и принялись осыпать его ударами кушаков и ног. Жестокое и умелое избиение продолжалось. Очень недолго: пацаны внезапно налетели, как стая диких зверей, и столь же стремительно бросились врассыпную,

когда Стас, обессилев, рухнул на асфальт.

Он потерял сознание всего лишь на несколько секунд придя в себя, попытался встать, но не смог. В голове шумело, правое ухо почти не слышало, страшно болело Правое плечо, куда пришелся самый первый удар палкой, — видимо, это была бейсбольная бита, — и боль

Выдавалась

по всей руке: он даже не сумел опереться

Н

а

нее. Юля, сквозь зубы бормоча проклятия, присела над ним:

—

Ты как, Стасик, ты как? Встать можешь?

Минут через пять он окончательно пришел в себя

и кое-как поднялся на ноги. На языке он ощущал сладковатый привкус крови.

—

Боже мой! — воскликнула Юля, разглядев его, как следует. — У тебя разодрана щека! Ты весь в крови! Вот сволочи!

Стас потрогал пальцами окровавленную правую щеку и охнул от острой боли.

—

Ну вот, Юльчонок, теперь даже не смогу тебя поцеловать по-человечески, — попробовал он пошутить.

—

Отведу тебя в травмопункт — тебе надо губу залатать и перевязку сделать!

Стас решительно покачал головой.

—
Нет, Юля, никаких травмопунктов! После того, что сегодня случилось с Ломоносовым, лучше нам держаться от них подальше. Зайдешь в травмопункт, а выйдешь оттуда напрямиком в обезьянник... Пошли домой, перевяжешь... Ты же вроде на курсы медсестер в своем Нижнем ходила, сама рассказывала... Зашить сможешь?

Девушка невольно рассмеялась:

—
Ну, разве что на швейной машинке... Да не надо тут шить — достаточно широким пластырем стянуть и все зарастет и так. До свадьбы заживет! — Видя, что Стас может самостоятельно передвигаться, она немного успокоилась. — Ты сможешь пешком идти, Стасик?

—
Смогу. Не у тебя же на закорках я поеду...

* * *

Когда они, выпускники Петербургского университета, приехали два года назад в Мурманск, Стас привел Юлю к себе в старенькую двухкомнатную квартирку, где они с тех пор и жили вместе. Квартира осталась ему от тетки, старшей сестры его матери, одинокой женщины с вечно печальным лицом, которая в восемь лет заменила ему мать. Стасику было пятнадцать, когда тетя Нюра умерла от рака печени и он остался совсем один. Вернее, не совсем. Был у него взрослый наставник, морской офицер, которого он смутно помнил с детских лет, когда еще мама была жива. Он к ним нередко захаживал, и Стасик накрепко запомнил его запах — запах «лажного соленого ветра с моря. Звали того офицера Игорь Васильевич. А фамилия у него была Самородов...

— И что, неужели Самородов сватался к твоей маме? — с нескрываемым интересом спросила Юля, осторожно промыв техническим спиртом рваную рану на правой щеке Стаса. — Молчи! Молчи! — хихикнув, поправилась она. — Сейчас только наклеплю пластырь. Потом будешь рассказывать.

Юля нахмурилась, сосредоточенно засопела и, осто

рожно

растянув кончиками пальцев узкую ленту пласты

ря,

наложила ее на рассеченную щеку и разгладила. Е

го

лицо исказилось от боли, но девушка прикрикнула на него:

— Тихо! Терпи! Еще не все!

Стас сидел на стуле лицом к ней, без рубашки, на правом плече багровел свежий вздувшийся рубец от удара бейсбольной битой. Все тело было в синяках и

ссадинах.

Покончив с губой, Юля присела на корточ

ки,

осторожно тронула кончиками пальцев рубец и вы

несла

вердикт:

— Надо компресс положить. Если травок нет, то сойде

т и

спирт... Так, говоришь, Самородов сватался к тво

ей маме?

Она собралась уже встать и отправиться на кухню, но Стас удержал ее за плечи, привлек к себе и усадил на колени. Его глаза заблестели.

Сватался... — тихо ответил он. — Да она не хотела. Вне помню... Я вообще мало что помню. Мне про нее

тетка рассказывала. Я же мамы лишился, когда мне восемь лет было... Я тогда мало что соображал...

—

А отец? Его ты тоже... — Юля не договорила.

Стас прижался губами к ее рту и стал нежно покусывать верхнюю губу с едва заметным золотистым пушком. Она зажмурила глаза и заулыбалась от удовольствия. Стасик был такой ласковый, нежный... У него перехватило дыхание, когда его левая рука мягко легла на ее высокую грудь и проворные пальцы дотронулись сквозь ткань блузки до набухшего соска.

—

Ты же избит до полусмерти, а туда же... — промурлыкала девушка горячим шепотом.

Стас не ответил. Он тесно прижался к девушке всем телом, здоровой рукой торопливо расстегивая пуговицы на ее блузке, потом его пальцы пятью змейками проникли внутрь, побежали за спину, нащупали застёжки бюстгалтера и умело разъединили крючки и петельки.

Она помогла ему: скинула блузку на пол, а он нетерпеливым порывистым движением сорвал с нее розовый, с ажурной каймой, бюстгалтер и высвободил два тугих гладких полушария. Его влажные губы аккуратно обхватили коричневый сосок, и горячий язык пустился в порывистый танец... Юля застонала от наслаждения — и по всему ее телу пробежала волна дрожи.

—

Пойдем, пойдем на кровать, — шепнула она ему в ухо, мимолетно пощекотав языком ушную раковину. Она знала, что от такой ласки Стас возбуждался мгновенно.

...Они стали любовниками два года назад, когда въехали в эту квартиру — в Питере они были только друзьями прекрасно понимая, что долго не смогут сохранить эти отношения, но не торопили события, позволяя им развиваться своим чередом. После защиты диплома, уговори

и

двух приятелей-земляков и подругу Юлю организовать в Мурманске частное адвокатское бюро, Станислав да

и

не

предполагал, что Юля вот так запросто согласится переехать к нему. Еще находясь в Петербурге, он начал подыскивать для нее недорогую съемную квартиру, как вдруг на его почти шуточный вопрос, не хочет ли она жить у него, Юля сразу ответила: «Хочу». Ее неожиданное согласие Стаса обрадовало, хотя

и

немного смутило. Он плохо представлял себе совмест

ную,

а тем более семейную жизнь... Но все получилось очень естественно — они просто вместе приехали сюда к вокзала, вместе вошли, вместе начали прибираться, Юля помыла грязные окна, вывела кучу мусора, а он по ее просьбе переставил кое-какую мебель, точнее, Большую двуспальную кровать, которая стояла у окна, В Юле это совсем не нравилось. «Я не люблю, когда свет б

ьет

в глаза», — без обиняков объяснила она. В их первую ночь Юля взяла инициативу на себя, и вот тогда-то

она

выяснила, что ушные раковины у Стаса — самая чув

ств

ствозная зона...

— Давай-ка сегодня я сверху, — не предложила, а решительно заявила Юля, ловко оседлав Стаса.

Аккуратно, стараясь не потревожить его ушибленное

плечо,

она прижалась к нему голой грудью и стала мед

ленно

покачиваться всем телом вперед-назад, вперед-

назад...

Стас лежал не шевелясь, закрыв глаза и слегка приоткрыв губы: он пребывал в предчувствии взрыва болезненного наслаждения, которое нарастало медленно

о и

мучительно, но в то же время сладко! Юля ускори
ла
движения, привстав на локтях. Он ловил губами
ее соски,
промахивался — и от этого его возбуждение еще
больше
нарастало.

И
вдруг по его бедрам пробежали две горячие змей
ки -
навстречу друг дружке. Стас выгнул спину и обхва
тил
ее
обеими руками за спину, морщась от тут же пронз
ившей
его правое плечо режущей боли. В этот миг
наступила
долгожданная разрядка, и боль в плече
соединилась с другой сладостной болью. Коктейль острых ощущений получился настолько
мощным, что у него закружилась голова и он протяжно и громко за-? стонал. А Юля уже
скакала на нем во всю прыть, вверх вниз, вверх-вниз, запрокинув назад голову, и через секунду
или две она исторгла пронзительный крик! наслаждения...

Обессилев, они лежали рядом и молчали.

— Ради такого стоит подвергаться бандитским нападениям хоть каждый вечер, — хрипло
проговорил Стас и зарылся лицом в ее пепельные локоны.

— Так что с Самородовым? — после паузы напомнила Юля. — Ты начал говорить, что Игорь
Васильевич сватался к твоей матери...

Стас ответил не сразу. Он привстал на смятой простыне, оперся на левую руку и внимательно
посмотрел на Юлю.

— Знаешь, я ведь об этом никому еще не рассказывал. Ты — первая... Но если уж начинать, то с

самого начала. — Он помолчал. Было понятно, что этот рассказ дается ему нелегко. — Это было в ноябре восьмидесятого. Мама... я тогда еще на свет не родился... вернулась сюда из Перми. Она же была родом из Мурманска. Работала медсестрой в системе исправительно-трудовых учреждений, много моталась по стране, а как забеременела, приехала рожать в родной город...

— Так она на... зонах работала? — тихо уточнила Юля, закутавшись в одеяло.

Он кивнул.

Глава

10

Весна в 1986 году стояла холодная, ветреная. Тот апрель Стаське запомнился именно этим пронизывающим ледяным ветром. В январе снегу навалило по колено, и он не таял аж до самой середины апреля. В начале месяца Стаська простудился и в сад не ходил, а потом там объявили карантин (кто-то из его группы заболел скарлатиной), и мать брала шестилетнего сына к себе на работу. В то время она работала медсестрой в городском военкомате. Мать у него была высокая, красивая, с синими глазами на смугловатом гладком лице, с длинной русой косой, которую она заплетала каждое утро и укладывала на затылке. На мать многие мужчины заглядывались. Стаська помнил, как летом они гуляли по улицам Мурманска и идущие навстречу морские офицеры провожали ее восхищенными взглядами. Почему-то это запомнилось ему больше всего. Наверное, потому, что рать особенно расцветала в короткое заполярное лето. Иногда Стаська спрашивал ее о своем отце: почему он не живет с ними, не пишет писем, где он и когда примет. Но мать на все вопросы сына отвечала скупо, в вдаваясь в подробности, словно нехотя. Когда Стаське было лет шесть, он особенно пристал к ней с расспросами и не отпускал до тех пор, пока она не сказала, что папа его хороший человек, но попал в большую беду и сейчас находится «в Сибири», а когда к ним приедет — неизвестно. Стаська отыскал в книжном шкафу

потрепанный

атлас СССР и даже нашел в нем Сибирь. Шевеля губами, он по слогам читал названия городов: Новосибирск, Красноярск, Омск, Иркутск — и гадал, В каком из них живет его папа, который попал в большую беду... И что же это за беда такая?

Уже гораздо позже, когда мамы не стало, а Стаська жил с тетей Нюрой, он узнал от нее, что его отец был

уголовником, сидел в лагере, а мама там работала медицинской сестрой и вроде как влюбилась в него, а потом уехала оттуда в Мурманск, где он, Стаська, и родился. «Значит, папа меня ни разу не видел?» — с удивлением спросил он у тетки. Она вздохнула и ответила просто «Да уж как видеть, он, поди, и не знает, что ты есть на белом свете!» И сколько он ни пытал ее, тетя

Нюра

больше ни слова не добавила.

Стаська рылся тайком в семейных фотоальбомах, надеясь найти фотографию своего отца, но в прорези уголки серых картонных листов были вставлены снимки каких-то незнакомых женщин, мамыны снимки, тети Нюрины портреты да фотографии каких-то мужчин в пиджаках и галстуках, в шляпах и пальто — и ни один из них явно не был его отцом. Отца он всегда представлял себе в полосатой робе, в наручниках или сидящим за решеткой. А среди фотографий в альбоме он не нашел ни одной, где был бы изображен такой человек.

Стаська знал только одного мужчину, который заходил к ним в дом. Звали его Игорем Васильевичем А фамилия у него была Самородов. Игорь Васильевич был статный, высокий, с зачесанными назад волосами. Он приходил в красивой черной шинели с золотыми нашивками на рукавах, всегда с букетом цветов. Мама в его присутствии как-то робела, во всяком случае, так казалось Стаське. Однажды, когда Игорь Васильевич пришел, она попросила сына принести ему воды с кухни, дав высокую синюю чашку в цветочек. Стаська еще удивился: неужели нельзя было налить гостю воды из графина, что стоял на подоконнике. Потом, вспоминая этот случай, он, уже повзрослевший, понимал, что мама специально выпроводила его из комнаты под удобным предлогом, чтобы остаться с Самородовым наедине. Наверное, они с ним целовались...

Игорь Васильевич приносил Стаське иностранные журналы с фотографиями военных кораблей, и мальчик обожал их рассматривать перед сном, лежа в кроватке, однажды он спросил у мамы, не будет ли Игорь Василь

евич

ему папой, на что мама, покраснев, засмеялась. И покачала головой: нет, мол, и добавила: «Не бойся!» р «А я и не боюсь», — обиженно ответил Стаська. И под

умал:

«Игорь Васильевич — хороший». Как-то вечером — это было в марте, мама вернулась

домой

с работы раскрасневшаяся, взволнованная Стаська заметил, что верхняя пуговица на ее пальто ото

рвана,

а ее всегда аккуратно уложенная толстая коса распущена и рассыпана по плечам. Он сразу перепутал-ся и спросил, что случилось. Она обхватила его, прижала к себе и прерывающимся шепотом ответила:

— Ничего, сынок, ничего, все в порядке. Но он понял: не в порядке!

Потом мама еще пару раз приходила домой с растрепанной косой. Накануне он даже заплакал при виде мамы и наутро вцепился в нее и наотрез отказался идти в детский сад. Мама не стала его уговаривать и взяла его с собой на работу. Весь день он проторчал у нее в кабинете, в большой комнате с белыми стенами и занавешенными окнами. В одном углу кабинета стояли весы, в другом — стеклянный шкаф с множеством бутылочек и коробочками лекарств. Войдя в кабинет, мама первым делом переодевалась в белый халат и белую шапочку. Потом она часто

куда-то выходила надолго, а он смотрел

рел

в окно, чуть сдвинув занавеску. Потом мама при

несла

поесть — бутерброд с любительской колбасой и бутылку кефира. А в шесть часов вечера они отправились

домой.

Мамина работа находилась в двадцати минутах ходу от их дома. Правда, дорога ему не очень нравилась: идти

Надо

было сначала по улице, потом свернуть в переулок.

и уже подворотнями, через заброшенную стройку, выйти к дому. Этот участок пути Стаська очень не любил: зимними вечерами пробираться сквозь сугробы было трудно и боязно: фонари не горят, людей не видно...

Сегодня мама закончила пораньше: была пятница, и она пригласила в гости Игоря Васильевича. Они вышли из серого кирпичного здания военкомата и направились привычным маршрутом. Они свернули в первую подворотню за жилым домом довоенной постройки. В сумеречном сером проеме арки возникли три мужские фигуры. Мама сразу же подобралась, схватила его ручонку покрепче и, резко развернувшись, торопливо зашагала и почти побежала — в противоположную сторону. «Опять они!» — едва расслышал Стаська ее испуганный возглас,

Но, не пройдя и пары шагов, мама остановилась. Стаська с нарастающим ужасом, еще сам не понимая отчего, во все глаза воззрелся в дальний конец темного прохода, где маячили две темные фигуры. Испуг матери передался ему, и он похолодел, чувствуя, как немеют ноги.

—

А, вот и наша упрямая медсестричка Лариска! — насмешливо гаркнул один из парней и стал медленно приближаться к женщине с ребенком. — Коварная покорительница сердец одиноких капитанов дальнего плавания...

На возглас ответил взрыв нестройных хохотков. Через мгновение маму окружила ватага дядек — их было пять человек. Стаську сразу оттеснили в сторону, а он заплакал и закричал, отчаянно замахав руками и пытаясь прорваться сквозь плотный строй мужских фигур к маме. Но ему не дали. Самый низенький из пятерых схватил его за воротник пальтишка и отшвырнул

далеко в сторону, пригрозив:

—

Будешь вякать — придушу, щенок!

В голове у Стаськи зашумело: он упал на холодный мокрый асфальт и больно ударился щекой. Его колотило точно в лихорадке. Он теперь боялся приблизиться к стае мужчин и боялся, что они сделают плохо маме... Слезы градом катились у него по щекам.

— Ну что, красуля, кому-то можно, а кому-то нельзя? Ты, как сорока, этому дала, этому дала, а этому не дала... — услышал Стаська тот же голос, который назвал м

аму

«упрямой медсестричкой».

— Смотри: я же тебя предупреждал по-хорошему, но ты, видать, хочешь, чтобы было по-плохому. Ну и будет... Я ведь обещал, а свои обещания я держу. Тебе даже пальтишко не придется снимать — ротиком все сделаешь! И снова раздался взрыв мерзкого хохота. Что было потом, Стаська не понял, но ему было ясно: маме очень неприятно, страшно и больно. Мужчина приблизился к стоящей на коленях маме, а она ст

рашно

закричала, зарыдала, начала отбиваться, но двое дядек, которые держали ее за руки, с ней что-то с

делали,

и ее голос заглох, затих. Над ней склонился Дядька и стал медленно раскачиваться взад-вперед, как в

друг

неожиданно издал оглушительный звериный рык. Он отскочил назад и стал разглядывать что-то у себя между ног.

к — Ах ты, сука! Ах ты, тварь! Укусила меня, гадина! Ну, дрянь, ты сама напросилась!

Дядька сунул руку в карман и вытащил что-то блестящ

ее,

узкое. Один из тех, кто держал маму за руки, крикнул ему: «Ты что, Мишаня!» — но тот не слушал. Взмахнув рукой с зажатым узким блестящим предметом, он с

делал

быстрое движение крест-накрест.

— Бежим! — крикнул кто-то, и пятеро мужчин, громко топая ботинками под низким сводом арки, бросились прочь.

Стаська на непослушных отяжелевших ногах медленно подошел поближе. Мама лежала на спине не шевелясь, согнув одну ногу в колене и раскинув руки.

Прямо под подбородком у нее зияла рваная крестообразная дыра, из которой толчками вытекала бурая струя крови.

—

Мамочка! — закричал Стаська, упав перед ней на коленки и тормоша ее за плечо. — Мамочка! Вставай!

Но она уже не слышала крика сына. Ее глаза закатились, а по телу пробежала судорога. Стаська поднялся и опрометью бросился к серому кирпичному зданию звать на помощь...

* * *

—

Какой ужас, — тихо проговорила Юля, нежно глядя Стаса по плечу. Она уже наложила на рубец от удара бейсбольной битой марлевый компресс, пропитанный горячим настоем шалфея: другой травы она у него в квартире не нашла. — И что, Этих ублюдков так и не нашли?

—

Так и не нашли, — жестко проговорил Стас, скрипнув зубами. — Ты все спрашивала, почему наша контора занимается только грязной уголовщиной. Вот потому и занимается, что я этих сволочей готов своими руками придушить... Не хочу, чтобы такие мерзости оставались безнаказанными.

—

А что было потом? — Она не знала, как сформулировать свой вопрос: было понятно, что воспоминания об ужасной гибели матери терзают ему душу.

—

Потом было следствие. Знаешь, мне же тогда шесть лет было, я ничего не понимал. Много лет спустя тетя Нюра кое-что рассказала. И еще один человек...

—

Самородов?

Он покачал головой:

—

Нет. Его фамилия была Шкурко. Семен Порфирьевич Шкурко. Он работал следователем в Мурманском управлении внутренних дел и вел то дело, да только ни к чему не привел. Так оно и зависло.

— Почему, Стасик? Неужели не было кроме тебя дру

гих

свидетелей? Неужели ты никого из них не запомнил? Ты же слышал имя Мишаня!

Он вздохнул и ничего не ответил. В памяти побежали давно забытые картинки...

* * *

Подполковник Шкурко что-то раскопал. Явно раскопал. Стас потом в этом не сомневался. Именно поэтому Семена Порфирьевича и спровадили в девяносто втором на пенсию на три месяца раньше положенного срока — второпях, без соблюдения законной процедуры, выявив какие-то смехотворные процессуальные нарушения в рядовом уголовном деле трехлетней давности, которое он довел до суда. В суде оно не развалилось, а закончилось обвинительным приговором... От него хотели избавиться как можно быстрее, чтобы он не смог копать дальше и докопаться до самого дна, до разгадки.

Пока жива была тетя Нюра, которая после похорон младшей сестры сразу же оформила над сиротой-племянником опеку, Стасик не уставал ее терзать вопросами: не нашли ли

маминых убийц — пятерых дядек в черных пальто и черных ботинках? Два раза с ним беседовал следователь Семен Порфирьевич. Но стоило ему задать мальчику какие-то более конкретные вопросы — например, какого возраста были те дядьки, запомнил ли он какие-то особые приметы, как Стасик Щербак терялся. Он ничего не мог припомнить: ни лиц, ни цвета волос, ни одежды, ничего... Кроме того, что одного из них звали Мишаня. Правда, следователя очень заинтересовала одна деталь: узкий блестящий предмет, которым Мишаня нанес маме смертельную рану в шею — крест-накрест. Ради этого

он и вызвал Стаську на беседу во второй раз. А потом майора Шкурко вдруг перебрали на другое расследование — и дело об убийстве медсестры Мурманского горвоенкомата Ларисы Щербак передали следователю Фадееву Никите Павловичу, а от него — Миронову Андрею Владимировичу. Но ни тот ни другой Стаську уже не вызывали, и вообще, как говорила тетя Нюра, цело оказалось в подвешенном состоянии. Стаська не понимал, что это значит, и воображал себе набитую бумагами толстую папку, которая свисает с потолка на веревке.

Игорь Васильевич Самородов какое-то время продолжал заходить к ним, о чем-то шептался с тетей Нюрой, но со временем стал появляться все реже и реже, а потом его перевели на какую-то очень высокую должность на флоте, и он уехал из Мурманска в Североморск.

Мысль о том, что убийца мамы живет с ним в одном городе, ходит рядом по тем же самым улицам, не давала мальчику покоя. И после смерти тети Нюры, оставшись в пятнадцать лет один-одинешенек на всем белом свете, Стас Щербак дал себе клятву: найти эту мразь во что бы то ни стало! Найти и покарать! Еще в девятом классе он пришел к выводу, что лучший способ для этого — стать юристом, чтобы получить законное право вытащить из архива подвешенное дело и распутать этот клубок самостоятельно.

Поступив на юрфак Петербургского университета, Стас не оставлял попыток найти спрятанные в воду концы. Выбив себе на третьем курсе практику в архиве УВД родного города, он поднял «висяки» весны восемьдесят шестого года и почти сразу же наткнулся на дело об убийстве Ларисы Ивановны Щербак. Последние листы были заполнены следователем Мироновым. Стас навел справки и нашел домашний адрес отставного

подполковника, жившего в крохотной однокомнатной квартире у порта.

Миронов, костлявый мужик лет шестидесяти, с клочковатой седой шевелюрой и мутными глазами, отнесся к непрошеному гостю безо всякого энтузиазма, даже зайти не пригласил. Они стояли на пропахшей кошачьей мочой темной лестничной клетке и Андрей Владимиро

вич

глухим голосом, то и дело покашливая, нехотя рассказывал Стасу о событиях давнего прошлого:

— Да помню, помню... Щербак Лариса... То дело поступило ко мне для оформления в архив. Пустая формальность. Я даже никаких следственных действий не предпринимал. Поступило указание: дело закрыть. И точка.

— Откуда поступило указание? — взволнованно допытывался Стас.

— Откуда-откуда... — насмешливо повторил Миронов и ткнул пальцем в грязный, покрытый вековой паутиной потолок. — Оттуда! Из областного УВД. Сказали:

три

года идет следствие и все безрезультатно, так что надо его списать. И списали. Я человек маленький... Приказано — сделано.

Но Стасу такого разъяснения было недостаточно.

— А предыдущий следователь? Тот, что до вас дело вел? Фадеев... Он сейчас где?

Миронов pokrхтел, точно припоминая, и выдохнул:

— Не знаю. Не общались. Его вроде бы перевели к Архангельск при Ерине, а уж где он сейчас — бог весть.

Ничего не добившись от Миронова, Стас понял, что искать надо самого первого следователя, того, с кем он встречался в далеком восемьдесят шестом, — подполковника Шкурко.

И

тут ему подфартило. Сидя как-то вечером перед телевизором, он увидел на экране знакомое лицо. Это

был

Игорь Васильевич Самородов. Бегущая строка сообщала, что Самородов — капитан первого ранга в отставке, бывший заместитель командующего Северным флотом. Сделав звук погромче, Стас стал внимательно слушать: Самородов говорил о криминальной обстановке в городе и области, о начинающейся войне криминальных кланов за лакомые куски государственного имущества. Такие разговоры Стас слышал неоднократно, и они его совершенно не интересовали: Игорь Васильевич произносил слова хотя и правильные, но совершенно банальные. Все это стало открытием для студента-третьекурсника. Но ему было приятно просто смотреть на Самородова, который с годами не утратил былого благородства и значительности, оставшись все тем же красавцем моряком, только слегка поседевшим и осунувшимся.

Стас невольно ощутил теплое чувство при виде человека, который в свое время ухаживал за его матерью и, видимо, собирался на ней жениться... Он вспомнил, как в детстве про себя несколько раз назвал этого человека «папой», не осмеливаясь произнести это слово вслух, но лелея в детской душе мечту, что когда-нибудь он осмелится обратиться к Игорю Васильевичу именно так. Вдруг до его слуха долетела фраза: «...бюро криминальной информации, которое я учредил четыре года назад, занимается работой, которую не могут или не хотят выполнять наши органы внутренних дел».

Что еще за «бюро криминальной информации»? Надо бы разыскать Игоря Васильевича и порасспросить его об этом поподробнее. А вдруг он с его бюро сможет помочь ему найти убийцу?

— Так вот, значит, как ты стал работать с Самородовым, — произнесла Юля задумчиво. — Выходит, по чистой случайности. А я думала, вы с ним все эти годы связь поддерживали.

к — Нет, я же говорю: он ушел на повышение, из Мурманска уехал, стал заместителем командующего Северным флотом, служил в Североморске... Но когда я с ним встретился, а мы не виделись к тому времени больше девяти лет, он меня сразу же вспомнил. Отличный мужик Игорь Васильевич, правильный! Он мне очень помог и моем расследовании. Я ведь по его совету наше адвокатское бюро открыл, и мы за многие дела брались по его наводке. У него же огромное досье собрано и на городских чиновников, и на предпринимателей, и на ментов, так что...

— Но убийцу матери ты так и не нашел, — заметила Юля.

— Пока не нашел, но кое-что важное выяснил. Мне бы теперь повидаться с вдовой Шкурко...

— Вдовой? — переспросила девушка.

— Да. Семен Порфирьевич умер год назад. Но жива его вдова. Судя по тому, что мне Самородов рассказывал про Шкурко, он был следователь настоящий, правильный,

и

уж если брался за какое-то дело, то относился к нему как подобает...

— «Правильный»! — рассмеялась Юля. — Какое-то новое словечко у тебя появилось. Где ты его подцепил? Стас улыбнулся и, потянувшись здоровой рукой к выключателю, потушил свет. Комната погрузилась в ночной мрак.

— От Самородова перенял. Он это словечко очень любит. Игорь Васильевич говорит: в России мало правильных людей, но на них вся надежда. А все беды российские от переизбытка людей неправильных!

— Ага, теперь, значит, уже не дураки и дороги, а неправильные люди виноваты! — поддразнила его Юля.

— Ну а как определить, кто правильный, а кто неправильный?

— Просто, — серьезно ответил Стас. — По делам. По поступкам. — Он перевернулся на другой бок и сонно добавил: — Давай спать, завтра я иду к вдове Шкурко. А тебе нужно будет отобрать троих ребят покрепче. Только смотри: отбирай правильных! Скоро нам предстоит одно стремное дело. Так что... — Он не договорил и ровно задышал.

Юля улыбнулась и крепко прижалась к его горячей спине

Часть II

ГЛАВА 11

Крепкий паренек неторопливо шагал по Портовой улице. Шел он спокойно, как хозяин. С ним часто здоровались, и он отвечал на приветствия степенным кивком. Здесь его знали и уважали. Клим Мягких или просто Мякиш работал на Арсена, который держал этот район.

Вечерело, с моря дул уже далеко не теплый ветерок. Возле вереницы заляпанных дорожной грязью большегрузных фур Клим остановился, закурил для солидности и вразвалочку направился к стайке громко базаривших водил. При его приближении разговоры смолкли. Внешность у Мякиша была типичной для мурманского «братка»: черная кожаная куртка, широкие штаны-слаксы грязно-серого цвета и стриженный бычий загравок. Водилы, естественно, сразу смекнули, о чем Пойдет речь.

— День добрый, мужики, — вежливо поздоровался Клим.

Ему нестройно, вразброд ответили. Он представился.

— Я от Арсена. Он портовый район контролирует. Ему за постой платить надо. Ну, вы сами в

курсах, не в первый же раз тут швартуетесь... Это было в порядке вещей: за спокойную стоянку возле мурманского грузового порта местные «парковщики» всегда взыскивали с дальнобойщиков определенную мзду. Тем

же,

кто кочевряжился, приходилось несладко: рано утром они обнаруживали то проколотые задние колеса, то разбитое кирпичом лобовое стекло, а то и раскуроченный бензобак... Особо строптивых запросто могли избить неизвестные. В милицию за помощью обращаться было бесполезно: все местные менты были в доле у Арсена.

—

Коли порядок такой — заплатим, — спокойно высказал общее мнение верткий, смуглый шоферюга в кожаной кепчонке и весело сверкнул глазами, — по сколько сейчас за парковку берут?

—

В зависимости... — уклончиво ответил Мякиш. — Вы, мужики, через час чтоб по своим машинам сидели. Для удобства. Каждого обойдем и все решим. Никого не обидим.

Он развернулся и пошел прочь. Его прямо-таки распирало от гордости и собственной значимости. Мякишу едва исполнилось девятнадцать, а его уже беспрекословно слушались взрослые дяди. Значит, верную дорогу в жизни он избрал. И не у какой-нибудь шпаны подзаборной работает, а у самого Арсена, хозяина припортовой территории. Работа не пыльная и прибыльная: знай ходи себе по району, бицепсами поигрывай для вида, да хмурься важно.

Так, а вот и девчары выстроились рядком. Портовые путаны кучковались вдоль дороги, стайками по две-три. Над асфальтом витало облачко приторных духов и едкого сигаретного дыма. То тут, то там слышались всплески веселого смеха. То и дело подкатывали тачки и притормаживали возле них. Высунув головы из окон, пассажиры вступали с девчонками в переговоры, частенько переходящие в азартные торги. С наступлением сумерек в порту начиналась оживленная ночная жизнь...

Путаны наперебой здоровались с Климом, пытаясь привлечь его внимание скабресным кокетством Они

и

так находились под охраной Арсеновой братвы, но каждой девушке хотелось лично сблизиться с кем-нибудь из «конкретных пацанов», так, ради понта. Мякишу это льстило чрезвычайно, но, беря пример со старших товарищей, он важничал и надувался как индюк, тем самым давая понять чувирлам разницу в их положении.

Не годится путевому пацану с таким барахлом связываться: уличная шлюха — она шлюха и есть. Попользу

вался

раз-другой и послал подальше. «Вдруг Клим остановился. Его взгляд упал на зеленый «БМВ», стоявший практически посреди дороги. Его окна были открыты и оттуда, заглушая уличный шум, гремели мощные аккорды тяжелого рока.

Поначалу он подумал, что это обычные клиенты. Поэтому, мол, и тачку так неудобно поставили. Сейчас телок заберут и свалят восвояси. И девушки к «бэхе» действительно подходили. Вот одна наклонилась к окошку. Клим невольно засмотрелся на ее зад, туго обтянутый кожаной юбкой.

Постояв так меньше минуты, путана удалилась. Ее ме

сто

тут же заняла худенькая блондинка и вскоре тоже отошла. Клим хмыкнул. Привередливые какие, скажи на милость! И тут от ворот поворот. Или же... А ну-ка, ну-ка! Точно! Какой же он осел! Да они же наркотой торгуют. Потому-то девки и выстраиваются к ним в очередь. Сто процентов, что это таджикские «арбузы», к бабке не ходи! Всех своих барыг, которым Арсен разрешил сбывать анашу и экстази, Клим знал. Это чужие. Внаглую барыжничают. Ну, суки!

Клим рванулся наперерез полноватой крашеной блондинке, которая только что отошла от «БМВ». Двигалась она в сторону туалета и шла так быстро, что он едва успел перехватить ее уже возле самого входа в сортир.

— А ну стой, красавица, — грозно прикрикнул он. — Кому говорю: стоять, лахудра!

Девушка испуганно оглянулась. Вид подбегавшего к ней здорового парня явно бандитской наружности не сулил ничего хорошего. Она испуганно прижалась к стене. В правой руке что-то сжимала, левой безуспешно пыталась нащупать ручку двери. Надеялась, дуреха, скользнуть в туалет. Будто бы Климу препятствие буква «Ж» над дверями!

—

Чего тебе? — выдохнула девушка.

—

Подожди. — Клим крепко взял ее за локоть. Даже не взял, а схватил. — Поговорить надо.

—
Ты кто? — Путана, увидев, что на месте убивать ее никто не собирается, немного успокоилась, но все же тревожно зыркала по сторонам, намереваясь, чуть что, позвать на помощь.

Вопрос этот возмутил молодого бандита.

—
Ты что, лапуля, не знаешь меня? Я Клим, пацан Арсена.

—
Арсена знаю. Не лично, конечно.

—
Еще бы. Станет он с такой шалавой путаться. Ладно, что у тебя в руке? Давай показывай.

Девушка колебалась. Клим наседал:

—
Быстро засвети, говорю. Да не бойся ты, я же не мусор, на кичу не закрою. Мне просто знать нужно... Тебя зовут-то как?

—
Нина, — ответила девушка и даже попробовала профессионально улыбнуться ярко накрашенными губами. Но прижавший ее к серой кирпичной стене туалета парень был неумолим, и она нехотя показала ему зажатый в кулаке целлофановый пакетик.

—
«Арбуз»? — спросил Клим, хотя и сам прекрасно знал, что это за зеленоватый порошок.

—
Ну. А что? Дешево. Я теперь всегда это беру. Да и все девчонки от «арбузов» улетают.

—
Суки! — ругнулся Клим.

—
Да я-то тут при чем? — залепетала Нина.

— Заткнись, — рявкнул пацан и почесал бритый затылок, — так, кто в той машине?

— Кто, кто? Барыга, кто же еще? — Она скривила рот, удивляясь его непонятливости.

— Я понял. Кто он вообще? Как зовут, обзывают?

— Да хрен его знает. Я же недавно здесь. Подошла, бабки сунула, он мне дозу. Чернявый такой. Волосы длинные, бакенбарды. Девчонки называли его кличку, да я не запомнила. Мне с ним детей не крестить. Он там Вроде с какой-то шалавой.

— На пару, значит, работают, — задумчиво протянул браток.

Отпусти в Нину, он быстро зашагал прочь. Девушка, так ничего и не поняв, пожала плечами. Потом, осознав, что драгоценный пакетик все еще при ней, тут же забыла обо всем. Были дела поважнее. Уколовшись в кабинке сортира, нужно как можно быстрее прокайфовать и до утра приглядывать какому-нибудь клиенту, чтобы к рассвету разжиться очередной порцией «арбуза». Клим летел как на крыльях. Проходя мимо «бэхи» с барыгами, злорадно пробурчал:

— Ну подождите, голубчики! Сейчас мы на ваших рожах чечетку спляшем.

Приказ, полученный от Арсена, был лаконичен и категоричен. Всех торговцев «арбузами» гасить. Уже произошла пара стычек, в результате которых пришлых барыг метелили и гнали на все четыре стороны. Для первого раза били не очень, так сказать, чисто символически. Пойманным повторно уже ломали руки.

Клим стремительно вошел в кафе «Полярный круг». Здесь братки отдыхали в перерывах между рейдами по Портовой. Сейчас у крайнего столика сидели двое

Па

панов из его бригады — Носорог и Клей. На столе перед ними стояла бутылка приличной водки и тарелка с бутербродами. Ребята уже начали согреваться перед ночным дежурством. Холодало, и парни с пива перешли на более существенные напитки. Арсен смотрел на это сквозь пальцы, считая, что ничего страшного не случится, если трое крепких пацанов под

хорошую закуску приговорят пол-литра. Однако злоупотреблять его снисходительностью и напиваться вдрызг было опасно и неразумно. Запросто из бригады вылетишь, да еще все ребра напоследок пересчитают и штраф наложат.

Носорог полностью оправдывал свое прозвище. Высокий и широкоплечий, уже начинающий заплывать жиром гиревик был, как и все братки, контролирующие портовый район, наголо стрижен, отчего вид его становился еще более угрожающим.

Когда заскочил Клим, он как раз обхватил стакан своей медвежьей лапой, чтобы чокнуться с Клеем, который был в этой тройке старшим как по возрасту, так и по положению в бригаде.

Ему было уже далеко за тридцать, и его бурное прошлое легко читалось на покрытом шрамами лице. Свою карьеру он начал еще зеленым юнцом и в череде непрерывных разборок, терок, драк и перестрелок прошел огонь, воду и медные трубы. Лично дружил с Арсеном. Был на хорошем счету, как говорится, «дружил с головой» и потихоньку пробивался на самый верх криминального

Олимпа.

Сидевшие за столиком братки уставились на ворвавшегося в помещение Клима. Продолжая держать стопку в вытянутой руке, Клей спросил:

—

Ты откуда такой? За тобой что, жались?

Сказано это было, конечно, в шутку. Кто мог угрожать пацанам Арсена на их собственной территории? Сама мысль об этом казалась смешной.

Клим подошел к столу и присел на свободный стул. Он запыхался и говорил с трудом переводя дух:

—

Там... это... барыги пожаловали. От Якула.

к Улыбка мгновенно слетела с суровой физиономии Клея. Он поставил свой стакан на стол и деловито «просил:

— Это точно? Ты проверил? Уверен, что не наши? Клим кивнул:

— Да. Все шалавы к ним в очередь выстроились. Я одну прижал возле сортира. «Арбузами» барыжничают. Сам дозу видел: обычная расфасовка в целлофановом пакетике. Носорог переводил взгляд с одного товарища на другого. В суть их разговора он не вникал, но был недоволен тем, что Клей не выпил, после того как они уже чокнулись. Во-первых, это вообще была плохая примета, а во-вторых, она означала к тому же, что выпивка откладывается. Немного сбитый с толку здоровяк в замешательстве подумал: может, выпить одному? Хотя так вроде не прибито. Он изо всех сил стремился быть «правильным пацаном» и очень боялся запороть какой-нибудь даже самый незначительный «косяк», совершить поступок, который может уронить его авторитет в глазах коллег.

—

Та-ак, — протянул Клей, — где они стоят?

— В десяти минутах ходьбы отсюда. Их там двое: мужик и баба в зеленой «бэхе».

—

Пошли, — решительно сказал Клей, поднимаясь, — это уже не в первый раз.

Мякиш и Носорог последовали за своим командиром. Гиревик задержался и, когда пацаны уже направились ко входной двери, украдкой опрокинул пятьдесят граммов водки в рот. «Вот так. — удовлетворенно подумал он. — Теперь веселее будет делом заниматься».

Возле кафе была припаркована их «восьмерка», но Клей проигнорировал тачку и отправился пешком. В багажнике лежали бейсбольные биты, но бандит решил, что они сейчас не понадобятся. Против кого вооружаться, собственно? Их трое, все крепкие молодые бойцы. Кого им бояться?

Шли молча, не растягиваясь, но и не толпой. Перед ними заранее расступались, едва завидев целеустремленную тройцу. Людей вокруг было много, начинался самый разгар вечерней жизни на Портовой.

—

Вот она! — воскликнул Клим и даже, не удержавшись, указал пальцем в направлении зеленой машины.

—

Тише ты! — тут же оборвал его Клей, свирепо зыркнув на невыдержанного кореша. — Увидят, как ты граблями размахиваешь, — враз по газам дадут и свалят, Или хочешь за ними по всему городу гоняться? У меня такого желания нет.

Пристыженный Клим сразу замолчал. Чего это он, как дурак, действительно? Надо быть спокойным, уверенным в себе. «Конкретным», одним словом. А он, как баклан сопливый, слюной брызжет!

Клей остановился. Его кенты тоже встали и вопросительно смотрели на него. Носорог шумно задышал, обдавая корешей свежим перегаром. Клим закурил.

К зеленой «бэхе» постоянно подходили люди. В основном это были расфуфыренные девчонки, но попадались и приехавшие за ними клиенты, мужики самого разного возраста и даже водители фур. Товар у барыг явно не залеживался, торговля шла бойко.

—

Значит, так, пацаны, — оценив обстановку, начал излагать план дальнейших действий Клей, — я захожу с правой стороны. Стекло там открыто. Ну, понятно, они накурили, вот и проветривают. Ты, Носорог, вытаскивай из тачки водилу.

—

Как? — спросил тот.

—

Аккуратно! — рявкнул на подопечного Клей. — За шкварник хватай и волокы наружу. Если что, в торец бей. Ясно? Ты, Клим, страхуй и зырь по сторонам внимательно. Может, менты появятся. Мало ли что.

Вообще-то с милицией все было налажено. И братки, и менты, дежурившие на Портовой, знали друг друга

НО именам и предпочитали не лезть в чужие дела. Но силиция может возникнуть всякая. Вдруг случайно проедет посторонний патруль или кто-нибудь из крутых ментов спяну решит затеять драку? Осторожность никогда не помешает.

Роли распределены, теперь нужно действовать. Они сосредоточились и с разных сторон стали приближаться к тачке. Клим остановился раньше всех и стал следить за происходившим

вокруг. Он был недоволен тем, что его отстранили от прямого участия в разборке. Хотя какая тут может быть разборка? Так, клоунов гашишных, не в свое дело заехавших, мордами об асфальт повозят, вот и все.

Из открытого окна иномарки валил густой зеленоватый дым, гремела музыка. В салоне горел свет, и Клей разглядел сидевших внутри мужика и женщину лет тридцати — вульгарную, с крашеными завитыми волоса

ми

и сигаретой в зубах. Завидев подошедшего Клея, она невольно насторожилась, в мутноватых глазах блеснуло прозрение. А он уже привык к такой реакции людей при знакомстве с ним. Три ножевых шрама через все лицо красоты ему не прибавляли.

Клей заметил, что пакетики с наркотиками лежали Прямо у нее на коленях. Ну, рожи наглые, никого не боятся! Хоть бы от ментов береглись, что ли!

С другой стороны нарисовалась громадная фигура Носорога. Он, как котенка, отшвырнул девушку, которая

В этот момент намеревалась приобрести наркотики. Клей тут же просунул руку в окошко и, открыв изнутри дверцу, распахнул ее пошире и сразу же заблокировал коленом.

— Куда лезешь, урод? — во весь голос заорала на него вульгарная баба. Она привстала, ее жирная грудь заколыхалась.

Решив сразу расставить все по своим местам, Клей залепил ей оплеуху. Бил не сбоку, наотмашь, а по прямой, чтобы попасть в искривленные криком толстые губы.

Шмяк! Голова женщины мотнулась в сторону Глаза у бабы округлились, на подбородок и грудь из разбитой губы полилась кровь. Удовлетворенный таким началом» Клей ухватил ее за волосы и выволок наружу.

Носорог в этот момент проделан то же самое с водилой. С виду он напоминал несколько перезревшего рокер длинные, грязноватые космы схвачены на затылке в конский хвост, прыщавая рожа густо заросла бакенбардами и усами. Кожаная куртка с металлическими заклепкам! и потертые джинсы составляли его стильный прикид.

«Рокер» попробовал отбиваться, но Носорог с таков силой приложил его о руль, что сразу отбил охоту к сопротивлению. Клей вытащил свою жертву и отпустил. Когда та с плачем распрямилась, он опять ударил ее кулаком в лицо. Баба полетела на мостовую и гулко шмякнулась о бордюр. Рядом с ней рухнул и «рокер». Секундой ранее Носорог как следует припечатал его пудовым кулаком в лоб. Он уже размахнулся ногой, чтобы добавить, но его остановил Клей:

—

Подожди, братан! Ты сейчас дух из этого урода выбьешь. Слышь, ты! — обратился он к «рокеру». — Тебе говорю, козел! А ну вставай! Сам вставай, а не то пинком подыму.

Усач поднялся. Со злостью и страхом посмотрел

на

бандитов. Куртка его была в грязи, на лбу вздулась шишка. Из открытой машины продолжали нестись забойные гитарные аккорды.

—

Вас, твари, предупреждали, чтобы никакой торговли «арбузами» тут не было? — приблизившись к барыге вплотную, прошипел Клей.

—

Откуда я знаю? — заныл «рокер». — Я не свой товар пихаю. За процент работаю. Чего вы?

—

Чей марафет? Якула?

—

Пацаны, я, в натуре, не при делах. Мне сказали: поезжай туда-то, ну я и поехал.

— Привет передавай своему Якулу, — с этими словами Клей ударил «рокера» в живот. Когда тот согнулся, Обрушил сцепленные в «замок» кулаки ему на затылок. Якавшего стали долбить ногами.

Носорог, без слов понявший своего бригадира, тоже включился в дело. Его башмак сорок шестого размера с размаха опустился на ребра женщины. Та охнула и заорала благим матом.

Получив пару ударов по голове, «рокер» перекрутился к вскочив на ноги, нашел в себе силы броситься наутек. Его встретил наблюдавший за побоищем, как и было велено, со стороны, Клим. Обнаружив, что очумевший Вт побоев наркоторговец убегает, он бросился ему наперерез и успел сбить подножкой. Усач растянулся на асфальте. Клим тут же начал охаживать его ногами. Подоспел Клей, и беспощадные удары посыпались с удвоенной силой.

Место разборки окружили зеваки. Кое-где раздавались восклицания, но в основном присутствовавшие Молча взирали на картину побоища. Никто и не думал вмешиваться или тем более звать милицию. Тут все жили по своим неписанным законам. Хозяева учили обнаглевших выскочек.

Наконец Клей решил, что хватит, и скомандовал:

— Хорош! Достаточно для первого раза.

Клим тут же отступил. Поразительно, но избитый «рокер» все еще находился в сознании, хотя у него было сильно разбито лицо и переломаны несколько ребер.

Тем временем носорог продолжал молотить женщину.

— Носорог! — повысил голос Клей. — Тормози давай!

Гиревик вроде бы остановился, но лишь для того, чтобы собраться с силами. Отдохнув секунду-другую, он Снопа принялся наносить удары,

— Останови его, — бросил с усмешкой Клей, — а то еще насмерть забьет эту корову.

Клим еле-еле оттащил своего разбушевавшегося приятеля. Тот все порывался «приложить ее напоследок», Клею пришлось уже серьезно прикрикнуть на него, Только тогда Носорог угомонился и, пошатываясь, побрел прочь.

Клей окинул поле битвы внимательным взглядом, Вроде бы все в порядке. Барыг отметили как полагается. Но в принципе по мелочи. Ни пробитых голом, ни сломанных конечностей... Перед тем как удалиться, веско сказал:

— Больше не появляйтесь здесь. Тусуйте в своем районе, у Якула под боком, пока мы и там вам кислород не перекрыли.

На избитых было страшно смотреть. Особенно жалко выглядела истерзанная женщина. Встать самостоятельно она не могла. Никто из присутствовавших не соизволил подойти и помочь ей. Все те, кто еще десять минут назад выстраивались в очередь, чтобы купить у нее дурь, теперь не без злорадства смотрели на опухшие от синяков лица, порванную одежду барыг и на слипшиеся от крови волосы. Наркоманы всегда и везде в глубине души люто ненавидят тех, кто продает им траву.

«Рокер» поднялся первым и выплюнул на асфальт выбитый передний зуб. Ощупал себя и заковылял к машине. Проходя мимо напарницы, даже не удостоил ее взглядом. Залез в тачку, но заводить мотор не спешил. Под ногами валялись разбросанные пакетики с порошком, и он поначалу нагнулся, чтобы поднять добро, но тут же страдальчески застонал и схватился за ушибленную поясницу.

Решив оставить все, как есть, он потянулся к бардачку и достал оттуда сотовый телефон. Дрожащими пальцами набрал номер. Ожидая соединения, посмотрел ни свое отражение в зеркало заднего вида и сразу же отвел глаза. Здорово эти уроды постарались!

Когда в трубке раздалось короткое «да», избитый водила в двух словах обрисовал ситуацию. Его внимательно, не перебивая, выслушали, уточнили адрес и велели Ждать.

- Ну вот, — с облегчением пробурчал «рокер», когда невидимый собеседник отключился. — Сейчас начнется...

Глава

12

Усатого водилу зеленого «БМВ» звали Дмитрием, а друзья знали под погонялом Митяй. Жил он в Восточном районе и там же барыжиичал помаленьку уже несколько лет. Когда хозяин тех мест Якул пару недель назад предложил ему работать на него, он согласился. Впрочем, «предложил» не то слово. К Митяю ввалились два здоровенных лба и, немного побуцкав его, отвезли к шефу. Якул встретил его в шелковом халате, развалившись в мягком кожаном кресле. На столе перед ним лежало множество пакетиков с зеленым порошком.

— Бери, — сказал тогда Якул, — бери, сколько сможешь задвинуть. Всю выручку будешь привозить мне. щ это получишь десять процентов и защиту. Если какие непонятки возникнут,

позвони по этому телефону. Если будешь у меня из-под носа таскать — руки вырву!

Сжимая в руках сумку с товаром, Митяй удалился. Потом он узнал, что все его коллеги по ремеслу в Восточном районе получили такое же «предложение». Это странно, так как все знали, что смотрящий по городу Плешивый во всеуслышание объявил новую таджикс

кую

наркоту вне закона. Уличные барыги уже пронюха

ли.

что торговать «арбузами» чрезвычайно выгодно, но послушаться воровского смотрящего... На это бы не отважился никто. Прибыль прибылью, но жизнь, в конце концов, дороже. Но главный барыга Мурманска цыган Якул не смог преодолеть искушения. Правда, у него была серьезная крыша — Норвежец...

Все знали, что самый бедный район Мурманска «держит» цыганский барон Якул. Знали, что он мерзкий тип, а в бригаде у него одни подонки. Из «подшефных» бизнесменов, осмелившихся, на свою беду, вести здесь какое-либо дело, они выпивали все соки, стремясь ободрать как липку. При этом в ход шло все, вплоть до паяльников и утюгов — методы, которыми уважающие себя блатные уже давно не пользовались. Времена дикого рэкета, раздиравшего Мурманск в начале девяностых годов, ушли в прошлое. Теперь в криминальной среде это считалось признаком дурного тона. Но только не для Якула и его бойцов. И не для покровителя Якула — Норвежца.

Жадность пересилила страх перед Плешивым, и барыги начали втихаря толкать товар. А начав, уже не могли и не хотели останавливаться. Барыши были такие, что с избытком хватало всем. «Арбузы» покупали не только закоренелые наркоманы, но и обычная молодежь, ранее предпочитавшая «продвинутое» пиво. Иногда сбытчиков отлавливали бойцы из «правильных» команд, бригадиры которых считали своим долгом безукоризненно выполнять приказ Плешивого. Били. Вот на такой случай и имелся у каждого сбытчика номер вызова «службы спасения».

Позвонив, Митяй закурил. Шевелить губами при затяжках было очень больно, так как они были рассечены коваными ботинками почти насквозь. С нетерпением он ждал, когда подъедет «эскадрон смерти». Во-первых, хотелось побыстрее убраться отсюда, а во-вторых, с появлением тех ребят его обидчики должны получить по заслугам.

К машине приковыляла избитая напарница. Бывшая проститутка, а теперь уличная торговка дурью по кличке Мальвина едва стояла на ногах. Она рухнула рядом с Митяем на сиденье.

— Жива? — равнодушно поинтересовался тот, напоследок затягиваясь сигаретой.

Та ничего не ответила. Достала платок и стала вытирать окровавленное лицо.

— Ничего. Сейчас пацаны подъедут и сваливаем, — успокоил ее Митяй.

— Мне в больницу надо, — пробубнила Мальвина, ощупывая переносицу и морщась при этом, — этот гад мне нос сломал. Поехали, а?

— Перебьешься. Надо бригаду дождаться. Ага, вот и возмездие! На улицу въехал громадный черный джип. К нему поначалу рванулась целая стайка де-Ниц. Думали, что клиенты подкатили. Машина шикарная — значит, мужики денежные, можно неплохо заработать. Впрочем, те, кто был поопытнее и потрезвее, сразу же отошли. Обратили внимание на то, что джип-то без номеров. Про такие стремные тачки по город

у ходили зловещие слухи.

Открылись дверцы. Вылезли несколько человек. Все они были одеты в черное, на головах —

лыжные шапоч

ки, на ногах — высокие шнурованные ботинки. Одежда Одинаковая, похожая на униформу. Люди какие-то неестественно худые, угловатые. Иссошенные лица и горящие злобой глаза.

Увидев прибывших, Митяй почувствовал себя неую

тно,

хотя и ждал их. Приехал и сам Жора, бригадир «эскадрона смерти» Норвежца. Даже среди своих беспредельных собратьев он выделялся особой жестокостью. Это он придумал таскать с собой топоры.

Митяй, кряхтя, выполз из «бэхи» и, хромя, пошел навстречу. Жора, проигнорировав протянутую ему для приветствия руку, равнодушно спросил:

— Где они?

—

Мне шепнули, что они тусуются в баре «Полярный круг». Ехать прямо по набережной. Сразу за поворотом,

—

Сколько их? — Жора, не спеша, осматривался, по сторонам. Те, кто встречался с ним взглядом, поспешно отводили глаза.

—

Трое. Нас плющили трое, по крайней мере. — Митяй говорил подобострастно, чтобы не вызвать недовольства у этого затянутого во все черное здоровяка. С ним было страшно даже стоять рядом, хотелось побыстрее отойти в сторону, а еще лучше и вовсе умчаться: прочь без оглядки.

—

Сколько времени прошло? — задал очередной вопрос Жора.

—

Минут десять-пятнадцать, не больше. Послушайте, нам надо в больницу. Может, я поеду?

Жора, не обратив внимания на эту просьбу, обернулся к своим бойцам:

—

Сейчас поедем. Покажешь их!

Последнее относилось уже к Митяю. Он скривился, как от зубной боли. Этого еще не хватало! Но спорить с этим бледным как смерть бандитом не хватило смелости. Сгорбившись, он побрел к джипу. Успел лишь сказать Мальвине, чтобы ждала его.

Когда Митяй забрался в черный «лендкрузер», на него злобно посмотрел водитель и бросил через плечо:

—

Смотри сиденье не перемажь. Кровищей-то... А то мыть заставлю.

«Эскадрон смерти» расселся по местам. Тронулись, Митяй сипло указывал дорогу. Пожалуй, в этой компании он чувствовал себя даже хуже, чем во время разборки с костоломами Арсена. Те, по крайней мере, были самыми обычными братками — грубыми, но без затей. Таких он

перевидал немало. Знал, как с ними общаться, мог договориться при случае. Эти же, в черном, производили впечатление вставших из могил мертвецов. Даже запах в салоне их джипа витал какой-то приторный, которого начинало тошнить.

Показалась горящая неоновыми огнями надпись Велярный круг». Под ней красовался белый медведь с бутылкой пива в лапе. Возле входа никого не было, чуть поодаль стояла «восьмерка»,

— Здесь! — с облегчением оттого, что тягостный путь наконец-то закончился, сообщил Митяй. — Вон их тачка.

— Понятно, — сказал Жора и сунул в тонкие сложенные губы самокрутку. Чиркнул зажигалкой. Пополз удушливо-пряный дым. Сделав несколько глубоких затяжек, Жора передал косяк водителю. Тот повторил процедуру и пустил косяк по кругу дальше. Митяй почувствовал, что курят не марихуану, а «арбуз». Этот запах не спутаешь ни с чем.

«Курившие «арбуз» люди были так серьезны, что казалось, они выполняют какой-то языческий ритуал. Только их глаза с каждой затяжкой ядовито-зеленого дыма, спущенного в легкие, разгорались все ярче и ярче. Теперь Митяй понял, почему «эскадрон смерти» отличался такой звериной жестокостью: перед каждой акцией возмездия они накачивались дурманом. К тому же

е сегодня это была уже явно не первая их доза,

— Ну что, — сказал Жора, когда с косяком было покончено, — выходим. На улице Митяй принялся жадно вдыхать свежий воздух. Дующий с моря холодный ветер показался ему эликсиром жизни. В салоне он наглотался тяжелого дыма, хотя к косяку не притронулся. Впрочем, никто ему НИ не предлагал...

Еще недавно медлительные и казавшиеся расслабленными бандиты теперь двигались четко и быстро. В течение нескольких секунд все четверо вооружились. Жора и еще один сжимали в руках свои знаменитые мясницкие топоры. Глядя на отточенные, сверкающие лезвия, Митяй невольно содрогнулся. Двое остальных вытащили из багажника короткоствольные автоматы и сразу щелкнули затворами, приводя «калаши» в боевое положение.

— Иди первым, — скомандовал Жора, — как только покажешь их, сразу же падай на пол. До окончания шухера не вставай, а то под раздачу попадешь.

«Вот вляпался!» — с отчаянием подумал Митяй и тоскливо оглянулся. О бегстве не могло быть и речи. Четверо вооруженных бандитов стояли на расстоянии двух шагов друг от друга, и их

застывшие лица, напоминавшие восковые маски, говорили лишь о желании убить любого, кто попадется им навстречу.

Митяй на ватных ногах двинулся к двери и, толкнул ее. вошел внутрь. Бар был довольно просторным. Почти все столики пустовали. Компанию своих обидчиков он увидел сразу же. Все трое устроились в углу, прямо возле стойки бара. Слева была дверь в туалет.

Пацаны Арсена находились в прекрасном расположении духа. Они уже распили бутылку водки и по-быстрому закусывали бутербродами с икрой. На столе стоял! вторая поллитровка, а с кухни доносился запах жареного мяса. Проголодавшиеся братки заказали по паре свиных отбивных, чтобы поужинать по-настоящему. Носорог то и дело поглядывал в сторону кухни, принимался и облизывался. Он был не дурак пожрать. Клим и Клей,

раскрасневшиеся от выпитого, о чем-то спорили. В пальца у пацанов дымились сигареты.

Кроме них в баре сидели еще две девицы, потягивавшие пиво, и потрепанный мужичонка, который за выпивку помогал здесь по хозяйству. Когда посетители! было немного, как сейчас, ему разрешали посидеть в зале. Он уткнул сизый нос в стакан с дешевой водкой. Все что творилось вокруг, его не интересовало. У него были свои проблемы.

Митяй вошел и, оставив дверь открытой, неуверенно шагнул вперед. Братки Арсена с недоумением уставились на него. Чего-чего, а такого они явно не ожидали, что ему здесь нужно? Ну и рожа! Мало получил, что ли?

Вслед за Митяем стремительно вошли двое автоматчиков. Барыга, сорвавшись на визг, закричал:

—Вот они! У стойки! За столом! Трое!

После этих криков, помня данные ему наставления, он мешком упал на пол и закрыл голову руками. Тут прогрохотали первые автоматные очереди. Запищали девицы. Бармен, протиравший стаканы, мгновенно юркнул за стойку и, опустившись на четвереньки, уполз на кухню. Алкаш же лишь соизволил искоса взглянуть на происходившее. Шальная пуля вдребезги разнесла его стакан, на дне которого еще плескалось граммов десять водки.

На бойцов Арсена обрушился свинцовый ливень. Ни один из них не успел как-нибудь среагировать. Ребята Норвежца патронов не жалели и за несколько секунд опустошили рожки.

Впрочем, стреляли они довольно скверно. Стрелки из наркоманов были никудышные, к тому же падали от бедра.

Жертвам было некуда деваться. Их расстреливали со столь близкого расстояния, что ни увернуться, ни спрятаться оказалось невозможно. И хотя половина выпущенных пуль ушла в «молоко», изрешетив стены, стойку и мебель, все же в бойцов Арсена попало несколько десятков зарядов.

Заорал раненный в живот Клим. Он согнулся пополам и развернулся вокруг своей оси. Тут же получил очередь в спину и упал. Попытался было ползти, но ноги не слушались — позвоночник был перебит в нескольких метрах. Захлебываясь кровью, он с ужасом осознавал, что сейчас умрет.

Клею пуля угодила в плечо, и, повернувшись к убийцам боком, он успел-таки выхватить из-под полы куртки свой «ТТ». Свинец продолжал кромсать его левую руку. Страшно крича, он направил пистолет на автоматчиков но выстрелить не успел: три пули впились Клею в голову, и с изуродованным лицом он рухнул прямо на стол.

Носорог, простреленный в нескольких местах, мотнулся к туалету. Казалось, пули были слишком малы, чтобы тут же покончить с ним. С диким ревом волоча и собой перебитую автоматной очередью ногу, он рванул на себя дверь, ввалился в сортир, захлопнул за собой дверь, прислонился к стене и от боли, ужаса и безысходного отчаяния протяжно завыл...

В баре воняло порохом и кровью. Когда автоматчики сделали свое дело, вошел Жора с напарником. Оба были вооружены топорами. Оглядев помещение, Жора спросил:

—

Где еще один? Их же трое было!

—

В сортире, сука! Успел закрыться, — злобно

вы

крикнул боец из «расстрельной» команды, размахивая затихшим автоматом.

Жора со вторым «дровосеком» начали рубить дверь туалета, по очереди нанося размашистые удары. Заточенное железо врубалось в деревянные панели, во все стороны летели щепки.

Когда изрубленная на куски дверь рухнула, Носорог с воплем отчаянья бросился вперед. Попытался ударить первого, кто вломился в тесную каморку. Но его могучий кулак наткнулся на лезвие топора. От боли Носорог присел на корточки, прижимая к груди покалеченную руку. Жора занес над ним топор, и Носорог с раскроенным черепом затих навеки.

—

Готов, — удовлетворенно сообщил Жора своим кентам. Окровавленный топор служил красноречивым подтверждением его слов.

Дрожавших от страха и находившихся в шоковом состоянии девиц пинками подняли и поставили возле барной стойки. Там уже находился и алкаш. Его глаз Н подбит: не понял команду с первого раза.

—Что делать с этими? — спросил один из Жориных отморозков, указывая на пленников.

Жора равнодушно скользнул по ним взглядом. Не спеша подошел. Кончать их или нет?

Две дешевые шлюхи и никчемный бомж. Жалкие ничтожные людишки. Свидетели... А вот это уже другое зло. Свидетелей оставлять нельзя...

— Дай сюда, — отрывисто пролаял Жора одному из автоматчиков. Тот уже успел перезарядить оружие и протянул его главарию.

Тут завопила одна из девиц. Она первая поняла, что собирается сделать этот страшный человек с впалыми щеками и горящими замогильным огнем глазами.

Вторая девушка в отчаянии заломила руки.

— Не на... — Ее крик заглушила автоматная очередь.

Жора остервенело жал на спусковой крючок, целясь то в одну, то в другую жертву. Костлявое тело его содрогалось от отдачи, он что-то злобно кричал, но разобрать вдова из-за грохочущих выстрелов было невозможно

Пустые гильзы звенящим дождем сыпались прямо на Митяя, который не осмеливался встать с пола. Только когда автоматный рожок опустел и убийцы пошли прочь,

он

приподнял голову. Стараясь не смотреть на окровавленные тела, метнулся к выходу.

Глава

13

Плешивого поднял с постели телефонный звонок. Ныло двенадцать часов ночи, но сегодня он уснул рано. Сильно болела голова, да и вообще нездоровилось.

Менялась погода, ощутимо дул уже по-настоящему холодный ветер, а с возрастом его организм стал метеозависимым и чутко реагировал на любые колебания атмосферного давления.

Ничего спросонья не понимая, Плешивый сел на кровати. Телефон на тумбочке разрывался. Его номер знали лишь самые близкие люди, которым он безоговорочно доверял. Для всех остальных существовала лишь сотовая связь. На ночь мобилу он отключил. Поэтому звонили на домашний. Плешивый посмотрел на часы. Что же, еще не так поздно.

Зевая, снял трубку.

—

Слушаю, — хриплым со сна голосом обратился к неизвестному пока собеседнику.

—

Николай Петрович? — Мужской голос в трубке звучал взволнованно, даже вроде как агрессивно.

—

Ну? — буркнул недовольно вор. Он терпеть не мог, когда звонивший не представлялся сразу.

—

Моих ребят на Портовой перебили!

—

Подожди! Каких ребят? Какая Портовая?

—

Да Арсен говорит, Арсен. Вы что, не узнали меня?

—

Ладно, Арсен, говори толком, что стряслось.

—

Моих пацанов, что за Портовой присматривают, положили. Всех троих. Они обычно тройками работают. Кроме них еще трех посторонних людей завалили.

Хреновая новость. Плешивый понял, что начинаются крупные неприятности.

—

Так. Сколько всего убитых?

—

Шестеро. Три моих бойца. Потом топорами добивали. И случайных посетителей прибрали. Двух девочек, они на панели стояли, и старика.

Шесть трупов! Плешивый в волнении встал и чуть не выдрал короткий телефонный провод, натянувшийся как струна. Арсен продолжал*

—

Это ублюдки Норвежца!

— Точно? Их узнали?

— Да. Вся разборка из-за «арбузов» началась. Мои пацаны двух барыг отметелили. Внаглую на нашей территории эту дрянь двигали. Через десять минут подъехал Жора со своими отморозками и всех, кто был в баре, порешил. Всех наглухо!

Такого беспредела не было со времен разборок конца Восьмидесятых! Плешивый сжал трубку телефона так, что пластмасса едва не треснула в его кулаке. Первой его мыслью было тут же собрать всех путевых пацанов, чтобы штурмом взять загородный особняк этого выроodka Норвежца. Вырезать беспредельных тварей прямо в их логове.

Но усилием воли Плешивый удержал себя в руках. Он понимал, что обуревавший его гнев в таких делах был плохим советчиком. Нужны четкие и конкретные действия по ликвидации конфликта. Может, все было совсем не так, как говорит Арсен. Вдруг это обычная ссора между быками из конкурирующих бригад. Бабу не поделили или косо взглянули друг на друга. Всякое бывает. Нет, сплеча рубить не годится. Нужно все тщательно взвесить и, прежде всего, самому разобраться в подоплеке этой истории.

Но, скорее всего, Арсен прав. Этот Норвежец давно уже сидит у всех в печенках. Говорят, с Норвежцем снюхался Якул. Теперь, выходит, это уже не слух, а факт. Цыган вопреки приказу смотрящего по городу стал работать с таджиками! Завалил весь город дешевой наркотой и сидит себе бабло считает! Обставился отморозками со всех сторон, так просто к нему не подступишься. Ментов покупает, а теперь уже в открытую свои условия диктовать начал. Людей, как зайцев, отстреливает!

Наверняка по наущению Норвежца. Этот Норвежец оборзевший на все пойдет, лишь бы свою выгоду поиметь. И отморозок Жора, ошалевший боевик Норвежца, со своими бешеными псами разъезжает на тачках без номеров по Мурманску и ломает всех подряд. Взяли, суки, моду: чуть что за топоры хвататься. Ну, выродки...

Это он, Плешивый, маху дал. Нужно было сразу же давить эту гниду Якула, как только первая партия таджикской наркоты в городе появилась. Но промедлил опытный положенец и упустил инициативу. Не мог предвидеть, что дело это такой размах получит.

Оторвавшись от невеселых мыслей, Плешивый продолжил разговор:

—

Что думаешь делать? Лично ты, Арсен, что думаешь?

—

Я? — Голос в трубке звенел от ярости. — Я хочу эту падлу тонкими ломтями настрогать! Как солонину!

—

Это все эмоции. Возьми себя в руки. Ты же не сопливый пацаненок. Конкретно говори, по делу.

—
Сейчас мои ребята к Якулу едут. Все со стволами. Я с ними. Может, удастся что разведать. Хотя все и так понятно: это Норвежца работа. Он уже давно на всех забил. Какого хрена мы вообще его терпим?

Плешивый соображал. Как отнесутся к этому менты? Шесть трупов за раз — это уже не шутки. Натуральный скандал. С него и спросить могут. Какой он, спрашивается, смотрящий, если на своей территории позволяет происходить такому беспределу? Нет, нужно действовать! Перво-наперво переговорить с Норвежцем. Это необходимо. Может, все-таки удастся урезонить его. Крови не хотелось.

Но Арсен рвется в бой. Это понятно. Он просто обязан дать отмашку за смерть своих пацанов, иначе его авторитет рассеется как дым. Пусть Арсен готовится к большой драке. Если что — его людей на Якула напустить. Пусть режутся.

—
Значит, так, брат, — Плешивый говорил спокойно, как и полагается человеку его уровня, — разберись во всем основательно. Сам туда не езжай, запрещаю. Верного человека пошли. С людьми. И пусть узнают про все детали.

Тут подробности важны, понимаешь? Чтобы все по понятиям было. Если все так, как ты мне сейчас сказал, то де

ло

ясное. Будем тогда с этим барыгой воевать. Уроем его

Однозначно.

Но сейчас резни не начинай. Ясно? Лишней Крови не нужно.

Выслушав ответ вора, Арсен заскрипел зубами,

Но

вслух протестовать против такого решения не стал. Пообещал, что все учтет, и, попрощавшись, повесил трубку. Потом дал себе волю и всласть выматерился.

В комнате он был не один. Присутствовали его ближние подручные, Сало и Бен. Сало — высокий, конопа

тый,

с длинными руками. Беи — низкорослый крепыш. Оба, как и Арсен, бывшие спортсмены. Сало каратист, Бен штангист. Все трое были вооружены.

— Ну что? — нетерпеливо спросил бригадира Сало, хотя по кисляку, который скривил Арсен, было ясно, что разговор получился не очень. Арсен помолчал. Рядом

с

ним на постели лежало Помповое ружье и он, положив на него ладонь, поглаживал гладкую сталь. После известия о резне в «Полярном круге» они хотели сразу пустить кровь Якулу и всем его прихвостням, но осторожный и дальновидный Бен предложил сначала посоветоваться

с

законным вором. Отмашка на отстрел беспредельщиков была, конечно, в

ажна,

но в сложившейся ситуации на первых порах

Обошлись

бы и без нее. Слишком уж внаглую перебили всех людей Арсена на Портовой, за это по-любому надо

было

отомстить. Все же решили позвонить и, как выяснилось, зря. Плешивый начал менжоваться. Впрочем, его статус обязывает. Не воровское это дело — чуть что за Пушку хвататься. Эх, не надо было звонить! Арсен горестно вздохнул и поднялся.

— Велел разбираться. Но пока без крови. Хочет на все сто процентов удостовериться, что это работа Норвежца. Что этот урод целенаправленно выживает нас из города.

—

А что, неужели не видно?! — взвился Сало и взмахнул своими руками-граблями.

Да я-то вижу, — огрызнулся Арсен, — но Плешивый думает, что это недоразумение. Что, мол, пацаны по собственной инициативе перегрызлись. Ладно, братва, поехали на Портовую. На месте во всем разберемся.

Через несколько минут кортеж из четырех автомобилей понесся по ночным улицам в сторону моря. Арсен сидел в головном «мерседесе» и все торопил шофера, хотя тот и так выжимал из мощной немецкой тачки все возможное. Благо дороги в этот час были пустынные, иначе не миновать бы браткам аварии.

На Портовую въехали шумно. Громко захлопали дверцами дорогих иномарок, в полный голос переговаривались. Их, оказывается, уже ждали. Вдоль дороги вереницей стояли машины. Как только приехал Арсен, из них стали выходить люди. Не менее двадцати человек. Все в открытую держали огнестрельное оружие. У многих в руках были автоматы. От черного джипа отделился худой парень в темной одежде и уверенно зашагал навстречу приехавшим.

—

Что за дела? — Арсен недоуменно уставился на незнакомую бригаду и оглянулся на Бена.

Тот был удивлен не менее его. Может, Плешивый или еще кто-нибудь подмогу вызвал? Однако быстрые ребята: в открытую с «калашами» рисуются. Тут ведь не Грозный все же...

Однако, когда в подходившем к ним человеке он узнал бригадира Якула Жору, все стало понятно. Отморозки пришли отвоевывать территорию.

—

Это Жора, — сообщил Бен Арсену, — бригадир тех самых придурков с топорами. Арсен, сразу не шмаляй!

—

А что прикажешь делать? — в ярости прорычал Арсен, отодвигая полу своего итальянского плаща, чтобы без помех достать из кобуры «стечкина».

— Давай побазарим сначала! — увещевал своего кента Бен.

Жора расслышал эти слова. Он подошел почти вплотную.

Все бойцы Арсена вывалили из своих машин и были

готовы по приказу главаря достать оружие и начать стрельбу, хотя их было раза в четыре меньше, чем чужаков. Автоматным огнем отморозки смели бы всех за несколько секунд. Этого-то и боялся расчетливый Бен, поэтому

и

хотел он удержать Арсена от необдуманных действий, после которых неминуемо начнется бойня.

— Ты, тварь поганая! — заорал Арсен на Жору и отстегнул клапан на кобуре.

— Давай, ковбой, давай, — ответил ему Жора, на которого все эти грозные приготовления не произвели ни малейшего впечатления, — как только достанешь волю

ну,

мои ребята шмалять начнут. Такой у них приказ. Арсен зыркнул по сторонам. С трех сторон на них были направлены стволы. Целая рота, и у половины — автоматическое оружие. В таких крутых разборках он еще не участвовал, и, несмотря на всю свою смелость, пистолета из кобуры так и не вынул. Он молчал, до кро

ви

кушая губы. Попытался найти нужные слова. Молчали

и

его люди. Момент был тяжелый. Одно его движение,

и

начнется стрельба. Этого ублюдка Жору он, конечно, замочить сможет, но вот что дальше? Их перебьют всех

до

единого. Слишком большой численный перевес у бо

евиков

Якула. Такого он не ожидал. Кто мог подумать,

что

этот змей набрал столько бойцов, да еще так вооружил их? Автоматы, будь они прокляты!

— Ну-у, — насмешливо протянул Жора, потешаясь н

ад

неуверенностью Арсена, — духу-то у тебя маловато,

—

Я

смотрю. А то бы станцевали в последний раз. А?

Жора только что принял дозу и был в ударе. Ему хотелось, чтобы этот перекачанный амбал схватился за свою пушку. Но Арсен ему такого удовольствия не доставил. Наоборот, он натянуто улыбнулся и убрал руку с кобуры.

—
Не сейчас, недоносок, — процедил он, — но запомни мои слова, торчок голимый: за моих пацанов ты ответишь кровью. Я убью тебя, чего бы мне это ни стоило, И не просто убью, я заживо сожгу. Понял? Оболью бензином и подожгу. Но не сейчас. Чуть позже.

—
Клал я на твои угрозы, — беспечно отозвался Жора и обернулся через плечо. Слова Арсена все же несколько задели его. Он знал, что этот бандит всегда делает то, что говорит. Вид бойцов, готовых по одному Жориному жесту открыть огонь, вернул ему несколько утраченную после обещания Арсена наглость. — В общем, так, — высокомерно сказал он, — теперь эта территория тебе не принадлежит. Здесь будет банковать Якул. Если кто не согласен — можем начать разборку прямо сейчас. Будем решать вопрос по Портовому.

—
С чего ты решил, что я с таким фуфлом, как ты, буду вопросы решать? Если у Якула есть какие-то соображения на этот счет, то пусть делает как положено. А вот с вас спрос будет другой. Вы наших пацанов постреляли. За что?

—
Твои барбосы наших людей обидели. Они тут бизнесом занимались, никого не трогали.

—
Это приказ смотрящего. — Арсен понимал, что эта словесная перепалка ни к чему не приведет. Эти отморозки заранее были настроены на мочилово и ждали лишь формального повода.

—
Нам твой смотрящий не указ. Нам указы подписывает Норвежец. Вообще задолбался я с тобой базарить. Или хватай пушку, или вали отсюда! Я доходчиво объяснил?

Кровь прилила к лицу Арсена. Никто еще не разговаривал с ним так нагло! А это чмо оскорбляет его как хочет, да еще при всех пацанах.

— Арсен! — прошептал стоявший за его спиной Бен.

Авторитет развернулся и быстро зашагал к своей машине. Он был вне себя от ярости, но все же благоразумие одержало верх. Бен прав. Не сейчас. Но он заставит эту падлу ползать на коленях, умоляя о пощаде! Автомобили Арсена один за другим покидали место стрелки. Бойцы уезжали как побитые собаки, но все же живые и невредимые. А это уже немало. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Жора проводил удалявшиеся иномарки торжествующим взглядом. Его ребята зашевелились, расслабились, слышались нервные смешки, и Портовый район в одночасье сменил хозяев. Большой передел в городе начался.

Глава 14

К главному входу помпезного псевдоклассического здания с колоннами по фасаду на Варварке подкатил Кортёж черных лимузинов «ауди» в сопровождении белого милицейского «форда». Из второй «ауди» вышли двое мужчин: один — в темно-коричневом пальто и в собольей шапке, другой — чуть повыше, в габардиновом пальто

без головного убора. Второй нарочито замедлил шаг, пропуская вперед мужчину в темно-коричневом пальто. С ними тут же выросли двое здоровенных парней в черных, почти прямоугольных макинтошах — охранники. Сразу же становилось ясно: тот, кто шагал впереди, был главным. Внешность у него была малоприметная: такого встретишь в вагоне метро или на людной Тверской, столкнешься нос к носу и уже через пять минут забудешь тусклые карие глаза под узкими полосками бровей, худощавые, чисто выбритые щеки и колобок безвольного подбородка... Между тем неприметный мужчина был одним из самых могущественных людей современной России, к чьему мнению — да что мнению, одному только тихому вкрадчивому голосу — прислушивались губернаторы, банкиры, генералы, дипломаты...

Анатолий Викторович Мартынов занимал должность, которая хотя и не упоминалась в Конституции Российской Федерации, была значительнее многих в сложной иерархии российской власти. Эта должность именовалась забавно: руководитель администрации президента. Не директор, не начальник, не заведующий, а именно «руководитель». Что в переводе на иностранные языки должно было звучать как «вождь» или «лидер». Анатолий Викторович заступил на свою должность давно, еще при прежнем президенте, и вот уже три года трудился при нынешнем. Он был свидетелем смены не только президента страны, но и четырех премьер-министров, четырех министров обороны, трех министров иностранных дел, четырех министров внутренних дел, трех генеральных прокуроров и тьмы прочих менее существенных чиновников категории «А». Сам же Анатолий Викторович не только не мог пожаловаться на шаткость своего положения, но, напротив, при каждом новом составе действующих лиц в грандиозном спектакле, именуемом российской политической жизнью, все увереннее ощущал себя главным режиссером-постановщиком этого масштабного действия.

Президент великой страны подчас мог быть не в курсе, кого послезавтра назначат на

второстепенный министерский пост, скажем, по делам СНГ, а вот Анатолий Викторович не просто был в курсе, но и лично отбирал и проталкивал ту или иную кандидатуру. Без его ведома не принимались решения ни в Государственной думе России, ни в мэрии Краснодара. Без его участия не создавались алмазодобывающие акционерные общества, нефтяные холдинги, автомобилестроительные концерны...

Будучи наиболее информированным номенклатурным работником и самым влиятельным российским чиновником, он имел тем не менее немало недругов, которые терпеливо выжидали момента, когда он оступится и потеряет равновесие, чтобы наброситься на него

и

добить.

Последние полтора года Мартынов ощущал, как кольцо врагов неумолимо сужается, и все чаще ловил на»: себе алчные взгляды конкурентов, заглядывавшихся на его кресло и мечтающих о его высоком статусе, авторитете и власти.

Он уже давно вынашивал идею заполучить в союзники Владислава Игнатова, могущественного лидера криминальной России, которому удавалось на протяжении десяти лет сохранять мир и согласие внутри воровского Сообщества, раздираемого внутренними конфликтами, соперничеством различных кланов, скрытой войной самолюбий и личных амбиций... Но не только недюжинным дипломатическим талантом привлекал Мартынова вор в законе Варяг. Он был, безусловно, одаренным предпринимателем, опытным и знающим, стратегически мыслящим и решительным, умеющим пойти на компромисс и неумолимо жестким... Такого бы в премьер-министры — и Россия лет через десять могла бы обогнать по темпам роста Китай...

Именно поэтому Анатолий Викторович и встречался сегодня с Владиславом Геннадьевичем Игнатовым — но не коронованным вором-рецидивистом, а высокопоставленным государственным чиновником, с которым он запланировал провести важный, серьезный и в высшей степени занимательный разговор. Эту встречу уже несколько месяцев готовил его спутник — начальник экономического отдела президентской администрации Александр Иванович Виноградов, который пришел в Кремль вместе с «питерским десантом» пару лет назад и за это время зарекомендовал себя достойным доверия толковым Трудягой.

В сопровождении Виноградова и двух рослых охранников Мартынов поднялся на лифте на третий этаж и пошел по выстеленному красной ковровой дорожкой коридору. Пройдя шагов сорок, он остановился перед высокой двустворчатой белой дверью с табличкой: «Совет по инвестиционным проектам».

Перед тем как нажать на бронзовую ручку, он чуть заметно усмехнулся, мысленно представляя

себе знаменитого вора в законе, о котором ему буквально взахлеб рассказывали такие разные люди, как Николай Николаевич Меркуленко и Александр Иванович Виноградов. Интересно, неужели Игнатов и впрямь такая уж феноменально интересная личность?

Дверь мягко отворилась, и Анатолий Викторович вошел в приемную. За ним, неслышно ступая по ковру, проследовал Виноградов. Посреди приемной стоял полированный стол с компьютером. У компьютера сидела миловидная девушка со строгим лицом.

Как только посетители вошли, девушка встала из-за стола и сделала им навстречу два шага.

— Анатолий Викторович, здравствуйте! Александр Иванович, добрый день! Владислав Геннадьевич ждет вас. — И она изящным жестом указала на обитую малиновой кожей дверь в кабинет.

Анатолий Викторович с интересом воззрился на хозяина кабинета. Высокий, широкоплечий, импозантный мужчина с открытым лицом и цепким взглядом сразу произвел на него хорошее впечатление. Он обладал тем трудно уловимым, но несомненным обаянием и притягательной силой, которую именуют харизмой. Да, этот вполне мог бы стать премьер-министром, невольно подумал кремлевский чиновник.

Игнатов пригласил гостей присесть на длинный кожаный диван рядом с низким кофейным столиком, а сам сел в кресло напротив и выжидательно посмотрел на пришедших.

— Владислав Геннадьевич, очень рад, что мы с вами Наконец-то встретились лично, — начал Мартынов, слегка заикаясь. — Эту встречу долго готовил еще Николай Николаевич, но... Тогда не удалось... Теперь вот Александр Иванович все подготовил... — Он бросил короткий взгляд на непроницаемое лицо Виноградова.

— Мы с вами оба прекрасно знаем, почему не удалось и кто именно препятствовал тогда нашей встрече, — с холодной усмешкой перебил его Владислав.

— Странно, что мы с вами сегодня встретились, и никто не палит по окнам моего кабинета из гранатомета... Ведь число наших с вами противников с тех пор только увеличилось! Мартынов, как будто смутившись, погладил ладонью выпуклый, с залысинами лоб и, попросив разрешения закурить, достал янтарный мундштуке уже вставленной в него короткой сигаретой без фильтра.

— Мне нужно обсудить с вами дело чрезвычайно конфиденциальное. Касающееся финансовой безопасности страны.

Варяг украдкой изучал лицо собеседника. Ему было пока скучно. Несколько дней назад он встречался с Виноградовым и тот подробно ввел его в курс дела, точнее интереса, который возник к нему у руководителя президентской администрации: его хотели использовать в качестве переговорщика с бывшими владельцами крупнейших российских банков, после дефолта 1998 года Сказавшимися за границей.

-...своего рода Парижский клуб, — спокойно вещал Мартынов, и тут Варяг поймал себя на мысли, что пропускает мимо ушей нечто очень важное. — Там собралась интересная компания. Вадим Смолицкий из «Кредитного российского банка», если помните такой, Юрий Шахнамазов, банк «Инвестсоюз», Давид Папава, банк «Северная Пальмира»... Вот такая компания. Вы ведь их знаете?

Варяг отлично помнил эти имена. Судьба его даже как-то свела с Давидом Папавой, добродушным с виду грузином, вернее, полугрузином, полуабхазом, который году эдак в девяносто пятом предлагал ему деловой проект. Речь тогда шла о предстоявшей приватизации крупных заводов, и Папава, кичась своими связями в правительстве, обещал Владиславу контроль над чуть ли не всеми алюминиевыми комбинатами Восточной Сибири. Но Варяг тогда не захотел завязываться с ним — и не прогадал. Папава уговорил Шоту Черноморского выстроить с ним совместный бизнес, Шота вложил в него хренову тучу баксов, прогорел, а когда кинулся искать Давидика, чтобы отбить вложенные бабки, хитрого грузинского абхазца уже и след простыл...

—

Да, Анатолий Викторович, этих деятелей я помню, а кое с кем даже имел честь... или несчастье... знаться лично, — уклончиво ответил Варяг. — Но я пока не понимаю сути вашего предложения.

Мартынов с легкой полуулыбкой кивнул:

—

Отлично. Перехожу к сути дела. Эти господа умудрились аккумулировать у себя ценных бум»; по разным подсчетам, на сумму до двухсот миллиардов долларов, Это облигации госзайма, государственные векселя, иные ценные бумаги. Двести миллиардов долларов, находящиеся в депозитных ячейках этих трех господ. Бумаги надо у них изъять. Чем мы и просим вас заняться.

—

Об этом мне уже говорили, — спокойно заметил Варяг, — и я дал свое согласие.

Мартынов несколько раздраженно махнул рукой:

—

Я помню, что об этом с вами беседовали наши... ветераны. Но тогда беседа велась в общем плане. Сейчас я могу назвать вам конкретные имена.

—

Что от меня требуется? — нетерпеливо спросил. Варяг. — Насколько я понимаю, мне нужно убедить их вернуть или продать эти ценные бумаги Внешэкономбанку? Центральному банку? Кому?

Мартынов пососал длинный янтарный мундштук и после долгой паузы веско проговорил:

— Мне, Владислав Геннадьевич! Лично мне!

Это была новость! Варяг откинулся на мягкую спинку кресла и не смог сдержать смешок.

— У вас, Анатолий Викторович, есть свободные двести миллиардов долларов?

Мартынов чуть прикрыл веки и, выпустив длинную струйку серого табачного дыма, тихо ответил:

— Есть. Это, конечно, не мои собственные сбережения, Владислав Геннадьевич, но они есть. Это, если угодно, неприкосновенный запас государства. И существует он для того, чтобы спасти нас от всяких непредвиденных случайностей. Но пока я не могу посвящать вас в эти В тонкости. Да они вам на данном этапе и не нужны. Ваш инвестиционный, проект — это возврат российских ценных бумаг.

Варяг помолчал, обдумывая услышанное.

—

Игра пойдет по-крупному — осторожно начал он. — Вы же понимаете, что мой нынешний

статус позволяет, самое большое, встретиться с этими господами где-то на коктейле, перебраться парой малозначащих слов

и

обменяться улыбками. На этом все

и

закончится.

—

Я бы сказал, что игра пойдет не только по- крупному, но и втемную, — поправил его Мартынов. — Это зна

чит,

что вы будете обладать как бы двойным статусом — публичным статусом главы Совета по инвестпроектам — и действовать в Париже в соответствии с ним, а кроме в того — совершенно непубличным статусом... Варяга.

Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«Парижский клуб! Забавно!» — подумал Варяг. Итак, кремлевский чиновник надеется его руками спасти Россию от внешнего дефолта. Как там говорили старики в загородном ресторане? Если эти ценные бумаги в один прекрасный день всплывут и будут предъявлены к немедленному погашению, всего российского бюджета не хватит, чтобы погасить этот сумасшедший двухсотмиллиардный долг... А это будет означать экономический крах страны, политический крах режима, низвержение президента... Тут ему в голову закралась интересная мысль: уж не сам ли Мартынов готовит эту катастрофу для Кремля? Не сам ли метит в кресло президента?

Игра втемную... Да, это будет большая игра. Что ж, он готов принять вызов, готов вступить в эту игру. Но с одним условием: ему должна быть гарантирована соответствующая премия.

—

Анатолий Викторович, а какой мой интерес в этой игре? В вашей игре? — растягивая слова, поинтересовался Варяг.

Мартынов вынул мундштук изо рта и, словно он ждал этого вопроса и загодя приготовил ответ, быстро произнес:

—
В случае успеха вашей миссии вы получите пост премьер-министра... — Сделав эффектную паузу, кремлевский чиновник продолжал: — Вас это устраивает?

Варяг никак не ожидал такого ответа. Он бросил пристальный взгляд на лицо Мартынова, пытаясь угадать, не таится ли в его предложении иронический подтекст или даже дерзкая насмешка. Но нет, сухощавое лицо «серого кардинала» Кремля не выражало ничего, кроме предельной озабоченности. Варяг перевел взгляд на Виноградова. Тот смотрелся каменным изваянием — ни удивления, ни досады, ни восторга. Ну и хитрец, подумал Варяг, в который уже раз мысленно отдавая должное блестящим дипломатическим навыкам Виноградова.

— Только ради одной этой фразы я, собственно, приехал сюда к вам, — продолжал Мартынов. — Такие серьезные дела не обсуждаются по телефону или через посредников. Я не буду торопить вас с ответом. Но пока вы думаете, а у вас есть несколько дней, даже неделя.

И бы

хотел напомнить еще об одном важном деле, котор

ое

,

конечно, по масштабу несоизмеримо с Парижским Клубом, но как знать...

— Мурманск? — догадался Варяг. — Криминальные разборки? Порт, рыба, нефть? Мартынов кивнул:

— То, о чем вы сказали, лежит на поверхности. Но де

ло

посложнее. Там есть некий Михаил Таганцев. Это

большая

головная боль.

Варяг решил не сообщать гостю о том, что уже начал нети работу по Михаилу Таганцеву, главному смутьяну в Мурманске. Но не дать понять, что имя ему знакомо, он тоже не мог.

— Я уже слышал про этого человека. Он в последние роды собирает под себя крупные

предприятия Мурман

ска и

Мурманской области.

— Дело не в этом. Не только в этом. Таганцев — это фасад кое-каких питерских сил... — Мартынов явно не хотел вдаваться в подробности и надеялся, что его намеки будут восприняты Варягом адекватно. — Таганцев действует в регионе так открыто и откровенно только потому, что за его спиной стоят определенные круги. Фактически он марионетка, и его действия санкционированы из...

— Смольного? — вырвалось у Варяга.

Мартынов молча склонил голову,

— Вы пронцательный человек, Владислав Геннадье

вич.

Таганцев — пешка в большой шахматной партии, но это, скажем так, ферзевая пешка. При удачном стече

нии

обстоятельств он вполне может выскочить на са

мый

верх!

—

Этот отморозок и бандит? — недоверчиво отозвался Варяг. — Неужели люди в Смольном настолько беспринципны?

—

Они более беспринципны, чем вы себе можете вообразить! — с жаром воскликнул Мартынов, и Влади слав подивился этому спонтанному проявлению живы человеческих чувств. Все-таки кремлевский администратор не такой уж бездушный робот, каким его хотят представить недоброжелатели.

—

И куда же они собираются продвигать Таганцева? — спросил Владислав.

—

Такие, как Таганцев, Владислав Геннадьевич, сейчас появляются во всех крупных регионах России. Их пестуют, им позволяют многое, их выкармливают для того чтобы потом применить по назначению. Во-первых, с их помощью сейчас аккумулируется крупный капитал, который потом можно будет прибрать к рукам, а во-вторых, этих таганцевых можно двинуть на высокие государственных должности. И держать их там до тех пор, пока они полезны. Такой опыт уже есть. А Таганцева, например можно со временем сделать председателем Госкомрыболовства... Или председателем большой нефтяной компании. Имея за собой целый шлейф преступлений, как экономических, так и уголовных, он будет послушным исполнителем воли своих покровителей.

—

Что же вы хотите от меня в связи с Таганцевым? в лоб спросил Варяг, заранее зная ответ. Ему хотелось, чтобы хитроумный кремлевский чиновник сформулировал задачу в открытую.

—

Его нужно ликвидировать! — спокойно произнес Анатолий Викторович. И, заметив блеск в глазах Варяга, добавил: — Нет, не так, как вы подумали. Таганцев! и созданную им систему круговой поруки надо уничтожить идеологически. И там есть человек, способный это сделать.

— Самородов? — вспомнил Варяг недавний разговор с Виноградовым, который демонстрировал ему досье отставного заместителя командующего Северным флотом.

Мартынов улыбнулся и закурил новую сигарету.

А вы отлично осведомлены о ситуации. Да, Самородов. Я думаю, было бы целесообразно, чтобы он баллотировался в губернаторы. Самородов сможет ликвидировать Таганцева и всю пирамиду, которую тот выстроил за эти

Но его нужно убедить!

— И что? — не понял Владислав.

— При чем тут я?

— При том, что убедить его участвовать в губернаторских выборах сможете именно вы, Владислав Геннадьевич. Лично вы. Он к вам прислушается.

— Как к председателю Совета по инвестпроектам? — усмехнулся Варяг.

Но Мартынов оставался предельно серьезен.

— Мне бы не стоило этого вам говорить, но я все же скажу. Он прислушается к мнению легендарного вора в законе Варяга! Поезжайте, поезжайте в Мурманск, Владислав Геннадьевич. Вы не пожалеете. Самородов — очень интересный человек. Я с ним, знаете ли, даже виделся пару раз в Москве, правда, мельком, на каких-то совещаниях, еще когда он служил на Северном флоте. Кстати, у Самородова, кажется, племянник погиб от наркотиков, а Мурманск стал сейчас столицей наркомафии всего Северо-Запада. Так что, как видите, все взаимосвязано... Самородов ненавидит Таганцева и его наркоторговцев и пытается вести с ними борьбу, но безуспешно. Он ведь теперь частное лицо. Словом, его нужно убедить, что он сумеет задушить гадину, только возглавив область. А вы сумеете его в этом убедить!

Мартынов многозначительно поглядел на часы и встал. Не проронивший ни звука за все время их беседы Виноградов тотчас вскочил на ноги.

— Спасибо за беседу, Владислав Геннадьевич, с вами приятно иметь дело! И поверьте, это не протокольная формальность, я говорю вполне искренне! — С этими словами Мартынов протянул Варягу руку.

Глава 15

Юля зашла в комнату для предварительных бесед с клиентами и оглядела присутствующих. Трое парней примерно одинакового возраста — от тридцати до тридцати пяти лет — кто спокойно, кто весело ответили на взгляд внимательных серых глаз.

Новые сотрудники отбирались Юлей очень придирчиво, она тщательно проверила их биографии. Соискателей по объявлению пришло много, человек пятьдесят. В основном это были крутые парни, умевшие стрелять и владевшие искусством рукопашного боя. Юля же руководствовалась в своем выборе скорее их моральными качествами. Но не в привычном понимании этих слов. Если она интуитивно чувствовала в человеке фальшь, стремление приукрасить свои достоинства или нежелание рассказывать о своем прошлом, то тут же давала отказ. Многие сыпались при вопросе о причинах, приведших их в службу безопасности частного адвокатского бюро. Беззаботным искателям приключений, которым было все равно, на чьей стороне сражаться, в их команде не место. Это было твердое убеждение Юли. Каждый

принятый на работу должен был иметь личный счет. К кому? Да ни к кому конкретно, а, скорее, к системе, которая безжалостно перемалывала судьбы людей.

Стас вчера с утра уехал в Оленегорск к Самородову, в последнее время они часто встречались, чтобы обсудить дела, опасаясь телефонной прослушки. Руководитель адвокатского бюро мог себе позволить отлучиться на день, з

ная,

что Юля без труда заменит его в офисе, к Сегодня она должна была объявить трем парням, что Они приняты на работу. Молодая женщина и сама, наверное, не смогла бы четко и внятно объяснить, почему, Например, отказала высококлассному снайперу, находящемуся в великолепной физической форме и не имеющему ни одного привода в милицию, а дала добро Алексею Иванцову по кличке Кувалда, который полтора месяца назад освобожден из мест заключения. Леха Кува

лда

отсидел два года за незаконное ношение оружия. Сейчас этот широкоплечий парень с круглым румяным лицом и озорными глазами сидел рядом с Сергеем Антоновым, еще одним новичком, принятым Юлей в их Службу безопасности. Среднего роста, худой, с угрюмым скуластым лицом. За все три раза, что она с ним общалась на собеседованиях, Юля не видела, чтобы этот бывший старший лейтенант мурманского уголовного розыска хоть раз улыбнулся.». История бывшего следака была печальной. Несколько месяцев назад Антонов, тогда еще работавший в УГРО, Начал распутывать одно дело. С поличным взяли наркоторговца, толкавшего кокаин в городских школах. Вцепившись в него мертвой хваткой, старлей стал потихоньку выходить на след оптовиков, но неожиданно сверху поступило устное указание: барыгу немедленно отпустить

Антонов опешил, доказывал, что дело перспективное, гнилой торгаш уже раскололся, как орех, и все его Неоказания запротоколированы. Но к нему пришел начальник следственного отдела и приказал выпустить задержанного под подписку о невыезде. Глаза подполковника во время их короткого разговора воровато бегали, Антонову все стало ясно. Он молча собрал документы по делу и отправился напрямик к прокурору города Ашоту Вазгеновичу Погосяну, который давно пользовался в Мурманске славой неподкупного стража законности. Взятки не брал и расправлялся с преступниками всех мастей в соответствии со старыми представлениями о «социалистической законности».

Но дойти до дверей городской прокуратуры старший лейтенант не успел. Возле Антонова резко затормозила черная «Волга». Из нее выскочили люди в штатском М грубо швырнув его на капот, обыскали. Не забыли прем ставиться: отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. В кармане у Сергея нашли несколько доз героя на, и уже через час он сидел в КПЗ. В камере Антоном все объяснили доходчиво. Уголовное дело на барыгу ом закрывает, тот уезжает из города, а его, старшего лейтенанта УГРО, выпускают. Он послал доброхотов подальше и заявил, что скоро они поменяются местами. Молодо! следовательно прекрасно разобрался в тонкостях юриспруденции и был уверен, что срок ему не пришьют. Дело было явно шито белыми нитками, а на суде ему будет что сказать.

Через час Антонов пожалел о своих словах. Его вызвали на допрос и, приковав наручниками к батарее, стали требовать назвать имена сообщников. Сергей, конечно же, слышал о спецметодах «добычи» показаний, но никак не мог предположить, что они носят такой зверский, изощренно-садистский характер. Когда Сергею сделали «электрический стул», он понял, что сейчас сердце просто остановится от невыносимой боли. Он поставил требовавшуюся от него подпись и в тот же день к вечеру был уволен из органов внутренних дел за «дискредитацию высокого звания российского офицера».

Трудно описать чувства, которые испытывал Сергей Антонов после выхода из КПЗ. Осознав все, что случилось с ним за неполные сутки, он преисполнился такой ненавистью к продажной и подлой системе, что первой его мыслью было достать оружие, чтобы выследить и пристрелить сук-оперативников, которые истязали его в камере. Их лица он хорошо запомнил и вряд ли когда-нибудь смог бы забыть...

На первом собеседовании в адвокатской конторе «Щербак и партнеры» он выложил все без утайки. Красивая невысокая блондинка внимательно его выслушала, но ничего не сказала. А на следующий день позвонила ему сама и сообщила, что он прошел по конкурсу. Сидевший с ним рядом

Леха Иванцов был другого поля ягода. Соседство с ментом, хоть и бывшим, доставляло ему, мягко говоря, мало радости. Два года, проведенные в колонии общего режима, не прошли бесследно, и людей в форме или без, от которых за версту несло ментурой, он ненавидел люто.

Леха получил прозвище Кувалда за исключительной силы кулачный удар. В драке он обычно бил только раз и если попадал в переносицу, то противника уносили на носилках, истекавшего кровью, с перебитой носовой перегородкой. В юности Леха занимался борьбой и боксом и был великолепно развит физически. При весе в сто с лишним килограммов в нем не было ни капли лишнего жира, он быстро бегал, далеко прыгал и играючи выжимал пудовую гирю тридцать раз. Он мог бы стать незаурядным спортсменом, но на беду попал в компанию рэкетиров. Красивая жизнь и легкие деньги вскружили голову этому, в сущности, неглупому и незлобивому парню. Он пару раз хорошо проявил себя в разборках, после чего пошел в гору. Постепенно Кувалда заматерел, стал признавать только образ жизни по понятиям», посматривая на простую уличную шпану свысока. Он относил себя к высшей касте, которой дозволено многое, почти все. Кувалда стал ходить в любимчиках у бригадира группировки Масика, с гордостью разъезжал на подержанном «БМВ», начал строить особнячок за городом.

Однажды после посиделок в ресторане их остановил милицейский патруль. У Масика при себе был ствол, но в последний момент, когда менты уже сунули свои носы в тачку, бригадир незаметно перебрал свой «макаров»

Лехе. «Грузись, — успел шепнуть он, — а я тебя вытащу». Верный закону дружбы, Леха взял ствол на себя.

Как только он оказался за решеткой, о нем вдруг забыли. Масик не только не оплатил услуги

адвоката, но да ж ни одной передачи в тюрьму не загнал. Когда Леха уели шал на суде приговор — два года лишения свободы, вес его мир перевернулся. До последней минуты он был уверен, что друзья на воле ведут хитрую игру, имеющую цель вырвать его из лап правосудия. Здравый смысл подсказывал ему, что все эти надежды — пустая фантазии, что не хочет Масик суетиться из-за рядового быка, которых у него — как грязи. К чему отстегивать деньги на адвоката, покупать судью и прокурора, если проще набран новых бойцов, благо в них недостатка на мурманских улицах не было?

Два года на зоне тянулись как в кошмарном сне. Леха жил «мужиком», сразу отвергнув предложение примкнуть к той или иной группировке. За это время он много передумал. Вспомнил всю прошедшую жизнь и ужаснулся. Был бандитом — и гордился этим. За пригоршню доя ларов калечил людей — и посмеивался. Все, во что он верил, оказалось в итоге обманкой. Те, кого он раньше уважал, на кого смотрел снизу вверх, на самом деле оказались подонками, для которых такие понятия, как честь и человеческое достоинство, всего лишь пустой звук.

Масик оказался просто дрянным человеком, каким нередко можно встретить как в преступном мире, та и среди законопослушных граждан. И закончил он с ответственно. Перегрызся со своими пацанами, бы уличен в «крысятничестве» и получил пулю в лоб. Его бригада быстро распалась, а ее ошметки прибились к другим, уже имевшим в городе большое влияние — кто Шел под Якулово крыло, а кто под Арсеново. Когда Ваха освободился, он с сожалением узнал, что Масика не нет в живых. Ведь он все эти два года мечтал собственноручно свернуть этой гниде шею...

Но надо было как-то жить дальше. В криминальные Группировки он идти не хотел. После предательства бывших друзей Леха не был уверен, что очередной «крутой», на которого он станет работать, не подставит его снова, бывший зэк никому больше не доверял, однако не видел себя в роли рядового обывателя. К тому же Леха ничего не умел делать. Отчаянная смелость, склонность к риску плюс гарантированно нокаутирующий удар кулаком — этим исчерпывался весь его багаж.

Чем он приглянулся Юле — неизвестно. Наверное, сработала пресловутая женская интуиция. Юля сразу разобралась, что, несмотря на сложный, путаный жизненный путь, душа у этого тридцатилетнего парня не сгнила и он способен на многое. Не способен он лишь на подлость и предательство, а это для их работы главное. Стрелять можно научиться, а вот обостренное чувство справедливости в таком возрасте уже не привьешь. Оно или есть, или нет его...

Третьего новичка приняли по протекции Павла.

Мастер спорта Глеб Николаев был его старинным приятелем. Еще со школы они ходили в секцию бокса, потом вместе участвовали во всесоюзных соревнованиях. Позже Пашка отошел от большого спорта и увлекся юриспруденцией, а Глеб продолжал уверенно выигрывать турниры и подумывал о переходе в профессионалы.

Карьера его рухнула после того, как врачи категоричес

ки

запретили заниматься этим опасным видом спорта, найдя у него какую-то редкую болезнь сосудов головного

о мозга. Дальнейшие выступления на ринге грозили инсультом и даже смертью.

Узнав о диагнозе, Глеб запаниковал. Без бокса он не представлял себе дальнейшего существования. Похоронить свой талант и надежды в какой-нибудь захудалой секции в качестве тренера? Но он еще молод, хочется самому добиваться успеха!

От отчаяния Глеб впал в депрессию. Его случайно встретил Павел и предложил попытать счастья у них в бюро, в новой службе безопасности. Он понял, что другу нужно участие в каком-нибудь настоящем деле пусть даже с риском для жизни.

Юля поначалу колебалась. Слишком уж «чистенькой» была анкета у этого тридцатидвухлетнего крепыш с перебитым боксерским носом и ясными, лучистыми глазами. Она даже в какой-то момент хотела отказать соискателю, но за друга детства вступился Пашка. Он убедил Юлю взять Глеба под его личную ответственность на испытательный срок. Юля согласилась, но ей было жалко парня, который просто не понимал, во что ввязывается.

Набрав трех сотрудников, Юля прекратила прием Вот-вот должен был появиться Стас. С его возвращением из Оленегорска бюро начинало действовать по-новому — силовыми методами. Весь город говорил о шестерых убитых при разборке в баре «Полярный круг», и это событие обрастало всевозможными слухами, одни страшнее другого. Где правда, а где ложь, разобраться было сложно. Но не было ни малейших сомнений в том, что поддержанный Норвежцем Якул набирал силу. На Портовой теперь собирали дань его люди, они же в открытую торговали «арбузами».

А позавчера новая резня, правда, не такая крутая, произошла в ночном клубе «Дикий Запад». Сценарий был тем же. Сначала туда подвалили барыги Якула, и началась бойкая торговля «арбузами». Потом приехали пацаны Арсена, крышевавшие заведение, и потребовали убраться. За отказ набили морды и выкинули на улицу. А потом подкатывал черный джип без номерных знаков, и

из

него вылезали затянутые в черные кожаные куртки костоломы под предводительством наркомана Жоры.

В «Диком Западе» они сначала для острастки дали очередь в потолок. Потом Жора насмерть

зарубил вышибалу, бывшего самбиста-разрядника из группировки Арсена, державшего этот ночной клуб. Остальные охранники оробели, никто не полез против вооруженных зубов отморозков. О мрачной репутации «эскадрона смерти» все уже были наслышаны.

На разборку приехал Арсен со своими бойцами. Как и на Портовой, их уже поджидали головорезы Якула. Передернули затворы автоматов и стали базарить. Впрочем, разговора не получилось, Арсена попросту послали на три буквы: мол, если не согласен, валяй, устроим шмалялово. Прямо здесь и сейчас. Арсен включил заднюю и уехал несолоно хлебавши. Так и «Дикий Запад» стал натуральным наркопритоном, где чуть ли не средь бела дня у барыги в особой комнатухе можно было купить «арбузы».

«Да, — думала Юля, — поздноато мы решили изменить тактику. Город уже погряз в таджикской дури. Но лучше поздно, чем никогда...»

Она вышла из офиса на улицу, поглядывая на часы. Что-то Стас запаздывал, уж не случилось ли с ним чего? Не повязали ли его по дороге менты, не нашли ли у него в спортивной сумке пакет с зеленым порошком? Она уже давно относилась к Стасу не как к любовнику или тем более шефу, а как к младшему братику или даже сыну. Настолько он порой бывал наивен и романтичен, совершенно оторван от реальной прозы жизни. Просто какой-то фантазер... Это его дурацкое стремление всегда действовать строго по закону. Господи, да кто сейчас действует по закону? Сейчас все прут напролом! И Стас, если и впрямь хочет одолеть зло, просто обязан

применять те же самые методы, что и его враги. Иначе не победить...

Стас появился из-за поворота неожиданно. К домам он подъедет на такси, ведь его «жигуль» после задержания Павла отогнали на спецстоянку УВД, как вещдок. Нет, пешком от вокзала тащился. Он любит ходить.

Со стороны Стас производил впечатление добродушного и даже не очень сильного молодого человек но это впечатление было обманчиво: Юля видела его н сколько раз в деле — в драках, в жестоких разборках с крутыми бандюганам. Иногда ей казалось, что этот парень постоянно носит маску, старается выглядеть

дру

гим, не тем, кто он есть на самом деле.

«Нет, — с грустью подумала Юля, глядя, как широко шагает к ней Стас, — мне трудно его понять». Но второго такого нет точно. Наверное, поэтому она и полюби, этого взрослого ребенка. А как он к ней относится? Она ломала себе голову над этим вопросом уже несколько месяцев. Юля была уверена: Стас, не задумываясь, рискнет из-за нее жизнью. Но любовь ли это? Вроде бы м но он будет точно так же лезть под нож и пулю ради другого сотрудника, ради того же Пашки.

Она нередко ловила себя на ощущении, что они занимались сексом не как страстные любовники, а,

ско

рее, как разнополые друзья. Он доставлял ей в постели массу наслаждения, она испытывала с ним то, что не давал ей до Стаса ни один мужчина. Но хорошо ли см с ней? Или он еще слишком молод и неискушен, и его тело еще не раскрыло полностью свой чувственный потенциал? Юля делала вид, что относится к этому так

же

как и он — если не с безразличием, то и не слишком трепетно, но в глубине души желала большего: больше раскрепощенности, большей страстности, большей самозабвенности, что ли. Впрочем, она и сама не могла точно сказать себе, чего именно ей не хватало. Хотела

она

выйти за него замуж? Скорее нет. Семейная жизнь не для нее, по крайней мере, пока. А когда? Первая молодость прошла, ей уже скоро тридцать. Но как

совместить

тихую и спокойную семейную жизнь с их деятельностью? Разве можно представить Стаса приходящим

в

семь часов вечера домой с работы, надевающим теплые тапочки и халат и устраивающимся перед телевизором в ожидании ужина?

Юля вообразила эту картину и невольно развеселилась. Смешно. Нереально.

— Привет, Юльчонок! — воскликнул Стас, когда между

ними

оставалось шагов пять, не больше.

Девушка

заулыбалась и вдруг ощутила, насколько она соскучилась по нему за эти три дня. Они обнялись.

— Как доехал? — спросила Юля, поправляя смявшийся отворот его куртки.

— Отлично. Не мог дожидаться полной остановки поезда. Готов был на ходу спрыгнуть.

—

Я

приняла новых сотрудников. Трех.

— Да? — обрадовался он. — Стоящие ребята? Где они?

— Здесь. Ждут. Готовы приступить к работе немедленно.

— Классно! Все, с завтрашнего дня беремся за Якула и его барыг. Да, кстати, я тебе не говорил: мне до отъезда в Оленегорск звонил один человек. Большой человек в го-
роде.

У него проблема с дочкой, и он обещал хороший гонорар за работу. Нам сейчас это не помешает.

— Проблема связана с наркотиками? — предположила Юля.

— Нет, тачку у нее отняли. Потом расскажу... Тут-то какие новости?

— Горячие... Вчера под контроль Якула перешел ночной клуб

«Дикий Запад».

Стас хмыкнул. Это был настоящий клондайк! Место тусовки «золотой молодежи» Мурманска.

—

Впрочем, насколько я понимаю, — продолжали Юля, — его интересуют только рынки сбыта дури. Сам клуб ему не нужен, так же как и дань с шоферов-дальнобойщиков и с девочек на Портовой. Он же занимается только наркотой.

—

Но стричь водил и девочек будут его гладиаторы., Да, интересная тенденция намечается. Якул потихоньку прибирает под себя весь город. А над Якулом стоит Норвежец... Ладно, пошли знакомиться с ребятами.

Юля взяла его за руку:

—

Стасик, есть еще одна новость. Неприятная...

—

Что? — воскликнул он и сразу же догадался. Павел? Его тоже...

Она кивнула:

—

Да. Вчера после того, как ты уехал к Самородову, он опять отправился в УВД хлопотать за

Мишку. Его остановили на проходной, завели в комнату для личного досмотра и нашли целых полкило зеленого порошка.

—

«Арбузы»? — Стас нервно засмеялся. — Да они что, совсем оборзели? Ну и ну...

—

Это тебе информация к размышлению насчет действий по закону. Тут, Стасик, закон может быть только один: с волками жить — по-волчьи выть! Пошли!

Стас в сопровождении Юли зашел в комнату, где его ожидали новые сотрудники, без церемоний поздоровался с каждым и потом только представился:

—

Я Станислав Щербак, возглавляю адвокатское бюро «Щербак и партнеры». Думаю, Юля уже ввела вас в курс событий и объяснила, чем именно мы занимаемся. — Он замолчал и внимательно оглядел каждого,

—

Ну что ж, надеюсь, мы сработаемся. Скоро у нас будет дело. Серьезное дело.

Когда Стас и Юля остались одни, он спросил:

—

Как насчет лицензий на ношение оружия? Удалось что-то сделать?

Она кивнула:

— Все готово. «Дядя Франклин» помог! — И она выразительно щелкнула пальцами. — Ты же знаешь, с этим проблем не бывает. Главное — знать, кому и сколько, а вот с «левыми» стволами хуже. Может, вообще от них отказаться? Достанем оружие легальным путем? Стас покачал головой:

— Нет, Юля. Я принял решение. Уж если играть в серьезные игры, то играть по-серьезному. С легальным газовым оружием мы сможем только ворон пугать.

Они перешли в соседнюю комнату. Стас запер дверь.

Юля подошла к большому сейфу, набрала код на диск

е, отперла тяжеленную дверь и вытащила увесистый полиэтиленовый пакет.

Ну, смотри!

Сама она взобралась на подоконник и стала молча наблюдать за его действиями. Стас принялся осторожно вынимать из пакета оружие. Каждый пистолет был завернут в чистую промасленную ветошь.

«Первым оказался «ТТ». Длинный ствол, короткая прямоугольная рукоять с выгравированной пятиконечной звездой. К нему прилагалась всего одна обойма, зато патронов — целая россыпь, и при желании можно достать еще сколько угодно. «Маслят» под «ТТ» в Мурманске было навалом, ведь это самое ходовое в криминальном мире оружие: морально устаревшее, но все же надежное

и

эффективное. По рассказам Самородова Стас знал, что бывали случаи, когда одним выстрелом двоих мужиков наповал убивали.

Стас развернул следующий сверток. Стандартный «Макаров», табельное оружие ментов. Кургузый тупой

ствол

и такая же звездочка на темно-вишневой рукояти. Для схватки на короткой дистанции лучше не придумаешь. Хороша убойная сила. Пуля тяжелее, чем у «ТТ»,

и

скорость поменьше. Зато бьет, как кувалдой, превращая внутренние органы в кровавое месиво. Под «макаров» было четыре обоймы и три коробки патронов. И пистолет, и боеприпасы находились в идеальном состоянии, хоть сейчас в бой. Хорошо, если бы не пригодились...

И последний ствол, чехословацкий «Чешка-Сброевка» или «ЧЗ». Наверное, самое лучшее из всего добытого Юлей арсенала. В магазине десять патронов калибра девять миллиметров. С патронами, кстати напярэг, только одна коробка, а «макаровские» к нему не подходят. Внешне «ЧЗ» чем-то похож на итальянскую «беретту» — такой же мощный и тяжелый. Все три ствола были в отличном состоянии, так как до этого благополучно пролежали на воинском складе где-нибудь в Приднестровье, откуда их в начале девяностых и сперли.

—
Незарегистрированные, надеюсь? — коротко спросил Стас.

Юля пожала плечами:

—
Продавали как чистые. Ну что? Раздашь им?

—
Да, под твою ответственность, — усмехнулся Стас. — Ты же отвечаешь за морально-психологическую подготовку этих бойцов. Но с каждым нужно прежде провести индивидуальную беседу. Стволы они получав только перед конкретным делом. С собой стволы не таскать, иначе, если менты найдут, всем нам кранты. Это тебе не пакетик с наркотой.

—
У нас же всего три ствола. Тебе самому не нужно

—
У меня есть, — тихо сказал Стас. — Я тебе не говорил, извини. Мне Игорь Васильевич отдал свой немецкий «вальтер». Но он у меня в надежном местечке припрятан, и вообще я не сторонник огнестрельной оружия. Я как-то больше рассчитываю на то, что всегда со мной. — И, сжав кулак, он многозначительно потри им в воздухе. — Да и твои кадры... тоже быки те еще. Так что на первое дело вообще пойдем без стволов.

Убрав пистолеты и патроны в сейф и захлопнув дверцу Стас сбил настройку кодового замка. Конечно. При любом тщательном обыске этот «тайник» сразу обнаружат, ну да ладно, пока никаких обысков не предвидится. Тем более что лицензии у них, хоть К липовые, выданные под гарантии «дядюшки Франклина», то есть за взятку, имеются. К — С чего начинать думаешь? — спросила Юля, когда Стас уселся в кресло.

— Думаю, Норвежца пора сливать. Я уверен: арест Шишки и Павла — его рук дело! К — Что ты имеешь в виду? — не поняла Юля, которая

еще

не привыкла к этому полублатному жаргону. В — Надо устроить ему Варфоломеевскую ночь, сделать так, чтобы жизнь ему медом не казалась! — объяснил Стас. — Понимаешь, Юльчонок, нейтрализовать его можно лишь двумя способами: или ликвидировать фи

чески,

или разобраться с помощью закона. Ни договориться с ним, ни запугать его не получится. Если уж воры не могут с ним справиться, то что о нас говорить! Будем его давить силовыми методами. Сколько у него п

од

ружьем, как ты думаешь? Юля на секунду задумалась:

— Точно не знаю. Наверное, и менты не в курсе.

Но

уж никак не менее полусотни. Все вооружены.

В

каждую разборку выставляется не менее двух десятков быков с автоматами.

Стас даже присвистнул: — Круто! Теперь понятно, почему местные авторитеты

дают

слабину. Представляешь, сколько Норвежец отва

ливаает

мурманским ментам, чтобы его пацаны могли б

ез помех

таскать с собой стволы! Мне Самородов сказал,

что

чуть не все милицейское начальство у него на содержании. И городские чиновники тоже. Не все, коне

чно,

есть кое-кто, кому не по нутру такое положение дел. Но мы его свалим все равно, рано или поздно, но свалим. Кстати, и общественность можно привлечь. Я слышал, при гороно образован комитет родителей по названию «Школы без наркотиков» или что-то в этом роде. Может, стоит с этим родительским комитетом связаться, предложить нашу юридическую помощь.

Юля презрительно фыркнула:

—

Да плевал Норвежец на общественность. Если его отморозки, не стесняясь, людей топорами рубят... С ним нужно их же методами бороться. Как ты сам говоришь силовыми. И стволы эти, — она ткнула длинным наманикюренным ногтем в сторону сейфа, — не под замком хранить, а за пазухой. И пускать их в ход в случае необходимости!

—

Не скажи, Юля! — запальчиво ответил Стас. — И только чиновники, но даже наши авторитетные предприниматели, которых Норвежец прижал, не знают в какую сторону качнуться. Они же не закоренелые подонки, просто привыкли держать нос по ветру. Норвежец и вся его банда в их глазах выглядят настоящими выродками. Кем они и являются на самом деле. Это сей час, ошалев от богатства и власти, Норвежец идет на пролом, но рано или поздно, ведя свой бизнес таким вот образом, он сломает себе шею. Или ему сломают. Не вижу препятствий для того, чтобы шею ему сломали имен но мы! Валить его нужно сейчас, пока он просто удачливый бизнесмен регионального масштаба. Да, он сейчас силен, да, он почувал вкус крови, он убивает направо и налево. Но победить его можно...

От длинного монолога у Стаса пересохло в горле.

Он бросил взгляд на стоявший на столе графин, но мутноватую воду в нем не меняли, наверное, уже несколько недель.

—

Я хочу пить. Есть у нас что-нибудь?

—

Как насчет кофе?

Мог

у сварить.

— Давай. И свяжись с прокурором города. — Ты думаешь, прокуратура станет с нами сотрудничать? — засомневалась Юля. — Там же люди слишком высокого полета, чтобы разговаривать с какой-то частной адвокатской конторой.

- А вот это уже зависит от нас. Прежде всего, от тебя. Юля, от твоей аналитической работы. Ты же готовишь досье на Таганцева? Вот и готовь... К тому же не забывай, прокурор города Погосян — мужик правильный. Надо его заинтересовать этим досье. Нужно дать ему на Норвежца такую информацию, от которой он не сможет отмахнуться...

Сопатый достал из-под полы черной нейлоновой Вертки обрез и, переломив его, загнал в ствол патрон. Искоса следя за его манипуляциями, Крючок недовольно пробурчал:

- На кой черт ты огнестрел притащил? Я же команду не давал!

Сопатый нежно провел ладонью по черному блестящему стволу:

— А хрен ли? Он всегда при мне. Мало ли какой лох попадетса по дури? Чего доброго, начнет из себя круто- Ю корчить...

- Тебе же ясно сказано, — перебил его Крючок, — что за рулем чувирла сидеть будет!

Он обернулся к развалившемуся на заднем сиденье тощему парню:

— Колян, там точно одна эта телка будет? За набой отвечаешь?

Колян как по виду, так и по поведению заметно отличался от двух громил, что сидели спереди. Водила Сопатый и старший бригады Крючок были крепкими пацанами лет по тридцати, одетыми в одинаковые спортивные куртки. Стриженные наголо, они походили на типичных братков, каких показывают в телесериалах про приключения ментов. Колян же скорее напоминал мелкого шофера или карточного шулера — даже прикинут был франтовато, с претензией на лоск: длинное коричневое пальто и небрежно повязанное вокруг шеи белое шелковое кашне. Вот только чувствовал он себя не так спокойно, как его кореша. Несмотря на то что было по-настоящему промозгло, худощавый Колян постоянно потел, то и дел утирая лоб тонким платком. Прищуренные карие глаза беспокойно бегали, и, будь его спутники опытными психологами, они бы сразу заметили, что их приятель здорово нервничает, если не сказать трусит. Мандраж перед делом может испытывать лишь новичок, а за этой троицей числилось уже двадцать восемь угонов дорогих иномарок, и пацаны относились к этим угонам как к рутинной работе. За двадцать восемь выходов роли каждого были отточены до автоматизма. Чего ж тут переживать? Тем более что не банкира с вооруженными до зубов телохранителями выкидывать из тачки придется, а какую-то бабу.

Но Колян, бывший в их летучей бригаде наводчиком сегодня не на шутку трусил. И на то были веские причины: он знал, что на сей раз события будут развиваться не по обычному сценарию.

Услышав заданный ему вопрос, он очнулся от терзавших его тревожных мыслей и с наигранной уверенностью подтвердил:

— Конечно! Пацаны, вы ж меня знаете, я за свой базар отвечаю. Чувирла на новом джипане «лексусе». Любовник ей подарил на прошлой неделе, а сам смотался в Питер по делам. Все путем, я пять раз набой перепроверил.

Крючок, удовлетворенный ответом, обратился к Сопатому:

—

Понял? Зачем на такое плевое дело ствол брать? Только лишняя морока и риск засветиться. К тому же на них это не так действует...

—

На кого не так? — не понял Сопатый.

— На баб, — пояснил своему не отличавшемуся особой сообразительностью корешу Крючок. — Пушки на баб не действуют так же убедительно, как на мужиков. На них вот это действует...

Он нагнулся и извлек из-под сиденья финку с толстой полосатой рукояткой. Потрогав большим пальцем острие, изрек:

— Бабам стволы по фигу. Ну, понимаешь, так уж они встроены, что больше острого и холодного боятся, чем и ого и горячего. — Он хрипло хохотнул. — Особенно если у них перед рожей пером помахаешь. А еще лучше бритвой.

Сопатый, слушая эти разглагольствования, лишь пожал плечами. Ничего, пушка тоже пригодится. Что за бандюк без пушки? Так, баклан какой-то недоделанный... Колян нервно взглянул на часы. Вот-вот со стороны города должен был появиться этот хренов «лексус». Может, сыграть отбой и под каким-нибудь предлогом свалить подобру-поздорову? Но вот как он этот отбой павианам объяснит? Не скажешь же им, что подставил их? За такое они его загасят! С другой стороны, если свалить отсюда и сорвать подставу, тот качок его из-под земли добудет и порвет на куски. Кто же он вообще такой? По повадкам вроде не мусор, но и не блатной. Базарит не по к фене, нормально говорит. Однако же, когда он «вальтер» вынул и Колян между зубов ствол засунул, тот сразу И понял, что это не понты. Откажешься от его предложения — без колебания в глотку свинцовую плюху пустит. А Колян до одури хотел жить...

Из ближайших придорожных кустов, на ходу застегивая брюки, вышел четвертый член угонной команды.

Рослый Петя Бочка был бывшим штангистом и лишь один его вид внушал ужас — причем не только попавшим в их ловушку лохам на иномарках, но и местным ментам, которые предпочитали с Бочкой дружить и под ногами у него без толку не путаться.

Открыв дверцу, грузный Бочка, кряхтя, залез в салон и плюхнулся на провалившееся под его тяжестью сиденье,

—

Замучило меня это пиво, — пожаловался он кентам, — через каждый час на отлив бегаю. Ну, чего там? Скоро терпила появится?

Колян кивнул. Беспокойство его росло с каждой секундой. Решив, что пришло время немного сбить напряжение, он полез в нагрудный карман и вытащил целофановый пакетик, почти доверху заполненный зеленоватым порошком.

Бочка покосился на него. Заметив его взгляд, Колян хвастливо пояснил:

—

Кайф от этой дури клевый! И отходняка почти нет.

—

Чёй-то? — поинтересовался, оглянувшись через плечо, Крючок. — На «кокс» вроде не похоже...

—

«Арбуз». Новая таджикская дурь. По блату достал в порту. И недорого.

—

«Арбуз»? — усмехнулся Бочка. — Его чего, через ноздри нужно?

Колян охотно пустился в объяснения:

—

А как хочешь. Хочешь нюхай, хочешь кури, хочешь с чаем заваривай. Но из шприца, конечно, эффективнее всего. Но знаешь, я ширялово не уважаю. Да и пока его раскочегаришь — охренеешь. Волокита!.

Колян высыпал щепотку порошка на указательный палец и, оттопырив верхнюю губу, стал втирать наркотик в десну над резцами.

Крючок загорелся:

—

А ну-ка, дай и мне тоже.

Вмешался Бочка:

- Ладно вам, пацаны, ерундой маяться. Сейчас наша та
чка
появится, прозеваем. После будете играть!

Крючок, вдохнув порядочную порцию и передав па
кетик

Бочке, расслабленно откинулся на сиденье.

- Не прозеваем... Ух ты, е-мое! Ты глянь, уже вставля
ет...

Словивший кайф минутой ранее, Колян перестал переживать. А еще через пару минут далеко впереди показалась на шоссе машина. Белый как снег «лексуе» не мчал, а плыл, как будто находился не на загородном шоссе, где можно запросто гнать сотню, а в центре оживленной Жилицы с бдительными постовыми на каждом перекрестке.

— Вон и товар едет, пацаны, — спокойно сообщил

Колян.

— Сопатый, заводи мотор. Четверо сидевших в салоне парней мгновенно подобрались. При виде новенького, пахнущего свежей зеленью «лексуса» у них разве что слюнки не потекли. Да, такую навороченную тачку им отвалят штук по пятнадцать на рыло!

За рулем прошуршавшего мимо белого джипа действительно сидела молодая женщина. Кроме нее, в салоне Никого не было. Поравнявшись с их серым от засохшей Мурманской грязи «гранд-чероки», она на мгновение повернулась к ним лицом. У нее были волнистые пе

пельные

волосы, глаза скрывались под солнцезащитными очками. Разглядеть ее как следует не удалось, но все Четверо заметили, что девка смазливая и держит баранку не как банан, а уверенно, точно привыкла всю жизнь рассекать на таких вот шикарных тачках.

Крючок возбужденно стукнул себя кулаком по колену: — Давай, Сопатый, братуха, выруливай быстрее на Трассу! А то как втопит она на всю катушку, так не дого

ним.

Нам такой жирный кусок терять нельзя. И шоссе

как

раз пустое.

Видавший виды «гранд-чероки» пристроился за «лексусом», и скоро дистанция между обоими джипами стала понемногу сокращаться.

Все шло по не раз уже обкатанному сценарию: догнать жертву, пойти на обгон, резко подрезать и прижат к обочине. Дальше — дело техники. После короткой и внушительной стычки с водилой тот обычно оказывался в кювете в бессознательном состоянии.

—

Догоняй, догоняй! — весело приговаривал Крючок. Зеленый порошок «долбил» здорово, и предстоящая работа казалась сплошным удовольствием. Посматривая на приближавшийся задний бампер «лексуса» Крючок нервно вертел между пальцами разноцветную рукоятку финки, представляя, как исказится от ужаса гладкая физиономия богатенькой стервы.

Не нюхнувший наркоты Бочка, единственный из всей заметил пристроившийся за ними зеленый «опель».

—
Что за тачка там? — недовольно рявкнул бывший штангист, обращаясь к водиле. — Пропусти его,

Сохатый, пусть проедет.

Но «опель» не собирался идти на обгон. Наоборот, он сбавил скорость и сильно отстал.

—
Не нравится мне это, — проворчал Бочка, вдавив; мощное тело в спинку сиденья.

—
Нравится не нравится, спи, моя красавица! — хищно оскалился Сопатый, крепко вцепившись сильными руками в баранку. — Короче, братва, хорош гундеть, я начинаю маневр! Готовьсь!

Бочка вздохнул и покачал головой. По его мнению, лучше бы лишний десяток километров за пепельной блондинкой прокандыбаситься, чем вот так полезть на рожон при свидетелях. Но остановить раздухарившихся от зеленого порошка подельников оказалось ему не под силу.

«Гранд-чероки», сев «лексусу» на хвост, резко вильнул влево и дернул на обгон. Сопатый был профессиональным гонщиком и дело свое знал: не зря ж его за руль ржали все двадцать восемь раз.

Громкий рев клаксона прорезал осеннюю тишину над шоссе, пронзительно завизжали скованные тормозными колодками колеса. Все прошло как по маслу — меньше чем через минуту обе машины, подняв веер слякотных брызг, встали у обочины. Крючок, Сопатый и Бочка торопливо вылезли из салона. Колян за ними не пошел: вжавшись в сиденье, он нервно наблюдал за развитием событий.

Обычно при виде подваливавших с трех сторон громил владельцы обреченных на угон иномарок не горели желанием ринуться в бой и защищать свое имущество. Их приходилось чуть не силой выволакивать наружу. Так вышло и на этот раз.

— Ты чего, коза драная?! — с ходу начал наезжать Крючок, беря ее на испуг. — Ослепла, что ли? Чуть нам передок не поцарапала! Давай вылазь!

Бочка встал за «лексусом», чтобы чувирла не дала задний ход: по опыту он знал, что мало у кого из законопослушных граждан хватит решимости давить человека.

— В чем дело, ребята? — громко спросила блондинка, опустив стекло.

Странно: в ее спокойном голосе не слышалось ни страха, ни даже волнения. Видно, еще не поняла, с кем имеет дело и вообще в какое дерьмо вляпалась. Думает, что это обычная дорожная непонятка, с которой можно съехать на базаре. Подойдя к левой дверце «лексуса» вплотную, Крючок резко выбросил вперед руку, и его пятерня едва не вцепилась в копну пепельных волос. Но девка в последний момент успела отклониться назад, и скрюченные пальцы лишь скользнули по пышной прическе. Крючок громко выругался. Теперь, если девка, наверняка понявшая, что это нешуточный наезд, наглухо забаррикадируется в салоне, выцарапать ее оттуда будет сложно. Придется высаживать стекла, а это уже непрофессиональная грязная работа.

Но она повела себя вопреки ожиданиям налетчиков. Щелкнул дверной замок, и белоснежная дверца «лексуса» распахнулась, да так быстро, что не ожидавший этого Крючок невольно отпрянул. На грязный асфальт опустилась обутая в элегантный белый сапожок ножка, Крючок растерянно переглянулся с Сопатым. Она что, совсем дура набитая?! Сама из тачки выползает! И это после того, как он ее едва за волосы не ухватил! Если бы его мозги не были затуманены наркотиками, то он, пожалуй, мог бы заподозрить что-то неладное.

Хозяйка белого «лексуса» оказалась невысокой, с отличной фигурой девахой лет двадцати с хорошим гаком: все выпуклости там, где надо, ни капли лишнего жира. Ее полноватые, аппетитные губы скривились в ухмылкой

—

Тебе чего надо, дружище?

Крючок вытащил финку. Открыл было пасть для обычных в такой ситуации угроз, но, опустив взгляд, заметил, что в правой руке девка сжимает пистолет — черный, с вороненым стволом, самый что ни на есть настоящий «макаров». Наведя ствол Крючку в живот, девка на секунду бросила взгляд в ту сторону шоссе, откуда приехали оба джипа, и удовлетворенно улыбнулась.

—

Убери игрушку, — с угрозой процедил Крючок.

И тут Бочка удивленно матюгнулся. Крючок оглянулся и увидел мчавшийся к ним на полной скорости тот самый зеленый «опель», что, поотстав, несколько минут назад скрылся из виду.

Может, проскочит мимо? Но нет, надежда оказалась тщетной. Машина резко я тормозила и остановилась в нескольких метрах. Практически синхронно открылись сразу все четыре двери, и из нее выскочили четыре мужика в утепленных джинсовых куртках. Они решительно направились к стоящим почти вплотную джипам.

Следивший за происходящим из «гранд-чероки» Колям узнал эту компанию. Первым шел тот самый брюн

ет,

что, тыча ему позавчера в лицо «вальтером», заставил подставить своих кентов. Одетый в изрядно потертую куртку с меховым воротником, он был атлетически сложен, хотя рядом с громилой Бочкой, который встал у него на пути, все равно выглядел бледновато.

На вид брюнет был еще совсем салажонок — лет двадцати пяти, а то и меньше.

— Ну что, пацаны, — жестко проговорил салажонок, остановившись перед бывшим штангистом, — вляпались вы в дерьмо конкретно.

Крючок, выпучив глаза, смотрел на наглых гостей. Все четверо были ладно скроенные ребята — явно не слабаки

и

не робкого десятка. Наверняка «кожаные затылки» при этой фигуристой шалашовке из «лексуса», подумал Крючок. Ну, Колян, козлиная вонючий! Хорошенькая наводочка, нечего сказать... Он обернулся, чтобы взглянуть в лицо незадачливому наводчику. Но, ничего не рассмотрев за темными стеклами «гранд-чероки», снова повернулся к четверке из зеленого «опеля». Оружия, кроме как у девки, ни у кого из них не было. Может, все-таки попытаться отбить дорожную тачку? Хотя хрен ее теперь отобьешь! Накрылась медным тазом операция...

—

Ладно, братан, — угрюмо пробурчал Крючок, решив п

ойти

на попятную, — ошибочка вышла. Обознались.

Брюнет широко улыбнулся:

— Да ну, что ты? Как раз-таки нет. Вы по адресу.

С этими словами он внезапно нанес Бочке такой сокрушительный прямой удар в челюсть, что стодесятикилограммовая туша тяжело рухнула на асфальт.

Только теперь Крючок обратил внимание на то, что у bruneta, без предисловий пустившего в ход кулаки, да и у всех остальных на руки натянуты черные кожаные перчатки. Кастеты там, что ли? Взревев, Крючок ринулся вперед. Он взмахнул ножом, стараясь полоснуть brunete по лицу. Тот отпрыгнул и, сунув руку за отворот расстегнутой джинсовой куртки, молниеносно выхватил оттуда пистолет. Ствол «вальтера» завис вровень со лбом Крючка:

—

Брось перо, падла! Живее, а не то мозги вышибу!

Крючок, скрежеща от ярости зубами, ринулся прямо на пистолет. Он сам не понимал, что делает, и страх не испытывал: причиной его бесстрашия был недавно принятый наркотик. В этот момент он просто не верил в возможность своей смерти. Но стрелять незнакомец не стал. Левым предплечьем он отбил выброшенную руку с зажатым в ней ножом и, когда Крючок по инерции крутнулся в сторону, рукояткой пистолета наотмашь врезал ему по скуле. Налетчик пошатнулся, но не упал. Потребовался второй удар — носком ботинка в живот, чтобы он со стоном согнулся пополам. Выбитый из руки Крючка нож упал возле него, и в этот момент пепельная блондинка из «лексуса» ножкой отшвырнула финку к обочине.

Сопатый, словно только сейчас вспомнив о своем за ряженном обрезе, метнулся к «гранд-чероки» и, рывком распахнув дверцу, стал рыться в бардачке. Нащупав ствол распрямился.

Мимо по шоссе проносились редкие автомобили, но никто и не думал остановиться. Спешившие по своим делам люди предпочитали ни во что не вмешиваться справедливо полагая, что эти подозрительного вида парни, выясняющие между собой непростые отношения, вполне могут разобраться сами.

—

Суки! — брызгая слюной, заорал Сопатый и большим пальцем взвел тугой курок. — Сейчас всех положу, мать вашу!..

Он прицелился в bruneta, но не успел нажать на спусковой крючок. Сбоку грохнул выстрел, и его плечо пронзила жгучая боль. Сопатый все же выстрелил, но, сбившись с прицела, послал заряд картечи не в широкую грудь парня с «вальтером», а куда-то в сторону леса. Ранила его блондинка из своего

«Макарова».

Ранение бы

л

о легкое, по касательной, но Сопатый ошалел. В него еще никогда не стреляли и уж тем более не дырявили его шкуру. Бросив разряженный обрез, он прижал левую

ладонь

к простреленному плечу и, присев на корточки, с ужасом глядел, как на асфальт тоненькой струйкой стекает кровь.

К нему подскочил парень из «опеля» и, схватив за шиворот, рывком поднял на ноги.

— Чего обоссался-то, как шкет? — насмешливо спросил он. — Это тебе не «калаш»... Вот «Калашников»

превратил бы тебя в фарш!

Брюнет скомандовал:

— Давайте, ребята, уволките их всех с дороги. А то, не ровен час, ментовской патруль подвалит.

Двое парней в джинсовках подхватили Крючка и Сопатого и, не жалея пинков, потащили в поросший куст

ами

кювет. Тут завозился и распластаный на асфальте Бочка, но, посланный недавно в глубокий нокаут, он смог встать только при помощи третьего парня. Брюнет подошел к «гранд-чероки» и, приоткрыв заднюю дверцу, как ни в чем не бывало поздоровался с Коляном. Тот сидел ни жив ни мертв. Его потрясло, как круто обошлись в его друганами.

— Сейчас мы с ними проведем профилактическую работу, — сообщил брюнет, — потом заберешь их.

— И... куда? Что с ними делать-то? — неуверенно спросил Колян.

—

Как «куда»? — искренне удивился брюнет.

- Куда-нибудь за город. В Рыбачий, в охотхозяйство, не знаю... Главное, смотри в больницу не вези. Хотя им явно понадобится медицинская помощь.

— А я? Со мной что будет?

Брюнет задумался и равнодушно пожал плечами.

—

Ну, ты свое дело сделал. Заманил пацанов в ловушку, как и договаривались. Хотя тебе, конечно, не мешало бы тоже ноги переломать. Нуда ладно, живи... Я свое ело во держу. Еще раз услышу, что вы опять на дорогу вышли; работать, тоща уж не взыщи. Шею сверну. Соображаешь?

Колян, все еще не веря, что так легко отделался, торопливо закивал. К брюнету подошел один из его товарищей и доложил:

—

Стас, там все готово. Можем приступать.

Стас кивнул и, развернувшись, пошел прочь. Проходя мимо блондинки, стоявшей возле «лексуса», на ходу бросил ей:

—

Юльчонок, ты пока в машине посиди.

Сопатого, Крючка и Бочку оттащили недалеко. Всей

троих загнали в придорожную канаву, как раз куда они обычно сбрасывали свои искалеченные жертвы. Бочка окончательно пришел в себя и с недоумением таращился на обступивших их четверых парней. Крючок с ненавистью буравил взглядом брюнета и его друзей. Силится понять, кто же это все-таки перед ним. То, что не менты, это понятно. Телохранители блондинистой красотки или конкурирующая банда?

Оглядев лежавших бандюганов, Стас заговорил:

—

Вы, наверное, гадаете, кто мы такие. Скажу. Все очень просто. Мы хотим навсегда отбить у вас охоту ни» падать на иномарки. Помните девушку, которую вы выкинули из трехсотого «мерседеса» две недели назад! Серебристый такой «мерс»... Помните, конечно.

Крючок вполголоса выругался. Еще бы ему не помнить ту тачку! Они загнали ее приезжим грузинам за пятьдесят штук. И отлично помнил телку, что за рулем сидела. Белобрысая девчонка, лет двадцати двух — двадцати трех не больше. Отметелили ее по первое число, потому что она сопротивляться вздумала, материлась как портовый грузчик, лягалась, царапалась, сука... Тогда Бочка, вызверившись, на полную катушку оторвался: бил и бил ей ботинком по лицу. Она уже в полном отрубье была, кровью каш

ляла, а

он все никак остановиться не мог...

Так вот, — продолжал Стас, — ее отец очень огорчился. Это его единственная дочь. Она до сих пор в больнице: у нее выбито четыре зуба, кожа на лице порвана, изуродовали вы девчонку. Он нанял нас разобраться с этим происшествием.

Крючок чуть дрогнувшим голосом спросил:

—

Вас — это кого? Если вы деловые, то, может, договоримся?

— Да ну? Это как?

—

Если вы за бабки работаете... Мы вам бабок дадим, — хрипел Крючок.

Стас кивнул:

— Да, мужик, нам заплатили. И довольно неплохо.

Но

пойми, даже если бы это была дочка военного пен

сионера

с пенсией в три тысячи рублей, я бы все равно млея

за

это дело. Ладно, про бабки разговор кончили, проехали. Вы на кого работаете? На дядю или на себя?

Крючок кивнул:

- На дядю. Так что ты смотри, парень. Как бы чего не вышло...

— Да что ты! — насмешливо протянул Стас. — Блатными себя считаете? Может, ваша бригада и в общак Плешивому платит? Или вы под Норвежцем ходите? Бандюган смутился.

—

Чего молчишь? — Стас достал из кармана сотовый телефон.

- Ну что, звонить Норвежцу? Спрашивать у него про вас?

Гопники молчали.

Стас с ненавистью смотрел на беспомощно ежившихся

на

холодной земле бандюганов, и голос его затвердел. Теперь в нем звенел металл.

—

Короче, так! Ты спрашивал, кто мы? Я Станислав Щербак. Адвокат. И сейчас мы дадим вам бесплатную юридическую консультацию.

Стас резко шагнул вперед и ударил Крючка ногой в лицо. Тот злобно охнул. Не давая ему опомниться, Стас нанес еще один удар и, не останавливаясь, продолжал избивать лежавшего бандита. Тот поначалу пытался уворачиваться, но, получив несколько увесистых пинков по затылку, затих.

Трое спутников Стаса молча накинулись на Сопатого и Бочку и принялись охаживать их ногами со всех сторон. Штангист заревел как раненый зверь и предпринял неуклюжую попытку убежать. Но Леша Кувалда быстро его догнал и заставил ползти обратно.

Стас и его команда били гопников молча, без обычных для уличной драки матюков и истошных выкриков. Избиение лежавших бандюганов не доставляло никому ни малейшего удовольствия. Они просто выполняли тягостную обязанность.

—

Хорош, ребята! На первый раз хватит... — проговорил Стас, морщась от омерзения. — Надеюсь, эти ублюдки хоть немного почувствовали себя в шкуре девчонки, которой они выбили зубы.

Он нагнулся, заметив в пожухлой подмороженной траве целлофановый пакет, который вывалился из кармана Сопатого. В пакете зеленел какой-то порошок.

Стас подбросил пакетик на ладони:

—

Мужики, кто-нибудь знает, что это за дурь? Похоже, наши кенты к ней прикладывались.

Сергей Антонов подошел поближе и, взяв пакетик, внимательно изучил его содержимое.

—

Зеленый порошок? Таджикская дурь. «Арбуз». Буквально несколько недель, как появилась в городе. Говорят, идет нарасхват.

— Так это и есть пресловутый «арбуз»? — хмуро спросил Стас. — Кто же его толкает? Цыгане? Или матросики из порта? Или уже наши городские поставили дело на поток?

Кувалда пожал плечами:

— Вроде приезжие гонцы доставляют.

— Не может быть! Вся наркота в Мурманске через Якула идет.

— Попробую разузнать, — предложил Антонов,

— Да, — кивнул Стас, — узнай все, что можно, про эту дрянь.

Он, подумав, швырнул пакетик с наркотой в траву: пусть хозяин покайфует немного, когда очнется.

Все четверо взбежали по пологому склону и выбрались на шоссе. Вокруг было тихо. Юля, прислонившись к крылу «лексуса», курила.

— Все, Юльчонок, юридическая помощь оказана. Можем ехать, — устало сообщил ей Стас,

— И как тебе новые методы работы? — поинтересовалась она чуть насмешливо.

— Хреново! — признался он и сплюнул. — Мерзко. Чувствуешь себя таким же ублюдком, как и они... Не знаю, мне это не по нраву. Тебя проводить в аэропорт?

Юля после обеда должна была улететь в Нижний на несколько дней. Собиралась еще накануне, но Стас попросил ее поучаствовать в сегодняшней разборке в качестве приманки.

—

Нет, Стас, не стоит. Сама доберусь. Ты устал, тебе надо отдохнуть, — ласково сказала Юля и провела ладонью по его щеке, точно стирая невидимые пылинки.

Подошел Глеб Николаев:: — Стас, а что делать с джипом, на котором они приехали? В нем четвертый хмырь сидит.

-

Не знаю что. Не угонять же... Свечи вывинти и забрось подальше! А хмырь пускай сидит, он их сдал мне

позавчера... — Настроение у Стаса портилось с каждой минутой. У него было ощущение, что его заставили окунуться в бочку с дерьмом.

Наблюдая, как его товарищи рассаживаются в «опель», он поманил пальцем затаившегося в «гранд- чероки» Коляна. Когда его перепуганная лисья мордочка показалась из дверного проема, велел:

—

Ну, все. Иди, проведай своих кентов. Они избиты, но живы.

—

Это... слышь... — откашлявшись, произнес Колян.

—

Чего тебе? — нахмурился Стасик.

—

Дай мне по рожке хоть пару раз. Для правдоподобия. А то ведь пацаны заподозрят. Мало ли что...

Стас брезгливо посмотрел на него и ухмыльнулся:

—

Устал я, знаешь ли. Да и некогда мне. А если честно, то просто руки марасть не хочется. Сам выкручивайся. Вон, рожей об асфальт приложись. И говорю тебе: не попадайся мне больше на дороге!

Уже сидя в «опеле», который несся следом за белым

«лексусом» по направлению к городу, Стас снова вспомнил о своей находке. Он обратился к сидевшему за рулем Сереге Антонову:

—

Ты, Сережа, действительно, постарайся разузнать побольше об этих «арбузах». Предчувствие у меня нехорошее.

—

А что? — бросил бывший следак через плечо.

—

Да то, что раскрутить придется этот «арбузный» сюжет...

Глава 17

Настроение у Стаса было хуже некуда. Впрочем, он старался не обращать на это внимания. Щемящая, неосознанная тоска, после вчерашней силовой акции свившая себе гнездышко где-то в глубине его подсознания, засела занозой в душе.

И все же, что бы он себе ни говорил, банда дорожных бандитов получила по заслугам. Они это заслужили. Но все же не ощущал Стас чувства глубокого удовлетворения...

Да и мысль о сидевших в СИЗО Пашке и Мишке не давала ему покоя. Он уже обратился куда мог — и в прокуратуру, и в УВД, но ответы были стандартными: сотрудники адвокатского бюро задержаны с поличным, при них найдены дозы наркотиков, превышающие допустимые нормы, ведется следствие... Он прекрасно понимал, что и их арест — это предупреждение. От кого? Ясно, от кого — от тех или от того, кому очень не нравится деятельность «Щербака и партнеров». Но они еще не знают, с кем связались. Упрямства Стасу не занимать. Рано или поздно он выдернет мужиков из СИЗО, пусть дело хоть до суда дойдет — он сам будет вести их защиту, но от своего не отступится. Теперь у него появился еще один стимул вести борьбу с мафией Норвежца — надо спасти Пашку и Мишку!

Ноги сами собой завели его в универсам. Поначалу Стас думал отделаться от своей тоски двумя-тремя банками пива, но в последний момент решительно взял бутылку греческой «Метаксы». Пивом, как говорится, голову не обманешь, а сто грамм бренди наверняка поднимут тонус.

Пакет он брать не стал и прошелся по двору к подъезду, неся в руке высокую коричневую бутылку. В подъезде бдительная старушка-консьержка прищурилась, когда он вошел, но, узнав, сдержанно улыбнулась. Стас подошел к лифту и, нажав на кнопку вызова, стал ждать. Жил он на последнем, шестнадцатом этаже.

Выйдя из лифта, Стас нащупал ключ. На площадку выходило восемь квартир — это был одно подъездный дом-свечка. Его дверь была металлической, обитой траурно-черным дерматином и непрономерованной. Открывая ее, он в очередной раз подумал, что неплохо бы написать цифры, хотя бы мелом, и тут же резонно возразил себе: а зачем? Сам-то он не ошибется, а гостей вроде бы не ждал. Кроме Юли. Но Юля не ошибалась дверью.

Эта двухкомнатная квартира, доставшаяся ему от тетки, была довольно просторной и по местным меркам считалась, как сейчас стало модно говорить, «элитной». Войдя в прихожую,

Стас сразу же зажег свет везде, где только можно. Он вообще всегда недолюбливал темноту, а в последнее время и вовсе стал ее побаиваться. Темнота давила на него, ему даже становилось трудно дышать. Он знал, что это нервное: слишком много страшных событий пришлось пережить ему в жизни, вот нервишки и расшатались. Он даже обращался как-то к психиатру. И тот ему сразу сказал: дает о себе знать, пережитый им в шестилетнем возрасте шок. И вряд ли он от его последствий избавится совсем.

И все же найти себе занятие поспокойнее он не мог, да и не хотел. Убежденность в том, что он делает нужное дело, реально помогает жить людям, давало ему силы жить. Ну а нервы... Что ж, это неизбежные издержки выбранного им пути.

Практически каждое дело, с которым к нему обращались клиенты, грозило крупными неприятностями, вплоть до летального исхода. Да чего там далеко ходить! Если бы Юлька не всадила пулю в плечо тому неандертальцу с обрезом, он бы уже наверняка был на том свете. Гопник натуральнейшим образом собирался его пристрелить.

Несмотря на свое сложное отношение к окружающему миру, умирать Стасу не хотелось. Он зашел в ванную и пустил сильную струю горячей воды. Ожидая, пока наполнится ванна, заглянул в холодильник, но вид еды не вызвал у него никакого аппетита. Наоборот, сразу резко затошнило, и Стас в сердцах захлопнул дверцу. И чтобы успокоиться, он свинтил крышку с высокой бутылки «Метаксы» и, плеснув душистой золотисто-коричневой жидкости в пузатый низкий бокал, пригубил. Неплохо! Неужели это и впрямь натуральный греческий продукт, а не североосетинская подделка?

Смакуя бренди по глоточку, он подошел к балконной двери. Впрочем, если судить по размерам, это был не балкон, а целая терраса. Достав из кармана сигареты, закупил. Стас давно уже похоронил собственные надежды бросить это вредное занятие. Если никотин снимает стресс, то глупо отказываться от табака. Бренди в бокале закончился на удивление быстро. Докуривая, Стас лениво подумал, не набулькать ли ему еще бокальчик. Но тогда его запросто может «понести». Хотя сегодня напиток было очень даже кстати. Тем более Юльки нет, можно и расслабиться. Заказ Андрея Андреевича Шевченко они отработали на все сто. Кстати, нужно будет получить еще основную часть оплаты.

В кармане затрещал сотовый телефон. Наскоро затушив бычок, Стас достал мобильник, приложил к уху. в; Звонил тот самый Шевченко, о котором он только что подумал.

— Станислав? — В голосе говорившего звенела неподдельная радость. — Я только что узнал... Об этом... Ну, в общем, вы поняли...

Стас, глядя с высоты птичьего полета на сверкавший огнями город, рассеянно сказал:

— Я еще утром собирался позвонить вам, Андрей Андреевич. Но спал долго, потом дела были... Ваш заказ выполнен. Вы уже знаете?

Однако быстро распространяются неофициальные новости в городе! Наверное, ментовской патруль нашел, пацанов... Да и этот Шевченко далеко не простак.

Молодец, настырный мужик! Когда официальное расследование зашло в тупик, он по чьей-то наводке обратился в бюро «Щербак и партнеры». Сразу же предложил крупную сумму и без обиняков заявил, что но заинтересован в том, чтобы бандиты, изувечившие его дочь, предстали перед судом. Шевченко хотел, чтобы эти твари мучились так же, как и его Наташа.

Стасик вспомнил, как небрежно этот холеный мужчина в дорогом костюме достал пачку баксов и с каким удовольствием бросил ее на стол. Он жаждал мести.

Взволнованный голос в трубке продолжал:

—

Да, это именно то, что мне было нужно. Спасибо вам, Станислав!

—

Ну что ж, я рад, что все закончилось к обоюдному согласию, — мрачно буркнул Стас. — Теперь насчет...

—

Да-да, — с готовностью перебил его Шевченко, — я помню! Конечно же, я помню об оплате. Если хотите, я могу подвезти деньги прямо сейчас, куда скажете.

—

Ну, сейчас не надо. В офисе уже никого нет. А вот завтра, если вас не затруднит, заскочите к нам. Если меня не окажется, то там непременно будет кто-то из сотрудников.

—

Юля? — неожиданно сладким голосом спросил Шевченко.

—

Нет, Юля вчера улетела в... командировку. Кто-то из сотрудников будет, — сухо повторил Стас.

Шевченко распрощался, и Стас отложил телефон. Ну, теперь-то он точно выпьет! Прямо сейчас!

Остановившись посреди комнаты, Стас уставился на часы. Девять вечера. Было два варианта дальнейшего развития событий. Можно поужинать дома и завалиться спать. Или же отправиться гулять — зайти куда-нибудь в ресторан или в ночной клуб. Погудеть...

Оба варианта имели свои плюсы и минусы. У него не часто возникало желание гульнуть, и если уж сейчас он в таком настроении, то грех этим не воспользоваться. С другой стороны, он здорово устал сегодня — даже не столько физически, сколько морально, и никуда ему не хотелось ехать.

Он плеснул себе в бокал еще немного бренди и уселся перед телевизором. Щелкнув пультом, стал «перелистывать» программы в надежде найти что-нибудь интересное, может быть иностранный фильм. По третьему шли местные новости. Обратив внимание, что диктор рассказывает о криминальных происшествиях за последние сутки, Стас увеличил громкость.

В кадре появился молодой репортер и, радостно улыбаясь, будто сообщал зрителю о чем-то необыкновенно приятном, затараторил:

— Ситуация с распространением наркотиков в нашем городе сложилась просто катастрофическая. Причем особенно трагично то, что в основном этим недугом страдает молодое поколение. Согласно анонимным опросам, каждый второй подросток уже хотя бы раз пробовал наркотики, а каждый десятый употребляет их регулярно.

Теперь на экране вместо жизнерадостной физиономии репортера возникла захлавленная до невозможности квартира. То тут, то там камера выхватывала изможденные лица. Они равнодушно, безо всякого интереса смотрели на сновавших туда-сюда милиционеров. Наркоманов явно не испугал этот неожиданный налет, скорее толпа журналистов и ментов вызвала у них досаду: им помешали принять свою порцию зелья. Голос за кадром продолжал:

— Сейчас мы принимаем участие в милицейском рейде по наркопритонам. Органами правопорядка была получена оперативная информация об этой квартире на улице Свободы...

На столе лежали шприцы, иглы и какие-то склянки. Раковина на кухне была в таком состоянии, что, казалось, из ржавого крана может пролиться лишь струя нечистот.

Стасу стало противно. Но все же он усилием воли заставлял себя смотреть, как менты обыскивают наркоманов. Их выстроили вдоль стены, заставив упереться в нее руками, а ноги расставить пошире. Особо непонятливых, не смущаясь телекамеры, били по икрам прикладами автоматов.

За кадром раздраженно лаял истеричный голос:

—

Шире, шире! Кому говорят? Не понимаешь, урод.

Из карманов обыскиваемых доставали различные

предметы. Камера беспристрастно фиксировала ключи мятые доллары, ножи, кастеты. Стасик напрягся, когда

на

стол лег пакетик с зеленоватым порошком. Точно такого же он нашел в траве рядом с избитым бандюганом. Ну да, даже расфасовка та же! Выходит, прав был Леша Кувалда, когда говорил, что эта дрянь уже всюду гуляет по городу.

Как бы подтверждая его мысли, репортер показал изъятый пакетик крупным планом, сопровождая изображение своим комментарием:

—

Обратите внимание на это порошкообразное вещество светло-зеленого цвета. Это так называемый «арбуз», новый наркотик, который в последние две недели буквально заполнил наш город. Из-за своей относительной дешевизны «арбузы» пользуются огромным успехом у школьников и молодежи. Если в личных вещах вашего ребенка обнаружится этот порошок, то знайте, что к вам в дом пришла страшная беда!

Потом камера наплыла на оперативника в штатском, и репортер задал ему вопрос:

—

Что сотрудники милиции могут сказать об «арбузах»?

Немолодой мужчина в помятом костюме устало пожал плечами. Очевидно, он не испытывал

никакой радости оттого, что внезапно стал телезвездой.

— Что я могу сказать? — мрачно отозвался опер. — Толь- Во то, что действительно еще месяц назад никто и не слышал об этой гадости. Будем работать... Искоренять...

Он поспешно отвернулся, а вездесущий тележурналист уже приставал с расспросами к стриженому лопухому парню, враскоряку стоявшему у стены:

— Это у вас изъяли пакетик?

Тот повернул к зрителям равнодушное лицо. Было Видно, что он находится под кайфом: глаза полузакрыты, на губах блуждает тупая улыбка. Соображал он явно с трудом. Журналисту пришлось повторить свой вопрос.

— А-а, — протянул парень, и улыбка его стала еще шире

.

— А чего это вы меня снимаете? Кино, что ли, будет?

Тут вмешались менты, запретившие журналисту допрашивать подозреваемых. Заверили, что всех задержанных увезут в отделение милиции, где будет по всей форме составлен протокол.

Досмотреть сюжет Стасу помешала резкая трель дв

ерного

звонка. Через секунду трель повторилась. Звук был неприятный, какой-то тревожный. Кто бы это мог Мыть? Уж не Юлька ли прилетела обратно?

После вчерашнего дорожного происшествия можно с

мело

ожидать всего, чего угодно. Прежде чем подойти к двери, Стас извлек из висевшей на вешалке джинсовой куртки «вальтер», подошел к двери боком и, прижавшись к стене, громко спросил:

— Кто там?

Рассматривать посетителей в глазок было не только бесполезно из-за отвратительного качества оптики, но

и

небезопасно: могли запросто выстрелить прямо через стекло.

Ему ответил знакомый голос с хрипотцой:

— Это я, Антонов! Стас, открывай!

За вчерашний день Стас легко сошелся с Сергеем Антоновым и мысленно выделил его из трех набранных Юлей «силовиков». Серега был парень добродушный, сильный и, как показалось Стасу, из всех троих наиболее адекватный. И бывший зэк и рэкетир

Леха Кувалда, и бывший боксер Глеб Николаев имели каждый своих тараканом в голове, а Серега был парень без явных комплексов. К тому же Стасу импонировало, что он раньше служил в УГРО. С его помощью он надеялся довести до конца дело, которое не давало ему покоя уже много лет...

Стас впустил Серегу и запер за ним дверь. Укоризненно спросил:

—

Ты чего не позвонил сначала? Я же просил: без звонка ко мне не приезжать. Я уходить собирался.

Сергей, оказавшийся в этой квартире впервые, озирался по сторонам.

—

А неплохо ты устроился! Чья хата? Неужели твоя?

—

Теткино наследство, — нехотя буркнул Стас и, заметив, что Сергей наклонился, чтобы развязать шнурки, остановил его, — да не разувайся ты, топай так. На улице же подморозило.

Серега не стал возражать, прошел в комнату, уселся в кресло и, покосившись на полупустую бутылку бренди и стоявший рядом стакан, понимающе улыбнулся:

—
Расслабляешься? Правильно. А насчет того, что не позвонил, извини. Аккумулятор в мобильнике сдох.

—
Будешь? — спросил Стас, кивком указывая на бутылку.

Сергей, поколебавшись лишь секунду, махнул рукой:

—
Давай! Раз уж сам шеф предлагает, то грех не выпить.

Стас достал из серванта чистый бокал и поставил его

рядом со своим. Наливая бренди, вспомнил, что за поясом все еще торчит пистолет, который он туда засунул, когда, услышав Серегин голос, стал открывать дверь.

Сереге он налил не жалея, до самых краев, а себе совсем чуть-чуть, от силы на полтора пальца. Бутылка почти опустела.

— Почему не поровну? — нахмурился силовик. — А, понимаю, ты уже того... загрузился.

Л Досадуя на чрезмерно догадливого гостя, Стас чокнулся своим бокалом о его бокал и, не дожидаясь тоста, одним махом отправил бренди в горло. К Сергей надолго присосался к своему бокалу. Опустошив его полностью, с шумом выдохнул:

— У-ух! Ну и штука! Крепкая, собака!

— Вроде не подделка, — согласился Стас и, не считая нужным церемониться дальше, задал вопрос в лоб:

— Так ты чего пришел? По делу или просто так?

Сергей порыскал глазами вокруг в поисках какой-нибудь закуски и, не обнаружив ничего, вздохнул. На столе лежала только пачка «Мальборо», но бывший мент давно бросил курить.

— По делу, Станислав. Насчет этих самых «арбузов». Узнал кое-что через бывших корешей... К Стас посерьезнел:

— Вот как! Давай выкладывай. Кстати, я только что просмотрел один репортаж по телевизору. Как раз про эти арбузы». По местному каналу.

Он сел напротив Сергея и, взяв в руки пульт, выключил звук телевизора.

— Так вот, — начал Антонов, — дурь изготавливают

В

Таджикистане, где-то в горном районе. Оттуда везут фурами. Конечно, не в открытую. В фурах загружено одно, Например консервные банки, а внутри — не баклажанная икра, а зеленый порошок в целлофановых пакетах. Дешевый и действенный. Дает совершенно потрясающий эффект. Ломовой кайф. Поэтому так и офигели от него и торговцы, и потребители. — Серега сделал паузу. Потом, понизив голос, выдал: — Сто пятьдесят рублей грамм. За тридцать рублей можно купить дозу. Представляешь? В кабаке рюмка коньяка стоит сотку. А тут доза дури втрое дешевле...

Стас был поражен. Столько стоит пол-литра пи ни в баре.

—

Дешево, — согласился он, — но что-то мне не верится. Не может наркота так стоять. Или же это не нар котик. Но тогда бы его не покупали. Ты говоришь, спрос на это дерьмо велик?

—

А ты как думаешь?

—

Если это не лажа, а настоящая наркота, то вывод напрашивается сам собой. Кто-то очень хочет, чтобы «ар бузы» получили как можно большую известность в городе. Этот кто-то, естественно, поставщик. Формирует рынок сбыта. А потом уже будет потихоньку повышать цену. — Стас прищурился: — Я помню, ты вчера говорил, что местные барыги к этому вряд ли причастны.

Сергей пожал плечами:

—

Да, говорил. Я имел в виду традиционных барыг цыган и кавказцев. Эти и вправду ни сном ни духом. Но уже начинают проявлять недовольство.

—

Ну, еще бы! Конкуренты объявились.

—

Ага. У цыган их «черняшку» никто не берет. Вообще опиуха сейчас не в почете. Дела идут в основном

за

счет героина. Анашу покупать перестали. Вернее, конечно, берут, но лишь те, кому «арбузов» не досталось.

В задумчивости Стас взял со стола бутылку и рассеянно поднес ее ко рту. Сделав небольшой глоток, спохватился:

—

Тебе налить? Прости, забыл...

Сергей великодушно разрешил:

—

Пей, командир, пей. Там и так всего ничего оста лось. А я сейчас в норме. Если переберу, наутро башка трещать будет. Не люблю я этого.

Стас поставил пустую бутылку на стол, сунул сигаре ту в зубы и, чиркая колесиком зажигалки, спросил:

—

И где ты столько интересной информации на дыбал?

-

Да я же бывший мент! — криво усмехнувшись, отве

тил

Сергей. — Сейчас многие из наших ребят устроились по разным местам, вот я и сделал несколько звонков... В» А что-то конкретное узнал?

Сергей хитро прищурился. Было видно: что-то у него

припасено

интересное, но

он

тянул.

- В каком смысле?

—

Ну, где вообще можно этой гадостью разжиться? Ш, например, я, человек со стороны, хочу кайфануть...

Сергей помолчал-помолчал и брякнул:

—

Есть один розничный барыга, обычно он в «Трех собаках» зависает. Но говорят, в последние несколько дней в городе с «арбузами» напряженка пошла... Вроде как доставка товара опаздывает. Народ переполошился: все уже привыкли торчать почти что на халяву.

Стасик прошелся по комнате. Ситуация с этими «арбузами» была пока все еще неясной, но все же кое-что начинало вырисовываться. И то, что товар стал в пос

леднее

время иссякать, лишь подтверждало его предположения. Просто дали народу попробовать, подсесть. А возможно, это была первая пробная партия. После нее «

арбузы»

опять хлынут в город...

—

Где эти «Три собаки» находятся? — спросил Стас.

Вопрос, похоже, застал Серегу врасплох,

— Где находятся? Погоди, дай сообразить. А зачем тебе. Никак ехать собрался? Надеюсь, не прямо сейчас? К Стас подошел к стулу и решительно бросил:

—

А почему, собственно, не сейчас? Сейчас самое

Время.

Расслабиться хочу в клубе!

Сергей усмехнулся:

— Да какой там клуб... Так, дискотека дешевая. В основном молодняк тусуется. Стас, ты что, действительно т

уда

собрался?

Он кивнул. Все равно уснуть сейчас не удастся, тревожные мысли необходимо было прогнать. А что

для этой цели подходит лучше ночной прогулки на дискотеку?

— Слушай, брат, — серьезно сказал Сергей, — ты только не заводишься. Я же видел тебя в деле. Нервный ты какой-то. Я думал, ты того битюга убьешь на хрен, так ты его мочалил. Как будто он твой кровный враг... Слушай, воды у тебя нет попить?

Стас вздрогнул и, матерясь сквозь зубы, бросился в ванну. Он же совсем забыл про включенную воду! Наверняка там уже потоп! И почему это соседи снизу до сих пор не стучат и не трезвонят в дверь?

Ванна уже набралась до самых краев. Но вода из крана не вытекала. Фу... Повезло. Горячую воду отключили, как всегда, в девять вечера. Хоть раз бытовое неудобств во, привычное для

жителей этой шестнадцатизэтажки, обернулось благом. Он закрутил кран.

Однако с памятью у него явно начались перебои. Как с горячей водой в доме. Правильно Серега сказал: слишком он стал нервный. Может, плюнуть на все? Спуститься в универсам, купить еще бутылек и раздавить с Серегой?

Но его неудержимо влекло в эти «Три собаки» прямо сейчас. Кого он хотел там увидеть, с кем повстречаться? Стас и сам толком не знал этого, но сидеть сложа руки тоже не мог. Им овладела лихорадочная жажда деятельности.

Распахнув платяной шкаф, Стасик скинул с себя джинсы и майку и стал одеваться для ночного выхода. Задумался: брать ствол или нет? Публика там наверняка разношерстная, но, скорее всего, на тех, на кого пришлось бы лезть с «вальтером», они не нарвутся. Хотя, если найдут-таки барыгу, тот может полезть на рожон.

Поняв, что Стас уже завелся и его не переубедить, Серега, кряхтя, встал. Стас, бросив на него взгляд, понял, что тот не горит желанием составить ему компанию.

-

Ты, Сережа, можешь не ехать. Правда... Это же не задание, а так, моя самодеятельность. Будем считать; что я просто решил «оторваться» на дискотеке.

-

Кончай придуриваться! — в сердцах бросил Сергей. — Я же все прекрасно понимаю. Ты решил самолично заняться этими «арбузами»... Ладно, что с тобой поделаешь... шериф! Поехали вместе. А то ты там в одиночку точно дров наломаешь.

Стас улыбнулся: — Ты вооружен?

Сергей машинально хлопнул себя по левому боку и отозвался:

— Нет, конечно. С какого это я перепугу буду по ночам с вольной рассекать? Стас достал свой «вальтер» и спросил:

— Как ты считаешь, стоит его с собой взять? Все-таки барыгу трясти будем. Мало ли что?

Сергей покачал головой:

—

И не думай даже! Ты что, парень? Ты же не на стрел

ку

с братвой собираешься! Там охрана на входе, фейс-контроль. Хочешь, чтобы его на тебе ущупали? Ты и пикнуть не успеешь, как в ментовку попадешь. Ты же сам рассказывал, что твоих двух сотрудников за наркоту взяли, а если с пушкой тебя засекут — пиши пропало!

—

Ладно, уговорил... — Стас отступил от зеркала на

Шаг,

чтобы разглядеть себя в полный рост. На него смотрел одетый с гангстерским шиком атлетически сложен

ный

черноволосый парень с бледным утомленным лицом и лихорадочно блестящими глазами. Стас поправил

«Немного

спутавшийся пробор, повернулся в профиль Наказал:

— А что? Самый обычный пацан. Фейс-контроль пройти должен.

— Самый обычный бандюган, — насмешливо перебил его Сергей, — который воображает, будто сейчас на дворе девяносто третий год... Тебе еще золотой цепи на волосатой груди не хватает. Знаешь, Стас, будь я охранником на входе в этих «Трех собаках», ни за что не пропустил бы тебя без личного досмотра. Выражение лица у тебя такое, будто лет пять назад тебя при разборке сильно долбанули по башке бейсбольной битой и ты до сих пор никак отойти не можешь.

—

Это как? — не понял Стас.

—
Да так, что десять лет прошло, а ты все ходишь по городу и разыскиваешь своего обидчика...

У Стаса вмиг сползла с губ улыбка. Серега, сам того не подозревая, затронул очень чувствительную струну. Пред глазами на секунду возникла страшная картина темный тоннель, снег, мама, лежащая на снегу, струя крови из ее разодранной шеи...

—
Ты чего? — испуганно пробормотал Сергей, изумленный мгновенной переменой выражения его лица.

—
Ничего, — скрипнув зубами, процедил Стас. — Ничего. Ты, Сережа, не ошибся. Мне и впрямь врезали битой по башке... семнадцать лет назад. И я до сих пор в себя не пришел. И не приду, пока не найду его... Ладно, хорош трепаться. Ты на тачке?

—
Конечно, а то. — Сергей внимательно смотрел на Стаса. — С тобой все в порядке? Ну, тогда идем.

Во дворе перед подъездом стоял зеленый «опель» Едва выйдя из подъезда, Сергей пикнул сигнализацией. Усевшись на переднее сиденье, Стас похвалил:

—
Классная кожа! Будто бы на водяной подушке!

Сергей улыбнулся и врубил зажигание. Ехали молчи

Дискотека «Три собаки» находилась почти на окраине города. Раньше здесь был пустырь, который постепенно застраивался новыми жилыми микрорайонами. Народ селился здесь самый разнообразный. Молодежи Проживало тут немало, поэтому криминогенная обстановка здесь была, мягко говоря, не очень. Днем еще туда-сюда, а вот с наступлением темноты законопослушные граждане предпочитали не высовываться из дома, Отсидживались за укрепленными дверями,

— Как-то мрачновато здесь, — сказал Стасик, разглядывая пейзаж за окном.

— Угу, — неопределенно отозвался Сергей, Откуда-то донеслась разухабистая музыка. Обогнув многоэтажный дом, Сергей сбавил скорость. «Опель» подкатил к расцвеченной разноцветными огнями двухуровневой бетонной коробке без окон. У входа кучковалась молодежь. Громовые монотонные аккорды, казалось, раскалывали морозный воздух. Сергей затормозил.

— Прибыли. Ну а теперь скажи мне, что ты намерен делать? Конкретно.

Только сейчас у Стаса оформился в голове более или Менее четкий план действий.

— Зайдем туда, сядем, зацепим барыгу и расспросим его, откуда поступает товар. Ты же знаешь, кто тут банкует?

— Знать-то знаю, — пожав плечами, ответил бывший следак, — но неужели ты думаешь, что все это будет так просто? Зайдешь, подойдешь, поговоришь — и он тебе все выложит? И вообще, с чего ты решил, что Глист тебе что-нибудь рассказывать станет?

— Глист, говоришь? — с усмешкой переспросил Стас. — Знаешь, Сережа, что я тебе скажу? Уж коли вчерашние бугаи из «гранд-чероки» под нашими кулаками обделались, то и этого твоего Глиста, я думаю, мы задавим... Он что, покруче будет?

—

Да покруче-то не будет, конечно. Все эти барыги одним миром мазаны. Но видал, сколько тут народу?

А ес

ли он кипеш подымет? Давай для начала хотя бы возьмем его на наружку, а потом ребят подтянем... Завтра или послезавтра. Чего горячку пороть?

Стаса и самого теперь начали одолевать сомнения в успехе задуманного. Как-то все по-мальчишески получалось — на одном голом энтузиазме.

—

Пошли, — решительно сказал Стас, открывая дверцу. — Хотя бы просто осмотримся.

Глава 18

Стас вылез из «опеля». Народу возле входа и чуть поодаль было довольно много. Все, и парни и девчонки, курили и громко переговаривались. В основном им было по семнадцать-восемнадцать лет. Было видно, что многие под хмельком или под кайфом. Перемигивалось неоновыми огнями название дискотеки — «Три собаки», Стас с усмешкой подумал, что же творится внутри, если на улице, чтобы услышать собеседника, нужно говорить на повышенных тонах, чуть ли не орать.

Хлопнув дверцей, рядом нарисовался Сергей:

—

Любуешься? Значит, так, когда зайдем, иди за мной. Я тебе покажу, где присесть нужно, чтобы этот барыга, если он там, как на ладони виден был.

—

А ты его и в лицо знаешь? — изумился Стас. — Ты что, его фотографию видел?

—

Видел, — усмехнулся Сергей. — Я ж тебе говорю: у меня корешей в ментуре много. Пошли!

Внутри они проникли без особого труда. Фейс-контроль, вопреки предупреждению Антонова, отсутствовал: видимо, еще было рано. Охраняли вход лишь два крепких мужика, но на входящих в зал они почти не обращали внимания, оживленно беседуя между собой. Видимо, они Начинали шерстить подваливающий народ ближе к полуночи.

Стас приготовился увидеть толпы плотно прижатых друг к другу посетителей, переминающихся в такт музыке с ноги на ногу. Но нет, ничего подобного. Зал оказался очень просторным, с высоким потолком, и места хватало всем. Столиков тоже было очень много, причем Некоторые из них пустовали.

Проходя за Серегой между рядами, Стас отметил, что был здесь народ и посolidнее тех юнцов на улице — Примерно его возраста и даже старше. Густо пахло сигаретным дымом, женскими духами и испарениями человеческих тел. В целом обстановка тут была на удивление пристойной.

Обрадовало Стаса и то, что, как только они уселись за столик, диджей сменил репертуар и вместо бившего по голове рэпа из мощных динамиков, что стояли

на

сцене, в зал полилась приятная медленная мелодия. — Ну, слава богу, — с облегчением вздохнул Стас, устраиваясь на стуле поудобнее, — а то из-за этого музона

я

чуть не оглох.

Все соседние столики были уже заняты. Пили в основном пиво или коктейли из пластиковых стаканчиков. От изучения окружающей обстановки его отвлек легкий тычок ногой под столом. Серега вполголоса сообщил:

— Вон там в углу сидит наш клиент... Глист. Со светленькой девкой. Да не пялься ты так откровенно! Скользни взглядом как бы невзначай... И вообще, неудачно ты сел.

Действительно, чтобы хорошенько разглядеть устроившегося в углу возле окна наркоторговца, Стасу приходилось оборачиваться чуть ли не на сто восемьдесят градусов. Пересаживаться он не стал, просто крутнулся

на стуле, небрежно положив локоть на край стола. Подошла официантка. Сергей улыбнулся ей и спросил у Стаса:

—

Ты что будешь?

—

Пиво. Самое крепкое из того, что есть. Бутылку. Стакана не надо.

Серега заказал себе пива и кофе, и девушка удалилась. Станислав кинул на стол пачку сигарет и, выудив одну, закурил. Затягиваясь, гадал, сильно ли они отличаются от остальных посетителей. Наверное, не очень. Пришли два мужика на ночную дискотеку, что здесь такого? То ли охранники какие-нибудь, то ли бандюки, то ли коммерсанты.

Стас скосил глаза. Глисту на вид было лет двадцать пять. Роба довольно нагловатая, Стасу он сразу же не понравился. С ним сидела девица с длинными светлыми волосами. Короткая юбка едва прикрывала красивые бедра. Девица глубоко затягивалась сигаретой и смотрела прямо на Стаса. Но это не был изучающий заинтересованный взгляд профессиональной шлюхи, девушка казалась полностью погруженной в свои мысли. Она была очень даже ничего...

Рядом с Глистом отдыхала компания разухабистых парней и девчонок. Их было довольно

много: чтобы уместиться, им пришлось сдвинуть вместе три столика.

Глист беседовал с одним из них — стриженным почти наголо качком, который наклонился к нему и, едва не падая со стула, почтительно внимал тому, что выговаривал ему барыга, кивая головой, как китайский болванчик.

Так. Если Глист знаком со всей этой шумной компанией, то дело предстоит кислое. Не считая девчонок, парней там человек восемь. Все явно бухие, но не очень сильно: движения еще энергичные, на ногах будут стоять крепко. Наверняка и что-нибудь колюще-режущее в карманах найдется. И если он грубо полезет на Глиста, то пацаны вполне могут вмешаться. Может, они и не пьяные

вовсе, а на его товаре сейчас «летают». Тогда за пару бесплатных доз они любого в ключья порвут — только дай им Перед своим барыгой выслужиться.

— Эй, Стас, — вывел его из глубокой задумчивости Серегин голос, — чего пиво не пьешь? Оказалось, что официантка уже принесла заказ. Стас взял со стола бутылку и сделал несколько основательных глотков, даже не посмотрев на этикетку. Серега пригубил кофе, тут же обжегся и с недовольной гримасой поставил крошечную чашечку на черную полированную поверхность.

— Ну что, посмотрелся на своего Глиста? Думаю, сегодня этим можно ограничиться. К нему мы сейчас Не подберемся. В принципе тут его можно взять вплотную на слезку и где-нибудь в тихом спокойном месте раскурочить...

Стас отрицательно покачал головой:

— Это еще почему? Сидит, как пудель на выставке. Подходи и бери голыми руками!

— А те хлопцы, что рядом с ним? Это же его гвардия, неужели не понятно?

Оттуда донесся взрыв хохота. Глист гоготал во всю пасть.

Девушка, сидевшая с ним за одним столиком, участия в общем веселье не принимала. Докурив сигарету, она тут же принялась за вторую. Ее миловидное лицо омрачала тень тревоги, иногда она слегка поворачивала голову К Глисту и тут же поспешно отводила взгляд. Стасу это было непонятно: девица никак не напоминала скромницу, уж слишком вызывающе была одета и

вульгарно накрашена. Явная шлюха. Чем же ей так не нравится ее клиент?

Впрочем, Стас решил не забивать себе этим голову. Его внимание полностью занимал Глист. Нехотя он вынужден был все-таки согласиться с Серегой: его план подкатиться к Глисту и раскрутить его был очень далек

от реальности. Откровенный разговор с барыгой вряд ли состоится в эту ночь.

Тут к Глисту подошли две совсем еще молоденькие девушки. Одна из них наклонилась к нему и что-то протянула. Стас сообразил, что сейчас на его глазах происходит продажа наркотика. Девчонкам было лет по шестнадцать. Получив желаемое, они поспешно удалились за угол.

—

Ты видел? — громким шепотом спросил Стас. — Он же им наркоту продал!

—

Видел, — угрюмо отозвался Серега, — а что тут сделаешь?

—

И главное, охране на все наплевать! — продолжал возмущаться Стас.

Антонов безнадежно махнул рукой:

—

Брось, у него тут все схвачено. И менты и охрана. Эге, смотри! Встает!

Стас резко обернулся. Барыга встал. Он что-то говорил сидевшей рядом с ним блондинке. Потом сделал пальцами «козу» и резко выбросил руку в ее сторону. Растопыренные пальцы почти коснулись ее лица. Девушка испуганно отшатнулась. Ярко накрашенные глаза расширились, в них заплескался страх.

Вихляющей походкой Глист стал уходить. К блондинке тут же пересел один из компании, резвившейся за соседним столиком, — накачанный малый в джинсовой жилетке, надетой прямо на голое тело.

Да, девушка, похоже, находится здесь не по своей воле, провожая взглядом Глиста, подумал

Стас.

—

Куда это он?

—

В сортир, куда же еще, — догадался Сергей, — там, за углом, женский и мужской туалеты.

Стас поднялся. Сергей схватил его за руку:

—

Решил брать его в сортире? Эх, явно тебе нейдет! Полнолуние сегодня, что ли? Все приключений себе на задницу ищешь...

— Следи за этими лосями, — попросил Стас, — если больше двух попрут в сторону туалета, тогда...

— Что «тогда»? — кисло спросил Сергей.

— Вызывай милицию! — пошутил Стас и двинулся вслед за Глистом.

Тут колонки взорвались какофонией звуков. Он как раз проходил мимо стены, невольно скривился и ускорил шаг. Прежде чем завернуть за угол, бросил взгляд на знакомых Глиста. Те продолжали веселиться, лишь качок в джинсовке возле блондинки пялился на него в упор. Но такой момент упускать нельзя, к тому же Серега начеку и подстрахует, если что.

Возле туалета никого не было. Дверь с буквой «Ж» была приоткрыта. Оттуда тянуло хлоркой. Стас вспомнил, что там сейчас находятся те малолетки, которым Глист продал наркоту. Понятно, что не только губки подкрасить туда зашли...

Он толкнул соседнюю дверь. Глист стоял спиной к нему возле писсуара. Отливал он достаточно долго, при этом подрагивая плечами и вполголоса напевая. Стас неторопливо огляделся. В туалете никого больше не было, все дверцы кабинок кроме одной, самой последней, у стены, были открыты. Там что-то стукнуло, и послышался протяжный вздох. Глист повернул на звук лоснящуюся физиономию. При этом боковым зрением увидел вошедшего.

Наконец закончив свое дело, он, на ходу застегивая ширинку, обернулся. На него, ухмыляясь, смотрел высокий широкоплечий пацан, одетый в темный костюм. Обутое в модные остроносые туфли ноги были широко расставлены.

Стас стоял посреди сортира, уперев руки в бока и таким образом почти полностью загораживал Глисту выход. Тот сделал пару шагов, очевидно рассчитывая, что

о незнакомец отойдет в сторону.

—

Здорово, Глист! — почти промурлыкал Стас.

Барыга сначала опешил, взглянув на высокого bruneta, но потом к нему вернулось привычное самодовольство.

—

Ты кто такой, мужик? — скривив губы, отозвался он и сплюнул незнакомому парню под ноги.

—

Я? Да так, никто. Марафету вот хочу у тебя прикурить...

Он не закончил, так как в этот момент последняя дверца с грохотом распахнулась и из кабинки, пошатываясь, вышел долговязый парень. Лицо его было бледным как мел, губы, по которым текла слюна или даже скорее пена, болезненно дергались. Белые штаны были забрызганы красными пятнами.

С трудом передвигая ногами, парень попытался идти, но силы оставили его и, хватаясь за стену, он тяжело осел на кафельный пол. Промычал что-то нечленораздельное.

Это зрелище развеселило Глисту. Он хохотнул:

—

Чего, Русланчик, перебрал малек, да? Ну, ничего, отойдешь. Будешь знать, как тайком от товарищей ширяться. Делиться нужно с ближними своими. А жадность, как известно, фраера сгубила.

Глист снова воззрился на Стаса:

—

Так чего тебе, человек? Что-то я плохо расслышал. Кайфануть хочешь?

От вспыхнувшей ярости Стас сжал зубы так, что, казалось, закрипела крошачья эмаль.

—

Хочу, — подтвердил он, — как насчет «арбуза»?

—

А-а, — ослабился Глист, — и ты туда же? Понятно. — Он почти успокоился и картинно развел руки. — Извини, братуха, последнюю дозу десять минут назад скинул.

—

Жаль, — продолжая сверлить собеседника взглядом, посетовал Стас и, кивком указав на сидящего у стены парня, спросил: — Этот горемыка тоже на «арбузах» кайфует?

— Ну! — радостно подтвердил Глист, — только перебрал, дурачок. Может, тебе чего другого надо?

— Например? Что посоветуешь?

— Экстази есть, могу «кокс» достать, — пожал плеча-

Ми

Глист. — При себе, правда, нет, так что подождать придется.

— Да нет. Это все не по мне. «Арбуза» хочу попробовать. Наслышан.

— Ну, как говорится, чего нет, того нет! — Глист сделал попытку обойти Стаса, но тот, уперев ладонь ему в грудь, остановил его.

— Слышь, друг, а где ты вообще «арбузы» берешь? — невинно спросил он. — Может, там еще есть?

Хорошее настроение мигом покинуло Глиста. Он отступил на шаг и хмуро просипел:

— Странные ты вопросыки задаешь, парниша. Ладно отвали. Ты мне не нравишься... Я тебя не знаю,

Стас быстро взмахнул рукой и растопыренной пятерней мощно толкнул барыгу в лицо. Не ожидавший этого Глист потерял равновесие и, поскользнувшись на мокром полу, уселся на задницу. С вытаращенными от удивления и злости глазами он тут же вскочил и засунул руку в карман штанов.

— Ну, сука! Я тебя сейчас, гаденыш, на портянки порежу!

Щелкнул нож с выкидным лезвием. Не сводя взгляда

с

клинки,

Стас спокойно произнес:

— Спрячь перо, придурок. Считаю до трех. Иначе

и

тебе его прямо в глотку воткну,

Глист не внял этому предупреждению и кинулся в атаку. Наверное, он еще не хотел резать борзого мозглика,

а

рассчитывал только пугнуть его. Поэтому

взмах ножом

был слишком уж размашистым. Стас без

труда

отклонился. Глист тут же ударил его ногой, метя в пах, слегка задел.

Стас невольно сморщился от резкой боли. Зато сразу прошла владевшая им ранее некоторая скованность. Машинально отряхнув испачканные подошвой ботинка брюки, Стас сплюнул на пол:

—

Ну, все, падла! Конец тебе!

Глист смотрел в дышащее яростью лицо противника, и в его душу заполз подленький страх. Он пронзительно взвизгнул:

—

Да чего тебе надо, парень?! Чего, дурак совсем, что ли?!

Стас прыгнул вперед и, когда ему навстречу устремилось лезвие ножа, круговым ударом ноги отбросил руку Глиста в сторону. По инерции тот крутнулся всем телом. Не давая ему опомниться, Стас нанес прямой удар кулаком в скулу. Глиста отшвырнуло на стену и он, приложившись затылком, сполз на пол.

Стас быстро нагнулся и, вырвав нож из ослабевших пальцев, отбросил его к писсуарам. Прошипел в лицо Глисту:

—

Поднимайся, скотина! Мы еще только начали!

Он схватил барыгу за грудки и рывком поднял на ноги. На скуле у Глиста вздулась громадная шишка, которая с каждой секундой наливалась синевой. Стас снова ударил в то же самое место. Он хотел нанести и третий удар, но вовремя вспомнил, что ему еще нужно вытрясти у этого урода кое-какую информацию. А Глист находился уж в таком состоянии, что после следующей зуботычины вполне мог потерять сознание. Хлипкий оказался, раскис после пары средненьких по силе ударов.

Стас встряхнул барыгу и, глядя в его ошалевшие глаза, приказал:

—
Стой спокойно, не дергайся. Не дергайся, я сказал! Вот так.

Глист был морально раздавлен В голове у него шумело, сознание металось как перепуганная птица, к тому же сильно болело разбитое и уже начавшее опухать лицо. От двойного удара в скулу левый глаз заплыл, и он Почти перестал им видеть.

— Если будешь паинькой и ответишь на все мои вопросы, то на этом твои страдания закончатся. Иначе

И тебе

выбью зубы. Понял?

Подкрепляя свои слова, Стас еще раз хорошенько §стряхнул Глиста. Лязгая пока еще целыми зубами, тот Кивнул.

— Где ты «арбузы» берешь, паскуда? — задумчиво спросил Стас и, так как немедленного ответа не последовало, саданул барыгу в живот.

Глист со стоном начал сгибаться, но Стас не дал ему упасть. Снова замахнулся, и барыга испуганно выпрямился.

— Отвечай. Да не бойся, никто не узнает, что ты поставщика сдал.

Плаксивым голосом Глист наконец ответил: — Я у Гнома товар беру. Весь ассортимент. «Арбузы»

тоже.

—
Где его найти можно? Кто он такой вообще? Глист сделал круглые глаза:

— Ты что, Гнома не знаешь? Он же всех в нашем районе снабжает. — Тут он как-то сразу поскучнел и начал Всхлипывать: — Если он узнает, что я его сдал...

—
Он что, с братвой связан? — Ну! Он и есть братва.

—
На это Стас усмехнулся. Вряд ли Гном из тех, кто нарываает себя «путевыми пацанами». Настоящие блатные, хотя и сами почти поголовно торчат, а некоторые так вообще плотно сидят на игле, но до торговли наркотой К опускаются. Сучье для них это дело, г — Так, где его можно найти? Глист опять начал мычать, и Стас как следует двинул его кулаком по ребрам.

—
Если не назовешь сейчас адрес, я тебе челюсть сломаю. Одним ударом. Два месяца потом только бульончиком через трубочку питаться будешь.

Для пущей убедительности Станислав поднес свой бронебойный кулак к самой роже Глиста.

—
Дом у него, — загнусавил Глист, — по Красноармейской вверх и налево. Да его там все знают. Там постоянно шпана голодная ошивается. Гном уже четверть века торгует. Старый хрен. Только это, слышь, пацан... Чтобы про меня никто не знал...

Сзади скрипнула открывшаяся дверь. Стас обернулся и увидел того самого качка в джинсовом жилете, который после ухода Глиста пересел к красивой блондинке, Он стоял на пороге, мышцы его угрожающе бугрились. Качок оказался невысок ростом, на целую голову ниже Стаса, но рельефные мускулы красноречиво свидетельствовали, что силенкой паренек явно не обделен.

—
Глист! — удивленно воскликнул он, переводя ничего не понимающий взгляд с лежавшего у стены наркомана на Глиста, которого Стас зажал между писсуарами

Тут барыга заверещал так, что у Стаса заложило уши

—
Гарик, гаси его! Он меня пришить хочет!

Гарик у не надо было повторять дважды. Пригнув бритую голову, он торпедой ринулся вперед. Стас отпустил Глиста и развернулся. Отвел ногу назад, чтобы хорошим пинком встретить

несущуюся на него гору мышц,

Через секунду носок его ботинка врезался качку в живот и, хотя и не отбросил его назад, но все же остановил. Развивая свой успех, Стас выбросил левый кулак. Бритая голова дернулась назад, из разбитой губы брызнула кровь.

Воспользовавшись тем, что противник пребывал в легком замешательстве от пропущенного удара, Стас широко размахнулся. Мощнейший «крюк» правой, нанесенный в челюсть низкорослого атлета, должен был в

случае точного попадания отправить его в глубокий нокаут.

Но коротышка обладал завидной реакцией. Он резво присел, и кулак Стаса просвистел над его бритой макушкой. В следующий момент короткие, но могучие руки оплели тело Стаса на уровне поясницы.

Промахнувшись, Стас понял, что дело его плохо. Кач

ок

рывком приподнял его и сделал попытку швырнуть через себя.

у

Стаса были все шансы с размаху уткнуться г

оловой

в кафельный пол. Опасный прием, но не стоило бывать, что они дрались не в спортзале, а в сортире пользовавшейся сомнительной репутацией ночной дискотеки.

Когда его ноги оторвались от земли, Стас обеими ладонями, предварительно сложенными «лодочкой», топнул противника по ушам.

Ира-а! — заорал оглушенный Гарик и тут же разжал шальные объятья.

Стас отступил на шаг и вмазал парню ногой в промежность. Дал от души: Гарик тяжело рухнул на колени, ртом с разинутой от невыносимой боли пастью и с выщученными глазами завалился на бок. Через открытую дверь Стас увидел, что в коридоре уже идет отчаянная молотилка. Дрались трое или четверо. В одном из них он, приглядевшись, узнал Серег

у

. Тот отбивался от двух противников. Третий, уже подучив свое, на четвереньках уползал к сортиру, тряся головой и часто сплевывая кровью.

Так

вот почему Серега пропустил этого лысого качка: он был попросту занят. Что ж, причина уважительная. П

режде

чем поспешить ему на выручку, Стас, обернув

шись к

вжавшемуся в стенку Глисту, прорычал:

— Ну, ублюдок, конец тебе! Я еще вернусь, тварь! — И,

перешагнув

через скулящего борца, выскочил из туалета

.

Серега, заметив, что подоспела помощь, азартно выкрикнул:

—

Не трогай! Я сам!

Серега сейчас явно был в своей тарелке. Он зловеще улыбался, глаза его сверкали. Техниккой защиты, как, впрочем, и нападения, он владел в совершенстве. Его выпрямленная нога впечаталась в живот стоявшего перед ним высокого патлатого парня с разноцветной ленточкой на лбу. Тот с хрипом согнулся и наткнулся прыщавой мордой на выброшенное вверх Серегино колено, Патлатый повалился без чувств, а Серега уже бил ногой следующего — резвого толстяка в пропитавшейся потом красной футболке. Хлоп! Звонкий удар подошвой ботинка пришелся по жирной щеке. Толстяк переломился пополам. Серега нисходящим ударом ноги добавил ему по затылку...

Стас невольно залюбовался этой виртуозной работой. Да, не зря Серега в спортзал ходит. Похоже, он даже с дыхания не сбился.

—
Хорош! — крикнул Стас. — Уходим! Я уже выяснил все, что надо!

И тут из-за угла показались двое мужиков в черном, Это были те самые охранники, что стояли у входа. Увидев лежавших на полу окровавленных парней, они с

ка

менными лицами начали отстегивать от ремней коротя кие резиновые дубинки. Настроены вышибалы были очень решительно.

—
А ну всем стоять! — зычно гаркнул один из охранников.

Стас, надеясь, что можно будет съехать на базаре и избежать очередной драки, прошептал напарнику:

—
Сергея, только не лезь! Договоримся!

Но вышибалы уже настроились на столкновение, Это были настоящие головорезы со стажем. Обоим было хорошо за тридцать, и оба явно поднаторели в кулачных боях. Тот, что был повыше, не разбираясь, сразу же врезал Сергею дубинкой по макушке. Тот не успел увернуться и тут же схлопотал ногой по ребрам. Задохнувшись, Сергей отступил. Да, эти костоломы были не чета тем молокососам, что тусовались вокруг Глиста. Этим нельзя было несколькими ударами, играючи, уложить на пол...

Второй вышибала был пониже ростом и значительно тупее, но его сломанный нос говорил о боксерском прошлом. Метнувшись к Стасу, он без замаха хлопнул его короткой резиновой дубинкой сбоку по шее. У Стаса из глаз посыпались искры. Он наудачу махнул ответ кулаком и только случайно попал вышибале п

о лицу. Стас практически ослеп: дубинка охранника наверняка была с металлическим сердечником, уж больно сильным оказался этот неуклюжий удар. За спиной раздался злобный рев. Стас оглянулся. Прямо перед ним вырос вышибала, который уже занес руку для следующего удара. По его лицу текла кровь: видно, Стас все-таки умудрился разбить ему нос. Словно из-под земли появились молодые пацаны из компа

нии

Глиста. Да и он сам уже вылез из сортира.

— Гена! Юра! — завопил Глист вышибалам. — Мочите волков, они меня ограбили!

«Мало я ему дал!» — со злобой подумал Стас, глядя на его опухшую харю.

Сергеа между тем обрушил на высокого вышибалу Серию ударов, орудя и кулаками, и ногами. Не ожидая такого натиска, тот стал отступать, отбиваясь дубинкой, Серега обманным финтом вынудил его раскрыться. Далее последовал прямой правый в лицо. Раздался характерный треск, и здоровяк-вышибала, выпустив из руки дубинку, опрокинулся на пол.

Похоже, теперь вся дискотека сбежалась к сортиру, чтобы поглазеть на побоище.

—

Пора сматываться! — шепнул Стас тяжело дышавшему Сереге.

Не сговариваясь, они рванули к выходу. Стоявшие у них на пути зеваки отпрянули. Вслед им визжали девицы.

Пробиваясь сквозь толпу к выходу, Стас успел заметить, что какой-то чернявый, похожий на цыгана, верзила награбил пощечиной ту самую смазливую блондинку, что сидела вместе с Глистом. Стас рванулся к ним.

—

Ты куда? — недоуменно крикнул Серега.

Стас подскочил как раз вовремя. Девица уже упала на колени, а верзила отвел ногу для пинка. По лицу блондинки текла размазанная тушь, она отчаянно отбивалась, но силы были слишком неравными.

Не долго думая, Стас схватил верзилу за плечо, развернул лицом к себе и ударил кулаком в челюсть. Опрокинув стол, тот растянулся на полу. Девушка вскочили и что-то прокричала ему, но в общем шуме он не расслышал слов. Он махнул ей рукой и побежал к выходу. Пробившийся сквозь толпу завсегдатаев Серега ждал его на улице.

Высочив из дискотеки, Стас заметил, что блондинка не отстает от него ни на шаг.

—

Быстрее к машине! — не оглядываясь, крикнул Со рега.

—

Ну, чего встал, как истукан? — услышал Стас звонкий голос блондинки. — Жить надоело? Сейчас вся их стая вывалит!

И действительно: из дверей дискотеки уже выкатывались орущие парни. Лица их дышали такой неподдельной яростью, что не приходилось гадать об их намерениях.

—

Бей сук! — завизжал кто-то, и толпа пацанов хлынула к ним.

Стас, схватив высокую блондинку за руку, рванул к своему «опелю».

Глава 19

Сергея уже включил зажигание.

Вслед за Стасом в машину, не мешкая, запрыгнула девушка. По инерции она навалилась на него, обдав волной приторных духов. Сергей развернул «опель», и тот, резко набирая скорость, понесся по скверно освещенной улице. Сзади слышались вопли и улюлюканье, об асфальт грохнулась и разбилась вдребезги запущенная вдогонку беглецам бутылка.

Стас вытер мокрое лицо мятым рукавом. На темно-синей ткани остались разводы крови.

—

Уф! —

выдохнул Стас. — Ну и прогулочка получилась! Преследователей не было видно. Конечно, на своих

двоих за «опелем» не угонишься, а устраивать ралли, очевидно, они не захотели.

Сергея засмеялся. Понимая, что в таком состоянии, когда от множества нанесенных и пропущенных ударов трясутся руки и рябит в глазах, вести автомобиль небезопасно, он чуть сбавил скорость.

— Однако настырные ребята оказались!

— Хорошо еще, что эти ребята до твоей тачки не добрались.

Тут раскрыла рот девица:

— А чего ты так переживаешь? Тачка у тебя не ахти какая. Так, средней паршивости.

В салоне повисла тишина. Сергей, опешив от такой наглости и забыв, что он за рулем, повернулся назад. Девица в это время, не обращая внимания на поедавших ее глазами мужиков, поправляла прическу.

—

Включи верхний фонарь, дорогой! Мне надо себя

в

порядок привести.

Она раскрыла сумочку и вытащила оттуда черную, с серебряными блестками косметичку. Стас, прокашлявшись, хрипло спросил:

—

А ты, красавица, кто такая будешь? Блондинка раздраженно ответила:

—

Ты всегда таким способом с девушками знакомишься?

—

Каким «таким»?

—

Наглым! И вообще, я же попросила: свет включите!

—

Слушай, дорогуша... — повысил голос Стас, но она его прервала:

—

Меня Мариной зовут. Можно без отчества.

—

Спасибо, — язвительно поблагодарил ее Стас.

—

Пожалуйста. Так как насчет света? Или вы глуховаты малость?

Тут машину на повороте занесло, и Стас невольно прижался к Марине. Он почувствовал, что девчонку, как бы она ни хорохорилась, колотил озноб. Возможно, ее наглость была следствием нервного срыва. Стас вспомнил, как мочалил ее чернявый верзила. Решив наладить контакт, он примирительно спросил:

—

Так ты говоришь, тебя Мариной зовут? Красивое имя.

—

Знаю.

—

А кто этот чернявый бугай был? Который ударил тебя?

Тут Марина разродилась такими матюгами, которых бы постеснялся и пьяный мент.

Облегчив душу, стала рассказывать:

—

Жора Диван. Думает, что это я у него баксы свистнула. А я их и в глаза не видала! Придурок!

—

А Глист тут с какого боку?

—

Так этот козел меня ему и подсеял!

Стас начал смутно догадываться об истинной подоплеке этого дела. И поскольку Марина никак не производила впечатления тургеневской девушки, спросил напрямик:

—

Глист твой сутенер?

—

Ну. Был. Теперь я к этому импотенту и на пушечный выстрел не подойду! В гробу я таких видала!

—

А ты, стало быть... э... Как бы поделикатнее выразиться... Путана, да?

Тут Марина повернулась к Стасу и внимательно взгляделась в его лицо. Потом пожала плечами:» — Нет, красавчик, хоть убей, никак не могу тебя вспомнить! Мы где встречались? Ты из клиентов? Да нет, я бы такого запомнила. Так где же мы встречались?

— Мы с тобой ранее вообще не виделись. Я бы тоже тебя запомнил.

—

Точно? — все еще сомневалась она.

—

Уверен.

Девушка на секунду задумалась. Недоверчиво спросила:

—

А чего ты тогда влез? Если меня совсем не знаешь?

—

Ну, смотрю: бык какой-то девушку избивает... А что, я, по-твоему, должен был пройти мимо?

— А-а, так ты у нас из породы джентльменов. Не англичанин, случайно?

Ее сарказм его задел.

— Да нет, я русский. А породистыми только собаки бывают. И лошади.

Она достала платочек и стала вытирать лицо.

—

А я-то думала, что дураки уже совсем перевелись на свете. Да ты знаешь, что Диван тебе этого не простит? Он недавно с зоны откинулся, постоянно с пером ходит!

— Да ты что? — с притворным испугом воскликнул Стас. — С настоящим?

—

Дурак, — устало повторила Марина и отвернулась к окну.

Молчавший во время этого диалога Серега напомнил о себе:

—

Стас, куда ехать? Тебя домой подбросить?

—

Да. Хотя... Давай сначала нашу попутчицу подвезем. Тебе куда?

От этого вопроса девушка вздрогнула. Заерзала на своем месте и неуверенно ответила:

—

Мне нельзя сейчас домой. Диван с Глистом первым делом туда помчатся! Вы что! Мне нельзя туда!

—

Значит, тут вылезай. — Серега начал тормозить.

—

Ты что делаешь? — Девушка начала испуганно озираться. — где это ты меня высадить хочешь?

Машина остановилась. Серега потянулся назад и открыл дверцу.

—

Прошу!

—

Да вы чего, мужики? — запричитала Марина. С нее разом слетел весь ее напускной гонор, — Ночь же на улице! А мне к Таньке на другой конец города топать!

—

Куда именно? — рявкнул потерявший терпение Серега.

Девушка всхлипнула. Казалось, она вот-вот разрыдается.

—

На Советскую. На самый верх...

—

Ну что, Стас, подбросим?

Решив немного подразнить взбалмошную девчонку, Стас сделал вид, что засомневался:

—
Даже не знаю... Вообще-то туда минут сорок ехать.

—
Да нельзя мне сейчас по улицам одной шастать! — плача, выкрикнула Марина. — Найдут — прирежут!

Стас был в замешательстве. Не выбрасывать же ее из салона силой? Но и трепаться уже порядком надоело. Он так устал, что даже разговаривать мог с трудом. Веки сами собой слипались, и лишь тупая ноющая боль в правом бедре мешала задремать прямо на сиденье. Кто-то его в драке, видать, ножичком ткнул. Рана наверняка не очень глубокая, но все же смазать чем-ни- будь обеззараживающим не помешает.

—
Ладно! — громко сказал он. — Серега, давай к моему дому.

—
А она?

— У меня до утра пересидит. Стерва она, конечно, порядочная, но не бросать же ее здесь.

— Как знаешь, — буркнул Серега и стал заводить мотор. Марина молчала, вероятно обдумывая, подходит ли ей это предложение или нет. Стас категорично заявил:

— Только смотри, как только пойдет первый троллейбус, ты сразу уматываешь. Договорились? Марина не ответила, только презрительно фыркнула. Похоже, когда непосредственная опасность быть высаженной посреди ночных трущоб миновала, к ней снова вернулось ее привычное нахальство.

Оставшуюся часть пути проехали молча, только Серега приглушенно ругался. Наверное, вспоминал недавнюю драку. Вскоре «опель» подъехал к шестнадцатизэтажке.

Разглядев уносившуюся в звездное небо высотку, Марина уважительно вздохнула:

— Крутой домик. Так ты здесь живешь?

— Живу, — открывая дверцу, ответил Стас. — Ну, Серега, бывай. С утра созвонимся...

Пока, шеф! Я бы завтра до ужина из постели не вылезал. Башка гудит, как колокол. Этот толстый ублюдок...

Хорош, Серега, ну его в баню, — поморщился Стас. — Потом будем все обсуждать и анализировать. Пока!

Он вышел и захлопнул дверцу. Марина уже стояла по другую сторону «опеля».

Через открытое окно Серега напоследок счел нужным поддеть приятеля:

— Ну, Стасик, я думаю, что ты хоть немного развлекся, разогнал свою вечернюю скуку.

К

Стас лишь махнул рукой. Когда «опель» отъехал, буркнул Марине:

- Пошли, что ли, — и, не дожидаясь ответа, зашагал к подъезду. Слышал сзади торопливое цоканье каблуков. И как она только умудрялась бежать по холоду в такой обуви? Ну, жить захочешь — еще и не такой спринт покажешь хоть в сапогах, хоть в калошах...

В подъезде сонная консьержка удивленно посмотрела на парочку. Похоже, она даже не сразу узнала Стаса. Губы у него были разбиты, на подбородке запеклась кровь. Всклоченные волосы и основательно запачканный костюм с оторванными пуговицами завершали картину.

Старушка даже поначалу протянула руку к телефону, намереваясь, видимо, вызвать милицию. Но, приглядевшись, опознала в ночном гуляке старого жильца и лишь осуждающе поджала губы. Провожая парочку взглядом, консьержка про себя уже предвкушала, как утром будет рассказывать сменщице, что не успела сожительница Стаса Щербака куда-то умотать, как он уже привел на ночь девицу сомнительного вида.

Их ждал сюрприз: лифт не работал.

От бессильной злобы он едва не застонал. Ну почему именно сейчас, когда он устал как собака и меньше всего был расположен ковылять наверх пешком?

—

Что, не работает? — ехидно спросила Марина, наблюдая за его безрезультатными попытками вызвать лифт.

—

Нет. На ночь отключают... Придется топать.

—

Какой этаж?

—

Шестнадцатый, — злобно ответил он и направился к лестнице.

—

Какой? — выпучила глаза девушка. — Ты что, издеваешься?

—

Нет. Но если хочешь, можешь заночевать прямо здесь. Вон там возле мусоропровода лежит картонка. Устраивайся!

Где-то на середине пути Марина взмолилась:

—

Давай передохнем немного! Я больше не могу. Упаду прямо сейчас!

Стас тоже чувствовал себя далеко не лучшим образом. Ноги уже гудели от напряжения, он с хрипом дышал и раздумывал, не присесть ли прямо на ступеньку. Остановившись, он обернулся.

Марина находилась метрах в шести позади, практически отставая на целый лестничный проем. Она вцепилась в перила, и только это обстоятельство удерживало ее от падения, так как ноги явно отказывались ей повиноваться.

— Это девятый этаж. Осталось семь. Ерунда...? У себя на этаже Стас долго не мог попасть ключом в замочную скважину, так сильно тряслись его руки. Пот заливал глаза и, попадая на кровоточившую губу, вызывал нестерпимую боль. Наконец входная дверь отворилась,

— Захлопни за собой! — проговорил Стас и двинулся в гостиную.

Упав на диван прямо в одежде, блаженно вытянул натруженные ноги. Кайф! Лежать бы так и не вставать! Пошатываясь, зашла Марина и сразу же спросила:

— Где
у тебя ванная?

Глядя на ее перепачканную помадой, тушью и кровью физиономию, он усмехнулся: № — Да, умыться тебе не мешает.

— На себя лучше посмотри, — огрызнулась она. — Так где?

— По коридору налево. Вторая дверь. Не заблудишься. Она повернулась и вышла. Стас только сейчас смог как следует рассмотреть Марину и пришел к выводу, что для ее профессии она сложена идеально: стройные длинные ноги, довольно широкие бедра и почти осиная талия. Высокая, красиво очерченная грудь, правда несколько тяжеловатая, дополняла достоинства ее соблазнительной фигуры.

Стасу хотелось пить, но до холодильника, где вроде Вы должна была остаться пластиковая бутылка мине

ралки, идти не было ни сил, ни желания. Лучше еще

по

лежать, а когда Марина нарисуеться в дверном проеме, попросить се сходить за водичкой.

Однако девушки не было довольно долго, и он, отчаянно матерясь, был вынужден встать с дивана. Чего она там, уснула, что ли?

Сделав несколько шагов, Стас снова захромал. Проходя мимо ванной, он прислушался. Из-за двери доносилось тихое пение и плеск воды. Она что, холодную ванну принимает? Похоже, так

и есть.

Ему самому тоже не мешало бы ополоснуться, но горячая вода пойдет лишь утром. Кстати, а сколько сейчас времени? Стас взглянул на часы. Без пяти три. Раннее утро. Незваную гостью, нахально забравшуюся в его ванну, придется терпеть еще, как минимум, три часа. А потом — скатертью дорога!

Минералка в холодильнике действительно была. Открутив пробку, Стас стал жадно пить. Когда терпен, напор газа становилось невозможно, отрывал горлышко от губ и переводил дыхание. На лбу тут же выступил пот. Тело потихоньку наливалось энергией.

С наполовину опорожненной бутылкой в руке он пошел обратно в гостиную. Плеска воды в ванной уже не было слышно. Стас невольно представил себе, как Марина стоит, наклонив голову, и вытирает свои волосы.

Стас снова устроился на диване и слепил веки. Перед глазами мелькали несущиеся ему навстречу кулаки, ботинки, перекошенные в немых криках лица. Да, оригинально он потусовался! Впрочем, не так уж и бесполезно. Кое-что узнал. Глист получает «арбузы» от какого-то Гнома, который живет... как он там говорил... неужели забыл? На Красноармейской! Точно там! Стас знал, где это. Довольно глухое местечко, старый район, так называемый второй бугор. Когда-то, в советские времена, там жили самые отпетые, частенько спускавшиеся

со своего холма и ставящие на уши весь город налетчики. Появляться там вечерами в одиночку было небезопасно: запросто могли ограбить, избить, а то и сильно покалечить.

Ну, с этим все более или менее понятно. Теперь встает вопрос — что делать дальше. Можно наехать на этого Гнома и вытрясти из него все, что нужно. Но вот только осталось разобраться, что именно нужно! Через барыгу-оптовика с Красноармейской, вероятно, удастся раскрутить всю цепочку. И, если честно, Стас был настроен именно на это.

- В коридоре стукнула дверь, послышался приближающийся стук каблучков. Надо было ей тапочки дать, в прихожей стоят Юлькины шлепанцы... Когда Марина зашла в гостиную, у Стаса опять пересохло в горле. Такого он не ожидал даже от этой незакомплексованной девицы.

На Марине было лишь кружевное черное белье, узкий треугольник атласной материи под животом и два полумесяца, еле прикрывавших пышную грудь. Но самое поразительное, что она была в ажурных чулках с настоящими подвязками. Такие Стасу доводилось видеть лишь в кино.

Вызывающая поза и профессиональная улыбка. Косметики на лице совсем немного: слегка накрашены губы чуть подведены глаза. Стас молча пожирал ее глазами, сладкое желание возникло само по себе, тут уж ничего нельзя было поделать — против матушки-природы не попрешь! Довольная произведенным эффектом, Марина улыбнулась еще шире:

— Ты знаешь, я решила не терять времени зря. Раз судьба свела нас, то почему бы мне не подзаработать? Почему ночь должна проходить впустую? Ты не находишь?

— Подзаработать? Ах, ну да! Я совсем забыл.

Тут Стас заметил, что она еще совсем молода. Лет двенадцать, ну, может, двадцать, двадцать лет от силы.

Его молчание она истолковала по-своему:

—

Не жадничай, поверь: оно этого стоит. К тому же для тебя вполне можно сделать скидку. Все-таки ты как-то никак вырвал меня из лап этого уродя Дивана.

Стас откашлялся и, с усилием переведя взор с ее ног на лицо, согласился:

—

Это точно. Парень был настроен весьма решительно.

Марина наконец-то отлепилась от дверного косяка

и подошла к дивану. Двигалась она красиво — упругой пружинистой походкой манекенщицы. Стас почувствовал запах ее духов и вымытой кожи.

—

Присядь, — глядя в сторону, сказал он, — вон туда, в кресло.

Она разочарованно хмыкнула, но отходить не спешила. Скорчила гримаску:

—
Для тебя — штука! Не баксов, рублей! Подумай, Стас. Обычно я беру от двух до трех...

—
Сядь туда, я тебе сказал! — Стас разозлился не на нее, а на себя.

Марина пожала плечами и с видимой неохотой уселась в кресло. Нагнулась и взяла с журнального столика бутылку с водой. Напившись, раздраженно спросила:

—
Я тебе не нравлюсь? Или денег жалко? А может, просто нет наличности? Тогда давай в кредит.

Он попробовал отшутиться:

—
Да нет, ты как раз в моем вкусе. Впору жениться. Просто устал сильно, не обижайся.

—
А я и не обижаюсь. И чего это вырядилась, как дура? — Марина вдруг рассмеялась. — Ты, наверное,

об

алдел, когда я зашла! Да?

—
Это точно. Всего ожидал, но чтобы такое! Подумал, что у меня от ударов по голове глюки начались. Есть хочешь?

—
Если честно, да, — призналась она — Я вообще не ужинала.

— Ну, сейчас уже можно завтракать. Иди на кухню, загляни в холодильник. Только хозяйничай сама, я ни на что не годен.

— Ладно, — она встала, — пойду пошукаю. А ты один живешь? Или жена в отъезде? В Стас помрачнел:

— Вдвоем. Она в отъезде.

Марина понимающе кивнула и удалилась. Через минуту-другую она уже гремела посудой на кухне. Очевидно, решила подойти к ночному завтраку со всей серьезностью. Она появилась с подносом, заставленным Открытыми консервными банками. Красная икра, печень трески, кальмары... Дары Баренцева моря. Поставив поднос на стол, Марина сказала:

— А ты соврал. Это о чем?

— Насчет жены. Нет у тебя никого. Холодильник зачарен чисто по-холостяцки. Одни жестянки. Но с деликатесами. Ну что ж, как говорится, приятного мне аппетита!

Она уселась за стол и стала уплетать за обе щеки. Гля

ди

на нее, Стас ощутил голод и соорудил себе внушительный бутерброд с консервированным балыком.

— А выпить ничего нет? — поинтересовалась девушка, Стас покачал головой:

— Нет. Видишь, бутылка пустая из-под бренди стоит? Это последняя была. Внизу магазин ночной, можно сходить. Только я — пас. У меня нога болит. Да и вообще поздно уже. Или, наоборот, слишком рано.

— А я бы выпила, — мечтательно призналась Мари

на.

— Слушай, а кто ты такой?

— В каком смысле?

— В прямом. То, что тебя Стасом зовут, я поняла, Хоть сам представляться ты не соизволил. Слышала, как тебе твой друган обращался.

Где

он так драться выучился? Да и ты тоже не хилак, это сразу видно. Чем занимаешься?

Чтобы не пускаться в длинные объяснения, Стас, не вставая, наклонился к стоявшей возле дивана тумбочке и достал оттуда маленький картонный прямоугольник. Молча протянул его девушке.

Та, держа визитку аккуратно двумя пальчиками, чтобы не запачкать, стала вслух читать:

—

Та-ак. Щербак Станислав Владиславович. Генеральный директор адвокатского бюро «Щербак и партнеры». Это ты, что ли?

—

Угу. Собственной персоной.

—

Клево! Генеральный директор. И чем же вы занимаетесь, партнеры? Разводами?

—

Всякими делами, — уклончиво ответил Стас. — Разными жизненными ситуациями. У адвокатов, Мариша, широкое поле деятельности...

Марина прищурилась и, скроив хитренькую гримаску, сказала:

—

Начинаю понимать. «Крыши», «терки», «разводяки», «разборки» и тому подобное. Да? Мурманская

ма

фия, короче. Так вот почему ты Дивана не испугался.

Сам

такой, только, видать, покруче...

—
Не мели чепухи, — возразил Стас, — никакая мы не мафия. Нормальная адвокатская контора. Споры хозяйствующих субъектов разрешаем.

—
Да-а, — иронично протянула Марина, отправляя в рот ложку красной икры. — Больно ты молод еще, чтобы споры этих субъектов решать. Тебе годков-то сколько?

—
Сколько ни есть, все мои! — отрезал Стас. Ему не понравилось, что эта наглая девица интересуется его возрастом. Ей-то какое дело?

—
Зарабатываешь хоть прилично? — спросила она и оглядела комнату. — Хата у тебя нехилая.

—
Я за деньгами не гонюсь!

— Ты у нас, значит, бесребреник. Откуда тогда у тебя бабки водятся? Икру вон жрешь...

— Икру не я жру, а ты! — рассмеялся он. Потом миролюбиво заметил:

— Конечно, мы берем за услуги деньги. По полной стоимости, без скидок. Но все же занимаем
ся

мы своим делом не ради денег. Можешь не верить, №о это действительно так. Если надо помочь какому-нибудь бедолаге, у которого ни тачки, ни дачки, как говорится, у нас для таких случаев есть специальный фонд.

— Общак, — уточнила Марина. — Знаем мы эти штучки. И чтобы ты мне ни говорил, Стасюша, я тебе ни хрена не верю. Хороших людей не бывает. Все свиньи. Только одни просто свиньи, а другие грязные свиньи. Вот и вся человеческая сущность. Просто и понятно.

— Вот так, — усмехнулся Стас, — а я кто, по-твоему?

Просто

свинья или грязная?

— Просто, конечно, — лениво ответила она.

— Ага. А стало быть, например, тот самый Диван, — грязная свинья. Правильно я понимаю ход твоих мыслей?

- В точку! — подвела она черту, допивая остатки мисералки.

«Ну и дура же ты, — беззлобно думал Стас, разглядывая молодую циничную девку, — что ты в жизни-то видела?»

— А сколько тебе лет?

Марина вздохнула:

— Таких вопросов женщине не задают. Хотя я еще в таком возрасте, что меня это не задевает. Девятнадцать. А что? Больше не дашь?

Он кивнул:

— Не дам. А что потом-то делать будешь?

— Утром к Таньке пойду.

— Да нет, в жизни чем думаешь заниматься?

— Ой, вот только этих базаров гнилых не надо! — Она наморщилась, точно сжевала лимон. — Кто знает, что дальше будет? Ты-то сам шибко правильно живешь, что ли? Сам-то знаешь, что с тобой произойдет? Вот если бы Диван нож тебе в брюхо загнал сегодня? А? Так что не надо! Живу как хочу и прошу меня не учить. Много вас таких. Трахнут сначала, а потом беседы

душеспасительные вести начинают. Что же ты тогда, гаденыш такой, карабкаешься на меня, если я такая плохая?

Стас обиделся:

—

Кто на тебя карабкается, ты чего? Я, что ли?

Она рубанула воздух ладонью:

—

Ну, не ты, так другой! Тебе вон по башке настучали — потому такой смирный и лежишь. А не надавали б сразу полез бы... Знаем мы вас!

Стас подавил улыбку. Похоже, ее задело, что он отказался от ее профессиональных услуг. Впрочем, не слишком ли опрометчиво он поступил? Девчонка и впрямь соблазнительная...

—

Да-а, Сонечки Мармеладовой из тебя не получится, — отшутился Стас.

—

Кого? Какой Сонечки?

—

Да это я так, не обращай внимания... — Стас стал подниматься с дивана и охнул от боли. Правое бедро

го

рело огнем. Ощупав ногу, Стас бросил: — Отвернись,

—

Чего ты?

—

Я брюки сниму. Одна тварь мне на дискотеке в

но

гу чем-то ткнула. Болит, сил нет. Нужно осмотреть.

—

Снимай! Что ты, как маленький? Как считаешь сколько я за свою жизнь мужиков голых перевидала?

И вправду, было бы кого стесняться! Стас расстегнув ремень и спустил штаны. Длинный порез с запекшейся кровью по краям отчетливо выделялся на бедре.

Марина пригнулась и деловито спросила:

—

Йод есть или зеленка? Нужно помазать обязательно. Иначе может нагноиться.

—

Ничего такого нет.

Она вышла в коридор и вскоре вернулась со своей сумочкой. Достав оттуда какой-то пузырек, сообщила:

— Пожертвую ради тебя своими духами. Они же на спирту, так что... Между прочим, французские.

— Не жалко?

— Жалко. Но тебя жальче! Приготовься, будет щипать! Его стало знобить и пришлось укрыться пледом. Глаза смыкались сами собой и он, изо всех сил борясь со Сном, пробубнил:

— Что-то я вырубаясь. Подремлю немного, ладно? Она что-то буркнула в ответ, но слов Стас не разоб

рал,

почти мгновенно погружившись в глубокий сон.

Очнулся он от бившего в лицо солнца. Который час? Неужели уже утро? Ведь он только-только задремал. Казалось, прошло всего лишь несколько минут. Но солнце было уже почти в зените — значит, с

коро

полдень.

Стас привстал и сквозь опухшие со сна веки разглядев стол, уставленный пустыми консервными банками и грязной посудой. Мучила ужасная сухость во рту, Ио большая пластиковая бутылка была пуста. Нуда, точ

но,

последние капли минералки употребила его ночная Гостья.

Свесив ноги с дивана, он прислушался. В квартире ца

рила

полная тишина. Ушла? Стас с трудом встал на зат

екшие

ноги. Ощупал порез на бедре. Рана еще болела,

но

опухоли уже не было. И то хорошо.

На кресле белел листок бумаги. Стас поднял его и прочитал:

«Не

стала тебя будить. Визитку взяла с собо

й,

как-нибудь звякну. Марина».

Все-таки опрометчиво он поступил, оставив у себя в кв

артире

совершенно незнакомую девицу, к тому

же

из кабака. Такие вообще-то не упускают случая обчистить зазевавшегося клиента. Стас подошел к серванту. Деньги,

которые

он хранил в ящике, под стопкой кухонных

полотенец, оказались не тронуты. Сумма изрядная: около семи тысяч долларов и двадцать тысяч рублей. Значит, нормальная девчонка попалась. Он вспомнил ее красивые пышные волосы, длинные ноги, высокую а грудь и вздохнул. Хороша Мариша, вот только работа у нее паскудная...

Он отправился в ванную. Горячая вода шла тоненькой струйкой, грозя закончиться совсем. Стас торопливо умылся. Мельком взглянул на себя в зеркало. Ну и рожа! На лице в нескольких местах красовались кровавые ссадины, на лбу выскочила синюшная шишка, под левым глазом расцвел фингал...

После водных процедур значительно полегчало, и Стас быстро сварил себе кофе и прихватил со стола недоеденный бутерброд с балыком. Розовый с белыми прожилками рыбный ломтик загнулся по краям и чуть подсох, но был еще вполне съедобным. Икры не осталось: ночная гостя подмела все вчистую.

День обещал быть ясным. Стас допил кофе и поставил чашку на стол. Вспомнился вчерашний вечер. Сплошной мордобой. Сначала с Глистом и его пацанами, потом с охранниками дискотеки. Глист. Гном. Марина. «Арбузы»...

Думая о своем, Стас рассеянно смотрел, как водную гладь моря вдалеке рассекал рыболовецкий траулер.

О

и смотрел на серый силуэт судна, и им постепенно овладела непонятная тревога: как будто слышал за спина шаги злоумышленника, скользкой походкой крадущегося на дело...

Глава 20

Кружка крепкого кофе немного его взбодрила, прояснила голову, но ненадолго. Стас уселся в кресло и лениво оглядел царивший в комнате «бардак». Особенно

живописно смотрелись остатки ночного ужина. Надо бы здесь прибраться. Но не сейчас, конечно. Сегодня выходной. Серега Антонов наверняка еще дрыхнет. Лешка и Глеб сидят в офисе на телефоне. Вечером должен заехать отец той девушки и привезти окончательный

расчет. Ехать в офис не хотелось, да и незачем: дел никаких не будет, и придется заниматься все тем же: пить кофе и курить. Для этого необязательно тащиться через весь город.

Но все же чем-то заняться необходимо. Он чувствовал, как на него постепенно наваливалось знакомое тягостное чувство — тоска. Следовало взбодриться, сделать что-нибудь. Может, навестить этого Гнома? Пока его еще не предупредили, что им интересуются. Хотя вряд ли Глист будет на всех углах кричать о том, что сдал своего поставщика. Как-никак барыга по их понятиям совершил подлость. Запорол косяк, как говорят блатные. За это по головке не погладят, разве что железным ломиком. Нет, Глист будет молчать — это точно.

Решено, он отправится к Гному. Хотя бы разведает, что к чему. А уже потом можно будет посоветоваться с Самородовым. Стас повеселел и стал одеваться. Надел на рубашку портупею с подмышечной кобурой и засунул в нее старенький «вальтер» Самородова. Райончик там еще тот. Прогулка, да еще с целью наезда на местных жителей, запросто могла окончиться на больничной койке с пробитой головой. Крутых бандитов там, конечно, нет, а вот приклатненной шпаны навалом.

Стас накинул изрядно потертую джинсовую куртку и с удивлением обнаружил, что, еще недавно довольно тесноватая в плечах, она теперь сидит на нем свободно. Да, видать, здорово он похудел за этот месяц. Питается кое-как, много курит, да и на нервах постоянно. А ведь года два назад в Питере призы на соревнованиях

по бодибилдингу брал. Да, стать уже не та... Хотя, если возобновить тренировки, былую форму еще можно вернуть. Ничего, вот разгребут они это тухлое дело с «арбузами», и жизнь наладится: можно будет вообще вернуться к нормальной адвокатской практике.

Выйдя на улицу, он поначалу решил поймать тачку, но передумал и зашагал в сторону автобусной остановки. Там уже толпился народ, в основном старушки с сумками. Вскоре подъехал тарахтящий «ЛАЗ» — наверное, ровесник ожидавших его пенсионеров. Стас не без труда протиснулся через заднюю дверцу.

Автобус был набит битком, стоять было неудобно, в бок ему уперлось что-то твердое, к тому же древний драндулет то и дело подпрыгивал на выбоинах в асфальте, и Стас прилагал немалые усилия, чтобы удержаться на ногах. Ехать нужно было до конечной, и через две остановки он уже пожалел, что не воспользовался такси.

Вывалившись из автобуса, Стас облегченно вздохнул и огляделся. Он оказался на самой окраине Мурманска, где ни разу еще не был, хотя прожил в этом городе почти всю свою жизнь.

Вокруг стояли двухэтажные длинные бараки да деревенские дома с двускатными крышами. Вообще местность производила впечатление большой деревни. Одно хорошо: воздух здесь гораздо чище, чем в центре города. Тарахтящий автобус развернулся на асфальтовом круге и остановился. В него тут же стали набиваться люди. Стас огляделся и, поймав взглядом вывеску на ближайшем доме, прочитал: «Красноармейская улица». Ага, значит, не заблудился. В каком же доме эта сволочь живет?

Пройдя метров пятьсот и миновав десяток покосившихся хибар, он в замешательстве остановился перед какой-то калиткой. Из-за забора тут же злобно затыкала собака. Этот лай сразу же подхватила стая бездомных псов, тусовавшихся возле мусорных баков.

Навстречу по улице вразвалочку шли два парня и о чем-то громко беседовали, густо пересыпая свою речь матерком. То, что надо! Стас подождал, пока местные поравнялись с ним, и спросил, растягивая слова на блатной манер:

— Пацаны, не подскажите, где Гном живет? — Руки он засунул в карманы. — Мне цинканули, что где-то здесь. За гостинцем пришел. — И с этими словами Стас осклабился, доверительно мигнув обоим. Парни критически оглядели его. Стас с ухмылкой нахально пялился на них. Тощий рыжий пацан со стальной фиксой на клыке, махнул рукой в сторону глухого синего забора по правой стороне улицы:

—

Вот, туды чапай... — и, поразмыслив, добавил шепотком: — Только у него сейчас шмаль одна.

— А «герыч»? — тоном бывалого торчка поинтересовался Стас.

— Голяк, — покрутил головой местный. — Может, «черняшка» и завалялась, так он ее для своих держит. Но с улицы к нему не ходят, не продаст. Но... мы можем подсобить.

Решив избавиться от ненужных свидетелей, Стас важно изрек:

— Мне продаст, куда не денется. Номер дома какой?

— Семнадцать, — с готовностью отозвался рыжий,

Когда Стас отошел от парней шагов на двадцать, тот, что во время разговора хранил

молчание, недовольно буркнул рыжему:

— Какого хрена ты его на Гнома навел? А что, если это мент?

— Да какой это мент! — усмехнулся тот. — Я тут всех ментов знаю. Да и что же это за мент такой, если он не знает адрес Гнома?

—

Все равно, брательнику шепнуть надо. Ты постой пока тут, а я схожу...

—

Ладно, давай..

* * *

Подойдя к синему забору, Стас поразился, в какой развалюхе ютится барыга. Он поначалу подумал даже, что ошибся. Но нет, точно, семнадцатый дом. Гном явно жил не на широкую ногу, видать, на старость прикапливал. На давно не крашенной калитке висела выцветшая табличка: «Осторожно — злая собака».

Это плохо. Но что-то лая не слышно. Соседские псы уже вовсю завелись, а тут ни звука. Может, спит псина или сдохла давно? Ладно, проверим...

Он подошел к калитке и нажал на кнопку звонка. И тут же где-то в глубине заросшего кустарниками участка послышалось глухое урчанье. Стас невольно поежился. Так рычать мог только крупный и могучий зверь.

Калитка долго не открывалась. Вместо этого распахнулось окно, и показалась всклокоченная седая голова. Старик с морщинистым, изъеденным оспой лицом прокаркал:

—

Чего надо?

Стас надменно выпятил челюсть и, стараясь придать себе наглый вид, уставился на хозяина.

—
Известно чего, я от Жиги! — не спеша, четко выговаривая каждое слово, ответил он. Имя произвело тот эффект, на который рассчитывал Стас.

Старик пожевал губами:

—
У меня ничего. Пусто.

—
Ну хотя бы шмаль?

Старик помолчал, раздумывая.

—
Это есть.

—
Ну и годится. — Стас нетерпеливо хлопнул себя по карману, давая понять, что платежеспособен.

—
Меньше стакана не продам, — отрезал старик.

Стас лишь улыбнулся в ответ на это категорической

f

заявление:

— Я десять возьму.

— Бабки засвети, — потребовал хозяин, уже заинтересованным тоном.

Стас достал пачку долларов и махнул ею перед носом у барыги. Гном проводил пачку по-собачьи жадным взглядом.

— Хочешь — баксами, хочешь — «деревянными» возьми. Только чтоб «план» путевый был.

— Товар первый сорт, — убежденно заверил его старик. — Чуйская травка, не пожалеешь. Подойди поближе, я прямо в окно подам,

Стас скривился и покачал головой:

—

Нет, так не пойдет. Я попробовать хочу. А вдруг ты мне фуфло впаришь? Я здесь проездом, вечером уже уеду. — Хотя бы пятаку забей.

—

А точно десять стаканов возьмешь?

—

Если план стоящий, то и поболее. Говорю же.

я

не местный. Затариться хочу.

— Ну ладно, проходи. Только смотри не балуй! У меня кобель такой, что враз голову откусит. Смотри!

Окошко захлопнулось. Стас в ожидании огляделся. Все было тихо, лишь где-то вдалеке бубнило радио. Глухое рычание за забором смолкло, когда послышались тяжелые шаркающие шаги. Заскрипел засов, со скрипом чуть приотворилась калитка.

—

Заходи. Ты один?

—

Один. — Стас протиснулся в узкую щель. Старик, Одетый в тулуп, тут же запер дверь. Стас украдкой оглядел его, благо тот стоял рядом. Почувствовав на себе внимательный взгляд, Гном резко обернулся. У него были бесцветные внимательные глаза. Щеки покрыты се

дой

щетиной. От него даже на расстоянии исходил гус

той

запах дешевого табака. Махорку он смолит, что ли?

—

Двигай во двор. Иди мимо Черныша, не бойся

Пока

я не скомандую — не тронет.

Стас опасливо покосился на огромную, размером с теленка, косматую собаку какой-то непонятной породы. Пес этот вообще смахивал на сильно обросшего волка.

—

Точно не тронет? — Стас медлил, так как заметил, что пес не привязан. Ни цепи, ни ошейника видно не было.

—

Иди, иди, — снисходительно буркнул старик, — не тронет. Хотя боишься ты правильно. Черныш уже не одного задрал. За дело, конечно. Тех, кто с добром ко мне приходит — не кусает.

Стараясь не смотреть на собаку, Стас прошел по узкой бетонной дорожке во двор. Все вокруг было захлавлено настолько, что казалось, мусор здесь не убирали несколько лет. Дверь в дом была открыта, и оттуда тянуло таким мерзким запахом тушеной капусты, что Стаса затошнило. Он с детства не выносил этот смрад.

—

Заходи, чего встал, — буркнул Гном.

Стас хотел было начать наезд прямо во дворе, но вовремя вспомнил про Черныша. Заслышав

шум, собака в две секунды примчится выручать хозяина.

Вслед за барыгой он прошел в дом. Стараясь не вдыхать паркий воздух, присел на краешек стула на кухне. На плите скворчала огромная сковорода с крышкой. Стас разом вспотел и стал ждать, когда Гном вернется из горницы. Обстановка действовала на него угнетающе: хозяин явно не отличался чистоплотностью. Когда Стас машинально положил локоть на стол, то почувствовал, что клеенчатая скатерть была липкой, точно медом вымазанной.

«Интересно, сколько народу тут перебивало? Сколько людей отравил своим зельем старый негодяй? Небось уже не один десяток лет барыжничают», — со злостью подумал Стас.

Он достал пистолет и спрятал вооруженную руку под стол. Гнома все не было. Только через несколько минут в дверном проеме показалась сгорбленная фигура. Стас поразился, что тулуп свой он так и не снял.

В руках Гном держал папироску. Повертел ее между узловатыми пальцами:

— На, пыхни. Это не угощение. За отдельную плату. Я мало забил, а то сильно забалдеешь. Травка первый сорт.

— Может, ты первый начнешь? — насмешливо предложил Стас и направил пистолет на старика. — Могу огоньку дать? Не желаешь?

Гном замер. Перевел застывший взгляд со Стаса на его «вальтер». Потом ощерился:

— Ты что делаешь, поц? Грабить меня пришел, что ли? Ты что, молокосос, не знаешь, в чей дом пожаловал?

—

Знаю, — ответил Стас, — я пришел в дом старого подонка, которому с удовольствием прострелю скворечник. Веришь или нет?

Услышав эти слова, сказанные твердым тоном, без всякого намека на дешевые понты, Гном немного сбавил обороты:

—
Послушай, парень, ты, видать, и вправду не местный и не просекаешь, что к чему. Ты и ста метров с моим товаром не пройдешь, как тебя братва догонит. Я марафет всей блатоте на бугре загоняю, половина «сидячих» у меня в должниках ходит. И менты все схвачены. Я сорок лет наркотой торгую и не сидел ни разу. Тебе это о чем-то говорит?

—
Я знаю, что ты дядя серьезный. Хитрый и подлый. Да только мне по фигу все твои связи и знакомства.

—
Шел бы ты отсюда по-хорошему. — Гном явно нервничал, он смял забитый косяк, и табак вперемешку с анашой посыпался на пол. — Не доводи до греха. Тем более что бабок в хате нет. Из товара только шмаль. Много ты ее возьмешь? На штуку баксов от силы. Стоит ли из-за этого такие проблемы на себя взваливать? Я ведь не шучу насчет блатных. Искать тебя будут.

Стас рывком поднялся. Уперев пистолет в морщинистый лоб, взвел курок. Гном попробовал отмахнуться и стукнулся затылком о стену. Было видно, что только теперь он испугался по-настоящему.

—
Слушай, ты, мухомор вонючий, мне начхать на твой марафет и бабки, понял? Меня интересуют «арбузы». Кто тебе их поставляет? Если ответишь, я уйду. Догоняешь? Если будешь в молчанку играть, начну тебе пальцы по одному отстреливать.

Гном тяжело дышал. Не отрываясь, смотрел на черное дуло пистолей, направленное ему прямо в переносицу. Потом с усилием выдавил:

—
Всего один раз принесли. Правда, много.

—
Кто?

—
Назвался Андреем. Забил со мной стрелку в городе. Он местный, только долгое время в Мурманске отсутствовал. Сказал, что из-за границы наркоту новую притаранил. Товар дал под реализацию. Сказал, что хочет наладить рынок сбыта. Я его своим толкнул. Те потом еще

приходили. Ни шмалью, ни «герычем» больше не интересовались, только этими «арбузами». Говорили, что возьмут любую партию, очень хорошо расходится. Что тебе еще надо?

Стас убрал пистолет от лица барыги и засунул его в кобуру.

—

Насчет этого Андрея. Как он выглядит? Вообще, что ты про него знаешь?

Гном пожал плечами:

—

Ну как? Лет около сорока. С тебя примерно ростом, только ты здоровый кабан, накачанный, а он поуже будет, жилистый такой. Смотрит волком.

—

Блатной? Ты же их перевидал, сможешь отличить урку от фраера.

Старик покачал головой:

—

Не-

а.

Не блатной, это точно. По базару чувствуется и вообще... по повадкам. Скорее на бывшего мусора смахивает. Или военного.

— На военного? — недоверчиво переспросил Стас.

Гном, осторожно поглядывая на него, сделал по комнате пару шагов. Стас не одернул его, и хозяин немного осмелел. Полез в карман тулупа за сигаретой, засунул в рот измятую «Приму» и, наклонившись, прикурил от газовой конфорки. Затем распрямился и издал резкий свист. Стас удивленно посмотрел на него. Старик злорадно ухмыльнулся.

— Ты что? — не понял Стас.

Мягкий топот — и в дверь скакнуло огромное черное тело. Среагировав на свист хозяина, Черныш с одного маху заскочил в дом. Гном крикнул:

— Взять его, Черныш! Взять его!

Пес с рычанием бросился на чужака. Метил клыками сразу в горло. Стас успел отпрыгнуть в сторону, и собака рухнула на пол. Приземлившись на четыре лапы, Черныш тут же развернулся к нему.

Выхватывая из-за пазухи пистолет, Стас поразился размерам животного. Впрочем, разглядывать его времени не было. Оглушительно рякнув, пес кинулся вперед, Стас стремительно убрал ногу, и стальные челюсти впустую клацнул и в двадцати сантиметрах от его колена.

Стас выстрелил в тот момент, когда собака уже почти вцепилась ему в пах.

Животное заскулило и завертелось волчком. Стас выстрелил еще раз. Пуля пропоролла мохнатую тушу насквозь и угодила в стену. Собака рухнула на грудь. На пол хлынула кровь.

— Хватай его! — завизжал Гном.

Очнувшись от хозяйского голоса, верный пес снова ринулся вперед. Прежней прыти у него, конечно же, не было: две страшные раны сделали свое дело, но круглые желтые глаза собаки горели яростным азартом. Стас отступил на шаг и уперся спиной в стенку. Отступать было некуда, и ему ничего не оставалось, как уткнуться ствол напиравшему животному в лоб и нажать на спусковой крючок в третий раз. Этот последний выстрел оказался для Черныша роковым.

Когда лапы несчастного животного перестали дергаться в агонии, Стас переступил через него и медленно двинулся к барыге. Гном мгновенно заверещал:

—

Не надо! Не надо, милый! Я же старик, не бери грех на душу!

У Стаса палец прыгал на спусковом крючке, и даже скулы сводило от желания пристрелить мерзавца.

—
Урод! — прошипел он, прижимая нагретый от выстрелов ствол к щетинистой роже наркоторговца.

Тот, морщась от прикосновения горячего пистолета и от запаха пороха, продолжал выть:

—
Не убивай! Только не убивай! Я тебе все скажу! Все! Всех поставщиков сдам, всех мусоров, что у меня кормятся! Я все знаю! Не убивай меня!

Стас, чтобы избежать соблазна, убрал указательный палец со спускового крючка.

Его колотило от волнения, уши заложило от грохота выстрелов, собачий оскал до сих пор стоял перед глазами. А что, если бы пистолет дал осечку? Лучше не думать об этом. Этот пес в буквальном смысле слова разорвал бы его на куски.

—
Козел! — уже спокойнее выругался Стас. — Может, все-таки пришить тебя? Зачем ты вообще землю топчешь? Знал же, что я с пистолетом. Зачем собаку позвал? Ведь на верную смерть.

В испуганном взгляде старика мелькнула досада, Барыга, конечно же, рассчитывал, что пес успеет порвать чужака. Хотя бы ценой собственной жизни.

Тут с улицы послышался протяжный крик:

—
Гном! Что там у тебя творится?

Голос был хриплый, прокуренный. Потом зазвонили в дверь.

— Кто это? — спросил Стас.

Так это... Поглядеть надо. — Гном показал рукой и сторону комнаты. — Через окно из хаты обычно смотрю. Клиент, наверное. За товаром. Больше никому.

Стас лихорадочно размышлял. Что делать? Судя по всему, ничего больше вытянуть из него не удастся. Какой-то Андрей. Фамилию свою тот вряд ли бы назвал, да и имя, скорее всего, вымышленное. И Гном его, конечно, особенно расспрашивать не стал. Зачем? Во-первых, товар отменный, во-вторых, дали под реализацию, то есть убытков быть не может — сколько продадут, столько и продадут. Да, скорее всего, это тупик. Хоть на ремни этого старого паскуду порежь, а больше все равно ничего не узнаешь. Или врет? А вдруг у них оговорена следующая встреча?

Звонки и стук в дверь не прекращались. Это действовало на нервы.

—

Этак они калитку сломают, — заметил Гном, — лучше открыть.

Стас хмуро, с сомнением посмотрел на него. Нужно было немедленно решать, что делать. Интересно, сколько их там, за забором? Если один, то не проблема. Л вдруг целая кодла пожаловала?

— Ладно, пошли. — Стас взял старика за рукав бушлата и потянул за собой. — Сейчас ты им отворишь. Так?

— Ну. Отворю. — Гном заметно приободрился. Ему уже порядком надоел этот настырный мужик с пистолетом в руке.

— Потом я ухожу. Ты их запускаешь, ну и делаешь там свои дела... Если выкнешь им, что...

— Да понимаю я... — торопливо уверил его барыга, — Псе путем будет. Мне лишние проблемы не нужны.

—

Смотри. Про пса придумаешь что-нибудь. Гляди, если они в погоню пустятся, я всех положу. Вернись и тебя, гада, пристрелю. Сам понимаешь, мне тогда уже терять нечего будет, а свидетели не нужны. Сечешь? Тогда идем.

Он вытолкал Гнома из кухни на улицу. Тот шел впереди. Стас засунул пистолет за пояс, предварительно поставив на предохранитель.

—

Сейчас, сейчас, — проворчал Гном, открывая дверь, — чего расшумелись?

На крыльце стояли четверо. Один был тот самый парнишка, что указал Стасу дорогу сюда. Трое других казались значительно старше. Колотившего в дверь высокого тучного мужика лет под сорок украшали железные зубы и бельмо на глазу. Это был некоронованный король второго бугра Саня Зуб. Его знала и побаивалась вся местная шпана. В лагерях и тюрьмах он провел половину жизни и сидел постоянно по тяжким статьям — за мокруху, разбой и тяжкие телесные повреждения. Гном бесплатно, из уважения, снабжал урку наркотиками, до которых тот был большой охотник. Саня, как и все патентованные блатные старой закалки, хоть и презирал барыгу, но все же поддерживал с ним снисходительно-покровительственные отношения. Пару раз силой своего авторитета решил его мелкие проблемы, заключавшиеся в основном в выколачивании долгов с неплатежеспособных наркоманов.

Когда к нему прибежал его двоюродный брательник и заявил, что какой-то мужик про Гнома расспрашивает, он сидел в гараже с двумя своими корешами и играл в домино. Все трое немедленно изъявили желание навестить к Гному якобы для того, чтобы незнакомца проверить, что, мол, за пассажир, ну и заодно раскрутить старика на пару «косых». Блатные уже напились баночного пива, вылакав его целый ящик (прошлой ночью подняли магазинный склад тремя кварталами ниже) и самое время было залакировать все это дело терпким гашишным дурманом.

— Кто такой? — поинтересовался Зуб, когда Стас вышел за калитку.

Стас улыбнулся и попытался обойти его. Саня положил ему руку на плечо и задержал.

—

Невежливый. — обратился он больше к своим кентам, чем к незнакомцу.

— Не уважает, наверное, — сипло пробасил худой длинный мужик по кличке Гундосый. Его тощие руки с исколотыми венами были сплошь покрыты татуировками.

Третий блатной здорово смахивал на цыгана. Его тут знали под именем Шурик. Шурик, сунув руку в карман, стал заходить Стасу за спину. Подлый Гном, выпустив Стаса, тут же захлопнул калитку и крикнул из-за забора:

—
Санек, пацаны! Это стукач мусорской!

Зуб лишь крепче сжал татуированные цепкие пальцы на плече Стаса:

— В натуре, что ли? Стукач?

— Стас спокойно, даже с ленцой ответил:

— Брешет старый мерин. В цене просто не сошлись. Грабли прибери!

— Да мусор он! Век воли не видать, Санек! Мусор! — опять заорал из-за забора Гном.

Четверо местных обступили Стаса со всех сторон. Особенно не понравился ему цыганистый Шурик. Он не смотрел нагло и вызывающе, как остальные, а, скромно поту

пив

глаза, поглаживал что-то в кармане. Если там у него пушка, то дело плохо. Запросто пальнуть успеет. Если что, его первым вырубать нужно.

Зуб рывком притянул Стаса к себе:

— А ну колись, сука, чего тут пасешь? — Вторая рука его стала сжиматься в кулак, и стало ясно, что сейчас последует удар.

Поняв, что без драки дело все равно не обойдется, Стас начал первым. Резко схватив Зуба за грудки, он швырнул его на Шурика. Они столкнулись и замешкались. Не давая им опомниться, Стас двинул Саню ногой в толстый живот. До солнечного сплетения не достал, засадил чуть выше широкого ремня с металлической пряжкой-черепом. Зуб охнул и, увлекая за собой Шурика, тяжело упал.

Гундосый проворно нагнулся и вытащил из кирзового сапога железный прут. Он постоянно таскал его с собой, так как промышлял уличными разбоями. Прогуливаясь по ночному городу, выбирал подходящую жертву и, угрожая расправой, облегчал карманы. Если же клиент был не

согласен с такой постановкой вопроса, Гундосый без затей просто проламывал ему прутком череп.

Стас кинулся на него, но тот отмахнулся железякой. Сообразив, что тощего наскоком не взять, он оглянулся, ища пути к отступлению. Потянулся за оружием. С недоумением зашарил по левому боку. Что такое? Где же пистолет? «Вальтера» не было. Неужели выронил?

Зуб и Шурик с матерной руганью поднялись на ноги. Саня все еще держался за живот и был очень бледен: видимо, ему хорошо досталось. Шурик вытащил наконец руку из кармана, и стало понятно, что лелеял он там кнопочный нож. Лезвие со щелчком выскочило из рукоятки, широкий синеватый клинок тускло блеснул на солнце.

Осознав, что против этих остервенелых уркаганов придется отбиваться голыми руками. Стас приуныл. Где же проклятый пистолет? Он же засунул его за пояс, вот сюда, с левого боку. Наверное, «вальтер» выпал, когда он бил ногой этого толстяка. Скверно.

Стас быстро опустил глаза. Точно. Пистолет валялся в двух метрах от него. Достаточно сделать пару шагов, нагнуться, и тогда базар с этими «синими» сразу прима совсем другой оборот. Но как наклониться, когда Шурик уже примеривается запустить свое перо ему под ребро, а длинный отводит руку для удара стальным прутком? Эти парни шутить не будут.

— Ну, сука! — прохрипел, оглядев своих готовых

к

бою корешей, Зуб. — Сейчас мы тебя делать будем! Нельзя упускать инициативу, ни в коем случае нельзя! Это первая заповедь во время драки с несколькими противниками. Надо крутиться волчком, осыпая всех градом ударов. Сейчас нужно, чтобы они отступили, и поднять пистолет.

Дико зарывав, Стас кинулся в атаку. Гундосый получил прямой удар левым кулаком в нос и на пару секунд ослеп. Но и сам Стас едва избежал удара ножом. Шурик оказался на редкость шустрым: клинок, разорвав рубашку, скользнул по ребрам.

«Режет, урод! — с ненавистью подумал Стас, — насмерть режет. Это не хулиганское «расписывание»!» Действительно, Шурик был настроен серьезно. Убивать ему уже приходилось, и не раз. Держа нож наготове, он быстро приближался к Стасу. То, что противник Здоров как бык и явно не новичок в рукопашной, отнюдь не смутило бывшего бандита. Любого быка можно загнать в консервную банку и написать: «Тушенка». Резал он еще и не таких.

— Мочи его! — держась за ухо, заорал Зуб. — Шурик, наглухо мочи!

Подбодренный криком, Шурик сделал выпад. Стас ожидал этого и легко уклонился в сторону. Дал подсечку. Когда бандит потерял равновесие, ударом в голову сшиб его с ног. Потом от души врезал носком ботинка под ребра. Хотел дать еще, но сбоку уже налетел Гундосый. Прут просвистел возле самого лица. Стас повернулся. Блатной замахивался снова. Рожа у него была вся в крови, пасть оскалена. Поднырнув под удар, Стас плечом впечатался Гундосому в солнечное сплетение, и тот полетел кувырком.

На ногах остались лишь Стас и Зуб, который нападать не спешил. Решив не упустить удобного момента, Стас нагнулся и дотянулся до пистолета.

— На, сука! Получи! — раздался хриплый визг.

Стас поднял глаза. Прямо перед ним стоял Гундосый и опускал ему на голову свой прут. Стас отчетливо видел, как железяка описывает дугу. В эти страшные доли секунды ясно понял, что уклониться не успеет.

Закрыв одной рукой голову, он отпрыгнул в сторону и, не поднимаясь с земли, выстрелил. Пуля попала Гундосому в ногу. Промахнуться было трудно: он стоял всего лишь в метре от него.

Бандит упал, поначалу даже не поняв, что случилось. Потом взглянул на окровавленную штанину и завыл.

Выстрел отрезвил и остальных. Зуб и Шурик в растерянности замерли. Они явно не ожидали такого поворота событий.

Стас, не торопясь, поднялся с земли. Шурик взмахнул было ножом и тут же получил пулю в плечо. Выронил свой кнопарь, заорал дурным голосом и бросился наутек.

Зуб попятился. Он был толст и неповоротлив и поэтому так же резво ретироваться с поля боя, как Шурик, не мог. Умирать от выстрела в спину ему не хотелось. Он стискивал зубы и изо всех сил сдерживал рвавшиеся наружу крики. Урка старался не привлекать к себе лишнего внимания.

На улице было тихо, только собаки лаяли. Казалось, что страшная разборка со стрельбой и

поножовщиной абсолютно не потревожила местных жителей. Впрочем кое-где захлопали окна.

Зуб стоял ни жив ни мертв. Когда Стас направил и него пистолет, поднял вверх руки. Стало почему-то смешно, и Стас нервно рассмеялся.

— Пошел вон! — четко сказал он бандиту и махнул пистолетом.

Он добежал до автобусной остановки, напряженно ожидая, что вот-вот раздастся вой милицейских сирен. Но, видно, местные привыкли к выстрелам и разборкам — на Красноармейской улице стояла безмятежная тишина. Даже собаки и те успокоились, умолкли.

Но ждать автобуса было чистым безумием. Он мог не прийти еще полчаса, а за это время пострелянные им бандюганы вполне собрали бы армию отморозков, с которыми ему не справиться.

Стас остановил проезжавшую мимо «Техпомощь» с двумя полупьяными работягами и, посулив водиле пятьсот рублей, влез в темный кузов. Усевшись на скамейку, Стас привалился к борту и прикрыл глаза, и только теперь он испугался по-настоящему.

ЧАСТЬ

III

Глава 21

Поднявшись по лестнице, Плешивый неодобрительно покосился на двух громил, скучавших возле дверей его квартиры. Эта круглосуточная охрана стесняла его, лишала чувства свободы, которым он после стольких лет, проведенных в неволе, особенно дорожил. К тому же Плешивый считал это совершенно излишним. Кто посмеет напасть на вора в законе? Конечно, в городе шла война, бойцы Арсена сражались с головорезами Норвежца, но он, Плешивый, стоял над всеми этими разборками. Конечно, все знают, что он поддерживает Арсена и люто ненавидит его противника. Но это разные вещи. Одно дело, когда Норвежец без зазрения совести режет обычных людей, пусть и с понятиями, и совсем другое — открытое покушение на смотрящего по региону. Сходка не простит этого наглецу, ему однозначно будет вынесен смертный приговор.

Плешивого беспокоило не это, а то, что в других регионах России узнают о беспределе, творящемся в его вотчине. Пойдут слухи о его неспособности или, что еще хуже, нежелании

поддерживать порядок. И тогда, глядишь, большой сход лишит его статуса.

То, что Норвежец беспредельщик и его место у параша, конечно же, не подлежало сомнению. Он давно с Якулом снюхался, а тот пляшет под его дудку и других воров мутит... Быстро задавить его не получится. Наоборот, Плешивый явно проигрывает в этой войне, его люди уже не решаются посещать значные места, да и просто на улицу выходят с опаской. А еще у ментов новая мода появилась: следят за Арсеновыми бойцами и раза по два на день подвергают их проверке документов и личному обыску. Понятное дело, что, когда идет война, пацаны ходят с оружием. У кого волыну найдут, на того сразу же наручники надевают и в камеру. Уголовное дело заводят. И все по закону, статья двести двадцать вторая, не придерешься.

Боевиков Норвежца при этом не трогают. Прекрасно знают, что те тоже при стволах, но, видно, есть соответствующий негласный приказ, кого вязать, а кого нет. Политика двойных стандартов, мать их так...

Хреново обстоят дела, очень хреново. Плешивый еще важничал и раздувал щеки, делая вид, будто все находится у него под контролем, но сам все больше чувствовал, что земля уходит из-под ног.

Чтобы свалить Норвежца, нужно собирать региональную воровскую сходку и открыто признаваться в своей неспособности самому разрулить ситуацию. Честолюбивого Плешивого такой вариант совершенно не устраивал, но скрепя сердце он отдавал себе отчет в том, что другого выхода просто нет. Наркотоворговля все больше набирала обороты. Поставки таджикских «арбузов» росли, стоимость дозы падала, и теперь чуть не весь город пристрастился к дешевому кайфу.

Все же вор решил в последний раз испытать удачу и через посредников назначил Норвежцу встречу. Хотел серьезно поговорить. Пусть если и не сворачивает свой грязный бизнес, то хоть ограничит его. Например, уберет свои «передвижные наркомагазины» от школ и игровых салонов, где могут собираться подростки.

Плешивый считал, что Норвежец должен пойти па это. Не полный же он дурак, должен понимать, чем закончится для него такое противостояние. Так долго продолжаться не может.

В течение часа должен был поступить ответ. Если Таганцев согласится на личную встречу, то, значит, дело в шляпе. Тогда и он пойдет на уступки. Если же отклонит предложение Смотрящего — война будет продолжаться...

Плешивый, едва кивнув телохранителям, отпер дверь ключом и вошел в квартиру. Сразу же

открыл холодильник, достал оттуда запотевшую бутылку пива и набулькал стакан. Залпом выпил. Потом поставил чайник.

Сотовый телефон лежал на столе. Плешивый время от времени поглядывал на него. До истечения срока оставалось сорок минут. Вот-вот раздастся звонок. Давно он так не нервничал, хотя, казалось бы, повидал на своем веку многое.

Прихлебывая из высокой кружки крепкий чай, почти чифирь, Плешивый прошелся по комнате. Ни чай, ни любимое пиво не доставили ему никакого удовольствия. Слишком мрачны были его мысли. Телефон он специально оставил на кухне, чтобы не пялиться на него ежеминутно.

Когда раздалась трель звонка, Плешивый вздрогнул. В этот момент он как раз делал очередной глоток и едва не поперхнулся. Давясь горячей горькой жидкостью, вор вскочил, опрокинув при этом стоявшую на подлокотнике кресла пепельницу.

Ему сразу же стало стыдно, будто бы все лагерные наставники наблюдали теперь за его нервным поведением. Поставив чашку на стол, он нарочито медленно прошел на кухню и посмотрел на определитель номера. Звонил посредник. Вор взял телефон и спокойно, даже равнодушно ответил:

- Да?

— Это я.

— Понял. Слушаю тебя.

—

Вее

в порядке. Он согласился на встречу.

Сердце подпрыгнуло у Плешивого в груди. Душа возликовала, и он, стараясь ничем не выдать своей радости, указал:

— Хорошо. Место ты предлагал?

— Нет. Он сам назначил. Ресторан «Морской волк». Это на его территории в Восточном районе. Говорит, что в центр ехать не хочет.

— Понятно, — хмыкнул Плешивый. — Пацанов моих боится. Те ему за Портовую сразу задницу на фашистский крест порвут. — Ему стало смешно. Господи, кого он опасался? Да этот бандюга недоделанный, видать, сам от страха дрожит как осиновый лист. Натворил баклан дел, а потом за голову схватился. Небось обрадовался, когда ему смотрящий сам встречу назначил. Надо будет прижать поганца как следует.

—

Как он воспринял? — не удержался от вопроса вор. — Нормально. Можно сказать, с интересом. Все правильно, говорит, эта война всем надоела. В общем, через два часа в ресторане «Морской волк».

—

Понятно. Ну ладно, с меня причитается. Не забуду. Выслушав заверения в преданности («можете и дальше на меня рассчитывать!»), Плешивый отключил телефон и посмотрел на часы. Полвторого. Встреча через два часа. Значит, в полчетвертого. Ехать туда примерно минут сорок.

Все-таки хорошо, что так вышло! В том, что Таганцев Согласится на все его условия, Плешивый уже не сомневался. После того как он поставит этого зарвавшегося выскочку на место, его авторитет поднимется на недосягаемую высоту. Как же — одним, можно сказать, словом

поставил отороженного быка в стойло. А местные крутые бегают от него, поджав хвост. Вот где в полной мере проявится сила воровская!

Он выпил еще пива и стал готовиться к поездке. Переоделся в строгий черный костюм. Под пиджаком — ослепительно белая рубашка и строгий галстук. Довершили наряд старые английские ботинки. Внешняя скромность только подчеркнет полноту его влияния.

Немного подумав, он позвонил Арсену и важно сказал:

—

Значит, так, слушай сюда. Я сейчас к нашему закадычному другу Норвежцу на разговор еду. Да, встречу ему назначил. В «Морском волке».

—

У тебя стрелка с Норвежцем? — в волнении вскричал на другом конце провода авторитет.

—

Это у вас все стрелки да стрелки, — снисходительно возразил вор в законе, — а я просто по душам поговорю с ним. Без напряжения, но... мозги вправить ему сумею. С Портовой его людей уберу. Будь готов опять там заякориться. Потом благодарить будешь.

—

Постойте, Николай Петрович! А вдруг это ловушка?

Плешивый сначала не понял, что собеседник имеет

в виду, а когда до него дошло, то от души расхохотался:

—

Ты чего, Арсен, не пьяный там, случайно? Ты что думаешь, что у него рука на меня поднимется?

—

От этого выродка всего ожидать можно, — мрачно ответил Арсен, — по крайней мере, один не езжайте. Я своих бойцов пришлю и сам сейчас приеду.

—

А я тебя не приглашал, — отрезал Плешивый, — просто в известность поставил. Все, я тебе потом позвоню. У меня есть прикрытие.

Плешивый положил трубку и на минуту задумался. Правильно ли он сделал, отказавшись от охраны? Арсен прав: Таганцев непредсказуем, неизвестно, на что этот отморозок может решиться.

Но тщеславие заставило отказаться от этой идеи. Смотрящий должен оставаться над всеми разборками. Волки грызутся, а он вмешается и одним базаром уладит конфликт. Кого-то наградит, кого-то накажет. Открыто воевать на чьей-либо стороне смотрящему не с руки. Он должен как третейский судья только разгруливать ситуацию. И сейчас будет именно такой классический случай. Отморозок наехал на правильного пацана и отобрал

у

него кусок хлеба. Вмешался смотрящий и одним махом развел всех, восстановив справедливость. Так будет выглядеть со стороны, так на это дело будут смотреть его собратья воры. Подспудные механизмы сложившейся ситуации, внутренняя интрига, конечно же, сложнее, но, как известно, победителей не судят. Главное сейчас — повлиять на Норвежца, который вконец оборзел.

И это ему удастся. Сам факт согласия Таганцева на встречу со смотрящим Мурманска красноречиво свидетельствует об этом.

Накинув сверху простенькое пальто и нахлобучив шапку-пирожок (при малейшем похолодании у него

сразу

же начинала мерзнуть лысая голова), Плешивый вышел на лестничную площадку. Строго спросил вытянувшихся по стойке «смирно» бойцов:

—

Где ресторан «Морской волк», знаете?

Парни переглянулись, потом один, почесав затылок,

изрек:

—

Знаю. Это на Кирилловке. Единственное приличное заведение в тех местах.

— Как там обстановка? — запирая входную дверь

на

ключ, спросил Плешивый.

Боец пожал плечами:

— Ну, как? Один большой зал, сзади три маленьких. Постоянно народу полно. Вроде все. — Тут он оживился, вспомнив. — Да, мне кореша рассказывали, что там, ког

да

клиенты уже бухие, им бодрянную водюру подают.

Ну, пьяный один хрен не разберет, сколько там градусов, сорок или тридцать. И шашлык там лучше не заказывать.

—

Чего так? — Плешивый ощупывал карманы, проверяя, все ли нужное он взял с собой.

—

Все собаки бродячие в округе пропали, — пояснил, улыбаясь, боец.

—

Понятно, — в задумчивости ответил вор.

Оценив сказанное, он окончательно восстановил душевное равновесие. Огромный зал, много посетителей... Если бы Норвежец задумал что-нибудь пакостное, вряд ли назначил бы встречу в столь людном месте. Выбрал бы что-нибудь потише, какой-нибудь глухой уголок, где потом можно без помех замести следы. Нет, Таганцев явно хочет мира! Разговор состоится легкий, и вести его Плешивый будет с позиции силы. Кстати, неплохо было бы поставить вопрос о штрафе. За кровь людей Арсена нужна компенсация.

—

Поехали, — бросил вор и стал спускаться по ступенькам.

—

Куда? — спросил боец.

—

На ту сторону. «Морской волк» посетим. Собачий шашлык попробуем.

Плешивый уселся на заднее сиденье темно-синего «мерседеса». Телохранители расположились по бокам. Выслушали инструкции:

—

Значит, так, ребята, теперь серьезно. Едем мы на очень важную встречу. С Норвежцем. В ресторан «Морской волк». Один из вас останется в машине. Мобилу из рук не выпускать. Если

что — сразу же Арсену звоните. Хотя я уверен, что все пройдет нормально. Второй со мной пойдет. Вести себя спокойно, уверенно, без суеты. Помните, что хозяева здесь мы. За пушки зря не хвататься. Вопросы есть?

Вопросов не было, и «мерседес» тронулся с места. Дорога заняла около часа — пришлось минут двадцать

постоять

в пробке. Когда въехали в Восточный район, казалось, изменилась даже погода. Их встретили плохая дорога, старые, готовые вот-вот развалиться, пятиэтажки, почти полное отсутствие зеленых насаждений... Встречавшиеся по пути люди, в основном почему-то пожилого возраста, были скверно одеты, чадил трубы многочисленных заводов. И все это — и здания, и деревья, и мостовые, да и сами прохожие были какого-то серого, унылого цвета.

При виде такого пейзажа настроение Плешивого опять испортилось. Ему вдруг стало тревожно: а не прав ли Арсен? Не подстава ли это? Филат рекомендовал ему московского гостя как профессионального снайпера высшей Категории. Может, сорвать его с места? На всякий случай... Рука сама потянулась к мобильнику. Он набрал номер и, приложив трубку к уху, тихо сказал:

— Это Николай Петрович. Вы можете сейчас приехать к ресторану «Морской волк» на Восточной улице? И прихватите с собой цацки... У меня нехорошее предчувствие! Спасибо. У меня темно-синий «мерседес». Там мой человек будет.

* * *

Ресторан «Морской волк» ярко выделялся среди архитектурного убожества Восточной улицы. Кирпич

ное

здание с внушительным фасадом, выстроенное сов

сем

недавно, венчала кровля из металлочерепицы, декоративный хвойный кустарник обрамлял вход. Возле двери стояла дорогая иномарка — «лексус» бор

дового

цвета. И ни одного человека вокруг не было вид

но.

Нигде — ни возле машины, ни во дворе ресторана,

ни

где-либо поблизости.

—

Это Якулова тачка, — уверенно сказал тот, что сидел за рулем.

—

Точно? — удивленно спросил Плешивый, оглядываясь вокруг.

Что тут делает Якул — прихвостень Таганцева? Эта тишина не понравилась ему. Ни случайного пешехода, ни бредущего со смены рабочего, ни бабушки, торгующей сигаретами и семечками... Странно, вроде конец рабочего дня. Может, тут всегда так?

—

Ладно, ты за рулем оставайся, а мы вдвоем пойдем. Много времени это не займет, потом куда-нибудь в центр съездим обедать. Здесь я жрать не собираюсь. И вот что... — Он обратился к оставшемуся в машине быку. — Сюда подъедет человек. Невысокий, плотного сложения, светловолосый. Меня спросит. Попроси его войти в зал. А там уж действовать по обстановке!

Плешивый выбрался из салона и втянул уже по-настоящему морозный воздух.

Он неторопливо зашагал к дверям ресторана. Охранник тенью следовал за ним.

У входа они наконец-то увидели первого человека. Одетый в серый костюм мужчина приветливо улыбнулся. Судя по одежде и выправке, это был кто-то из администрации ресторана. Но Плешивый раньше никогда его не видел.

—

Входите, входите, Николай Петрович, — радушно воскликнул мужчина, придерживая открытую дверь.

Плешивый кивнул ему и, снимая шапку, спросил:

—

Скажи-ка, уважаемый, а почему посетителей у вас нет? Убытки, наверное, несете колоссальные.

—

Всегда под завязку, Николай Петрович. Просто сегодня ресторан на спецобслуживании. Проходите, пожалуйста. Раздеться вон там можно.

Услышав про «спецобслуживание», Плешивый заколебался. Это ему совсем не понравилось. Он-то как раз рассчитывал на присутствие посторонних глаз и ушей. Ну ладно, не включать же заднюю...

Гости разделись, и встречавший их мужчина повесил

их

верхнюю одежду на вешалку. Гардероб был пуст. Вокруг стояла мертвая тишина, только их шаги гулко отдавались под высоким сводчатым потолком.

— Прошу вас в зал!

Да, места тут действительно было много — хоть в футбол играй. Вдалеке виднелась стойка, за которой белел рубашкой высокий бармен. Столиков было, наверное, около полусотни, и стояли они в десять рядов, накрытые красными скатертями. Стулья приставлены аккуратно, ножка к ножке.

Кроме бармена в зале находился всего один человек, Якул. Сидел он в самом конце, и Плешивый направился к нему. Охранник топал чуть позади. Неужели Якул один приехал? Без Норвежца? Это очень странно. Плешивый сразу же обозлился. То, что Таганцев, договорившись о встрече, сам не явился, и прислал вместо себя своего прихвостня, было оскорбительно.

Якул сидел, подперев голову рукой. На приближавшегося смотрящего смотрел серьезно. Плешивый подивился перемене, происшедшей с цыганом со дня их последней встречи на общегородской сходке. Всего какой-то месяц прошел... Теперь перед ним был уже не Голодный волчара, а матерый сытый зверюга, почувствовавший вкус жирной добычи. А прикид? Все пальцы Якула были унизаны золотыми перстнями. Одни часы него стоили! Однако, несмотря на шик, одевался цыган по-прежнему безвкусно. На столе перед Якулом лежала трубка сотового телефона. Когда Плешивый приблизился к нему шагов на десять, телефон зазвонил. Якул взял трубку, поднес ее к уху и через две секунды, так ничего и не сказав, положил обратно. Лицо его расплылось в улыбке.

Плешивый остановился. Ожидал, что его пригласят за стол. Но Якул продолжал с ухмылкой смотреть на него.

Немного озадаченный вор сказал своему бойцу:

—

Садись, братан, за соседний столик, — и, обернувшись к Якулу, спросил: — А где же Михаил?

И тут же в зале стало шумно, захлопали двери. Послышался топот ног. Отовсюду стали заходить люди. В зал вели не менее полдюжины дверей. Плешивый растерянно переводил взгляд с одной на другую. Сколько же здесь бойцов? Не менее трех десятков. И все, как на подбор, типичные головорезы. Кожаные куртки, вязаные шапочки на головах. Шагают деловито, не спеша. Через десять секунд взяли обоих гостей в плотное кольцо. Равнодушные, ничего не выражающие лица. Оружия вроде ни у кого не видно.

Тут Якул откинулся на спинку стула и визгливо расхохотался. Корчась от смеха, выдал тонким голосом:

—

Что? Испугался, Николай Петрович? Моих пацанов испугался?! Ха-ха! А ты один пришел? Парочку придурков с собой прихватил и пришел! Да?! Ты что же, Таганцева за зеленого щенка держишь?

«Обдолбленный он, что ли? — с недоумением подумал вор. — Может, на своих «арбузах» заторчал с утра? Однако что за шутки?!»

Якул продолжал хохотать, даже взял салфетку со стола и начал вытирать ей слезившиеся глаза. Никто из его людей не двигался, и Плешивый решил взять инициативу в свои руки. В конце концов, он российский вор и не пристало ему стоять, когда какая-то шпана цыганская в кресле развалилась.

—

Ну, здорово, Якул, а ты невежлив сегодня! — сказал Плешивый и, отодвинув стул, присел. Вернее, попытался присесть. Ближайший к нему головорез проворно подцепил ногой ножку стула и быстро отодвинул его в

сторону.

Не

успев среагировать на подвох, Плешивый со всего маху грохнулся на пол.

Раздался гомерический хохот. Смеялось большинство Якуловых бойцов, беря пример со своего хозяина. Телохранитель Плешивого схватился за карман, но вытащить оружие не посмел, растерянно глядя на босса. Плешивый сидел на полу. Он был ошеломлен. Еще никогда с ним такого бесчестья не случалось, даже на малолетке. Задыхаясь от ярости, он начал вставать, Якул крикнул:

— Вмажьте этому козлу как следует!

«Это он про кого?» — успел подумать Плешивый,

f

прежде чем мощный удар в затылок швырнул его на пол. Он перевернулся на спину, чтобы поглядеть в лицо человеку, осмелившемуся ударить сзади законного вора. Мелькнул черный ботинок. Вспышка. Тупая боль в виске. Далее удары посыпались со всех сторон. Вора молотили несколько громил. Били исключительно ногами, не давая ему привстать даже на четвереньки. Плешивый поначалу пытался отбрыкиваться и защищаться, но потом лишь прикрывал руками голову.

Его ошалевший от неожиданности телохранитель все же выхватил свою пушку, но даже не успел передернуть затвор: в спину ему всадили нож. Глухо охнув, парень осел под стол.

Внезапно избиение прекратилось. Плешивый уже не понимал, что происходит. Изувеченное лицо было залито кровью, избитые бока онемели, руки не слушались. И все же он пытался встать. Говорить он не мог, только хрипел что-то нечленораздельное.

—

А ну-ка, отойдите от него, пацаны, — скомандовал Якул, поднимаясь со стула, — я ему напоследок пару Кедов скажу.

Он подошел к лежавшему вору вплотную и наклонился над ним:

—

Ну что, дурачок, как тебе наш разговор? Понравился? Это тебе привет от Норвежца. И ответ. Ты все понял? Мурманск — наш!

Плешивый понял, что сейчас его убьют.

Умирать было не страшно, просто не хотелось уходить, видя оскаленные пасти ублюдков, слыша их хохот и издевательские шутки. Как он мог так дешево проколоться? Не сообразил, с кем имеет дело. Поверил Норвежцу! Досада на собственную тупость захлестнула его. Она же и придала ему сил приподняться на локте и плюнуть Якулу в лицо. Кровавый сгусток залепил цыгану левый глаз. Тот отпрянул и, матерясь, сгреб со стола салфетки. Вытираясь, заорал:

—

Мочите эту падлу! Сломайте ему на хрен хребет! Башку лысую пробейте!

И снова пошла молотиловка. Через пару минут Плешивый уже не двигался.

—

Готов! — доложили хозяину гладиаторы.

—

Проверьте пульс, — распорядился Якул. — Или нет, для верности контрольный сделайте.

Один из людей Якула вытащил

«Макаров»

с глушителем и, приставив ствол к окровавленному темени, нажал на спусковой крючок.

Якул поднял вверх правую руку. Гомонящие боевики смолкли.

—

Братва, мы разделались с этим уродом. Теперь мы хозяева в городе. Все остальные блатари теперь подожмут хвосты. Завтра начнем громить всех его шакалов. А сегодня можно и погулять.

— Значит, так, пацаны. Всем, кто сегодня участвовал

В

этом разборе, выдаю премию. По штуке баксов каждо

му! И

чтобы к завтрашнему утру этих бабок ни у кого не осталось! Гуляйте, пацаны! Поставьте этот поганый юрод на уши! Он наш!

Глава

22

Сколько сходов было в жизни Варяга, он уже и запомнил. Если считать с теми, в которых ему приходилось участвовать не только на воле в больших городах, но и вместе с зэками на зонах, втихаря от лагерного начальства, либо в открытую, с риском навлечь на себя ярость вертухаев, то он им счет потерял — сорок восемь или восемьдесят четыре, бог весть. В память врезались десять самых важных, начиная с того памятного сходняка, когда смертельно больной Медведь двинул его и смотрящие по России и призвал авторитетных воров голосовать за нового лидера. Было это десять лет назад. В ту пору никто, ни Медведь и ближайшие его соратники, ни сам молодой законник Варяг, не мог предсказать,

Надолго ли

выбирают нового смотрящего, усидит

ли

он на своем шатком месте, удержит ли вверенную ему немалую власть.

С той поры случилось в его жизни еще пять больших сходов, на которых решалась судьба его самого или российского воровского сообщества, где ему приходилось схлестываться в отчаянной яростной борьбе с сомневающимися, которых надо было урезонить и уломать, гили со строптивыми противниками, которых требовалось подавить силой авторитетного слова и поддержкой стоявших за него региональных смотрящих. Случались конфликты, в которых ему не удавалось одержать победы, и он терпел временные поражения.

Но время все расставляло по местам, и его правота, правота смотрящего по России, в конечном счете оказывалась поддержанной большинством.

Сейчас Варяг готовился провести самый важный в своей жизни сход, на котором ему предстояло добровольно отказаться от заслуженного и не раз подтвержденного в труднейших испытаниях и в кровавых разборках статуса воровского казначея. Да не просто казначея, не просто хранителя воровского общака, а лидера воровского мира, верховного арбитра в острых, доходящих до кровопролития, разногласиях, справедливого примирителя враждующих кланов, тонкого дипломата и стратегически мыслящего менеджера...

Он выбрал себе преемника, считая его человеком достойным, опытным и авторитетным. И теперь ему предстояло убедить людей в верности своего выбора. Варяг решил, что будет правильно провести большой сходняк по выборам нового российского смотрящего в Петербурге, в городе, где находилась резиденция его кандидата — Романа Филатова. Варяг загодя, еще за две недели, известил всех региональных авторитетов о проведении большого схода в начале декабря. Филат снял для этого мероприятия большой банкетный зал в гостинице «Прибалтийская», официально подав заявку на проведение совещания неправительственных организаций по проблемам регионального предпринимательства.

Ирония заключалась в том, что так оно и было на самом деле: в последние пятнадцать лет все сколько-нибудь крупные воровские авторитеты России, от Магадана до Калининграда и от Воркуты до Иркутска, занимались легальным бизнесом, став президентами крупных компаний или председателями советов директоров межотраслевых холдингов. И то, что генеральный директор корпорации «Самаралес» Василий Протеинов является вором в законе по кличке Ряха, а председатель правления АО «Нишневартовскуголь» Юрий Самсонов — вором в законе по кличке Самыч, знали лишь оперативники Следственного управления МВД Российской Федерации да заместители Генерального прокурора России, курировавшие соответствующие регионы...

О проведении в Северной столице однодневной конференции накануне сообщили все городские газеты и телевидение. Правда, сегодня телевизионщиков не было: оргкомитет конференции отказал в аккредитации всем съемочным группам по «соображениям безопасности». По просторному фойе некогда роскошной, а ныне потускневшей гостиницы прохаживались крепкие ребята: бритые затылки, широкие плечи, обтянутые черными Пиджаками, цепкие напряженные взгляды, спиралевидные проводки радиосвязи в ушах. У многих левые подмышки оттопыривались, красноречиво давая понять посторонним, что там покоятся не кульки с карамельками, а скорострельные «глуки» или «беретты». Попадались и милиционеры в форме, с автоматами — официально приданная городским управлением МВД охрана высоких участников мероприятия. Шутка ли сказать: ожидался приезд самого Владислава Геннадьевича Игнатова, председателя Совета по инвестиционным проектам, который собирался выступить на «закрытом заседании» утром. В длинном зале набралось человек семьдесят. Все расселись за большим П-образным столом, накрытым скромно, но со вкусом: холодные закуски для фуршета, бокалы для прохладительных напитков, кофейные чашки и вазочки с хрустящим печеньем.

Варяг обвел присутствующих долгим взглядом и поймал себя на мысли о том, как все изменилось за последнее время. Теперешний всероссийский сход разительно отличался от воровских сходняков даже пятилетней давности. За столом сидели солидные люди с благообразными холеными лицами и в дорогих костюмах, которые кичились друг перед другом не наколками — знаками воровской доблести и не числом ходок, а наручными часами, джипами и особняками на Лазурном берегу. Вот Кича — смотрящий по Краснодарскому краю, Василий Петрович Кичманов, владелец крупнейшей в крае сети гостиниц и казино, солидный бизнесмен, а ведь не скажешь, что в недалеком прошлом он имел в год по ходке и последний свой срок — пятнашку — он получил в девяностом за тройное убийство в Ростове. А вот Родион Казаков, Кизя, смотрящий по Астрахани, пять лет тому назад едва отмазанный от глупейшего ограбления инкассаторов Сбербанка, а ныне хозяин акционерного общества «Каспийская

икра» — эксклюзивного экспортера осетровых. Семен Татаринцев — законный вор Сима, — всю жизнь занимавшийся ограблением частных антикваров и ювелиров, теперь владел крупнейшей в Европейской России сетью ювелирных магазинов «Аладдин» и держал под своим контролем чуть ли не все гранильные заводы от Якутска до Смоленска. Взгляд Варяга скользил по знакомым лицам, останавливаясь на секунду-другую на тех, кого он не узнавал или явно видел впервые. Таких было тоже немало: в последние года три в регионах на самый верх воровской иерархии вырвались молодые пробивные пацаны, прокладывая себе дорогу клыками, клинками и стволами... Эти — самые опасные в этой волчьей стае, подумал Варяг тревожно. Они будут до поры сидеть тихо, слушать да смотреть, мотать на ус, выжидать своего часа, чтобы потом внезапно змеиным броском ринуться в бой... С ними Филату придется держать ухо остро.

Он выхватил взглядом лицо Закира Большого, лидера всесильной дагестанской группировки. Всегда цветущий, излучающий неукротимую силу и могучую энергию, Закир сильно сдал за последние два года, как-то резко помрачнел — серьезные трения с молодыми соплеменниками, упрямо вытесняющими его из околокаспийского нефтяного и икорного бизнеса, подорвали не только моральный авторитет, но и здоровье дагестанского вора.

А вот и Дядя Толя... Как всегда, сидит рядышком с Пашей Сибирским, своим закадычным друганом. Что ж, сегодня с Дядей Толей предстоит толковище нешуточное. Дяде Толе все не дают покоя лавры Шоты Черноморского да Максима Кайзера. Придется напомнить ему о печальной судьбе обоих. А то, видно, запамятовал. Александр Иванович Виноградов, пользуясь своими глубокими связями в ФСБ, надыбал кое-что на Дядю Толю — интересные оперативные данные, которые он, Варяг, предъявит ему сегодня в ходе их приватной беседы...

Когда голоса в зале стали стихать и несколько десятков пар глаз устремились в сторону Варяга, смотрящий встал и заговорил:

— День добрый, люди! Все в сборе? Или нет кого-то? Всех встретили? — Последний вопрос был обращен Филату, который отвечал за встречу гостей из регионов. Тот молча кивнул: мол, все в порядке. — Ну и ладно. Не хочу затягивать. Вопрос мы сегодня решаем один. По известным вам всем, я думаю, обстоятельствам, я больше не смогу быть вашим казначеем и держателем общака. Я вообще теперь, во всяком случае на то время, что мне предстоит заниматься одним проектом, не смогу принимать участия в наших общих делах... Но это не означает, что я отхожу от дел. Вы всегда можете рассчитывать на мою помощь, поддержку и посильное участие, как, собственно, всегда и было, но только теперь у меня будет другой статус. Официальный... Как у многих из вас.

Он замолчал, раздумывая, правильные ли слова нашел для затравки. И, выразительно посмотрев на Дядю Толю, который уткнул глаза в стол, добавил:

—

Теперь, надеюсь, моя долгая война с милицейскими и прокурорскими завершена.

По залу прошелестел тихий ропот. Люди, видимо, хотели высказаться. Но Владислав счел, что еще рано. Он еще не все сказал. Надо было сразу выложить им все свои соображения, упредив недоуменные вопросы. Варяг по опыту знал, что многие региональные авторитеты, не имевшие четкого мнения по важным проблемам, готовы голосовать так, как считает столичный лидер. Во всяком случае, он надеялся, именно так будут голосовать новички большого схода.

—

Сегодня нам предстоит выбрать нового смотрящего по России, нового держателя общака, нового лидера. Думаю, многие из вас знают, на ком я сам остановил свой выбор. И многие знают этого человека не понаслышке. Я хочу рекомендовать вам, люди, моего верного друга и многолетнего партнера по делам Романа Филатова.

Ропот усилился. И теперь десятки пар глаз устремились на Филата, который, немного смутившись, отодвинулся от стола и внимательно смотрел на присутствующих.

—

Филат — правильный, честный, справедливый, решительный, авторитетный лидер, — продолжал Варяг. — Он сумел навести порядок в Питере после... своего предшественника... — Ему не хотелось даже произносить поганое имя Сашки Шрама, подлого двурушника и предателя. — При Филате закончились войны в городе и области, все стало исправно вкладываться в общак, беспредела стало меньше. Уверен, что Филат справится и с задачами российского смотрящего. А теперь давайте послушаем, кто что скажет...

К его немалому удивлению, первым с места встал Паша Сибирский, или Павел Григорьевич Устюгов — крупнейший омский предприниматель, а заодно и смотрящий по Омской области, и степенно заговорил:

— Я — за Филата, люди. Во-первых, коли Варяг сам его двигает, значит, он ему полностью доверяет и, если что не так, спрос будет не только с Филата, но и с Варяга... — Он криво улыбнулся, полагая, что все оценят его «шутку». Но люди за столом сидели молча, с серьезными лицами. Паша продолжал, несколько раздраженный своим обломом.

— В общем, я буду голосовать за Филата. И вам того же желаю.

Наступила пауза. Шумно отодвинув стул, поднялся К из-за стола высокий Закир Большой. Он качнул головой с посеребренными висками и заговорил с легким кавказским акцентом:

— Поддерживаю выбор Владислава Геннадьевича и мнение Павла Григорьевича. Филата мы все знаем давно. А я так его помню еще зеленым пацаном, когда он и

в

Москве у Михалыча проходил школу жизни. Они с Варягом не один пуд соли съели, так что раз Варяг в нем уверен, а мы уверены в Варяге — то и канителиться тут нечего. Будем голосовать за Филата — нового смотрящего по России.

Речь Закира была краткой, но без всегдашнего блеска. Видно, муторно было на душе у дагестанского авторитета.

Потом поочередно выступили еще трое — двухметровый и тощий как жердь смотрящий по Екатеринбург у Женя Маленький, краснодарский авторитет Кича

и

смоленский смотрящий Игорь Самсонов по кличке Сом. С ними Варяг лично переговорил накануне по телефону, так что в их выборе он не сомневался. И вдруг в дальнем углу стола послышался надтреснутый старческий голос, который Варяг узнал сразу. Это был самый старый на сегодняшний день законный вор Егор Малафеев по кличке Лафа, единственный приверженец исконных воровских понятий, отошедший от догматизма старых нэпманских воров, но и не принявший

слишком радикальных, на его взгляд, новшеств сторонников Медведя и Варяга. Тем не менее восьмидесятилетний Лафа, виртуозный вор-карманник с пятнадцатью ходками, много лет державший воронежский общак, всегда, если, конечно, не тянул очередной срок, присутствовал на больших сходах, где обычно отмалчивался. Но сегодня он решил вдруг поломать традицию.

—

Это все хорошо! — забубнил Лафа. — Но уж коли пошел у нас разговор точно на отчетно-выборной партконференции, скажи, Варяг, как обстоят дела с нашим бюджетом? А то казначея ты нам предлагаешь, а что у нас с казной творится, мы и не знаем. Давай финансовый отчет нам!

Смешки потонули в гуле голосов и возгласов: «Верно! Дело старик говорит! Общак уже раз пропал!»

Варяг улыбнулся: молодец, старик. Хоть Лафе уже девятый десяток пошел, а голова его седая работает исправно, как старые швейцарские часы. Лафа сути вопроса не упустит.

—

Хорошо, спасибо, Егор Карпыч, что напомнил. Общакоские средства частично размещены в пяти банках Европы, а частью вложены в крупнейшие предприятия опять же в Европе и в Америке. Среди вас тут находится немало людей, которые не только в общак отстегивают, но и берут из общака кредиты на развитие своего бизнеса. Такого, люди, раньше никогда не было, если кто помнит старое время... Ты, Лафа, уж точно знаешь: раньше общак никогда не работал как кредитное учреждение. И, думаю, недалек тот день, когда воровской общак России составит уставной капитал крупнейшего международного банка, не уступающего какому-нибудь французскому «Креди Лионнэ» или американскому «Бэнк оф Нью-Йорк». Возможно, Филату, если, конечно, вы сегодня его выберете хранителем общака, и предстоит этим заняться... А общий капитал наш на сегодняшний день — семнадцать миллиардов долларов во вкладах и ценных бумагах. Когда-то, лет десять назад, таков был объем всего российского бюджета...

После этого воры еще минут сорок обсуждали текущие дела в регионах, как вдруг Дядя Толя впервые за все это время раскрыл рот:

—

А что это, Варяг, я сегодня не вижу тут Плешивого? У него в Мурманске неотложные дела? Или он заболел?

Владислав ответил не сразу. Он единственный в этом зале, за исключением, понятное дело, Филата, знал, по какой причине Плешивый отсутствует на большом сходе. Сегодня рано утром ему из Мурманска позвонил Сержант и поведал о страшной и нелепой кончине тамошнего смотрящего. Но почему задал этот вопрос Дядя Толя? Что-то не помнил Варяг, чтобы Дядя Толя и Заворотов корешились: на зоне они вместе баланду не хлебали и на воле у них никаких совместных дел не было. Тогда что же? Намек на то, что Дядя Толя в курсах? Что у него свои источники информации, связанные с Норвежцем? И что в войне, объявленной Михаилом Таганцевым Филату и Варягу, он, Дядя Толя, хоть и не участник, но сочувствующий лагерю противника? «Ладно, поглядим», — подумал Варяг и с потяжелевшим взглядом ответил уклончиво:

— У него в городе проблемы серьезные возникли... Дядя Толя, после того как тут закончим, останься, есть разговор. На четверть часика, не больше.

Еще с полчаса побазарили, и наконец всем стало ясно, что пора приступать к голосованию.

— Если никто не предлагает другую кандидатуру, то... — начал было Варяг, как его перебил все тот же неугомонный старик Лафа:

—

Почему ж нет? Есть! Я вот хочу выбрать в смотрящие твоего другана закадычного Закира Буттаева! Он вор авторитетный, правильный, много чего сделал.

Не сидел, правда, давненько... Но это дело поправимое. При нынешней власти-то!

По залу волной пробежали смешки. Варяг улыбнулся и мягко осадил воронежского шутника:

—

Знаешь, Егор Карпыч, теперь всем нам долгие прогулки на воле не гарантированы. А что до Закира, то его все уважают, но... думаю, он и сам не согласится. — Варяг не лукавил. Вчера вечером у него был долгий разговор с дагестанским вором, который подробно рассказал ему о своих проблемах в Махачкале и попросил поддержки, а Варяг, в свою очередь, осторожно прощупал мнение Закира о сегодняшнем сходняке. Тот однозначно высказался за Филата. — Так что за твое предложение спасибо, конечно, но вряд ли его стоит даже обсуждать. Уж ты извини...

Голосовали слаженно и быстро. Весь сход, за исключением двух голосов «против», высказался за передачу контроля над общаком Роме Филатову, смотрящему по Петербургу.

—

Ну, как же, теперь наш лозунг: «Вся власть — питерским!» — пошутил во всеуслышание Лафа, и тут уж все сидящие за столом грохнули дружным смехом.

* * *

Варяг уединился с Дядей Толей в кабинете рядом с банкетным залом. Владислав не стал тянуть резину и положил перед вором ксерокопию документа, которую ему три дня назад передал Виноградов. Это был отчет агента ФСБ, осуществлявшего наружное наблюдение за Анатолием Борисовичем Маркутиным 1940 года рождения, уроженцем села Бобрушево Вологодской области. Варяг красным фломастером отчеркнул на полях абзац, где говорилось о том, что вечером 17 ноября в ресторане аэропорта Шереметьево-1 объект наблюдения

вместе с гр... (имя было вымарано черной краской) стали очевидцами катастрофы самолета «Ту-134», выполнявшего рейс по маршруту Москва — Санкт-Петербург. Подробно, поминутно, были описаны действия объекта наблюдения и его спутника.

Дядя Толя, слегка изменившись в лице, злобно бросил листок на стол.

— Ну и что? Чем ты меня пугнуть хочешь, Варяг? Тем, что за мной хвост? Так за мной эти хвосты мотаются, уж почитай, лет десять. Как и за тобой, как и за всеми нами, законными ворами... Да, было, сидел с другом в ресторане, салат жрал. Катастрофу ту видел, было. И что с того? Там, в ресторане, пятьдесят человек катастрофу видели, а в аэропорту — тысячи свидетелей было. Что с того?

— А то, Толя, — жестко проговорил Варяг, — что, сдаётся мне, ты думал, будто в том самолете я сижу, и хотел удостовериться, что я погиб при взрыве, чтобы доложить своему... Или кто ему докладывал — тот лысый хрен, что с тобой салат «Цезарь» жевал? Дядя Толя засопел, раскрыл рот, чтобы сказать что-то, но Варяг не дал ему слова вставить.

—
Попал ты, Дядя Толя, в переплет. Похуже, чем друган твой Кайзер. Тебя на коротком поводке водит один хмырь из гэбэ и на меня науськивает, а в это же самое время другой хмырь из гэбэ наружку к тебе приставил, так что каждый твой шаг мне известен становится... Тебя это ни на какие мысли не наводит?

Владислав откровенно блефовал — ему надо было внушить старому вору мысль, что он, Варяг, все ходы его заранее знает и просчитывает свои ответные, так что Дяде Толе нет никакого резона продолжать играть свою подлую игру.

—
Я не спрашиваю, кто тебя ведет на поводке. Я только узнать хочу: неужели ты думаешь, что тебе удастся меня на тот свет спровадить, а самому общак подгрести под себя? Неужели ты настолько наивен, что полагаешь, будто твои гэбэшные хозяева отдадут тебе семнадцать миллиардов баксов в полное пользование? Ты же помнишь, какая драка шла за этот общак последние полтора года? Сколько крови было пролито, сколько жизней загублено?

—
Я на общак не претендую! — глухо брякнул старый вор. — И ты об этом прекрасно знаешь! Я вон сегодня хоть слово тебе поперек сказал? Захотел ты поставить на общак своего человека, Филата, так я ж за него самолично и проголосовал!

Варяг покачал головой:

—
Потому как ты же старый волк, умный, опытный. Если б я в том самолете тогда сидел — никто не знает, как бы ты себя повел на таком вот сходе. Ведь выбирать нового смотрящего так и так

пришлось бы. И сомневаюсь я, что ты бы за Филата голос тогда отдал. Сомневаюсь. А теперь про Мурманск... — вдруг резко сменил он тему беседы. — Ты знаешь, что там за дела варятся?

Дядя Толя от прямого вопроса несколько опешил. Потрогав себя за правую, покалеченную в давнишней драке щеку, ответил медленно:

—

Слышал. Как не слышать? Война там будет. Уже идет. Плешивому не сладко придется...

—

Ему уже кисло, — перебил его Варяг. — Вчера вечером грохнули Плешивого.

—

Грохнули? — встрепенулся Дядя Толя. — Как? Где?

—

На стрелку пошел. А на стрелке его грохнули... Ты помнишь, чтобы такое когда-нибудь бывало — чтобы законного вора, смотрящего, позвали на толковище и там завалили?

—

Ну, там лихие пацаны орудуют... — неопределенно покрутил рукой у виска Дядя Толя. — И что теперь будет?

-

Теперь вот что будет. Теперь туда вмешаться надо. Я не стал сейчас этот вопрос на сходе поднимать, но с людьми поговорю... Этого так оставлять нельзя. За смерть законного вора, тем более регионального смотрящего, виновный должен ответить сполна. Мы давно живем по новым правилам, но воровские законы наши никто не отменял. Воровская Россия какая была, такой и осталась — суверенным государством внутри государства. Она живет по своему кодексу морали и чести, по своим традициям и обычаям. И хоть я теперь формально не смотрящий, но как стоял горой за воровскую честь, так стоять и буду. С тем пониманием и помру. За смерть Плешивого я сам буду мстить. Чтобы всякой шелупони было неповадно. Вот и весь мой сказ.

Варяг встал, забрал со стола ксерокопию и двинулся к двери. На ходу, вполоборота повернувшись к Дяде Толе, заметил:

—

Война между нами закончилась, Дядя Толя. После смерти Кайзера закончилась. Точка. Тем более я больше не смотрящий по России... И делить нам с тобой нечего.

Глава 23

Закончив подводить глаза, Марина снова пристально взгляделась в свое отражение в зеркале. Танька пообещала сегодня стаю крупняка — богатых щедрых клиентов, поэтому все должно быть на высшем уровне.

Девушка поднялась с пуфика, на котором сидела перед трюмо и, встав вполоборота к зеркалу, тщательно оглядела себя со спины. Одета она была лишь в узкие трусики. Подмигнув отражению, сказала:

— Ну что, господа, разве это не шикарная фигура? За обладание такой красавицей можно выложить немало. Не так ли? А то и жениться впору!

Хлопнула входная дверь. Танька пришла. Марина взглянула на часы. Сейчас возмущаться начнет. «Времени уже нет, а ты все еще не одета!» — такими будут ее первые слова. Еще и коровой обзовет.

В комнату вошла высокая эффектная брюнетка, приблизительно Марининового возраста, ну, может, немного постарше. Длинные волосы были распущены и доходили до середины спины. Красивое скуластое лицо было ярко, но умело накрашено.

Уперев руки в бока, Танька воскликнула:

—

Ты чего, еще не одета? Тачка уже стоит, ждет! Давай быстрее, корова!

—

Сейчас! — Марина подошла к шкафу, открыла дверцы и в задумчивости уставилась на висевшую в нем одежду. — Как ты думаешь, что лучше надеть?

—

Не знаю, смотри сама. Только побыстрее. Если мы опоздаем, то вполне можем остаться с

НОСОМ.

—

Это как? — Девушка достала платье и, приложив его к плечам, подошла к зеркалу.

—

А вот так. Не пустят, и все.

—

Куда? Наверное, я вот это надену. На бретельках, с блестками.

—

Ну, ты, Маринка, совсем дура! Ты хоть соображаешь, к кому мы едем?

—

Ты так и не раскололась. К крутизне какой-нибудь?

Танька хмыкнула и медленно достала длинную сигарету из пачки.

—

Круче не бывает, — ответила она, прикуривая.

—

Богатый мужик, да? — Марина уже влезала в платье, поэтому вопрос прозвучал сквозь материю, приглушенно.

—

Миллионер настоящий, а не какое-то дешёвое фуфло. Про Норвежца слыхала?

— Естественно. Авторитетный предприниматель. — Марина широко открыла глаза. — Так мы к нему едем?

-

А то к кому же еще? — улыбнулась Таня. — Я же сразу тебе сказала, что клиент

состоятельный.

—

Вау! — восторженно воскликнула Марина и стала торопливо собирать косметичку. — Как ты думаешь, сколько он нам отвалит? Как ты вообще на него вышла?

— Секрет фирмы. А насчет денег, то разговора на эту тему не было. Не обидит. Главное ему понравится. Понимаешь? Чтобы он нас запомнил, выделил среди других. Тогда он нашим постоянным клиентом станет. А то и вообще на содержание определит,

— Ага, — развила эту мысль Марина, — и замуж возьмет... Обоих!

— Ну, замуж не замуж, а... Хотя кто его знает. Вспомни Анжелку! За итальянца выскочила, за того, который два года назад тут ошивался, все рыбой пытался торговать... А сейчас вот в Неаполе живет.

— Повезло девке. Ладно, посмотрим. Будет и на нашей улице праздник.

—

Точно. Грузовик с сахаром перевернется. Ха-ха! Они засмеялись. Марина, уже полностью одетая, заявила, что готова. Девушки вышли из квартиры, которую снимали на пару, и спустились во двор. Уже вечерело. Ни на кого не обращая внимания, девицы гордо подошли к поджидавшей их машине и, не спеша, уселись в салон. Жалко, что тачка не ахти какая — «Жигули», «девятка». Вот если бы за ними «мерин» приехал или «бумер», тогда вообще был бы полный отпад. Но ничего, всему свое время...

За рулем сидел их постоянный извозчик. Тридцатилетний Валера был парнем добродушным и умел держать язык за зубами. За это его и ценили.

— Куда, девчонки? — заводя мотор, поинтересовался он.

—

За город, Валера. На Рыбачий. Там в лесу особняк один есть. Мне примерно объяснили дорогу.

Валера кивнул, и машина тронулась. Девчонки болтали о всякой ерунде, непрерывно курили.

В салоне витал терпкий аромат дорогих духов и хороших сигарет. Водитель включил радио.

—

Так, теперь куда? — спросил Валера, когда они проехали поселок Рыбачий.

—

Направо поверни, — командовала Таня. — Ага, теперь по прямой дуй.

—

Чего это он в такую глушь забрался? — надув губы, капризно поинтересовалась Марина. — Ничего поближе отыскать не мог?

—

А что? Чем плохо? Ни шума городского, ни пыли. Экологически чистый район. Я бы тоже здесь жила бы с удовольствием.

—

А по-моему, жилые кварталы уже закончились, — недоуменно заметила Марина, — он что, посреди леса живет? Или мы заблудились?

—

Да нет, все нормально. Езжай, Валерик, дальше, не слушай ее. Вот по этой дороге. Уже близко.

Вскоре лес по обеим сторонам расступился и они выехали на поляну. Впереди виднелся трехэтажный особняк за высокой каменной оградой. Уже почти совсем стемнело.

—

Вот он, — с гордостью, как будто она сама построила этот дом, сказала Танька, — что я говорила! А ты — «заблудились»! Паникерша! К нам, кажется, едут. Валера, притормози. Это его охрана.

«Девятка» остановилась метрах в ста от забора. К ней от железных ворот подъехал черный джип «тойота-лендкрузер», и из него вышел широкоплечий мужик в черной куртке. Валера высунул голову в окно:

—

Здорово, командир! Я шефу девочек привез.

Широкоплечий вразвалку подошел к «девятке».

—

Знаю. А ну-ка, выйдите все из тачки.

— Чего это? — не понял Валера.

—

Вылазь, кому говорят! — уже грубее велел мужик. — А то на землю всех положу, в натуре!

Такое бесцеремонное обращение немного подпортило игривое настроение пассажиров «Жигулей». Было видно, что хлопец шутить не станет. Все трое выбрались из салона. Разодетые в вечерние наряды девушки нелепо смотрелись посреди лесной поляны.: Охранник сунул нос в «девятку», приподнял сиденья и заглянул в бардачок. Потом велел открыть багажник., — Прямо как мент, — фыркнула Танька, — сейчас еще

и

нам личный досмотр устроит!

— Да уж! Кто ему позволит! — Марина трусила, но не хотела подавать виду.

Но охранник их действительно обыскал, причем особенно тщательно он ошмонал Валеру. Марина поморщилась, когда мужские лапы прошли по ее телу.

— Полегче, — возмущенно воскликнула она, — ишь, руки распустил. Не уплочено!

—

Ладно, не распухай! — грубо оборвал ее охранник. — Чай, не английская королева! Тоже, блин, недотрога выискалась.

Потом все расселись по своим машинам и поехали дальше. Возле ворот остановились. Валера высадил девиц: ему не терпелось побыстрее смыться. За забором слышались громкие выкрики. Вроде ругались.

—
Может, ты это... — наклонилась к шоферу Танька, — подождешь нас? А то мало ли что...

Он понял, что девушка имела в виду. Бывали случаи, когда перепившие клиенты начинали буянить и могли выставить девочек за дверь, не заплатив. Особенно опасными были отмороженные бандиты и кавказцы, торговавшие на рынке. С этой публикой мурманские путаны предпочитали вообще не связываться, но ведь абсолютно все предусмотреть невозможно.

Валера заколебался. Ему очень не хотелось торчать здесь да мозолить глаза охране. Громада трехэтажного кирпичного дома смахивала на штабель поставленных друг на друга гробов. До города далеко. Как говорится, тайга — закон, медведь — хозяин. Кто его знает, как поведет себя дальше владелец этого лесного особняка... Но все же подводить знакомых девчонок ему не хотелось. У них давно уже сложились вполне дружеские отношения. Действительно, если их среди ночи выставят, что они в лесу делать будут И все же...

Валера заметил, что и Марина, и Танька обе на высоких каблуках, в легких пальто. Далеко в такой обуви да в таком летнем прикиде не уйдешь. Это соображение и определило его окончательное решение.

—
Ладно. Только я чуть подальше отъеду. Сразу на опушке ждать буду, за поворотом.

—
Спасибо, Валерик, — с облегчением поблагодарила его Таня, — я тебе звякну на мобилу, как мы освободимся. Сам понимаешь, за простой вдвойне заплатим!

Ворота открылись, и девушки зашли во двор. Из раскрытых окон второго этажа доносились пьяные мужские голоса. Громче всех выделялся хриплый надсадный фальцет, обещавший кому-то что-то «показать».

Марина вздохнула. Только бы на «субботник» не попасть. Это когда вызывают якобы к клиенту, а привозят в какой-нибудь притон, где развлекаются человек пятнадцать пьяных и обкуренных придурков. Она тут же отогнала эти мрачные мысли. Танька сама находила им работу и была очень осторожна в этих делах. На нее можно было положиться. Не стоит переживать. Подумаешь, пьяные мужики! А кто в трезвом виде девочек заказывает? Специфика работы, издержки профессии...

Когда они проходили по двору, слева раздалось глухое рычание. Девушки в испуге посмотрели на огороженный металлической сеткой вольер. Там метались четвероногие тени.

Заметив их испуг, охранник хмыкнул:

—

Наши питомцы... Питбули. Мы их по ночам выпускаем, так что смотрите... Без сопровождения гулять по территории не советую.

—

Как выпускаете? — зябко поежилась Марина. — И они что... повсюду бегают?

—

А то. Не ползают же! Все зверье в округе пожрали. И грибников тоже. Ха-ха-ха!

Войдя в дом, девчонки обалдели от роскошной обстановки. Танька победоносно посматривала на подругу: мол, что я тебе говорила! Клиент денежный, не зря в такую даль ехали!

В громадном холле с мраморной плиткой на полу их встретили два здоровенных парня. У обоих виднелись кобуры с торчавшими наружу рукоятками пистолетов. Скользнули внимательными взглядами по гостям, спросили у сопровождающего:

— В норме?

— Все нормально, чистые.

—

А может, я тоже хочу проверить? — нахально сказал один из громил и протянул руку к Мариной груди.

— В натуре, — со смехом поддержал его напарник, — может, у нее пушка под лифчиком. А, красавицы?

Марина оттолкнула тянувшиеся к ней пальцы:

— Не лапай! Мы к твоему хозяину. Или вперед него хочешь полакомиться? Громила насупился:

—

Ладно, идите. Сема, проводи этих кобыл!

Девушки поднялись по широкой лестнице. Оказавшись на втором этаже, прошли по длинному коридору, освещенному обычными лампочками без плафонов.

Не отпускало ощущение, что дизайнер, оформлявший интерьер, находился в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Дорогая мебель абсолютно не гармонировала с дешевыми обоями, а пушистый узорчатый ковер восточной работы никак не сочетался с пластиковыми евроокнами.

Танька первой вошла в зал, и Марина, шедшая сзади, услышала ее приветствие, произнесенное с профессиональной пикантностью:

— Здравствуйте, мальчики! Приятного вам вечера!

Вечеринка была в самом разгаре. Вернее, шла уже обычная пьянка. Длинный стол накрыли по высшему классу, но половина яств и напитков была уже съедена и выпита, грязные тарелки и стаканы стояли вперемежку с чистыми приборами. Несмотря на распахнутые настежь окна, в помещении стоял сизый туман сигаретного дыма.

В комнате находилось трое мужчин. Двое сидели за столом, в синих спортивных костюмах. Хозяин стоял возле окна и дымил сигаретой. Он был одет в шелковый китайский халат с изображением крылатых драконов. На безволосой груди болталась золотая цепочка с его знаком зодиака — Львом. Вместе с Норвежцем сегодня пьянствовали два его наиболее приближенных соратника — юрист и бухгалтер Анатолий Клиновский по кличке Клин и начальник службы безопасности Сергей Лифарев по кличке Лифт. Судя по пустовавшему стулу и чистому прибору, за этим столом должен был сидеть еще и четвертый — но он отсутствовал.

Клиновский сидел, опершись локтями о стол, и пытался «навести резкость» в глазах, чтобы получше разглядеть вошедших девиц. Это у него плохо получалось, выпил он основательно. Здоровяк Лифт пожирал краба, шумно высасывая из клешни мясо. Он был в майке-безрукавке, и на мощном плече синела татуировка в виде советского «знака качества». Бывший уличный рэкетиер, поднявшийся из подвальной «качалки», давно уже имел в своем распоряжении бригаду бойцов и сейчас работал на Норвежца. Лифт был ушлым и жестоким беспредельщиком, и весь его образ тупоголового качка с пудовыми кулаками был лишь маской,

которую он нацепил на себя сознательно. Он с самого начала смекнул, что Норвежец из тех хозяев, что не слишком ценят чересчур сообразительных и честолюбивых подчиненных, и усиленно К косил под простачка, руководствующегося лозунгом «сила есть — ума не надо».

Лифт соперничал с Жорой, другим бригадиром Норвежца, командовавшим его тайным «эскадром смерти». Они сразу же невзлюбили друг друга. Хитрый Норвежец заметил это и взял на заметку. Специально наделил обоих примерно равными правами и сознательно подогревал их соперничество. Так у него было больше гарантий, что эти шустрые ребята не сговорятся за его спиной.

Третьим гостем за этим столом и должен был быть Жора, но он со вчерашнего дня куда-то запропастился. Даже на мобилу за весь день ни разу не позвонил, что к было странно и на него не похоже. Правда, Норвежец пока не стал бить тревогу: мало ли куда зарулил лихой парень...

Обоих сегодняшних гостей Норвежец решил немного поводить за нос. Он сказал, что четвертым за столом будет Андрей Петраков — поставщик таджикской наркоты. Но никакого Андрея Петракова сегодня не ожидалось, потому что Петраков уже сутки был мертв и зарыт в яму где-то в лесу под Петрозаводском. Пять дней назад Андрей Петраков отбыл в Душанбе сопровождать фуры, груженные маринованным чесноком (причем в поллитровых жестяных банках был закручен вовсе не чеснок, а запаянные в полиэтиленовые мешочки «арбузы»). На последнем этапе пути, где-то между Петрозаводском и Мурманском, эти фуры перехватили «басмачи» Норвежца и в инсценированной перестрелке грохнули таджиков-водил и самого Петракова. Потому что теперь, когда канал поставок таджикской дури заработал на полную катушку, отпала надобность делиться с курьером: Норвежец вышел на Сайда Джафарова напрямую, и они в приватной беседе обо всем договорились, согласившись, что цепочка посредников уменьшает прибыль от их доходного бизнеса.

—

Та-ак, ну, кто к нам пожаловал на огонек? — пьяно улыбаясь, пробубнил Норвежец и, чуть покачиваясь, направился к девушкам. — А ну-ка, красотки, покажитесь нам во всей своей красе!

Путаны, привыкшие ко всякому отношению, без труда умели находить общий язык с любыми мужскими компаниями. Шаловливые разговорчики, похабенькие анекдоты, шуточки-прибауточки — все во всех мужских компаниях было одинаковым.

Поначалу и тут все шло более или менее привычно. Девушек усадили за стол, дали поесть, налили по стопарику. На время про них даже забыли, вернувшись к своему разговору.

—

Пусть этот хмырь только дернется, — грозно гудел Норвежец, — я его враз урою! Приехал, сопляк, из Питера, да еще наглость заимел моим людям палки в колеса втыкать, мразь! Два его подельника уже парятся на нарах, и он сядет!

Лифт обмакнул очередной кусок крабового мяса в майонез и закинул лакомство в щербатую пасть. С аппетитом жевал и кивал стриженной головой. Что-то мычал, разделяя негодование хозяина.

—

На куски падлу порву! — продолжал кипятиться Норвежец. — И пацана этого, и его девку.... Слышь, Лифт?

Где

они сидят? Надо туда ребят послать...

Бригадир перестал кивать. Этот пьяный базар ему уже не нравился. Как бы босс и впрямь сдуру не послал

его

мочить питерского адвокатика. Что ж ему, это адвокатское бюро штурмом брать, что ли?

— Шуму много будет, — не то возразил, не то просто высказал свое мнение Лифт. — Можно по-тихому их взять. Как тех двух его дружков... Они ж у него, оказывается, наркоманы... — И Лифт осклабился, угодливо заглядывая шефу в глаза.

Но Норвежец уже прикусил язык: сам понял, что по пьяной лавочке сморозил глупость. Нет, конечно, действовать по нахалке больше нельзя. Он и так уже нажил себе неприятностей выше крыши. За то, что люди Якула забили ногами, как бродячую собаку, вора в законе, городского смотрящего, ему уже светит наказание. Знающие люди доложили ему, что законные воры, возмущенные беспределом, хотят его жестоко покарать. Якобы Норвежцу уже вынесен смертный приговор и якобы послан не то из Питера, не то из самой Москвы киллер, чтобы его грохнуть... Ну да клал он на них с прибором! Пусть сначала подберутся к нему хотя бы на расстояние винтовочного выстрела. В своей загородной цитадели, охраняемой многочисленными бойцами, Норвежец чувствовал себя в безопасности. У него по всему городу постоянно в три смены дежурили около полусотни головорезов. И сам он разъезжал по Мурманску в бронированном «мерседесе» особой сборки, который выдержит прямое попадание пушечного снаряда. Просто танк, а не машина! Ему ли бояться каких-то хмырей, полжизни проведенных на зоне...

С ворами никаких трений не возникнет — у него поч

ти

все городские давно уже в кармане, а теперь, когда смотрящего этого лысого завалили, так и вовсе проблем

не

будет. Осталось только разделаться с этим комарьем.

Адвокатское бюро, мать их! А впереди губернаторские выборы.

Тут

все обстоит сложнее. Норвежец понимал, что на местном уровне такой вопрос не решить. Придется подкатываться к большим людям в Москве. Хорошо, он догадался в свое время вступить в партию... Как ее там? «Единство»... Давно это было.

Года

три назад. Но знакомства и связи остались. Он столько тогда бабок раздал... Хренову тучу и маленькую тележку. Его там должны помнить. И сейчас надо будет обрабатывать людей высоких, московских. В администрацию президента придется захаживать, заручаться поддержкой. Его юрисконсульт Клиновский, который сейчас клевал носом, норовя уткнуться мордой в креветочный салат, на прошлой неделе уже начал этим заниматься. Клин вообще очень толковый юрист. Постоянно крутился во всяких кругах и сферах, был знаком со многими полезными человечками...

Клин начал копать в Москве, срочно выискивать влиятельных чиновников, способных и, главное, желавших взять под свою опеку мурманского предпринимателя. Клиновский входил в очень высокие кабинеты. Адвокат Михаила Таганцева дело свое знал и сумел кое-кого заинтересовать. Но ситуация все равно еще была далека от гарантированно выигрышной, она, можно сказать, еще висела в воздухе. Оттого-то Норвежец и нервничал в эти дни. Поэтому и пил уже третьи сутки подряд. А тут еще от Жоры уже со вчерашнего дня нет ни звука. Этот-то куда делся, чмошник? Уж не Лифт ли его втихаря грохнул? Норвежец покосился на Лифта, который отвалился от стола и похотливо разглядывал одну из девиц.

— Наливай! — скомандовал Норвежец непонятно кому. Явно не Клиновскому, который похрапывал, уткнувшись лицом в свой локоть.

Лифт привстал и подхватил литровую бутылку «Абсолюта». Налил всем, включая даже кемарившего Клина. Танька подняла стопку:

— Может, мальчики, хватит вам о делах? — кокетливо улыбаясь хозяину, протянула она и провозгласила тост: — Давайте выпьем за то, чтобы елось и пилось, чтоб хотелось и могло!

Лифт заржал и, с размаху чокнувшись с ней так, что едва не расколотил хрустальную стопку, гаркнул:

— Сейчас я тебе устрою, дорогуша! Готовься!

— А я как юный пионер! — не стушевдалась опытная Танька. — Всегда готова!

Норвежец хлопнул рюмку водки, поднялся и коротко бросил Марине:

— Пойдем, красуля, в ап... партаменты! Марина делано заулыбалась и, торопливо прожевав салат, последовала за хозяином, который, пошатываясь, побрел вон из комнаты.

Глава 24

Сержант встретил Варяга в мурманском аэропорту. После большого схода, состоявшегося в Питере, Владислав решил не терять времени и на следующий же день вылетел в столицу российского Северо-Запада. Еще не выйдя из здания аэровокзала, Владислав попросил Степана коротко ввести его в курс дела. Его интересовали не только обстоятельства убийства Плешивого, но и подготовка тайной операции по устранению Норвежца.

— Влад, мы поедем на такси, там водила мой знакомый. Мужик надежный, хороший, но при нем ничего в открытую обсуждать нельзя, — предупредил Степан. — Так что подожди. Вот приедем в гостиницу, сходим в кабак пообедать, и там за семужным стейком я тебе обо всем, что происходит в этом неславном городишке, расскажу...

—

Ты что, Степа, за лоха позорного меня держишь? — улыбнулся Варяг. — Ясно, что не в такси. Ты мне сразу скажи: Плешивого убили люди Норвежца? Или из-за внутренних разборок?

Юрьев подвел его к серой «Волге» с полустершимися шашечками на передних крыльях и, не открывая дверцы, проговорил тихо:

—

Этого я не знаю. Об этом в газетах не пишут. Но, судя по той информации, которую мне успел Заворотов до своей смерти дать, у него сложились напряженные отношения и с Таганцевым, и

с местными ворами. По многим причинам. Но главное, в последнее время — из-за наркотиков. Таганцев приветил нагрянувших в город таджикских наркокурьеров, а Заворотов пытался ему противодействовать... Так что не исключено, что Плешивого убили по наущению Норвежца, хотя явно чужими руками...

Варяг кивнул:

—

А где убили?

—

В ресторане. Он поехал туда со своими людьми, вошел в зал в сопровождении охранников. Деталей я не знаю. Знаю только, что и его самого, и его людей ухлопали на месте. По местному телевидению передали: неизвестные бандиты расправились с криминальным авторитетом...

—

Ну, это уж как водится... — жестко проговорил Варяг. — А что по Норвежцу?

—

К нему не подступиться. Он окружил себя тройным кольцом головорезов, — сказал Сержант, как бы оправдываясь. — Это клиент сложный. У него нет обычных маршрутов передвижения. В основном сидит у себя в городском особняке. И знаешь, что странно? Вокруг него постоянно тусуются менты из местного УВД!

—

И что ж в этом странного? Мало ли кого в России охраняют менты! — заметил Варяг чуть раздраженно.

— Да я тебе не про охрану говорю, Влад! Ходят слухи, что Таганцев и начальник городского УВД большие кореша!

Варяг молча кивнул на «Волгу»: мол, давай сажай меня. Сержант распахнул заднюю дверцу и, пропустив его вперед, уместился рядом справа. Варяг сдержанно поприветствовал водителя. Май Трофимович, обернувшись, с преувеличенным радушием закивал и затараторил:

— Здравствуйте, уважаемый, что-то вы легко оделись. У нас тут зима уже в разгаре!

— И то верно: холодно, — усмехнулся Степан и, критически оглядев легкий синий плащ, в котором прилетел Владислав, зябко поежился.

— Я уж тут неделю, а все никак привыкнуть к этому расчудесному климату не могу.

Заполярье, елки-палки! Ночью — мороз, днем — мороз, солнца нет. Говорят, это полярная ночь. Какая, на фиг, полярная ночь? Тут же не Норильск!

Водитель, прислушиваясь к болтовне пассажиров, усмехался, но вступать в беседу не решался.

— Вот что, Степа... — Варяг посмотрел на часы. — Сейчас уже двенадцатый час... А мне сегодня вечером, самое позднее завтра утром надо возвращаться. Боюсь, семужные стейки откладываются. Оленегорск отсюда далеко?

— Оленегорск? — разочарованно протянул Степан, которому уж очень хотелось попотчевать старого друга местными деликатесами. — Да откуда же я... Май Трофимыч! Сколько туда езды?

Водила, обрадовавшись, что о нем вспомнили, с готовностью отрапортовал:

— Поезд полтора часа идет. А на машине минут за пятьдесят можно домчать.

Степан вопросительно посмотрел на Варяга.

Тот

удовлетворенно кивнул:

— Годится. Домчит нас туда твой Май Трофимыч?

Сержант пожал плечами:

—

Так сам у него и спроси... Май Трофимыч, ты как?

Таксист изобразил раздумье:

—

Так, это... Городские такси туда не гоняют... Нам нельзя. Но...

—

Понятно, — уловил суть невысказанного интереса Владислав. — Ты скажи, дядя, сколько это будет стоит — на том и порешим...

Май Трофимыч засопел от натуги.

—

Ну, не знаю... Прошлым летом наши ребята туда на озера возили туристов, так выходило по четыреста при полной загрузке машины. По сотне с носа. Так что...

—

Штуку дам, — коротко объявил Варяг и полез в карман за портмоне. — Сейчас туда рванем, там я с одним человеком встречусь, поговорю с ним, а после вернемся в Мурманск... — И, обернувшись к Степану, добавил с улыбкой: — Вот тогда твои семужные стейки и оприходуем. Идет?

Сержант только махнул рукой.

—

А что за человек? — насторожился водила, тормозя перед первым светофором. — Может, я его знаю?

Варяг усмехнулся:

—

Ты что ж, Май Трофимыч, сам мурманчанин, а всех жителей Оленегорска знаешь?

—

Так житель жителю рознь, — возразил таксист. — Солидный человек из Питера не поедет в Оленегорск к первому попавшемуся...

—

Резонно, — согласился Варяг и подмигнул Степану. — Мне там нужен Самородов...

—

...Игорь Васильевич! — важно закончил таксист и крикнул. — Я же говорю: абы к кому из Питера не поедут. Кто ж Самородова не знает? Мировой мужик! Даром что пришлось ему в Оленегорск уехать отсюда.

Варяга явно заинтересовало это замечание, он подался вперед и положил руку водиле на плечо.

— А ну-ка, Май Трофимыч, с этого места поподробнее. Что ты мне можешь рассказать про Самородова?

Водила заерзал на сиденье и смущенно кашлянул.

— Так это... Едем, что ль, в Оленегорск?

— Едем! Едем! — подтвердил Степан. — Давай, Май Трофимыч, только не торопись!

Некоторое время ехали молча. Варяг прокручивал в голове недавний разговор с кремлевским «серым кардиналом» Мартыновым и пытался понять, что же его так насторожило тогда. А ведь насторожило... Мартынов затронул два сюжета. Речь шла о Парижском клубе беглых российских банкиров, которых ему предложили «тряхануть», и о ситуации в Мурманске... Разговор о Мурманске пошел какой-то странный, очень странный. Впервые о заполярном городе заговорил Виноградов, прощупывая его реакцию на предложение участвовать в губернаторских выборах. Когда Варяг наотрез Отказался, похоже, кремлевские вздохнули с облегчением и сосредоточились на «обработке» своего кандидата — отставного заместителя командующего флотом. Но ведь у них там просто так ничего не делается. И вряд ли они стали бы проталкивать в губернаторы кристально чистого человека в надежде, что он сумеет поставить заслон отморозку Таганцеву. Уж кто-кто, а кристально честный морской офицер против Таганцева сыграть никак не сумеет. Вон даже Плешивый, уж на что человек серьезный, и тот оплошал... Подставился, дурья башка!

— А что, Май Трофимыч, — обратился Варяг к водиле, — этот Самородов, он на пенсии, что ли?

Таксист пожал плечами:

— Ну, вроде как да. В Оленегорск переехал после шумной своей отставки. А сам ведь-то он родом из Мурманска.

Варяг хмыкнул:

—

Из Мурманска... А чего ж в родном городе не остался?

—

Да не совсем же он дурак! Вон Леня Шумов, его друг старинный. Не слышали, чем кончил? Сожгли его, беднягу, заживо...

Варяг переглянулся с Сержантом.

—

Слышал. Так что, и Самородову такое грозило?

—

А то! — Таксист даже подскочил на своем месте. — Этот Игорь Васильич уж ежели решит свою линию гнуть — так попрет напролом! У него ж никаких тормозов нет! Потому он и с флота ушел. С начальством поцапался насчет той подлодки затонувшей, так нет, чтоб признать правоту комиссии. Он обвинил все высокое начальство бог знает в чем. Вот и напоролся на мину... И тогда же, в две тыщи втором, как раз Шумова спалили. Самородов допер, слава богу, что если в Мурманске останется — то и он не жилец. Вот в Оленегорск и подался от греха подальше...

—

Может, у него проблемы были в городе? — осторожно начал Владислав. — Помимо трений с флотским начальством?

В этот момент Сержант обернулся и пристально всмотрелся в черную тачку, маячившую сзади

на шоссе.

—

Интересное кино, — пробормотал он. — Где-то я этот джипарик уже видел... Май Трофимыч, глянь в зеркало — не признаешь?

Таксист бросил взгляд в зеркало заднего вида и нервно кашлянул.

—

Знаю я этот черный «лендкрузер», Виктор Иваныч... Это люди Норвежца.

Сержант нахмурился:

—

А не обознался? Точно они?

—

Ох-охо-хо... А с чего ж мне обознаться, коли это) джип с самого утра за нами из города до аэропорта утюжил... — жалобно закричал таксист.

— Почему же мне не сказал?

— Так я же не знал. Мало ли куда братва едет? Может, самого Таганцева встречать в аэропорту...

— Выходит, встречать ездили тебя, Владик, — попытался пошутить Сержант.

— Да нет, Степа, — серьезно отозвался Варяг. — Не меня... Это тебя они пасут. Ты на этом такси давно разъезжаешь по городу?

— Да с самого дня приезда... Неделю,

— Ну вот, дружище, к тебе и хвост прицепили. Теперь будут выяснять, зачем, куда, кого везешь... — Варяг мрачно выругался. — Вот, блин, не хватало еще вляпаться в дорожную разборку. А я как глупый фраер приехал... Предупреждал ведь Филат: не суйся в Мурманск без охраны! Ну и что теперь будем делать?

Степан слегка хлопнул таксиста по плечу.

— И что, Трофимыч, серьезные в этой тачке ребята ездят?

Тот снова закричал:

— Ох-х... И не знаю даже. Если там Жора сидит — то дело серьезное...

После того как «Волга» проскочила небольшую деревеньку, шоссе побежало по густому хвойному лесу

и

стало резко заворачивать вправо. Степану пришла в голо

ву

неожиданная мысль.

— Вот что, Трофимыч, давай-ка заворачивай в лес

и

встань там в кустах — но так, чтоб тебя с шоссе видно было.

— Ты что задумал? — поинтересовался Варяг, в — Хочу их заманить, как Иван Сусанин поляков... — усмехнулся Степан. — И выяснить, точно ли они за нами косятся или просто в Оленегорск к тамошним девкам на банный день собрались.

«Волга» свернула вправо, на ухабистую фунтовую дорогу и затряслась по сухой щебенке. Углубившись в сосняк метров на пятьдесят, Май Трофимович, как и было велено, заглушил мотор.

—

Трофимыч, вылезь! — приказал Сержант и добавил: — А ты, Владислав Геннадьич, сиди тут тише воды и ниже травы! Командовать этим парадом буду я.

Таксист растерянно глядел на посуровевшего пассажира и явно не знал, что делать дальше. Сержант попросил его открыть капот и сделать вид, будто он там что-то ищет или чинит. А сам, достав из внутреннего кармана пальто восьмизарядную «беретту», снял ее с предохранителя и засунул в правый карман. Со стороны шоссе раздалось урчание мощного дизельного движка. Еще через минуту мимо уходившей в сосновый лес дороги прошелестел черный автомобиль, но вдруг раздался пронзительный визг шин, и «лендкрузер» дал задний ход: водила успел заметить «Волгу». Из съехавшего на обочину джипа вывалились трое рослых парней и рысцой направились к такси. Судя по их решительности, они в этот утренний час оказались на оленегорском маршруте отнюдь не случайно.

Сержант подобрался и опустил правую руку в карман. Он внимательно смотрел на приближавшихся пацанов. Из всей троицы он выделил тощего длинного парня с горящими, точно в тифозной лихорадке, черными глазами. Его внимание, впрочем, больше привлекли его руки. Тощий сжимал в обеих руках топор на длинной рукоятке.

—

Прямо дровосек из сказки братьев Гримм, — пробормотал Степан и перевел взгляд на спутников «лесоруба». Те были не вооружены и настроены не так решительно. Уже хорошо. Значит, если нейтрализовать главаря, у них сразу весь боевой запал пройдет. Так

оно

всегда бывает...

Он шагнул вперед, как бы желая задать тощему какой-то вопрос, но вместо этого молча достал «беретту» и дважды выстрелил ему в лицо. Он даже не прицеливался, зная, что рука сама привычно выберет нужную высоту прицела в соответствии с ростом противника, и обе выпущенные из ствола пули одна в одну лягут в переносицу. Так и случилось. Тощий дернул головой назад, выронил из рук топор и осел на пожухлый ковер из сосновой хвои.

Оба его спутника на миг замерли, потеряв ориентацию в пространстве, но тут же развернулись и изготовились дать деру через сосняк в сторону шоссе, но Сержант выстрелил еще четыре раза, уложив обоих невооруженных громил точными выстрелами в затылок. После того как гулкое эхо выстрелов смолкло вдали, Сержант замер на несколько мгновений, прислушиваясь. Стояла гробовая тишина.

— Так, а теперь поторопимся! Трофимыч! Найди ключи от тачки. Надо ее загнать в лес поглубже, чтобы не сразу хватились... — Степан быстро обшарил карманы убитых, выудил у «дровосека» мобильник, просмотрел список вызовов и убрал трубку в карман.

Тем временем Май Трофимыч молча принес ему ключи с черным мерседесовским брелоком. Водитель пребывал в шоке от хладнокровного тройного расстрела.

— Первый случай в мировой практике — когда объект, к которому посадили хвост, от хвоста не уходит, а заманивает его в западню! — проговорил Варяг, выходя из такси.

— Второй... — покачал головой Степан. — Первенство принадлежит Джеймсу Бонду.

Он побежал на шоссе, и уже через полминуты черный джип с низким ревом двинулся по грунтовой дороге в глубь леса.

Через пять минут «Волга» неслась к Оленегорску. В салоне висела тревожная тишина.

—

Ну, теперь начнется... — опасливо вздохнул водила. — Это же Жора, «чистильщик» Якула, человек Норвежца! Они такого шороху наведут в городе! — И добавил: — Наверняка уже стукнули кому надо, что сели на хвост моей «волжанке» и едут в сторону Оленегорска.

—

И верно... — тихо проговорил Владислав. — Теперь Май Трофимыч под ударом. Надо его как-то вызволять, Степан...

—

А кто покажет пальцем на Мая Трофимыча? Пацанов убили из «беретты». У него этого ствола явно нет и отродясь не бывало. Пускай себе ищут...

—

Да они, Виктор Иваныч, искать не станут! — чуть не плача, воскликнул перепуганный водила. — Якул, тот хитрый цыган, он-то, может, и не станет бучу подымать, а Норвежец наверняка не спустит... Он не любит, когда его людей кладут...

Сержант похлопал водителя такси по плечу.

—

Ладно, Трофимыч, это означает, что нам с Норвежцем надо побыстрее разобраться во всем. Мы и разберемся... — И с этими словами Степан выразительно посмотрел на Варяга.

Остаток пути до Оленегорска преодолели без приключений. Таксист подъехал к вокзалу и, пошушукавшись с местными водителями на площади, вернулся с нужным адресом. Самородов в городе был личностью известной. Через четверть часа «Волга» остановилась перед аккуратным забором из выкрашенного бурой краской штакетника. Степан вышел из машины и, подойдя к калитке, два раза нажал на кнопку звонка.

* * *

Из самой Москвы? — протянул Самородов и сдержанно усмехнулся. — Ну, проходите, коль не шути. И чего это вдруг в Москве обо мне вспомнили?

Он пропустил Варяга и Сержанта в прихожую. Водитель Май Трофимович остался дожидаться их в такси. Владислав изучающе смотрел на отставного каперанга: с первого взгляда тот ему понравился. Варяг встречал таких людей — открытых и вместе с тем не пустобрехов, уверенных в себе и знающих всему цену, но вместе с тем не высокомерных и не гоношистых... Надо же, Виноградов не напел: свойский мужик этот Самородов, подумал Варяг, и некоторая неловкость, возникшая в первый момент, когда отворилась дверь коттеджа и на пороге появился отставной каперанг, вмиг прошла.

Самородов проводил гостей в просторную гостиную, Обставленную просто, но со вкусом: здесь преобладала отделка из дерева и кожи мягкого, темно-оранжевого колера. Усадив гостей на длинный диван перед журнальным столиком, сам сел в кресло напротив.

— Я Владислав Геннадьевич Игнатов... — спокойно представился Варяг. — Возможно, вы обо мне слышали.

— Игнатов... Игнатов... — повторил Самородов, нахмурившись. — Вы на Северном флоте служили? Нет, что-то не припомню.

Владислав невольно улыбнулся:

— Я не служил во флоте. Я вообще по другой части. Может быть, имя Варяг вам что-нибудь скажет?

— Варяг... — На этот раз в глазах Самородова вспыхнули искорки неподдельного интереса. — Позвольте... Уж не тот ли вы Варяг, о котором... — Он разволновался и даже встал с дивана. — Вор в законе Варяг! Смотрящий по России... Он внимательно всмотрелся в лицо гостя. — Да,

теперь я, конечно, вспомнил. Варяг... Игнатов. — Странно: имя мне знакомо, а фотографии вашей я никогда не видел. Странно... Сколько лет живу на белом свете, а даже в самых смелых фантазиях не мог бы представить подобной встречи... И что же вам от меня нужно?

Варяг ответил не сразу. Он еще не выстроил в уме стратегию непростой беседы с отставным каперангом, но понял, что его нужно зацепить за что-то ему самому небезразличное, а уж только потом перейти к главной теме...

—
Игорь Васильевич, коли вы поняли, кто я, давайте обойдемся без дипломатического протокола и сразу перейдем к делу... Меня интересует Михаил Таганцев.

Самородов помрачнел.

—
И в каком же плане он вас интересует?

Заметив перемену в собеседнике, Варяг решил сыграть в наивняк.

—
Да вот, хочу в нем разобраться. Пока не пойму, что он за человек. Вроде бы крупный предприниматель, хваткий, решительный... Не глупый...

—
Михаил Таганцев — бандит отпетый! — перебил его Самородов. — По нему давно тюрьма плачет! А вернее сказать — плаха!

Варяг поднял брови, но ничего не сказал.

—
Это очень опасный человек, и опасность его состоит именно в том, что он абсолютно беспринципный, абсолютно аморальный тип. Он фактически скупил городскую администрацию, органы правопорядка и правосудия.

—
Наркотики в Мурманск под его прикрытием поступают? — задал вопрос Варяг, прекрасно зная

ответ. Но ему необходимо было эмоционально подготовить Самородова к предложению, ради которого он и приехал в эту заполярную даль.

—

Да. — мрачно кивнул тот. — Леса на суше, рыбы в море, нефти под землей ему мало. Он теперь, паскуда, решил нажиться на торговле наркотой.

—

Скажите, Игорь Васильевич, будь ваша воля, что бы вы сделали с таким человеком, как Таганцев?

—

К стенке бы поставил! — не задумываясь отрезал Самородов. — Своими бы руками пристрелил и после этого спал бы спокойно.

Варяг одобрительно хмыкнул и провел ладонью по гладкой коже диванного подлокотника.

—

Но вы же понимаете, что ситуация в городе такова что, если не станет Таганцева, его место немедленно займет другой такой же отморозок.

Самородов неожиданно повысил голос:

— Вы знаете, я уже несколько лет внимательно изучаю ситуацию в городе. Вся беда не в Таганцеве, а в насквозь коррумпированной системе власти. Все более или менее приличные люди в Мурманске были уничтожены, физически устранены...

—

Вы видите выход из этого положения? — спросил Варяг напрямик. — Если вынести за скобки вопрос о Таганцеве.

Самородов ненадолго задумался.

—

Скажите, Владислав Геннадьевич... Я правильно понимаю, что ваше появление в наших краях связано с Таганцевым? С необходимостью как-то радикально решить этот вопрос? Простите

меня за прямоту. Но я человек, знаете ли, прямой.

—

Я знаю, — серьезно ответил Варяг. — Да, наш приезд сюда связан именно с этим. Мой человек... —

и

за время их разговора он впервые вспомнил о Сержанте, — должен в кратчайшие сроки разобраться с Таганцевым. Но мой интерес связан не только с ним.

— Вот как! А с кем же еще?

—

С вами, Игорь Васильевич. С вами... Дело в том, что весной состоятся губернаторские выборы. Вы не хотели бы в них поучаствовать?

Самородов встал, подошел к кухонному уголку, поставил чайник на плиту, потом взял из буфета три чашки с блюдцами и принес их на подносе.

—

Чайку сейчас сделаем... — извиняющимся тоном пояснил он. — А то как-то неловко... Так вот, Владислав Геннадьевич, я вам что скажу. Если бы я был хоть на пятьдесят процентов уверен, что на этих выборах я смогу выиграть, я бы пошел. Но кто меня туда пустит? Там же у них все схвачено, на всех уровнях. Да и в прокуратуре на меня есть кое-что..

Варяг улыбнулся:

—

Игорь Васильевич, вы же прекрасно знаете, как делаются дела у нас в стране. Прокуратура для вас не слишком большое препятствие. Главное препятствие, как я понимаю, Таганцев. Но представим, что Таганцева больше нет. И тогда...

—

И тогда останутся десятки его приспешников в местной администрации, в правоохранительных органах... Таганцев бывший работник милиции. У него в органах полным-полно прикормленных друзей. Они без боя не сдадутся.

—

Ну а если вам будет оказана серьезная поддержка?

Самородов принес закипевший чайник и коробочку чайных пакетиков.

—

Извините, кондитерских изделий не держу... — Он разлил кипяток по трем чашкам и придвинул две из них гостям. — Поддержка на городском уровне?

—

Выше! — ответил Варяг, пододвигая к себе дымящуюся чашку и бросая в кипяток пакетик.

—

На уровне областной администрации? — недоверчиво спросил хозяин.

—

На уровне Администрации Президента России, — проговорил четко Владислав. — На самом высоком уровне. На высшем...

Самородов потер ладонью виски.

—

Но... Почему я? Почему именно мне может быть оказано такое доверие?

Варяг подался вперед и, глядя ему в глаза, доверительно сказал:

— Мы с вами полчаса знакомы, Игорь Васильевич, а я вот чувствую, интуитивно чувствую, что вы... оправдаете их доверие. И я бы вам тоже доверял. Я же немного знаю вашу биографию. Вы — правильный мужик, Игорь Васильевич. Вот и весь сказ.

Самородов откинулся на спинку кресла и задумался, что-то вспоминая.

— Правильный мужик... — пробормотал он. — Забавно. Вы вот, Владислав Геннадьевич, тоже правильный... Я ведь тоже кое-что о вашей биографии знаю. Вы у меня всегда вызывали уважение. Он замолчал и долго, с минуту, изучал лицо Варяга. — Знаете, удивительное дело. Тут есть один паренек в Мурманске... Очень на вас внешне похож. Черты лица, разрез глаз, лоб, вот только волосы у него не как у вас, русые, а вороные, в мать. Мать у него знатной красавицей была...

— Была? — рассеянно переспросил Варяг, думая о том, как легко прошла «вербовка» Самородова. — Почему «была»?

— Когда Стаське было шесть лет, его мать убили прямо у него на глазах.

И тут внезапно что-то кольнуло Варяга под сердце — точно тонкую иголку вогнули меж ребер.

— А что это за паренек? Как его...

— Да мурманский адвокат, мой... Даже не знаю, как сказать. Я за его матерью ухаживал когда-то. А теперь мальчик вырос, получил образование, все за правду бьется... Тоже, кстати, правильный мужик. Стасик Щербак.

— Щербак? — Владислав стал припоминать, где он мог слышать эту фамилию. — А мать его, вы говорите, убили? Когда?

—

В восемьдесят шестом. Стаське было тогда шесть лет.

-

То есть мальчик восьмидесятого года рождения — напряженно допытывался Варяг. — А в каком месяце родился, вы, случайно, не знаете?

Самородов, несколько удивленный таким настойчивым интересом московского гостя к биографии Стаса, задумался на мгновение:

-

Декабрьский он... Да, пятого декабря у него день рождения.

Варяг встал и в волнении прошелся по комнате.

—

Игорь Васильевич, а кто его мать? — Голос Варяга чуть заметно дрогнул.

-

Работала медсестрой в нашем военкомате. Лариса Щербак.

Варяг нервно взъерошил пятерней волосы и тихо спросил:

-

Нет осталось ли у вас ее фотографии?

—

Как же, есть, конечно, — в полном недоумении кивнул тот. — Показать? Сейчас...

Он поднялся с кресла и вышел из гостиной.

—

Что, неужели знакомая твоя? — осторожно поинтересовался Сержант, который до сего момента хранил деликатное молчание.

Варяг молча кивнул и пожал плечами: мол. пока сам не знаю. Но, похоже, да... Он достал пачку сигарет и закурил, меряя шагами полированный паркет.

Вернулся Самородов с толстым фотоальбомом в коричневом плюшевом переплете. Пролистал несколько страниц, вынул небольшую фотографию с фигурным обрезом и протянул Игнатову.

Тот взял снимок и жадно всмотрелся в него.

На фото была изображена высокая статная девушка в белом халате, с длинной черной косой. Лариса. Лара. Ларочка! Она!!!

И точно кадры кинохроники перед его мысленным взором побежали картинки. Февраль восьмидесятого. Пермская исправительно-трудовая колония. Он с тяжелейшим гриппом три недели провалялся в санчасти. Медсестра Лариса делала ему уколы. Слово за слово, они познакомились поближе, вечерами она приходила к нему в палату, они вполголоса болтали о том о сем... Потом, уже в начале марта, он выписался, но продолжал, когда выдавался свободный часок, приходить к черноволосой красавице медсестре Ларочке. Потом у них было... было-то всего ничего... Три ночи любви. А потом его отправили в другой лагерь. С тех пор они с Ларисой не виделись. Он ей не писал — не знал, куда отправлять письма.

—

Сколько ей тут? — внезапно осипшим голосом спросил Варяг.

—

За год до гибели... Значит, тридцать один.

Все сходится... — глухо пробормотал Варяг. — Тогда ей было двадцать четыре. Вот что, Игорь Васильевич, мне надо повидать вашего Стасика... Пожалуйста, устройте нам встречу!

Глава 25

Ей был крайне неприятен этот клиент, но Марина уже давно научилась отделять мух личных симпатий и антипатий от котлет работы. Ей тут было скверно, она хотела побыстрее отработать свой номер и прыгнуть

в

теплый салон Валеркиного «жигуля».

И вообще не нравилось ей в этом особняке. Сразу не понравилось, когда к ним подвалил тот охранник из джипа. Смутное предчувствие какой-то беды прямо-таки витало в воздухе. Слишком уж грубыми и непредсказуемо злыми были эти пьяные мужики.

Они зашли в спальню. Норвежец сразу сбросил халат и, усевшись на ковер перед тумбочкой, стал выдвигать ящички, явно что-то ища.

Марина осмотрелась. Огромная двуспальная кровать с резной спинкой была накрыта черным атласным покрывалом. Красиво, но мрачновато. По бокам — светильники в форме пальм.

Ей стало холодно. Не топят тут, что ли?

Мужчина бубнил что-то себе под нос. Оглянулся. Грубо, презрительно сказал:

—

Чего стоишь?! Раздевайся давай! Что тебе, особое приглашение надо?

«Козел пьяный, — брезгливо подумала девушка и стала стягивать платье. — Может, он еще и извращенец какой-нибудь? Хорошо хоть бухой: трахнет и уснет быстрее».

Оставшись в одном нижнем белье, Марина замерзла еще больше.

Норвежец тем временем нашел, что искал, — пакетик с белым порошком. Сделав на полированной поверхности тумбочки «дорожку», свернул трубочкой белый квадратик бумаги.

«Наркоман, — поняла Марина, — сейчас нюхнет, придурок... Хреновые дела. Под кокаином они все резвыми становятся. Да еще под бухалово! Видно, придется по полной программе отрабатывать — так просто этот кобель не уснет!»

Вдохнув наркотик, Норвежец некоторое время сидел неподвижно, только слегка потряхивал головой. Потом, когда «забрало», вскочил. Глаза его сверкали так, что, казалось, вот-вот выскочат из орбит, движения стали какими-то резкими, дергаными. От былой пьяной расслабленности не осталось и следа.

—

Так! На чем мы остановились? — громко, каким-то чужим голосом рявкнул Норвежец, подходя к девице.

Марине стало не по себе от этого остекленевшего взгляда. Но она взяла себя в руки и профессионально улыбнулась:

—

Иди сюда, моя лапочка! Ты такой симпатичный. Как ты хочешь? Ложись, я сама все сделаю.

— Ну уж нет! — Он с жадностью оглядывал крепкое тело, скользил взглядом по высокой груди с коричневыми кружками вокруг сосков, по упругому животу с золотой сережкой в пупке, по выбритому лобку, по широким гладким бедрам. — Делать все буду я. А ты смотри!

Норвежец подошел к шкафу и распахнул дверцы. Марина озабоченно наблюдала за ним. Может, за «резинкой» полез, свое добро предпочитает? Клиент обернулся. Вот урод! В руках он держал самую настоящую плетку. Махнул ею в воздухе, рассекая воздух.

— Ну как? Специально для тебя приготовил!

Марина отшатнулась. Это не шутка. Накачанный наркотиками мерзавец хочет по-настоящему ее отхлестать.

—

Э-э, послушай! — хрипло сказал Марина. — Я этого не люблю. Убери это... Я такими вещами не занимаюсь. Если хочешь, позови Татьяну!

Сплетенная косичкой плетка со свистом обрушилась девушке на плечо. Она закричала и выгнулась от невыносимой боли. Марина инстинктивно ощупала мгновенно вздувшийся рубец на коже и разрыдалась, г — Ты мне не указывай! — зарычал вмиг озверевший Норвежец. — Я буду делать то, что мне нравится. И не с Татьяной, а с тобой! А ты... Улыбайся, падла! Улыбайся!

Он визгливо рассмеялся и ударил ее по спине еще раз. Девушка упала на ковер.

— Вставай! — заорал он. — Ползи в койку, тварь!

Марина кое-как поднялась. Когда в воздухе снова взвилась плетка, она, забыв о профессиональной этике, изо всех сил толкнула его в грудь. Норвежец пошатнулся и едва не упал навзничь.

—

Ах так? Сука! Замочу!

Бросив плетку на пол, он подскочил к тумбочке и выдвинул верхний ящик. Пошарив там рукой, вынул металлический пруттик.

Марина сначала даже не поняла, что это. Потом стало ясно: он сделал в воздухе какое-то неуловимое движение — и из стального прутика выскочило длинное лезвие. Одурманенного спиртным и наркотиками мужика трясло, даже зубы стучали.

—

На колени, падла!

Истерически рыдая, Марина упала на колени. Ожидая удара лезвием, в ужасе закрыла глаза.

Норвежец поднял с ковра плетку и с остервенением стал стегать девушку. Марина наклонила голову и закрыла лицо руками.

—

Эй, ты чего, красавец? Мы так не договаривались! — раздался где-то рядом разгневанный женский возглас.

Не на штуку встревоженная криками и рыданиями подружки, в спальню ворвалась Татьяна, которая уже собралась было обслужить Лифта в соседней комнате.

—

А ну пошла вон, мразь! — заорал Норвежец. Он только вошел в раж и был очень раздосадован неожиданным вмешательством.

Марина подняла на подругу заплаканное лицо.

—

Та-а-ня! Помоги! — завывала она. — Он убьет меня!

Норвежец замахнулся, но Таня встала перед ними попыталась вырвать плетку у него из рук. Тогда он отбросил плетку в сторону и, переложив в правую руку клинок, ударом крест-накрест в два взмаха вспорол ей горло.

Таня пошатнулась и упала на спину, прижав ладонь к рваной ране, из которой хлынула кровь. Потом поднесла окровавленную руку к лицу. Казалось, она еще не поняла, что с ней произошло. Из ее рта вырвался сдавленный хрип.

Марина от ужаса потеряла дар речи. Она стояла на коленях, прижав обе руки к губам, и даже не могла закричать.

В дверях спальни появился раздетый, в одних трусах. Лифт.

—

Что за фигня? — воскликнул он, осторожно заходя в комнату и глядя на лужу крови на ковре.

Казалось, труп девушки не произвел на него особенного впечатления. Почесав в затылке, он брякнул:

— А эта... жива? — и кивнул на Марину. Норвежец в изнеможении опустился на кровать, тупо переводя взгляд с живой шлюхи на мертвую. Норвежец только сейчас, похоже, осознал, что произошло. Хмель мигом выветрился из его головы.

— Водки мне, Сережа. Башка трещит...

Лифт наклонился над убитой. Хотел пощупать пульс, но, увидев глубокие раны на шее, решил, что этого делать не стоит. Поздно.

—

И чего будем с ней делать? — спросил он.

—

Вывезти ее отсюда надо. И тут все прибрать...

Лифт взглянул на валяющуюся на полу плетку и все

понял. Норвежец был любителем таких забав. Редкая девка уходила от него без синяков и кровоподтеков. Однако, схватившись за перо, он явно перегнул палку.

—

М-да-а-а, — протянул Лифт, — дела...

Он выбежал из комнаты и минуты через три вернулся с мобилой в руке.

— Я Гошке сказал — сейчас он водки принесет от стола. И как мы ее будем вывозить? — кивнул он на тело девушки.

В дверях показался охранник с бутылкой водки и стаканом. Стараясь не глядеть на окровавленный труп, он подошел к хозяину. Норвежец выхватил у него из рук бутылку и припал к горлышку. С бульканьем глотнул три раза.

—

Надо закопать паскуду, и концы в воду, — отдышавшись, прохрипел он.

—

А с этой что делать? — указав на съжившуюся Марину, поинтересовался Лифт.

—

Решим. — Норвежец еще раз присосался к бутылке. Чем больше он пил, тем, казалось, становился трезвее. Видно, мощный выброс адреналина вернул его к действительности.

Соображал он теперь вполне ясно и четко. Вторую шлюху, естественно, надо мочить. Тут даже думать не о чем. Потом закопать обеих в лесу и место забыть. С этим вопросом ясно. Его больше беспокоило другое: кроме этой шлюхи, свидетелем убийства оказался охранник, который принес ему водки. Конечно, это его человек, он ему доверяет. Но не настолько, чтобы быть на сто процентов уверенным, что тот никогда не проболтается. Ну да ладно, об этом можно будет подумать и завтра.

Норвежец уже принял решение:

—

Значит, так, Лифт. Организуй вынос тела. Заверните ее в тряпку или запакуйте в мешок... В общем, сам придумай! Отвезите отсюда подальше и — в землю. И чтоб никаких следов! Ты понял?

Он присел на корточки перед все еще стоявшей на коленях Мариной:

—

Так, теперь с тобой. Жить хочешь?

Марина вскинула голову. Неужели у нее есть хоть один шанс остаться в живых? Испуганно закивала.

—

Понятно. Так я и думал. Вот что, девочка... Тебя как звать-то?

Та силилась что-то произнести, но язык отказывался ей повиноваться.

— Ладно. Потом. Слушай меня внимательно. Если ты обещаешь мне молчать о том, что тут случилось, мы тебя отпустим на все четыре стороны. Обещаешь?

—

Да, — хрипло произнесла Марина, — обещаю. Я никому ничего не скажу. Поверьте мне. Никому!

— Вот и отлично! — весело сказал Норвежец и, поднявшись, обернулся к Лифту: — Так, братан, когда труп закопаешь, то девочку отпустишь! Ясно?

При этом он несколько раз подмигнул ему. Лифт все понял.

— Тогда пусть с вами сейчас и едет. А ближе к шоссе ее выпустите. Или лучше до города довезите. Кстати, как вы сюда добрались? — Этот вопрос был обращен уже к Марине.

Та, сглотнув слюну, выдавила:

—

На тачке. Знакомый подвез.

Этого еще не хватало! Норвежец мысленно выматерился.

— Знакомый? А где он сейчас?

Марина, не раздумывая, ответила: — Так он уехал уже. Не стал ждать нас. Уехал...

—

А кто такой? — не унимался Норвежец.

—

Без понятия. Это... ее. Танин знакомый!

На убитую подругу Марина старалась не смотреть. Ее тошнило от запаха крови, от ужаса пережитого. В голове мутилось, она удивлялась, как еще до сих пор не потеряла сознание.

— Спускайся вниз и подожди там. Посиди немного, пока пацаны здесь приберут.

. Марина торопливо оделась и спустилась в зал. За длинным столом сидел один гость — он безмятежно спал, положив голову на локоть, и не ведал, что случилось полчаса назад в спальне наверху.

Наконец пришел Норвежец и сказал ей:

—

Все. Давай дуй с пацанами. Они тебя до шоссе подбросят. Лады? Иди. И забудь о том, что ты тут видела!

Повторять дважды ей было не нужно. Спотыкаясь на длиннющих каблуках и сжимая в руках сумочку, Марина пулей слетела вниз по лестнице. Двое братков тащили завернутое в ковер тело несчастной Таньки. Ничего не видя и не слыша, Марина точно под гипнозом выполняла приказы. Подошла к стоявшему возле ворот черному джипу, села на заднее сиденье. Только бы выехать отсюда! Ни о чем другом она больше думать не могла.

И как это ей хватило ума сказать, что Валера не остался их ждать в лесу? Наверняка и его бы убили! И ее сейчас непременно убьют... Так она и поверила этому садисту, как же! Только бы улучшить удобный момент и дать деру! Но как?

Холод пробирал ее до костей.

За руль сел охранник, который выходил и обыскивал их. Лифт и еще один уселись сзади, блокируя Марину с двух сторон.

—

Ну что, красотка, поехали? Да не трясись ты. Дело сделаем — и отпустим. Хозяин так велел, сама же слышала. А слово хозяина — закон.

Они выехали за ворота. Марина невольно оглянулась. Сзади, в багажном отсеке, лежал ковер и две лопаты. Ей стало так жутко, что стоило больших усилий не закричать. Скоты! Ну, подождите, сволочи! И она тут же одернула себя: о чем это ты, дурочка? Рано тебе еще о мести думать. Самой бы живой выбраться. До места ждать нельзя, надо драпать раньше. А то привезут, могилу выроют, там же ее кокнут и вместе с Танькой закопают...

Марина затравленно огляделась и заерзала. Лифт положил ей руку на колено и стиснул пальцы.

—

Спокойно, спокойно, красуля. Чего дергаешься? Не делай глупостей, а то ведь и пальнуть можем сгоряча.

Сильные пальцы стальными крючьями впились ей в ногу, но Марина терпела. Сейчас думать о побеге было бессмысленно. Ей просто не дадут выбраться из салона. А вот когда остановимся, нужно будет сразу же бежать.

Лифт взгляделся во тьму за окном и сказал: — Леха, хорош. Давай здесь где-нибудь.

Водитель возразил:

—

Да мы же едва отъехали. Давай хоть в лес немного углубимся.

—

Нет, — отрезал Лифт, — тормози тут. Здесь земля мягкая, а дальше может скальная порода пойти. Кто его знает, как получится. До утра хочешь копать? Тормози.

У Марины заколотилось сердце. Она вспомнила, что где-то здесь их с Танькой должен ждать

Валера. Точно, они же здесь ехали. Вот эта дорога, а вот поворот. За поворотом он и должен стоять. Вот бы добежать до него! А почему бы и нет? Тут от силы метров двести. Но ведь эти сволочи наверняка стрелять начнут...

— Выходим, — скомандовал Лифт.

—

Может, я пока в машине посижу? — робко попросила девушка. — А то уж больно холодно. Видишь, на мне пальто летнее!

Лифт обмозговал ее аргументацию.

— Ладно, красавица. Посиди пока!

Марина забилась в угол и стала внимательно следить за действиями бандитов. Если кто-нибудь из них сейчас засунет руку в карман... Но нет, двое мордovorотов достали из багажника лопаты и, недовольно ворча, стали подыскивать подходящее место. Тыкали землю, выбирая, где почва помягче.

— Давайте, пацаны, копайте уже! — потеряв терпение, прикрикнул на них Лифт. — А то и я сейчас заиндевею. Тут везде одинаково.

Он стоял рядом с джипом, и Марине казалось, что он искоса наблюдает за ней. А вдруг Лифт ударит ее ножом прямо сейчас? Бежать! Нет, нельзя, он в два счета догонит ее. Нужно выбрать благоприятный момент...

Светила полная луна, и два мужика, копавшие посреди леса могилу, казались персонажами какого-то ужастика.

Лифт курил и поторапливал пацанов. Улыбался, поглядывая на девку. Он решил убить ее в самый последний момент, когда яма будет уже полностью готова. Сделать это нужно неожиданно, чтобы шалава не подняла вой. Ему уже, честно говоря, порядком надоела вся это хренотень, хотелось поскорее покончить с погребальными обрядами и отправиться спать. К тому же он сильно продрог и с наслаждением представлял, как выпьет на сон грядущий стаканчик водки и, укрывшись теплым одеялом, завалится в постель.

— Сколько там? — спросил он у бойцов, когда те остановились перекурить.

— С метр будет, — переводя дыхание, ответил один, — а то и поболее. Может, хватит, а?

— Там уже каменюки сплошные пошли, — поддержал напарника второй.

Им тоже осточертела эта тяжелая ночная работа.

— Ладно, — согласился Лифт, — тащите...

Пацаны выбрались из ямы и направились к багажнику. От них исходил прелый земляной дух, одежда была перепачкана.

Подхватив ковер с двух сторон, они потащили его к могиле. Ноша оказалась совсем не легкой, и шли они мелкими шажками.

— Мать твою! Нужно было к яме поближе подъехать, — кряхтя, посетовал один из них. — Рано тормознули!

— Ладно, хорош вякать! — отозвался Лифт. — Сразу не сообразили, а теперь уже поздно.

Он сунул руку под куртку. Пальцы нащупали ножны, стиснули костяную рукоятку широкого охотничьего ножа. Пора, что ли? Отстегнул ремешок и потихоньку потянул клинок из ножен.

В этот момент один из пацанов, тот, что шел впереди, споткнулся и упал. Второй не удержал равновесия и полетел на него. Завернутый в ковер труп шмякнулся на землю. В воздухе повис густой мат.

— Чего вы там? — крикнул Лифт. Он уже почти вынул клинок, но неожиданное происшествие отвлекло его. Он только-только настроился раскрыть дверцу джипа, схватить девку за плечо и, развернув к себе, всадить ей нож точно в сердце. Смерть будет мгновенной, да и крови мало прольется, кожаные сиденья не запачкаются. Лифт любил чистую, профессиональную работу.

— Я, кажись, ногу подвернул! — жалобно заныл один из пацанов.

Его напарник растерянно смотрел на Лифта, не зная, что делать. До ямы оставалось метра три-четыре, не больше. Парень попробовал встать, но тут же с истошным криком упал опять.

— Вот непруха! — в сердцах выругался Лифт и пошел к ним, желая поглядеть, что там стряслось. Но, сделав шагов десять, спохватился и развернулся к джипу.

Девушка смотрела на него широко раскрытыми от страха глазами. Свет луны падал ей на лицо, и Лифт немного оробел: ну не мог он, блин, подойти и просто всадить девке перо под сердце. Потом, когда тот трупешник скинут в яму, тогда и...

Тут его окликнули:

—

Лифт, помоги давай! Леха, в натуре, ногу подвернул. Стоять не может! Я один не управлюсь. А то она тяжелая, зараза.

—

Стой здесь! — свирепо прорычал бригадир и, тяжело ступая, зашагал к яме.

По пути он еще раз оглянулся. Марина сидела не шевелясь. В их сторону она даже не смотрела, делая вид, что собирается закурить. Это успокоило Лифта, и он пошел дальше. Как только он наклонился над упавшим бандитом, Марина приготовилась. Вот они взяли ковер,

подняли, понесли к яме. Третий даже встать не может. Бежать! Сейчас, иначе будет поздно! Но ноги будто приросли к земле. Мелькнула предательская мысль. А вдруг никто и не собирается ее убивать? Может, они действительно довезут ее до шоссе и отпустят. А если она сейчас побежит, то не спровоцирует ли их таким необдуманным поступком? Не начнут ли они стрелять ей в спину?

Вдруг ее взгляд приковало что-то блестящее. Что там? Она напрягла зрение и сообразила: водитель забыл вынуть ключи из замка зажигания. Это было ее спасение!

Бандиты сбросили труп в яму. Послышался звук глухого удара. Тот, что нес ковер, взялся было за лопату, но Лифт что-то сказал ему. Что именно, Марина разобрать не смогла, далековато было. Бандит бросил лопату в сторону и посмотрел на Марину. Лифт тоже смотрел на нее, отряхивая испачканные руки.

Почему они уставились на нее? Почему, когда мужик хотел зарывать яму, этот остановил его? А что тут, дура, непонятного? Потому что еще рано закапывать! Вот Лифт уже идет к ней!

— Стой, дура! Стоять! Кому говорю!

Девушка неслась вперед, не разбирая дороги. На бегу она швырнула ключи далеко в сторону и услышала, как они звякнули о землю в траве. Ну все, теперь появилась надежда на спасение... Из туфель она выпрыгнула уже через секунду. Догадалась, что на таких каблучищах далеко не убежит. В ступни впивались острые камешки, колготки порвались мигом, но Марина на это не обращала никакого внимания. За спиной слышался топот, и злобные выкрики.

Лифт с ножом в руке мчался за беглянкой, проклиная себя за нерешительность. Это же надо, до чего такое простое дело довести! Ну ничего, далеко не уйдет! Догоню, суку, и, как свинью, зарежу!

Марина инстинктивно выбрала верное направление и бежала в сторону поворота, за которым их с Танькой должен был ждать Валера. Интересно, ждет ли? Полная луна хорошо освещала дорогу. А если споткнется?! Нет, только не это! Топот сзади не прекращался. Не выдержав, Марина оглянулась.

Расстояние между ней и Лифтом сокращалось. Теперь он был от нее шагах в пятидесяти. В лунном свете тускло отражался широкий клинок в его руке. Лифт весил килограммов сто и бегун из него был никудышный. Отшвырнув нож, он выхватил из-за пазухи пистолет.

До последнего момента Лифт не хотел пользоваться огнестрельным оружием. Теперь же иного выхода у него просто не оставалось. Но для того, чтобы прицелиться, ему нужно было остановиться, а тут как раз впереди вырос покаты́й холм, за который жертва вполне могла забежать. Так что стрелять надо сейчас же. Шумновато, конечно, будет. Хозяин может спросить за это. Мол,

почему по-тихому убрать не сумели? Но главное — замочить шалаву...

Завернув за поворот, Марина с трудом удержалась на ногах. Если бы грохнулась — ей конец! Метрах в пятнадцати от нее белел «жигуль». Марина, спотыкаясь, бросилась к машине. Закричала:

—

Валера! Родненький! Заводи мотор! — громко не получилось, легкие разрывались после кросса по холоду.

Сзади грохнул выстрел. Над ухом у Марины визгнуло, и она прыгнула вперед, к правой передней дверце. Вцепилась в ручку, рванула дверь на себя. Заспанный Валера вытаращился на нее:

—

Ты чего? Что за стрельба? А Танька где?

—

Поехали, потом расскажу, поехали! — прохрипела девушка, вползая на переднее сиденье.

—

Чего там? Что происходит?

Его нога вдавилась в педаль газа. «Жигуль» с ревом дернулся и помчался вперед.

—

Таню убили, — воскликнула Марина. — Меня тоже хотят убить. Вали отсюда!

Бахнул еще один выстрел. Пуля, пробив заднее стекло, огненным шмелем пронеслась по салону и, пробив дыру в углу лобового стекла, вылетела наружу. Только чудом никого не задело. Тут уж Валера понял все. Он выбросил «девятку» на шоссе и врубил полный газ. Сзади

прогремели три выстрела подряд. Отчаявшийся Лифт стрелял теперь уже наугад.

—

А, сука! — вскрикнул Валера, дернувшись всем телом. На мгновение он выпустил руль, и машину резко занесло вправо.

—

Что? Валера, что такое? — Марина схватила руль, вывернула влево и выровняла машину на трассе.

—

Попал, — простонал водитель, — в шею... Жжет, собака...

Он уронил голову, и Марина с ужасом поняла, что машина сейчас потеряет управление. Нога Валеры осталась на педали газа. «Жигуль» увеличивал скорость. Они находились на прямом отрезке шоссе. А что делать, когда начнется поворот?

— Валера! — умоляюще закричала девушка. — Очнись, милый!

Но водитель был уже без сознания. Посланная наугад пуля попала ему в верхнюю часть шеи и застряла в затылке.

Машина мчалась вперед на предельной скорости. Мертвец мешал Марине пересечь на сиденье водителя. Она изогнулась, схватила его правую ногу и сдвинула ее с акселератора. Машина сразу замедлила ход. Решив, что теперь нужно остановиться и сесть за руль, Марина потянулась к педали тормоза. Машину тут же кинуло в сторону, и тяжелый труп, заливая ее платье кровью, завалился на бок. Марина инстинктивно отпрянула. Раздался оглушительный треск, посыпалось разбитое стекло.

Какое-то время от болевого шока она не могла двинуться. Сидела, откинувшись на спинку сиденья и ощущала тупую боль в плече и в локте.

Тишина.

Она медленно открыла глаза и осмотрелась. «Жигуль» врезался в придорожное дерево, но она все же успела затормозить, так что удар получился не очень сильным.

Марина оперлась и тут же с жалобным стоном выпрямилась. Боль пронзила все ее тело. Она ощупала локоть: сустав уже опух и сгибать руку с каждой секундой становилось все больнее.

Кое-как она передвинула труп Валеры вправо, высвобождая место у руля. Потом попробовала завести заглохший движок. Ей это удалось. Где она? Нужно сориентироваться и побыстрее сматываться. Бандиты наверняка устрелятся за ней в погоню.

Мотор заурчал, и она тронулась с места. В последний раз ей доводилось водить машину три года назад, в Петрозаводске, когда Витька Логинов разрешил ей поводить его «опель». Ничего, сейчас она все вспомнит. Обязана вспомнить!

Валера лежал справа на сиденье, завалившись головой к дверце. Может, он еще жив? Даже если и жив, чем она ему поможет? В любом случае нужно добраться до города и позвонить... Кому? В ментуру? Ну уж нет... Танька не раз говорила ей: если с тобой случилась беда, звони куда угодно, но только не в ментуру. Звони верному человеку, который тебе поможет. Стоп! Телефон! Где ее сотовый? В сумочке. А сумочка? Хрен ее знает. Либо в том доме осталась, либо... в джипе. Она уже и не помнила, когда держала ее последний раз в руках. Когда прикуривала — точно! Значит, в джипе. Потом Лифт пошел к ней, и она побежала. Значит, сумочка осталась там. Значит, они ее по мобильнику найдут через знакомых. Точно найдут...

К кому же обратиться за помощью?

Марина выехала на шоссе. Правильно ли она едет? Вроде да. По идее, скоро должны начаться частные дома на окраине. Или нет? Лес все не кончался. Деревья равнодушно высились по обеим сторонам дороги.

Зато она вдруг поняла, к кому ей следует обратиться за помощью. Да, это был единственный вариант. Надежный вариант.

Он непременно должен ей помочь.

Глава 26

В Кольск он приехал после обеда. В пути автобус, как водится, сломался, и пассажиры высыпали под морозящий дождь с ледяной крупой и ждали, пока водитель докопается до причины неисправности.

К счастью, нужный дом — трехэтажный кирпичный уродец с торчавшими над крышей печными трубами стоял прямо на центральной площади этого небольшого городка, напротив автобусной станции. Дверь ему открыла невысокая сухонькая старушка в халатике и наброшенном на плечи пуховом платке. Из-за ее спины выглянула лохматая голова пса неопределенной породы. Собака внимательно оглядела гостя, принюхалась, но не облаяла.

—

Здравствуйте, — поприветствовал он старушку с легким поклоном. — Извините за беспокойство. Я Станислав Щербак. Адвокат. К сожалению, у вас нет телефона, а то я бы позвонил и предупредил... Я хотел поговорить с вами о вашем покойном муже.

Старушка посмотрела на лестницу, точно ожидала там кого-то увидеть, и, пожав плечами, отошла в сторону. Стас вошел в тесный коридорчик и снял шапку.

—

Я по поводу его работы в уголовном розыске Мурманска, — торопливо стал объяснять Стас. — Он вел одно дело об убийстве. Может быть, вы в курсе, Марфа Петровна.

Старушка вздохнула и, закутавшись поплотнее в платок, двинулась по коридорчику в сторону кухни. Лохматая собака завиляла хвостом и устремилась следом за хозяйкой. Стас скинул дубленку и повесил ее на вешалку.

—

Садись вон на тот стул, в уголке, — приятным тихим голосом предложила Марфа Петровна. — Чаю налить? У меня горяченький.

Стаса удивило гостеприимство вдовы Шкурко и сразу же расположило к ней. Старушка засуетилась и стала выставлять на стол старенькие щербатые чашки с блюдцами, сахарницу в виде фонтана с дельфинчиком, корзинку с засохшими от длительного неупотребления печеньями.

Поставив перед ним чашку с чаем, спросила участливо:

—

Так о чем ты спросить пришел? Уж не про дело ли Ларисы Щербак?

Стас даже вздрогнул от неожиданности и отставил в сторону чай.

—
А как вы догадались?

Марфа Петровна снова вздохнула.

—
Да ведь у Семы все неприятности после этого дела злополучного начались... Ты сам-то кто? Почему интересуешься?

Стас запнулся. Он уже приготовился выложить ей дежурное, загодя заготовленное объяснение: мол, адвокат-практикант, работает в мурманском архиве УВД, случайно наткнулся на дело об убийстве молодой женщины... Но ему почему-то не захотелось врать вдове Шкурко, и после минутного колебания он выдал из себя:

—
Это мать моя... И я там был.

Старушка всплеснула руками и как-то очень ласково, тепло положила ему сухонькую ладошку на локоть.

—
Ты, выходит, сынок той женщины... Сема с тобой говорил. Он мне об этом рассказывал. Сема мне обо всем рассказывал. Хоть и не положено ему было, и подписки разные давал, а от меня у него тайн не было. У нас-то с ним детишек не получилось, Господь, видно, не посчитал нужным или... уж не знаю, но не дал нам детей. Сема к тебе очень по-доброму отнесся, я помню. Столько лет прошло, а я помню. Сильно он за тебя переживал, да... Ни за кого так не убивался, как за сироту Щербака. Я все помню... — Старушка затрясла головой. — Да ты пей чаек-то. Горяченький. На улице, вон, холодище какой! Сегодня обещали ночью до минуса десяти. Ранняя зима...

—
Марфа Петровна, — Стас осторожно перевел разговор в нужное для себя русло, — вы говорите, Семен Порфирьевич вам рассказывал про то дело. А что именно он рассказывал? Удалось ему установить участников преступления?

Старушка пододвинула поближе свою чашку и взяла из корзинки печенье, но есть не стала.

—
Да уж времени-то с тех пор сколько прошло. Почитай, лет десять... Хотя какие десять... Все пятнадцать, да...

—
Семнадцать, — поправил Стас. — Мне тогда шесть лет было.

Марфа Петровна отпила глоточек и поморщилась.

—
Ну вот... А он из-за того следствия сильно пострадал потом. Сильно. Его же хотели отстранить, а он ни в какую не соглашался... Говорил, что нащупал след. И тут... — Она вздохнула и, как показалось Стасу, всхлипнула. — Подвели его под статью. Посадили Сему... Ни за что ни про что...

—
Посадили? — Стас не знал об этом факте из биографии следователя Шкурко. — Когда? За что?

Старушка опять затрясла головой:

—
Да в восемьдесят седьмом. Тогда всё кричали: перестройка, перестройка! Горбачев красиво по телевизору говорил, все обещал, обещал... А до нас она так и не дошла, эта перестройка... Ни за что посадили Сему. Ни за что! Он у них тогда был председателем ДОСААФ. Ты верно, и не знаешь, что это такое. Ну и взносы там у них украли. Вскрыли ночью сейф со взносами и все унесли. Четыреста с чем-то рублей. А на Сему повесили. Да еще сказали, что он и украл...

Стас уже забыл о чае. И когда старушка замолкла, то ли переводя дух, то ли вспоминая дела давно минувших дней, нетерпеливо схватил ее за рукав халатика.

—
А дальше-то что, Марфа Петровна? Дальше?

—
Дальше суд был... Выступали свидетели, сослуживцы Семины показания давали. Двое показали, что видели, как Сема брал из сейфа деньги. И суд постановил, что он инсце... инее...

в общем, подстроил ограбление, а на самом деле эти деньги украл... Бона как! И дали ему два года. А он сорвался, в зале суда набросился на тех, кто его оговорил, драку устроил. Кричал так, что... В общем, через месяц второй суд состоялся. Тут уж он получил три года да к тому сроку прибавили. Так пять лет и отсидел Сема в колонии в Нижнем Тагиле. А когда вернулся, уже ни о какой милиции и речи не могло быть. Из Мурманска мы уехали, сюда перебрались. Он тут на автобазе работал. А год назад приезжал к нему из Мурманска какой-то человек. Сема сказал: интересовался делом об убийстве медсестры...

—

А что за человек? — перебил ее Стас. — Не Самородов?

Старушка вопросительно посмотрела на гостя и, подумав, покачала головой.

—

Нет, это был посыльный от кого-то из Мурманска. Неприятный человек. Сама я его не видала, Сема рассказывал. То ли Женя, то ли Жора... На джипе приезжал. Знаешь, такая здоровенная машина, как трактор... У Семы после этой встречи сердечный приступ случился, очень он переживал. А через три дня преставился... — Марфа Петровна горько вздохнула и перекрестилась. — Да ты пей! Чего не пьешь? Уж, поди, остыл совсем.

Стас машинально отпил глоток чуть теплого чая. Мысли в голове завертелись волчком. Женя или Жора...

На джипе... Уж не Жора ли из «эскадрона смерти» Норвежца приезжал в Кольск проведать бывшего следователя? Зачем? И кто его послал? Якул, его хозяин, или сам Таганцев? Зачем им вообще понадобился Семен Шкурко?

—

Скажите, Марфа Петровна, а как вы думаете, эта подстава... извините, эта история с сейфом... может быть, это был предлог, чтобы его убрать из уголовного розыска? Может быть, он продвинулся в своем расследовании слишком далеко и вышел на опасный для заинтересованных людей след?

Вдова ответила не сразу.

Она внимательно оглядела лицо Стаса, всматриваясь в его глаза, потом неожиданно твердым голосом произнесла:

—
А ты точно ее сын?

Стас, ни слова не говоря, полез в карман пиджака, достал полиэтиленовый пакетик, из которого вынул изрядно потрепанный, сложенный вдвое листок бумаги и фотографию. Протянул Марфе Петровне. Та взяла листок, развернула и поднесла к глазам.

—
Свидетельство о смерти... — шевеля губами, читала она вслух. — Щербак Лариса Ивановна... — Отложив гербовый документ в сторону, взяла фотографию. — Это она? А мальчик... ты? — Ее голова затряслась.

Стас подумал, что старуха трясет головой от волнения: нервный тик. Он достал паспорт и, раскрыв на первой странице, продемонстрировал.

—
Щербак Станислав Владиславович, — медленно проговорил он. — Видите?

Марфа Петровна встала и вышла из кухни. Лохматый пес остался сидеть перед кухонным столом, не сводя глаз со Стаса. Судя по его добродушному просительному взгляду, пес не стерег гостя, а скорее выпрашивал у него угощение.

Отсутствовала старуха недолго. Она принесла большую, темного дерева шкатулку, поставила ее перед собой на стол и откинула крышку.

—
Он тому человеку, что приезжал на джипе, не сказал про эти бумаги. Я сама про них узнала, только когда он тут лежал, умирал. Столько лет хранил их... Когда его выпустили, приехал домой, злой, усталый, почти все выкинул, что было связано со службой в милиции. Все грамоты, благодарности... Вычеркнуть хотел их из памяти — такая у него была обида. Но эти бумаги не тронул. Перед смертью мне говорит: если когда-нибудь откроют дело Ларисы Щербак по вновь открывшимся обстоятельствам — ты, говорит, отдай это следователю. Он же не знал, что ее сын заинтересуется...

Стас не решался заглянуть в шкатулку, все ждал, когда Марфа Петровна сама достанет оттуда бумаги. А она, видя нерешительность гостя, улыбнулась сухими губами и вынула толстую записную книжку в коленкоровом переплете, перетянутую черной аптекарской резинкой.

— Вот, тут Сема вел записи по тому делу. У него привычка была записывать. Он все рисовал — линии, улики, людей... Адреса-телефоны сюда вписывал.

—

Нарушал тайну следствия? — невольно пошутил Стас.

—

Ну уж не знаю, чего он там нарушал, он же никому эти записи не показывал. Даже мне. Так, для себя делал пометки. Вот эта книжка про убийство Ларисы Щербак... Твоей матери. Он мне ее перед смертью специально показал. А там еще лежат с записями по другим делам. Но тебе про них знать не положено, — строго добавила старуха.

Стас как замороженный смотрел на записную книжку майора Шкурко. Он проглотил слюну и спросил, волнуясь:

—

Марфа Петровна... мне поглядеть можно?

Она с некоторым, как ему показалось, сожалением поглядела на записную книжку мужа и протянула ему:

—

Бери, может, найдешь что дельное там... А потом верни. Какая-никакая память о Семе...

—

Я верну, — не веря своим ушам, пробормотал Стас. — Обязательно верну, Марфа Петровна, вы не сомневайтесь!

Старухина голова опять мелко затряслась.

—

Имя-отчество какое у тебя трудное. Отца, значит, Владиславом звали?

—

Я его никогда не видел, — глухо заметил Стас, чтобы заранее отмести прочие вопросы.

Он стал переворачивать уже пожелтевшие и иссохшие от времени листки, мелко исписанные фиолетовыми чернилами. Перо было тонкое, а почерк у майора Шкурко хоть и мелкий, но аккуратный, почти каллиграфический: каждая буква выписана тщательно и присоединена к соседкам справа и слева тесно и точно.

—

Да ты возьми с собой, Станислав Владиславович! Там тебе много читать придется! — добродушно проговорила Марфа Петровна.

Он воспринял это замечание как вежливое предложение уходить восвояси и не нарушать ее старушечий распорядок дня.

Заглотив остаток уже совсем остывшего чая, Стас поднялся, наскоро оделся и, поблагодарив старуху, выбежал из квартирки. Не утерпев, он начал читать на ходу, с первой же странички. Но там были какие-то совершенно непонятные колонки цифр, буквенные обозначения и записи, не имевшие никакого отношения к делу об убийстве Ларисы Щербак. Например, суммы взносов на ДОСААФ за сентябрь. 56 руб. Маловато! Но потом Стас вспомнил, что запись относится к 1986 году, а тогда и цены были совсем другие, да и зарплаты не те...

Он не заметил, как вышел к автобусной остановке. Все его внимание было приковано к записной книжке, возможно таившей разгадку тайны маминого убийства. У остановки толпился народ. До его слуха донесся женский голос:

—

Да только что ушел! Следующий в пятнадцать двадцать.

На это отозвался степенный мужской басок:

—

Значит, еще полчаса ждать. Ну, тогда можно и покемарить...

Стас перевернул страницу — и сердце его заколотилось, когда он увидел два слова: «Лариса Щербак».

На страничке была пометка «16 ноября» и несколько строчек записей:

Сын ЛЩ — Стасик. блет. Ед. свид. 5мужчин. В черном. Лиц не разглядел.

Труп осмотр.

Резаная

рана на шее. Крест-накрест. Ор

.уб.?

Что еще за «ор. уб? А, ну как же он сразу не догадался: «орудие убийства»! От волнения у Стас а даже вспотели ладони. Он продолжал читать:

17 ноября

Допрос. НГ. ОЛ. РП. Ничего.

19 ноября

Допрос Сам. Ничего.

ЛБ. Показал, что ЛЩ — жалобы на домогательства РО.

21 ноября

Допрос РО.

Кто такой РО? Стас напряг память, пытаюсь отгадать, кто может скрываться за этой аббревиатурой. И не смог ничего путного вспомнить. Роман... Родион... Рустам... В памяти всплыло что-то смутное, далекое, позабытое. Рустам Очоев! Точно, Рустам Очоев! Это имя он слышал от мамы. Она как-то разговаривала с тетей Ньюрой на кухне, тихо, вполголоса, за прикрытой дверью. Рассказывала ей о чем-то, а тетя Ньюра тихо ахала. Рустам Очоев... Кажется, был у мамы на работе такой мужик... Или не на работе?

Но что это ему дает? Пока неясно.

22 ноября

Допрос НБ и КП. Повтор?

Дальше в записной книжке на нескольких страницах шли записи, явно относящиеся к другому делу. Какие-то грузинские имена и фамилии, названия строительных организаций. Насколько Стас понял, дело было связано с ограблением кассы «Мурманскстроя». Похоже, следователю Шкурко дали новое задание. Но через несколько страниц вновь появились знакомые сокращения:

4 декабря

Допрос НБ и КП. Рустам Оч.? Один из 5-ых?

Майор Шкурко упрямо пытался найти участников нападения на медсестру Ларису Шербак...

6 декабря

Вызов к нач. угро Ход следствия. Ускорить.???

Допрос главврача ГВК. Семенов.

Стас сразу вспомнил эту фамилию: Семенов был начальником мамы, главным врачом призывной комиссии горвоенкомата. Зачем Шкурко допрашивал его? Что; хотел узнать?

Подошел автобус до Мурманска. Народ, собравшийся на остановке, зашумел, загалдел. Низенькая и круглая, как колобок, бабка с сумками в руках, расталкивая всех, поперла к передней двери, причитая: «Инвалид войны... пропустите... мне без очереди!»

В старый «Икарус» вошли все, и даже свободные места остались. Стас взбежал по ступенькам последним, прошел по проходу в самый конец салона, сел на последний ряд у окна и углубился в чтение.

Наркосодержащие препараты. Доступ.

Так вот оно что... До Стаса стал доходить смысл прочитанного.

Он вспомнил мерзкий голос мужика, приставшего к маме в той подворотне. Семнадцать лет прошло, а он не смог его забыть — ни интонации, ни слов: «Ну что, красуля, кому-то можно, а кому-то нельзя? Ты, как сорока: этому дала, этому дала, а этому не дала...» Когда он потом вспоминал эти слова, то сразу же подумал о сексуальном домогательстве. Но выходит, дело было совсем не в этом. У мамы... у медсестры горвоенкомата Щербак требовали наркотики! Ну да, она же имела к ним доступ. Как и главный врач Семенов. Рустам Очоев... домогательства... Этот Рустам Очоев, вероятно, тоже пытался выпросить у мамы наркотики. И следователь Шкурко методично выявлял круг людей, которые хотели заполучить наркоту...

—

Молодой человек! Предъявите ваши проездные документы! — услышал он над ухом приятный женский голос. Поднял голову: перед ним стояла кондукторша — дородная тетка с веселым круглым лицом.

—

Сколько с меня? — рассеянно спросил Стас.

—

Да ты же ехал сюда в нашем автобусе, неужели уже забыл? — рассмеялась тетка.

Он достал бумажник, нащупал две десятки, передал кондукторше, взял билет и сдачу — пятерку одной монетой и продолжил чтение записной книжки следователя Шкурко.

10

декабря

Беседа в УВД. Передача дела ЛШЦ др. след-лю??

Допросить ПШ, АП и МТ.

11

декабря

Допрос ЛШ. Слабак. Может расколоться. Он был там!!!

Стас почувствовал, как наливается тяжестью его голова. Перед глазами поплыли черные круги. «Он был там!!!» Майор Шкурко нашел человека, который был в том тоннеле в тот вечер!

Но на следующем листе были только записи о сборе взносов ДОСААФ. Он нетерпеливо перевернул страницу.

13

декабря

Допрос АП. Кремень. Все отрицает. Связь с МТ? Повторить допрос ПШ.

14

декабря

Допрос ПШ. «Мишаня». Кто?

Допросить МТ.

И снова на Стаса нахлынули давние воспоминания. Он слышал, как один из нападавших на маму крикнул: «Мишаня!» Кому? Тому, кто достал нож, или что там у него было, и ударил маму в горло. Мишаня — это имя убийцы мамы. Шкурко нашел его?

15

декабря

Допрос Мих. Таг. Не явился.

И тут в ушах очень отчетливо и тихо прозвучал голос: «Мишаня... Мих. Таг... Михаил Таганцев...» Стас еще раз перечитал короткую запись от 15 декабря 1986 года.

Он поглядел в окно. Автобус мчался по шоссе, мимо заснеженных полей, под низко нависшим серым северным небом.

Михаил Таганцев в ноябре восемьдесят шестого года убил его мать. Он вспомнил досье на Норвежца, которое подготовила по его просьбе Юлия Долинская. Михаил Юрьевич Таганцев в период с 1983 по 1988 год работал в мурманском УВД. Значит, в декабре 1986 года он работал в милиции. И если именно он убил Ларису Щербак, то... почему его так хотели отмазать от этого убийства? А кто в то время был начальником городского управления внутренних дел? Полковник Шеин... Печально знаменитый полковник Шеин, погоревший в восемьдесят восьмом на... Ну конечно! На наркотиках! И в том же самом году Таганцев уволился, переселился из Мурманска в Псков и занялся там торговлей компьютерами. Шеин отмазывал Таганцева, чтобы скрыть свое участие в наркобизнесе.

Но Шеин не интересовал Стаса. Его не интересовал теперь ни Рустам Очоев, ни главврач Семенов, ни люди, скрывавшиеся за буквами КП, НБ, ПШ. Его интересовал теперь только один человек — Михаил Таганцев по кличке Норвежец.

Глава 27

После разговора с Самородовым Варяг резко изменил свои планы. В Москве его ждал Виноградов, который должен был подготовить для него три подробных досье на банкиров из Парижского клуба. Кремлевский чиновник уже три раза за последние сутки звонил ему на мобильный и поторапливал с возвращением в столицу, но Варяг твердо решил, что, пока не повидается со Стасиком Щербаком и не подтвердит или не опровергнет свою догадку, из Мурманска он не уедет.

Узнав о дорожном инциденте с джипом, Самородов откровенно обрадовался.

— Вы уничтожили самого отпетого бандита во всем городе, правую руку Норвежца! — Он удовлетворенно потер руки. — Как говорится, собаке собачья смерть! Это, конечно, самосуд, но, сказать по правде, я этот самосуд поддерживаю. В государстве, которое не в состоянии содержать в надлежащем виде свою систему правопорядка, должны возникать и действовать иные формы правосудия. Правосудие шерифа Дикого Запада... — И с горечью добавил: — Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни... вам, Владислав Геннадьевич!

Самородов посоветовал Варягу пока не возвращаться в Мурманск и любезно предложил остаться у него в коттедже на ближайшие две ночи. Во всяком случае, до тех пор, пока не объявится Стасик Щербак. Он не разговаривал с молодым адвокатом уже дня три и не знал, где тот сейчас находится. Не исключено, что он уехал в Питер по делу. По личному делу,

многозначительно подчеркнул Игорь Васильевич, но в подробности вдаваться не стал, а Варяг, не желая показаться слишком навязчивым, решил не докучать ему расспросами.

Степан после обеда уехал с Маем Трофимычем обратно в Мурманск, предварительно получив от Варяга «добро» на ликвидацию Норвежца. Примерно за час до их отъезда из Оленегорска Варягу на сотовый телефон позвонил Филат и окончательно подтвердил версию о том, что Плешивого убили по указанию Таганцева. Впервые воспользовавшись своим новым положением смотрящего по России, Филат заручился личным согласием крупнейших воровских авторитетов Северо-Запада и принял решение покарать Норвежца за пролитую кровь законного вора. Теперь Сержант получил карт-бланш.

—

Надеюсь, ты справишься за ближайшие двое суток, Степан, — сказал ему Варяг на прощанье. — Больше тянуть с этим нельзя. Надо развалить пирамиду Норвежца, начиная с самого верха. Игорь Васильевич сказал мне, что в последние две недели кто-то методично убирает пешек — распространителей наркотиков, сидящих под крышей Норвежца. По его мнению, этим занимаются люди Плешивого. Но теперь, когда Плешивый убит, эта охота на куропаток может захлебнуться. А нам надо идти напролом — бить по верхам. Надо убирать Норвежца, и чем скорее, тем лучше. Его ликвидация смешает все карты прикормленным им чиновникам в администрации области и города, не даст им консолидироваться. Ну, словом, что я тебе объясняю.; Тебе во всю эту хреновину вникать не обязательно. Твое дело — точный прицел и меткий выстрел! — Варяг протянул Сержанту руку. — Давай, Степа. Удачи тебе!

—

И тебе, Владик! — Степан пожал протянутую руку и тихо спросил: — Извини, что спрашиваю... Ты думаешь, этот паренек... Стасик Щербак... твой...

Варяг сделал предостерегающий жест рукой:

—

Не знаю, Степа, пока не знаю... Не будем торопить события. Это, конечно, смахивает на мелодраму, но... чем черт не шутит!

* * *

Таксист Барыкин довез Сержанта до Рыбачьего, но не стал, как в прошлый раз, ждать пассажира на окраине поселка, а медленно поехал по шоссе, чтобы занять условленное место на опушке сосняка метрах

в трехстах от дороги, ведущей к особняку Норвежца, Уже сгустились сумерки, и, одетый в

черную куртку и черные брюки, Степан уверенно проследовал уже знакомым маршрутом через сосновый лес к накануне присмотренной ели. Расстояние от этой ели до ожидавшей его на шоссе «Волги» составляло от силы двести метров, которые он бегом мог преодолеть секунд за сорок пять, максимум за минуту. В руке он держал черный чемодан-чик-«дипломат», в котором лежали вчерашние мурманские газеты, фотоаппарат «Минолта» и несколько роликов пленки. От недавней легенды — будто он московский художник, выбирающий натуру для будущего заполярного пейзажа, пришлось отказаться: громоздкая папка с ватманом была бы явно лишним грузом при выполнении им его сегодняшней миссии.

Под ворохом газет, в двойном дне «дипломата» лежала разобранная снайперская винтовка, изготовленная по спецзаказу на тульском оружейном заводе лет пятнадцать тому назад. Сержант объездил с ней полмира и, хотя в последние годы предпочитал пересекать государственные границы с другим оружием — пластиковым «ремингтоном», который не фиксировался на таможенных мониторах, на особо сложные дела в России он по-прежнему брал привычную старушку «тулячку» — безотказную и надежную.

Когда он дошел до ели, было уже совсем темно. Затянутое с вечера низкими сизыми тучами небо висело мрачным куполом над сосняком и поляной, посреди которой располагался особняк Норвежца. Снайпер разложил на земле «дипломат», открыл тайник, достал несколько металлических трубок и деревянный треугольник и скоро сложил из них винтовку. Эта операция проделывалась им уже бесчисленное число раз, и он мог с завязанными глазами за двадцать — двадцать пять секунд собрать винтовку и подготовить ее к бою.

Прикрепив оптический прицел ночного видения, он навел прибор на особняк. Инфракрасную точку он пока не включал, чтобы не привлекать к себе внимания охраны. По многолетнему опыту Сержант знал, что, не имея точного графика перемещений клиента, он обречен, дожидаясь приезда Норвежца, проторчать тут несколько часов, а может быть, и до самого утра. На этот случай у него была припасена бутылка «Абсолюта» и несколько хрустящих соленых огурцов, купленных днем в Оленегорске.

От ели, на ветках которой Сержант устроил свой наблюдательный пункт, до особняка было по прямой метров сто пятьдесят. Место оказалось удачным: отсюда просматривалось высокое крыльцо и входная дверь, а также окна, расположенные по фасадной стене. На окнах не было занавесок, и, несколько раз наводя на них оптический прицел, он ухитрился разглядеть интерьер помещений и даже отдельные предметы мебели.

Норвежца он решил валить не на улице, а именно через оконное стекло. Конечно, выстрел в тот момент, когда клиент шел бы от машины к крыльцу, давал стопроцентную гарантию попадания, но и у охраны Норвежца было бы в этом случае куда больше шансов установить траекторию полета пули и броситься на поиски ночного снайпера. Застрелив же Норвежца в комнате особняка, Сержант выигрывал минимум минут пять: по опыту он знал, что когда объект находится в замкнутом помещении, то даже находящиеся рядом с ним люди не сразу могут сообразить, откуда был произведен выстрел, и поначалу беспомощно мечутся по дому в

поисках убийцы. За те несколько минут, что охрана Норвежца будет прочесывать этажи особняка, Сержант успеет разобрать винтовку, спрятать ее в «дипломат» и добежать до шоссе к поджидающему его такси. На это уйдет минуты две-три. Он заранее определил маршрут отхода — не через Рыбачий, а, наоборот, круглым, длинным путем: мимо охотхозяйства «Баренцево море», откуда до Мурманска предстояло пилить еще километров сорок.

Вдруг его внимание привлекла странная суета в доме. В окнах второго этажа вспыхнул свет. Он прильнул правым глазом к оптическому прицелу и, наведя его на окно «банкетного зала», как он мысленно окрестил просторное помещение с трех окнами, увидел Норвежца. Тот был в сильном возбуждении и злобно отдавал приказания суетившимся вокруг него ребятам. Сержант мрачно выругался: он не думал, что его объект все это время преспокойно сидел в своем логове. Так тут можно было прождать, коченея от ночного мороза, до самого рассвета...

Раздалось глухое урчание автомобильного движка, и через несколько секунд к крыльцу подкатил «мерседес» в сопровождении черного джипа, точно такого же, как тот, в котором ехал головорез с топором. «Одна бригада!» — отметил про себя Сержант, только сейчас догадавшись, что слежку за ним организовали по приказу Норвежца. Ну что ж, что ни делается, все к лучшему...

Он приготовился сделать прицельный выстрел и, закрыв глаза, мысленно произвел все необходимые действия после выстрела: сложил винтовку, убрал ее в «дипломат», рванул напролом через сосняк к такси, сел в машину... На все про все уйдет пять или шесть минут. Нормально. Должны успеть.

Он прикинул к окуляру прицела и опять выматерился: Норвежца в «банкетном зале» уже не было. Опоздал! Он стал искать клиента в других окнах. Тщетно. Навел прицел на крыльцо. Вот он! Норвежец выбежал из дома в сопровождении здорового парня в кожаной куртке. Норвежец давал последние указания оставшимся в доме охранникам. Степан положил указательный палец на холодный спусковой крючок и затаил дыхание. Сейчас надо произвести выстрел. Вот сейчас... Еще секунда... Но в этот момент в окуляре возникло черное пятно: Норвежца загородил парень с бритым затылком. Черт! «Отойди, милый, — молил Сержант, — прими чуть в сторонку...» Но бритый как в землю врос.

Норвежец стал спускаться к «мерседесу». Бритый не отставал от него ни на шаг, точно зная, что в полутора метрах в леске затаился снайпер, грозящий хозяину смертельным выстрелом.

Все, шанс был упущен... Норвежец сел в машину, дверца захлопнулась. Сержант знал, что стрелять в бронированный пятисотый «мерседес» было совершенно бессмысленно.

Степан, чертыхаясь, слез с ели и быстро, сложив винтовку и убрав ее в чемоданчик, бросился к шоссе. Только бы не упустить их... Только бы не упустить... Куда это он сорвался на ночь глядя? Ясно, что не на дискотеку...

—

Давай, Трофимыч, газуй! — взволнованно прошептал Сержант Барыкину, запрыгивая на заднее сиденье. — Таганцев из особняка выехал на «мерсе» и с джипом сопровождения. Куда он едет, как ты думаешь?

—

Да в город, куда же еще, — спокойно рассудил таксист, лихо развернувшись и включив фары. — Сейчас мы его нагоним!

—

Ты только держись от него подальше, а то...

Май Трофимович обиженно крикнул и буркнул под нос что-то нечленораздельное.

—

Вон они! — заявил он через несколько минут. — Говорил же: в Мурманск едут.

* * *

В последние три дня как-то все сразу навалилось: ликвидация Андрея Петракова на трассе под Петрозаводском, загадочный расстрел Жоры и двух его бойцов в лесу на полпути от Мурманска к Оленегорску, а теперь еще и это совершенно идиотское убийство глупой шлюхи... Конечно, убийцы Жоры найдутся, конечно, таджикского наемника Петракова и мурманскую шлюху никто в федеральный розыск объявлять не станет, так что ему, Мишане Таганцеву, не хрен об этом беспокоиться, но вот бегство второй шлюхи — свидетельницы убийства — от придурка Лифта не давало Норвежцу покоя уже сутки. Он даже бессонницу заработал, чего не было со времен той дикой ломки в восемьдесят шестом году, когда он пытался соскочить с морфия, да не получалось, а он крепился-крепился, да не выдержал. Стал рыскать по всем городским больницам в поисках наркотика, пока его не надоумил полковник Шеин, такой же закоренелый морфинист, пощупать в горвоенкомате, подкатиться к главврачу Семенову. Сержант Таганцев так и сделал, да попал не на Семенова, а на упрямую девку- медсестру, которая и довела его до ручки, так что он с тормозов слетел...

Он бы и не вспомнил о тех событиях далекого прошлого, если бы не телефонный звонок, раздавшийся полчаса назад.

Этот короткий разговор сразу же все прояснил, все расставил по своим местам. Стало понятно, что те две шлюхи появились у него в доме не случайно, что они подсадные, что их специально послали к нему... Ну, да ладно, не возьмете вы Мишаню Таганцева голыми руками! Не возьмете! Не из таких передрыг выходил Мишаня целехоньким...

Ему позвонила девка, та самая шлюха Марина, которую он плеткой отстегал в спальне и на глазах у которой потом он вторую шлюху зарезал... Разговор был короткий и очень понятный. Непонятно было только, откуда она. эта Марина, обо всем узнала... Но задумываться ему сейчас было недосуг. Сейчас его занимала лишь одна мысль — встретиться с падлой и, усыпив ее бдительность уговорами да посулами, подойти вплотную и вспороть ей глотку...

—

Здравствуйтесь, Михаил Юрьевич, это Марина. Я у вас в доме вчера была с Татьяной. Вы меня плеткой угостили... — Девка, накануне устроившая ему форменную истерику, теперь говорила сдержанно и четко, точно читала текст по бумажке. — У меня есть для вас кое- что интересное. Я располагаю записной книжкой следователя Шкурко Семена Порфирьевича, который вел дело об убийстве медсестры Ларисы Щербак. В этой записной книжке есть несколько записей, которые могут вас заинтересовать. Не исключаю, что они также заинтересуют и прокурора города Погосяна...

Норвежец занервничал. Да что там занервничал — с ним чуть нервный припадок не случился. Он с трудом сдержался, чтобы не обматерить курву и не швырнуть трубку, но усилием воли взял себя в руки и, насколько мог, спокойно предложил встретиться в ресторане «Баренцево море».

—

Нет, Михаил Юрьевич, место нашей встречи назначу я. И учтите: место встречи изменить нельзя! — Ему послышалось, что девка вроде как хохотнула. — Я буду ждать вас ровно в полночь в подворотне между улицей Ополчения и Морским проспектом. Знаете, где это? — И, не дожидаясь его ответа, добавила: — Недалеко от городского военкомата. И вот еще что, Михаил Юрьевич. Не надо приводить с собой армию ваших головорезов. Будьте мужчиной! Приходите на встречу один... — И повесила трубку.

Норвежец мысленно прокрутил весь разговор заново. Что-то уж больно хладнокровно держалась эта Марина, слишком храбро. Он помнил, как она разнюнилась у него в спальне, как рыдала, сволочь, валяясь у него в ногах... Правда, через час эта же самая «нюня» обвела вокруг пальца раззяву Лифта и сбежала прямо у него из- под носа. Странная девка... Станный голос... Какой-то слишком невозмутимый, твердый, жесткий. Ни тени страха в нем он не почувствовал. А она ли это звонила, в натуре?

Теперь он в этом засомневался. Но ехать надо было все равно.

Он вызвал по сотовому телефону Лифта и приказал вывести из гаража «мерс» и джип сопровождения

— В город поедем! — коротко пролаял Норвежец. — Появилось дело. С собой прихвати двух человек. Пусть берут стволы. И ты свой «агран» не забудь. Девку, которую ты вчера, как последний баран, упустил, сейчас валить будешь...

* * *

Через десять минут кортеж, состоявший из бронированного «мерседеса» и джипа «тойота-лендкрузер» — несся по шоссе в сторону Мурманска. Таганцев сидел на заднем сиденье «мерса» мрачнее тучи. Лифт примостился рядом и помалкивал, опасаясь вспышки хозяйского гнева.

— Михал Юрьич, — подал голос водила, отставной боцман Филипп Юденич, — в фарватере идет такси. Серая «Волга».

— Ну и что? — недовольно рявкнул Норвежец. — Мало в городе такси ездит? Вот если бы за нами танк «Т-80» пер — я бы, может быть, удивился!

Филя Юденич пожал плечами и не стал спорить: хозяин — барин... Раз велено не брать в голову — значит, брать не будем. Странно только, куда в такой поздний час эта «Волга» рвет? Разве что в аэропорт... Игнорируя красный свет светофора, первого на их пути, водила прибавил газу и бросил «мерс» через пустынный перекресток. Хозяин назвал адрес: Морской проспект, подворотня, соединяющая проспект с улицей Ополчения. Там рядышком расположен горвоенкомат.

«Встанем на Ополчения, — решил водила, — там и фонарей, и народу поменьше, в глаза бросаться не так будем». Он хоть и работал уже полгода личным шофером у Таганцева, все никак не мог изжить старую привычку, выработанную в бригаде Якула, — держаться подальше от любопытных глаз. Никак не сживался с мыслью, что Михаилу Таганиеву в этом городе не от кого хорониться и никто ему тут не указ...

Проехали центральную площадь с гранитной коробкой здания бывшего горкома, а ныне мэрии и бронзовым памятником Ленину, который после распада Союза и конца коммунизма так никто и не удосужился демонтировать. Филя свернул направо, проехал еще метров двести и дал по тормозам.

— Прибыли, Михал Юрьич. Вон военкомат, а вон и та подворотня. Видите, темнеет арка?

Норвежец, не отвечая, уставился в кирпичную стену военкомата и медленно проутюжил взглядом улицу до черного полукруглого зева арки.

Место это было ему знакомо. Очень даже знакомо. Настолько знакомо, что он даже ощутил бег мурашек по загривку.

За каким хреном девка назначила ему встречу здесь? Почему именно в этом чертовом месте? Неужто она и впрямь знала обо всем? Но откуда? Никого ведь уже не осталось. Шкурко сдох, он к нему Жору посылал на разведку... Тот второй следак тоже давно сдох. А третий, Миронов, тот точно ни хрена не знает... Остальные пацаны, которые в тот вечер с ним были, уже кто где... Витька в могиле гниет десятый год, Рустам на зоне в девяностом окочурился. Ленька Ротов пять лет тому в Германию на ПМЖ подался, вот только где Толян Пчелкин, неизвестно...

—

Лифт, — хмуро просипел он, — «агран» готовь. Пошли. Ты ее узнаешь?

—

Я эту курву даже в толпе на сочинском пляже вычислю! — пообещал Лифт.

—

Ну, гляди не обознайся... Филя, сиди тут и движок не глуши! — Норвежец вылез из «мерса», отдавая на ходу приказания Лифту. — Двух бойцов поставь у арки. Пусть стоят и не двигаются, как часовые у мавзолея. Если что не так — пускай стреляют! Водилу джипа отправь к тому выходу.

Из джипа выскочили два рослых парня в куртках, с короткоствольными автоматами в руках. Лифт тихо отдал им команду, они понимающе кивнули и рысцой побежали к арке.

Норвежец решительно направился к подворотне, вошел во мрак тоннеля и глубоко втянул носом воздух. Пахло мочой и гнилью. Лифт шагал у него за спиной, тяжело сопя. Когда они оказались ровно посередине тоннеля, впереди тихо прокашляли два выстрела. И тут же в сером проеме арки выросла женская фигура.

—

Я же просила вас приехать без армии, Михаил Юрьевич! — громко произнесла девушка. Это

была явно не шлюха Марина.

—

Лифт! — сипло выкрикнул Норвежец. — Вали ее!

Глава 28

Самолет из Нижнего Новгорода прибыл в Мурманск с пятичасовым опозданием. Юля летала в родной город проведать младшего брата и повидать подружек, с которыми не виделась уже два года. Стас встретил ее в аэропорту на Лешкином «опеле», и, когда привез домой, девушка, утомленная долгим перелетом, сразу же рухнула на тахту и немедленно уснула, даже не успев раздеться.

Немного обескураженный этим, Стас ушел на кухню, сварил себе кофе и включил висевший над холодильником телевизор. Шла французская мелодрама, которую он, кажется, уже видел. Лениво поглядывая на экран, он думал о ближайшем будущем, о том, что ему предстояло сделать.

Ему требовалась ее моральная поддержка, ее помощь. Не только потому, что она была его верной подругой, почти женой, но и потому, что, будучи на три с лишним года его старше, Юля во многих ситуациях проявляла такую житейскую мудрость и жизненный опыт, что порой он воспринимал ее как старшую сестру.

Ему не терпелось рассказать ей о многом: о поездке в Кольск, о беседе с вдовой следователя Шкурко, о старой записной книжке, которая пролила свет на тайну убийства его матери. И о бесповоротном решении, которое он принял, трясаясь в «Икарусе» по дороге из Кольска в Мурманск.

Вдруг тишину квартиры пререзал телефонный звонок. Он чертыхнулся, опасаясь, что этот звонок разбудит Юлю, и бросился к аппарату, висевшему на стене рядом с холодильником.

«Наверное, это Лешка Кувалда, — подумал он, — будет требовать назад свой «опель».

Но Стас ошибался. В телефонной трубке раздались всхлипывания и сбивчивый девичий голос, который он не сразу узнал:

-
Стасик, это я... Мне срочно нужна твоя помощь! Мне больше не к кому обратиться!

—
Кто это? — недовольно рявкнул Стас и, спохватившись, понизил голос. — Я не узнаю...

—
Это Марина! Мы в «Трех собаках» познакомились...

Господи... Опять она во что-то вляпалась, дуреха! Стас вспомнил ту ночь, когда он привел ее в эту квартиру, и она едва не соблазнила его своим великолепным телом, а он чуть-чуть не дал слабинку и не трахнулся с ней на тахте, где сейчас спала Юлька...

—
Марина, ты хоть знаешь, который сейчас час?

—
Нет! — В трубке снова послышались всхлипыванья. — Сколько?

—
Два часа ночи. Или утра... Это не может подождать до... нормального времени?

—
Не может! — истерически завопила Марина. — Они убьют меня! Валерку застрелили. Таньку зарезали! И меня, если поймают, точно прикончат. Верняк!

Стас ни черта не понял, но, судя по натуральной истерике, в которой билась Маринка, с ней и впрямь произошла какая-то беда. Он не знал ни Валеры, ни Таньки, о которых говорила девушка, но если этих ребят и впрямь убили... Вряд ли такими вещами шутят... То надо девушку спасать.

—
Ты сейчас где?

После недолгой паузы Марина ответила:

—

Я около Портовой.

Блин! Туда добираться не меньше получаса.

—

Где именно? Скажи поточнее... Я сейчас приеду.

Ее ответ удивил Стаса.

—

Не надо приезжать. Я сама к тебе приеду. Я на тачке... На Валеркиной... — Снова всхлип. — Только скажи, как? Я плохо ориентируюсь.

Он поразмыслил и начал объяснять:

—

Сначала сверни с Портовой у морского вокзала в центр, потом по Морскому проспекту до первого перекрестка, там направо, на Советскую, а оттуда напрямик до площади Победы. С площади поворачивай опять направо, на Ленинградскую. А потом опять направо, в переулок Игошина. Первая башня шестнадцатиэтажная — моя. Шестнадцатый этаж. Помнишь, мы перли пешком, когда лифт сломался? Квартира сто двадцать семь. Только не звони в дверь, я заранее открою. У меня тут... человек спит.

Повесив трубку, Стас невольно подумал: какой же я молодец, что тогда не дал воли похоти. А то сейчас было бы неудобно перед Юлей. Эта Маринка наверняка бы сболтнула...

Он вошел в комнату и увидел, что Юля проснулась и сидит на тахте, свесив ноги на ковер.

—

Кто звонил? — спросила она встревоженно.

—

Ма... Ты ее не знаешь. — Стас немного смутился. Он успел лишь в двух словах рассказать Юле о происшествии в «Трех собаках», но о визите к нему проститутки Марины не обмолвился ни словом. Но теперь надо было как-то выпутываться: Марина обязательно проболтается, что уже была здесь. — Помнишь, я тебе по дороге из аэропорта рассказывал про наш визит в «Три собаки» и про барыг...

—

И про драку. — Юля устремила внимательные серые глаза на Стаса, терпеливо дожидаясь продолжения рассказа.

—

Да, так вот, там пришлось вызволять одну девчонку. Спасать, можно сказать... Марина. Вот она и звонила. И сейчас она сюда приедет.

—

Сюда? — изумилась Юля. — Она знает твой адрес?

Стас совсем смешался:

—

Да нет, я ей объяснил, как проехать. Она на машине. Ну и... да, она была здесь. Ей ночевать было негде, вот я и привез ее к нам. — Он встретился с Юлей взглядом. — Ты что, Юль... Не думаешь же ты...

—

Я не думаю, — жестко проговорила Юля, окончательно проснувшись. — Я не думаю. Я только вижу, что у тебя глазки бегают! Я только вижу, что стоит мне на неделю отлучиться, как ты... — Она осеклась. Ее серые глаза влажно заблестели. Похоже, Юля собиралась расплакаться.

Он подошел к ней и обнял за плечи.

—

Юльчонок, я тебе клянусь... Ничего не было. Что могло быть у меня с этой... проституткой?

Она замотала головой, отгоняя подступавшие к глазам слезы.

—
И тем не менее в минуту опасности эта проститутка звонит не кому-нибудь, а именно тебе.

—
Да, черт побери! — разозлился Стас, — я уже помог ей однажды. И она считает, что я помогу ей и теперь. Она сказала, что кого-то убили. Двух человек убили. И ей тоже грозит опасность. Что мне, по-твоему, надо было ей посоветовать обратиться в милицию?

Юля не ответила. Поглядев на часы, она вздохнула и тихо попросила:

—
Налей мне чаю, пожалуйста. Когда она придет?

Стас пожал плечами:

—
Откуда я знаю? Сказала, что стоит где-то на Портовой.

—
Ехать оттуда полчаса, — заметила Юля. — Блин, поспать так и не дали...

Минут через сорок входная дверь, предусмотрительно отпертая Стасом, отворилась, и в коридор вошла Марина. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять: девушка попала в беду. На ней было перемазанное кровью элегантное платье с низким вырезом, сверху накинуто легкое пальто, все перепачканное влажной землей, на ногах — туфли на каблучках, вернее, на каблукке: у правой туфельки каблук отсутствовал.

Увидев, в каком состоянии приехала их ночная гостья, Юля сменила гнев на милость и сама отвела девушку в ванную.

—
Я там перекинулась с ней парой слов, — тихо сказала Юля, вернувшись. — Тебе это будет интересно.

Что именно? — Стас не понял, серьезно она говорит это или иронизирует.

—

Марина сегодня ночью должна была с подружкой ублажать Таганцева и его гостей. Подружку зарезали. Таганцев зарезал. Прямо на ее глазах. Она лишь чудом вырвалась от них...

Стас обхватил Юлю за талию, привлек к себе.

—

Послушай меня, Юльчонок! Послушай, что тут я без тебя разузнал...

И он рассказал Юле все, что держал в себе последние три дня и что уже несколько раз за сегодняшний, точнее, уже за вчерашний вечер пытался ей поведать.

Она слушала его, широко раскрыв серые глаза. Когда он изложил ей свой план, она только и спросила:

—

А ты уверен, что ребята на это согласятся?

—

Не знаю. Ты поговори с ними и убеди.

Юля с нежностью потрепала его по щеке и тихо сказала:

—

Ну вот, а ты все: «по закону, по закону»... С ними и надо по их закону разбираться!

Стас покачал головой:

—

Что Игорь Васильевич скажет на это?

—
А ничего не скажет. Если он мужик с головой, твой Игорь Васильевич, то скажет: правильно поступил! А иначе как? Неужели ты собирался эту записную книжку прокурору нести? Или, может, еще лучше: в городской уголовный розыск?

Из ванной вышла Марина, завернутая в банное полотенце. Она была очень бледна и вся дрожала.

—
Стас, можно я немного посплю... Я с ног валяюсь. А потом проснусь и расскажу тебе обо всем подробно Она... ввела тебя в курс событий?

—
Ввела, — кивнул Стас. — Ты мне только одно скажи, Марина. Ты точно видела, что Таганцев твою Таню... зарезал?

Лицо Марины исказила гримаса страдания. По ее щекам потекли слезы.

—
Я стояла перед ним, вот как перед тобой. Он достал какой-то длинный нож и раз-раз крест-накрест ударил ее по горлу. Кровища так и хлынула!

—
Крест-накрест? — переспросил Стас, волнуясь. — Ты видела? Крест-накрест ударил по шее?

—
Да! — истерически взвизгнула Марина. — Я же была рядом! На мое платье Танькина кровь хлестанула — ты что, не видел, все платье в крови?!

Юля подошла к ней и чуть не силой увела в комнату.

Стас дрожал. «Крест-накрест ножом по горлу... Как маму в той подворотне... Сволочь... Тебе, гад, не жить! Не жить!»

Он нервно заходил по кухне взад-вперед. Его душила ярость и ненависть, его душили слезы.

Вот он и получил последнюю улику, последнее доказательство вины Норвежца. Следствие окончено. Вина подозреваемого полностью доказана. Теперь остается привести в исполнение давно вынесенный приговор.

Вернулась Юля.

—

Что будешь делать? — тихо спросила она.

—

Как «что»? Ты же сама мне сказала что... — проскрежетал он.

—

Нет, я имею в виду конкретику. Как ты поступишь? Как достанешь его?

Стас сел за стол и обхватил руками голову. И в самом деле, как его выковырять из особняка?

—

Надо сделать вот что... — услышал он спокойный и ровный Юлин голос. — Завтра Марина, когда отоспится и успокоится, должна ему позвонить...

Марина проснулась только около трех часов пополудни. Пока она спала, Стас объехал всех трех бойцов службы безопасности адвокатского бюро «Щербак и партнеры» и переговорил с каждым. Уговаривать ребят ему не пришлось.

Леха Кувалда, Серега Антонов и Николаев согласились поехать с ним. Встретиться решили в десять вечера у пассажирского порта — место там было людное, шумное, и четверо молодых людей с девушкой не привлекли бы ничьего внимания.

С Мариной вызвалась поговорить Юля. Когда Стас вернулся домой, обе девушки сидели на кухне в мрачном молчании. Взглянув на них, он понял, что договориться им так и не удалось.

—

Отказывается, — бросила Юля. — Боится. Ну что с ней делать...

—

Марина, ты понимаешь... — начал Стас, но та его перебила, опять разрыдавшись.

—

Ну не могу я, не могу! Если я услышу его мерзкий голос, то сдохну прямо у телефонной трубки! Не могу! Хоть убейте...

Стас вопросительно поглядел на Юлю. Та уставилась на Марину и вдруг спросила:

—

А у тебя есть номер его мобильного?

Марина подняла на нее изумленный взгляд.

—

Есть... А зачем он тебе?

—

Давай. — Юля достала из сумочки свой сотовый. — У меня антиопределитель номера стоит! — Это замечание предназначалось Стасу. — Диктуй номер, героиня!

* * *

В таких ситуациях самое правильное — менять машины на трассе, чтоб на хвосте попеременно сидели две, а лучше три тачки, думал Сержант. Но у него не было и второй машины. Так что приходилось надеяться

на удачу, которая ему уже столько раз в жизни помогала, что он и со счета сбился. Если у этого хмыря Норвежца охрана толковая — обязательно заметят, что на всем пути от Рыбачьего поселка серая «Волга» за ними тенью бежит. А если заметят — жди пули в лобовое стекло. То, что эти ребята церемониться не будут, Сержант понял после встречи с «дровосеком» в лесу. Но там было легче: козлы вылезли из тачки и в открытую поперли на них. Эти могут и не вылезти. Во всяком случае, вылезут не все...

—

Ты бы, Трофимыч, как-нибудь ползком, что ли, — пошутил Степан, — они же нас засекут.

Май Трофимович закричал, по своему обыкновению.

—

Да, почитай, уже засекали. А что? Ну, такси и такси... Ты вокруг глянь, Виктор Иваныч, вокруг машин-то сколько. И такси, и частники. Не мы одни на дороге. А ежели что, останутся и нас остановят, так наше дело правое. Ты — художник, я — таксист. Едем в твой отель «Прибой». Кстати, это по дороге.

Сержант не стал спорить. Невозмутимость таксиста и его успокоила. Он стал смотреть в окно и думать о Владике.

Неужели и впрямь он тут сына найдет? Насколько Степан знал, у него когда-то был сын, Олег, кажется, который вместе с матерью погиб от взрыва мины, заложенной под автомобиль. Еще у Владика есть дочка Лиза, но она уже несколько лет живет и учится за границей. Он с ней видится редко, с большими перерывами. «А у меня? — с горечью подумал Степан. — Где мои детки? Разбросаны по белу свету. И вряд ли я их когда-нибудь увижу. А если и увижу, то вряд ли узнаю... Неправильно это: дети должны быть при родителях: сыновья — при отце, дочери — при матери...»

—

Приехали, Виктор Иваныч! — услышал он тревожный шепот. Барыкин резко бросил «Волгу» в переулочек направо и сразу затормозил. Сержант огляделся по сторонам и не увидел ничего.

—

Где

мы? Чего ты встал? — взволнованно спросил он у водителя.

—

Остановились они на Морском, недалеко от военкомата. Не мог же я парковаться прямо у них на хвосте! — с обидой буркнул Май Трофимович. — Выходи и за угол осторожно выгляни. Там они стоят.

Степан подумал-подумал, но собирать винтовку все-таки сейчас не стал, решив валить клиента в более подходящем месте. В каком именно, он пока что и сам не знал.

Выйдя из такси, он попросил Барыкина не глушить мотор и двинулся к переулочку. Степан успел как раз вовремя: навстречу ему с топотом выбежали два здоровяка в кожаных куртках и помчались, едва не сбив его с ног. Степан успел заметить, что они были вооружены. Куда же

эти лоси побежали? Он нащупал «беретту» во внутреннем кармане куртки и, быстро перейдя на противоположную сторону проспекта, вошел в дверь жилого дома. Отсюда можно было незаметно вести наблюдение за «мерседесом» Норвежца.

«Мерседес» и сопровождавший его джип были припаркованы возле краснокирпичной пятиэтажки с козырьком над центральным подъездом. Около «мерседеса» стояли четверо. В одном из них Сержант узнал Норвежца. Двое были явно охранниками, а третий... черт его знает, кем он был, но явно не рядовым телохранителем. Сержант мысленно окрестил его «шкафом» за внушительные габариты. Норвежец и «шкаф» медленно зашагали по тротуару, миновали кирпичное здание, прошли еще две постройки и остановились у десятиэтажного жилого дома с полукруглой аркой, ведущей, по-видимому, в подворотню. Оставив у входа в арку двух охранников, они исчезли во тьме.

Степану из его укрытия не было ничего видно, и он уже решил было снова выйти на улицу, как вдруг разглядел, что с охранниками, стоявшими около арки, поравнялись двое парней, без предупреждения одновременно выстрелили в них и тут же бросились в тот самый переулок, где стояла «Волга» Мая Трофимовича.

События развивались непредсказуемо и стремительно. Сержант выбежал из подъезда и, оглядевшись по сторонам, кинулся к арке. Охранники лежали на асфальте, не шевелясь и не издавая ни звука. Он, походя, наклонился над ними и понял, что оба мертвы. Стрелявшие оказались хладнокровными убийцами.

Он прижался к выщербленному краю кирпичной кладки и прислушался. Потом осторожно заглянул в арку. Это был довольно длинный, метров десять — двенадцать, проход, почти тоннель. В тоннеле было темно, но на фоне светлого проема на противоположном конце отчетливо виднелись две мужские фигуры — Норвежца и «шкафа».

Вдруг где-то в глубине квартала грохнули два выстрела. И тут же из тоннеля донесся сдавленный крик:

— Лифт! Вали ее!

Заглушая этот крик, прогремели еще два выстрела, гулким эхом прокатившиеся под сводами прохода. Достав «беретту», Сержант вбежал в арку и, прижавшись к стене, крадучись двинулся вперед. Метров через пять он наткнулся на лежащее на асфальте тело. Приглядевшись, он понял, что это Норвежец. Рядом с ним лежал, раскинув руки в стороны, «шкаф». До его слуха донесся рев автомобильного движка. Через несколько секунд все стихло.

Остаться здесь было нельзя. С минуты на минуту могли примчаться менты. Не хватало ему еще быть пойманным на месте чужого преступления...

Степан выбежал из подворотни и помчался обратно в переулок.

— Что там за выстрелы были, ты не слышал? — спросил он у Мая Трофимовича, усаживаясь с ним рядом. — Гони!

—

Слышал, Виктор Иваныч, как не слышать? И видел даже! — хриплым шепотом заговорил таксист. — Вон там стреляли, с той стороны, а потом оттуда, из переулка, прямо под уличный фонарь выскочил зеленый «опель» и рванул в сторону порта, наверно, на пятой передаче. Куда гнать-то? — жалобно добавил очумевший от ночных приключений Барыкин.

—

В Оленегорск, куда же еще... — Сержант устало откинулся на спинку сиденья. Он бросил взгляд на мирно лежавший сзади черный «дипломат», который ему так и не понадобился, и сокрушенно вздохнул. Ну и хрень! Чтобы кто-то снял его клиента прямо у него перед носом — такое с ним случилось впервые в жизни...

Эпилог

Варяг сидел на диване в просторной гостиной коттеджа и через огромное, во всю стену, окно любовался зимним пейзажем. Ночной мороз сковал своими ледовыми объятьями озеро, и, если бы оказались в доме у Самородова коньки, можно было бы прокатиться по свежему льду. Эх, давненько не стоял он на коньках — с самой Австрии, куда в феврале девяносто пятого забросила его воровская судьба...

В кресле напротив сидел Степан Юрьев, держа в руке стакан сока. У него был утомленный вид — как будто он не спал всю ночь. Вчера, уже за полночь, его доставил в Оленегорск таксист Барыкин, но Степан, находившийся в расстроенных чувствах, даже не стал ничего рассказывать, ограничившись лишь кратким рапортом: мол, клиент ликвидирован, все подробности завтра.

—

Значит, говоришь, целая команда была... — задумчиво повторил Варяг, — а кто, что, ты не в курсе.

—
Да, Владик, такое ощущение, что они его там подстерегали и знали наверняка, что он подъедет, причем не один, а с охраной. Выходит, следили за ним. Но вот что странно: ведь и я почти неделю в городе проторчал и за особняком его приглядывал, но никаких посторонних не видел. Они что, в шапках-невидимках работали, к что ли?

Варяг внимательно поглядел на друга и усмехнулся:

—
Степа, да не переживай ты так! Я же вижу: на тебе лица нет!

—
Как же тут не переживать! — вспыхнул Сержант и со стуком поставил стакан на журнальный столик. — Облом случился, Влад. Облом! Клиента увели...

Варяг не удержался от хохота.

—
Да брось ты! Ты же не миллионный гонорар потерял! Норвежца завалили, а это главное. А кто и как его завалил — дело уже десятое. Не будем же мы сейчас следствие открывать... Сегодня поедем в Москву, — добавил он, посерьезнев.

—
Ты же хотел с мальчишкой повидаться, — напомнил Сержант. Он собирался еще что-то добавить, но его перебила переливчатая трель мобильного телефона.

Варяг поднес трубку к уху.

—
Да, Игорь Васильевич... Да, у нас есть еще пара часов.

Он встал и подошел к окну. Достал пачку сигарет, молча закурил.

—
Знаешь, Степа, не помню, чтобы я когда-нибудь так волновался, как сейчас, — признался

Владислав. — С тех пор, как в первый раз на волю выходил... То освобождение я до конца своих дней не забуду. И сейчас... Сам не знаю отчего...

В прихожей хлопнула входная дверь и раздались приглушенные голоса. Варяг обернулся, глубоко затянувшись сигаретой. В гостиную вошел Самородов в сопровождении высокого черноволосого парня. Степан мельком взглянул в лицо парню и изумленно покачал головой. Варяг молча посмотрел на парня и сделал шаг навстречу. Парень остановился как вкопанный и уставился на него. Наступила неловкая пауза. Сержант, решив, что он тут явно лишний, подхватил стакан с недопитым соком и поспешно вышел из гостиной.

Самородов откашлялся и торопливо заговорил, стараясь снять возникшее напряжение:

—

Ну, прошу любить и жаловать! Это Владислав Геннадьевич Игнатов. Из Москвы. Приехал в Оленегорск по важному делу. А это Станислав Владиславович Щербак. О котором я вам, Владислав Геннадьевич, говорил. Наш молодой адвокат... — Он запнулся, поглядев на Сержанта и явно не зная, стоит ли представить Стасу спутника Игнатова.

—

Здравствуй, Станислав! — сказал Варяг и протянул руку черноволосому парню.

Парень пожал ее — коротко и сдержанно.

—

Здравствуйте! Игорь Васильевич сказал мне, что вы хотели со мной встретиться. Я вас слушаю...

Варяг чуть заметно улыбнулся и продолжал серьезно:

—

Это я хотел тебя послушать. Мы тут с Игорем Васильевичем беседовали, и случайно выяснилось, что... возможно... я с твоей мамой был когда-то знаком. Вот мне и захотелось уточнить все это...

Станислав исподлобья взглянул на Самородова.

Тот

чуть заметно кивнул: мол, давай говори, не робей.

—

Мама... умерла много лет назад. Ее убили, — тихо процедил он.

—

Я в курсе, — жестко произнес Варяг, не сводя глаз с парня. — Ты мне вот что скажи: ты не помнишь, она... она же вроде по медицинской части была. В начале восьмидесятых годов она в Пермской области не работала?

Парень ответил не задумываясь:

—

Да, с семьдесят восьмого по конец восьмидесятого она работала в Пермской области. Медсестрой в медсанчасти исправительно-трудового лагеря... Номера я не знаю.

—

Шестнадцать-добрь-сто четырнадцать, — как по писаному отчеканил Варяг. — Зато я знаю... Ну что, Станислав... Владиславович, а ты не догадываешься, зачем я хотел тебя повидать?

Стас неуверенно покачал головой и снова исподлобья метнул тревожный взгляд на Самородова.

Тот

стоял бледный, с напряженным лицом.

—

Ты знаешь, кто я? — спросил Варяг.

Стас облизал пересохшие губы кончиком языка.

—

Мне знакомо ваше лицо... Да, знакомо... Я вас где-то видел...

—

Я — твой отец!

Но Стас словно не услышал этих слов и продолжал говорить, глядя на Варяга в упор:

—

Я вспомнил! Как же... Игнатов Владислав Геннадьевич. Вы — вор в законе.

—

Я твой отец, — жестко повторил Варяг.

—

Надо же, — тихо произнес Стас, кусая губы. — Я вас... таким себе и представлял. Всегда...

Владислав, не докурив, бросил окурочек в пепельницу на журнальном столике и тут же закурил следующую сигарету.

—

Мне Игорь Васильевич только позавчера рассказал про то, что с твоей мамой случилось. С Ларисой... Я же ничего об этом не знал. Не знал, что она тебя зачала там, в Пермском лагере, где мы с ней... Не знал, что родила тебя в Мурманске. Не знал, что ее убил какой-то подонок... Его так и не нашли?

Лицо Стаса вдруг почему-то посветлело. И он с вызовом произнес:

—

Я искал его всю жизнь!

—

Искал? Трудно тебе, парень, было с этим жить! — Варяг тяжело вздохнул и положил ему руку на плечо. — Представляю, как трудно тебе было...

—

Было. Но больше не будет. Теперь полегчало. Я его нашел... — выдохнул Стас.

—

Кого ты нашел? — нахмурился Варяг.

Стас молча достал из кармана джинсовой куртки «вальтер» и положил на журнальный столик.

—

Этот ствол поставил вчера точку в деле об убийстве Ларисы Щербак, — тихо проговорил он. — Дело закрыто.

В гостиную вбежал Сержант с округлившимися глазами.

—

Влад, я что-то ни черта не понимаю! — воскликнул он. — Только что разговаривал с Трофимычем, так он говорит: у ворот стоит тот самый зеленый «опель», в котором вчера ушли те ребята, что грохнули Норвежца!

Варягу все стало ясно. Он скользнул взглядом по лежавшему на столике «вальтеру», потом подошел к Стасу и, обхватив его за плечи, крепко прижал к себе.